

ПЕЧАТЬ В ТУРЦИИ

А. Д. ЖЕЛТЯКОВ

**ПЕЧАТЬ
В ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
ТУРЦИИ**

А. Д. ЖЕЛТЯКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. А. ЖДАНОВА

А. Д. ЖЕЛТЯКОВ

ПЕЧАТЬ
В ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
ТУРЦИИ
(1729 — 1908 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Ответственный редактор

Ю. А. ПЕТРОСЯН

В книге рассматривается история зарождения и развития турецкого книгопечатания и прессы в Османской империи в XVIII—начале XX в. Главное внимание уделено показу роли прессы в общественно-политической и культурной жизни Турции этого периода. Исследование построено в основном на материалах оригинальных турецких источников.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование широкого круга проблем, связанных с формированием буржуазных норм общественно-политической и культурной жизни Турции, имеет первостепенное значение для правильного анализа и оценки общих тенденций развития турецкого общества, когда в нем совершалась смена феодальных порядков новыми, капиталистическими отношениями. В условиях такой отсталой, а затем и зависимой страны, какой была Турция на протяжении всей эпохи нового времени, процесс становления капиталистической формации и присущих ей правовых институтов и культурных явлений происходил замедленными темпами и отличался длительным сосуществованием и противоборством старого и нового в базисе и надстройке. В некоторых отношениях этот процесс не завершился и поныне, а потому его изучение представляет не только научный интерес, но и политическую актуальность.

Советские исследователи Турции — историки и филологи — проделали значительную работу, изучая социально-экономическое положение, политическую историю Османской империи в эпоху нового времени. Из области культурной жизни турецкого народа основательно изучена художественная литература. Однако в целом история турецкой культуры и ее взаимосвязь с факторами общественно-политического развития Турции, особенно до младотурецкой революции, освещены еще далеко недостаточно. Богатейший материал и новые, до сих пор еще очень мало использованные в науке возможности для глубокого исследования процессов в общественно-политической и культурной жизни Турции того периода дает турецкая печать, поскольку именно в ней они часто находили свое непосредственное и яркое выражение. Сначала книгопечатание, а позднее пресса и журналистика стали в Османской империи полем ожесточенной борьбы между феодальным классом и представлявшим его самодержавно-теократическим режимом и теми новыми общественными силами, которые выражали потребности капиталистического развития страны. Отсюда следует, что изучение истории печати Турции той эпохи — важное и необходимое условие анализа общих зако-

номерностей и специфических особенностей процесса становления в турецком обществе новой культуры и буржуазного правопорядка.

Настоящая работа ставит своей целью выявление и анализ основных этапов, направлений и особенностей развития турецкой печати от возникновения турецкого издательского дела в 1729 г. до младотурецкой революции 1908 г. Избирая 1908 г. конечным хронологическим рубежом исследования, автор исходил из того, что младотурецкая революция, явившаяся важной составной частью того мирового революционного процесса, который был охарактеризован В. И. Лениным как пробуждение Азии, открыла принципиально новый этап в развитии культуры и печати Турции. Кроме того, ограничение и без того достаточно широких хронологических рамок работы 1908 годом позволяет с большей целенаправленностью исследовать роль печати в борьбе против самодержавного режима, господствовавшего в Османской империи до младотурецкой революции, а также в многообразных и сложных явлениях общественно-политической и культурной жизни страны изучаемого периода. История турецкой печати при младотурках — задача самостоятельного исследования.

В основных своих материалах и разделах настоящая монография посвящена изучению турецкой периодики. Однако, принимая во внимание тот факт, что в течение первого столетия своего существования турецкая печать была представлена только книгами, а равно несомненную связь прессы с книгоиздательским делом, автор рассматривает специально (для XVIII — первой половины XIX в.) или попутно (для середины XIX — начала XX в.) также и развитие турецкого книгопечатания. История книгопечатания в Турции, тесно связанная с процессом становления светского образования и распространением в турецком просвещенном слое научных знаний, дает возможность более полно представить общий культурный фон, который влиял на развитие турецкой прессы, и показать ее деятелей, часто совмещавших в себе книгоиздателей и писателей, владельцев газет и журналистов.

В многонациональной Османской империи книгопечатание и пресса были представлены на разных языках. В настоящей работе в соответствии с основной ее задачей рассматривается преимущественно турецкая печать. За немногими исключениями, имеющими отношение к основной теме, остаются в стороне и печатные издания иностранцев. Излагая историю печати, автор, как правило, не задерживался на общеизвестных исторических событиях, не освещал специально историю отдельных отраслей культуры и науки Турции, хотя их развитие было, естественно, связано с книгопечатанием и прессой.

Методологической основой настоящего исследования яв-

ляется исходный тезис основоположников исторического материализма, оценивавших печать как один из важнейших продуктов и средств духовного производства, как инструмент борьбы классов [см. 5, стр. 46]. Применительно к изучению основных процессов, происходивших в турецком обществе XVIII—начала XX в., не менее важны марксова оценка книгопечатания как великого открытия, перевооружившего — наряду с другими достижениями человечества — его производительные силы [2, стр. 361], и прямое указание К. Маркса на то, что книгопечатание явилось одной из необходимых предпосылок буржуазного развития [3, стр. 262]. Пониманию исторических условий, в которых возникла и развивалась турецкая печать, и выявлению ее роли в жизни Турции неоценимую помощь оказывают также известные работы К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых они характеризовали экономическое и политическое положение Османской империи, борьбу держав в «восточном вопросе» и конституционное движение 60—70-х годов XIX в. [см. 3; 4; 6—8].

Для оценки политической значимости и социальной роли турецкой печати последней трети XIX—начала XX в. принципиально важны основополагающие ленинские характеристики империализма, определение буржуазной печати как орудия «обмана и одурачения для массы трудящихся» [19, стр. 329]. Так как один из важнейших аспектов предлагаемого исследования — анализ турецкой вольной прессы рубежа XIX—XX вв., особое значение имеют для него труды В. И. Ленина, в которых даны характеристики младотурецкого движения и революции 1908 г. [см. 11—13; 15; 17].

В отечественной исторической науке данная тема не была предметом специального монографического исследования. Вместе с тем в работах ряда русских и советских востоковедов можно почерпнуть немало ценных фактов и наблюдений по отдельным частным вопросам истории книгопечатания и прессы Турции. Среди них особое место занимают опубликованные в 1912 г. «Очерки по новой османской литературе» В. А. Гордлевского [151]. Интересные факты сообщает также в своих заметках о культурной жизни Стамбула 70-х годов XIX в. В. Д. Смирнов [31]. Географические издания Ибрагима Мутеферрики охарактеризованы И. Ю. Крачковским [167].

В советский период, особенно в последние два десятилетия, был опубликован ряд работ, посвященных истории периодической печати Турции или имеющих к ней отношение. Однако их авторы специально анализировали прессу республиканского периода или только последнего десятилетия существования Османской империи, лишь попутно касаясь предшествующей эпохи. Беглые замечания о турецкой периодике до революции 1908 г. содержатся в очерке об анатолийской

печати К. Юста [196], в книге Э. Ю. Гасановой об идеологии младотурок после их прихода к власти [148], в брошюре А. Х. Ибрагимова о периодической печати Турецкой Республики [164]. Единственная специальная работа по теме — статья Ю. А. Петросяна о двух сатирических газетах младотурок [185].

Многие журналисты и издатели Турции были вместе с тем и виднейшими турецкими писателями, творчество которых не раз исследовалось советскими литературоведами. В настоящей работе учтены по возможности все относящиеся к теме данные трудов Л. О. Алькаевой [143; 143а], В. С. Гарбузовой [147], Х. Кямилава [168] и др., а также материалы книги по истории просвещения в Турции в новое время, написанной автором совместно с Ю. А. Петросяном [161].

Поскольку в предлагаемой работе главным было выявление роли печати в общественно-политической и культурной жизни турецкого общества, автор широко использовал материалы и выводы советских туркологов, исследовавших проблемы истории Османской империи в эпоху нового времени. В этом отношении существенно важными были известные в науке монографические и обобщающие труды А. Ф. Миллера [170—174] и А. Д. Новичева [176—179]. В освещении проблем, связанных с деятельностью «новых османов» и младотурок, автор настоящей работы постоянно учитывал материалы и положения, сформулированные в двух монографиях Ю. А. Петросяна [180; 186].

Предлагаемая работа построена главным образом на материалах турецких первоисточников. Важнейшим из них является вольная пресса «новых османов» и младотурок.

Из *нелегальных* изданий «новых османов» автор располагал почти полными комплектами их главных газет — «Мухбир» и «Хюрриет». Издававшаяся в Лондоне «Мухбир» представлена в Национальной библиотеке Турции лишь разрозненными номерами [106], а ее полного комплекта нет даже в Британском музее [280, стр. 32]. До самого недавнего времени «Мухбир» считалась у нас утраченной, и лишь недавно ее единственное в СССР собрание было вновь обнаружено в фондах ЛО ИВАН СССР. Материалы этой газеты до настоящего времени советскими историками не привлекались¹. Очень мало известна в нашей науке и «Хюрриет» — самая авторитетная среди «новых османов» газета, единственный комплект которой хранится в библиотеке Восточного факультета ЛГУ.

Из собрания вольной периодики младотурок в библиотеке при ЛО ИВАН были обнаружены неполные комплекты газет

---

¹ Перед Великой Отечественной войной газету «Мухбир» читал Х. И. Муратов (1907—1941), работавший над диссертацией об Али Суави.

«Шура-и уммет» (1902—1908 гг.), «Османлы» (1898—1904 гг.), «Мизан» (1896 г.), «Канун-у эсаси» (1897—1898 гг.), «Хак» (1899 г.), «Анадолу» (1902 г.) и некоторых других.

Для воссоздания истории вольной печати младотурок этого фонда было недостаточно. Однако в 1968 г. во время командировки в Болгарию советский историк Ю. А. Петросян обнаружил ряд эмигрантских изданий младотурок в библиотеке им. Ив. Вазова в Пловдиве. Благодаря большой любезности болгарских коллег были получены и стали доступными автору в микрофильмах газеты «Османлы» (1897—1904 гг.) «Мизан» (1897 г.), «Ферьяд» (1905—1906 гг.), а также отдельные номера сатирических газет младотурок «Беберухи» и «Долаб» (1898—1899 гг.).

Наконец, в работе были использованы младотурецкие эмигрантские газеты, случайно сохранившиеся в Констанце (Румыния) у вдовы основателя первой ячейки общества «Единение и прогресс» Ибрагима Темо—Нафие Темо². Среди примерно двух десятков экземпляров этого собрания оказались очень важные по содержанию номера газеты «Османлы» (1900—1903 гг.), «Шура-и уммет» (1907—1908 гг.), «Хак» и «Хакк-ы сарих» (1899—1900 гг.), а также «Мешверет» на французском языке (1899—1907 гг.).

Таким образом, в распоряжении автора оказалось достаточно полное собрание вольной периодики «новых османов» и младотурок. Изучение турецкой вольной печати позволило установить ее роль в формировании их идеологии, расширить наши представления об их социально-политических концепциях, критически рассмотреть специфические черты турецкого буржуазно-либерального реформизма.

Вторую важную группу источников для изучения поставленной проблемы образуют *легальные* органы турецкой периодики. В работе использованы крупнейшие стамбульские газеты: «Джериде-и хавадис» (1847—1855 гг.), «Вақыт» (1878—1883 гг.), «Терджюман-и хакикат» (1887—1896 гг.), «Сервет», «Саадет» и «Тарик» (1891—1892 гг.), «Икдам» (1897—1907 гг.). Некоторые турецкие газеты, выходившие в период борьбы за конституцию 1876 г. («Басирет», «Вақыт»), охарактеризованы с использованием публикации их основных материалов в сборнике «Парламент в Турции» [82]. Для изучения процессов политической и культурной жизни Турции конца XIX в. были привлечены общественно-литературные, научно-популярные и школьные журналы: «Манзара» (1887—1888 гг.), «Ресимли газете» (1890—1892 гг.), «Мектеб» (1891—1894 гг.), «Маариф» (1891—1896 гг.), «Малюмат» (1895—1896 гг.). Материалы этих периодических изданий, дополнен-

---

² Эти газеты — часть небольшой коллекции младотурецких изданий, переданных вдовой Темо Ю. А. Петросяну [см. 181а].

ные данными других источников и исследований, в первую очередь турецких, позволяют (несмотря на отдельные лакуны) получить достаточное представление об объеме и характере информации, которую давала местная турецкая пресса своим читателям, и вместе с тем выяснить, в какой мере она была способна содействовать культурному и политическому развитию турецкого общества.

Важнейшими источниками для выявления и характеристики основных направлений развития турецкого книгопечатания являются аннотированные перечни изданных в Турции книг, которые составлялись и на протяжении 30—90-х годов XIX в. публиковались в ведущих востоковедных журналах такими авторитетными исследователями, как Хаммер, Шлехта-Вшерд, Бьянки, Белен, Юар [108—129; 131—137]. Сочетание и сопоставление их списков с данными опубликованных позднее каталогов книжных издательств и библиотек, документированными описаниями книжных публикаций, тематическими и авторскими библиографиями [103—105; 107; 206; 234; 241; 242; 290; 293; 298—301; 305; 309], а также с каталогами и фондами турецкой книги в хранилищах Москвы и Ленинграда помогают ответить на главный вопрос темы о роли турецкой печатной книги в распространении светских знаний.

При изучении правового положения турецкой печати в Османской империи автор опирался на документальные акты по вопросам печати, вошедшие в официальный свод законов — «Дюстур» [79; 84; 85], а также в фундаментальное собрание С. Р. Искита «Режим печати в Турции» [88], в котором воспроизведены подлинные тексты султанских ираде, распоряжений Порты, материалы прений по законопроекту о печати в первом османском парламенте и другие документы, регулировавшие правила издания и распространения книг и газет, функции цензуры, авторское право, условия ввоза в Турцию иностранных изданий. Привлечены и неизвестные ранее постановления, обнаруженные в турецких газетах.

В работе использованы некоторые материалы Архива внешней политики России: отдельные сообщения русских дипломатов из Турции, подборки турецкой прессы, вырезки из европейских газет [20—27].

Полезной для данного исследования была мемуарная литература. Путевые заметки французских путешественников Мишо и Пужуля [99], обширная частная переписка Намыка Кемаля [89], воспоминания Ахмеда Расима [77], Ахмеда Ихсана [86], Тахсина Паши [90], свидетельства европейцев, соприкасавшихся с абдулхамидовской цензурой [80; 96], и другие издания очевидцев событий в Турции тех лет [31—34; 77; 93; 94; 108—129; 169; 198—201; 212; 289; 291; 296; 307] позволяют лучше понять обстановку, в которой находились турецкая печать, писатели и журналисты.

Хотя зарубежная историческая наука не создала сводных работ по истории турецкого книгопечатания и прессы, труды иностранных авторов дали много сведений, полезных и необходимых для разработки ряда вопросов. Наиболее обширный фактический материал дает турецкая историография. Еще в 1910—1912 гг. на страницах «Тарих-и Османи энджумени меджмуасы» («Журнал Османского исторического общества») были помещены статьи о возникновении турецкого книгопечатания [208]. Однако первые серьезные работы о нем появились только в республиканский период. Селим Нюзхет (Герчек) в книге «Печатное дело в Турции» [206; 241] рассказал о зарождении турецкого книгопечатания, Ибрагиме Мутеферрике и его первых изданиях, изложил некоторые факты истории книгопечатания на турецком языке до конца XVIII в. Ему же принадлежит очерк о первых в Турции литографиях [242]. О состоянии турецкого книгопечатания в XVIII в. писали позднее А. А. Адывар [213], Х. Р. Эртуг [236], О. Эрсой [234] и др. При этом турецкие историки проявляют тенденциозность в освещении обстоятельств возникновения турецкого книгопечатания. Они обходят полным молчанием действовавшие на захваченных турками землях славянские, венгерские и румынские типографии, явно преуменьшают роль немусульманских подданных империи в становлении книгопечатания на турецком языке и склонны умалить заслуги турецкого первопечатника Ибрагима Мутеферрики, венгра по происхождению, при одновременном выдвигании на первый план турецкого сановника Саид-эфенди. Только Н. Беркес [221] показывает Мутеферрику как передового мыслителя и культурного деятеля Турции XVIII в., увидевшего в книгопечатании важный рычаг прогресса страны. Истории книгоиздательского дела в Турции в XIX—начале XX в. специально уделил внимание только С. Р. Искит [249]. В его книге дается общий обзор издательского дела в Турции и сделана попытка показать связь роста книгопечатания с развитием светских школ в стране. Воссозданию более полной истории турецкого книгопечатания в новое время служили материалы «Истории просвещения в Турции» О. Эргина [233], сборника «Танзимат» [214; 239; 263; 268; 274; 282; 285], а также разнообразные литературоведческие исследования и очерки о выдающихся деятелях турецкой культуры того периода.

Столь же недостаточно и неравномерно изучена в Турции история ее прессы. Опубликованные в 1914 г. очерки журналиста Ахмеда Эмина [289] ныне представляют интерес только с точки зрения характеристики двух-трех газет «эпохи зулума». До 50-х годов XIX в. турецкая историография вопроса была представлена лишь «Турецкой журналистикой» С. Нюзхета [266], которая ценна не столько беглыми и во многом

случайными характеристиками турецких газет 1831—1881 гг., сколько воспроизведением десятков клише их первых полос. В течение последних лет были опубликованы: университетский курс лекций Х. Р. Эртуга [237], дающий описание первых четырех турецких газет, компилятивный очерк А. Пармаксызоглу [264] и популярная книга Э. Б. Шапольо [272]. Полезные статьи по истории турецкой прессы публикуются в выходящем с 1960 г. «Ежегоднике» Института журналистики Стамбульского университета. При характеристике режима печати в работе использованы документированная монография С. Р. Искита [250], а также очерки Н. А. Баноглу [215, 216] и М. С. Чапаноглу [224]. В целом, описывая издания: внутренней периодики, турецкие ученые уделяют основное внимание их литературным достоинствам и техническому совершенству и почти не касаются их политической направленности.

Турецкие ученые приводят в своих исследованиях ряд важных фактов из истории вольной печати «новых османов» и младотурок. Характеристики отдельных органов их периодики, а также сведения об издателях и журналистах содержатся в работах по новой истории Турции Э. З. Карала [253], Ю. Х. Баяра [220], А. Б. Курана [256; 257], в труде М. Дж. Кунтая о Намыке Кемале [255], в публикации Т. З. Туная [276]. Хотя в работах этих авторов «новые османы» и младотурки не представлены как выразители интересов нарождающейся турецкой буржуазии и соответственно они не видят в публицистике, возникшей во второй половине XIX в., орудия борьбы новой социальной силы против старых порядков и традиций, их материалы дают возможность теснее связать развитие печати, особенно прессы, с событиями политической и общественной жизни Турции того периода.

В 1969 г. вышла книга Дж. О. Тютенгиля «Турецкая журналистика в Англии от „новых османов“ по настоящее время» [280] — первый опыт исследования подобного рода. Она полезна сводкой материалов по отдельным темам, которые обсуждались, в частности, на страницах газет «Мухбир» и «Хюрриет».

Перечисленные работы турецких авторов носят в основном фактографический характер. В отличие от них Н. Беркес и Ш. Мардин ставят своей задачей проследить некоторые тенденции общественно-политического и культурного развития Турции в новое время, широко привлекая при этом материалы турецкой печати. Н. Беркес в книге «Развитие секуляризма в Турции» [294] стремится выявить причины, побудившие наиболее дальновидных деятелей Османской империи задуматься над необходимостью реформы ее государственного строя. Он видит их в идейном и культурном влиянии Запада на элиту турецкой светской бюрократии и явно недооцени-

вает факторы внутреннего развития страны. Но, несмотря на эту вестернизаторскую концепцию, исследование Н. Беркеса дает много нового для понимания роли печати в становлении светской культуры в Турции.

Материалами для изучения истории турецкой печати, особенно вольной прессы, более других насыщены труды Ш. Мардина. В его «Генезисе идеологии „новых османов“» [304] хорошо показан эклектизм политических концепций турецких реформаторов и либерал-конституционалистов 60—70-х годов XIX в., противоречивость выдвигавшихся ими положений, различия в их политических симпатиях. Исследование аналогичных процессов на рубеже XIX и XX вв. нашло свое продолжение во второй работе Ш. Мардина — «Политические идеи младотурок» [260], в которой еще больше использованы материалы вольной прессы. Рассматривая идеологию «новых османов» и младотурок, Ш. Мардин оперирует газетными материалами и порой удачно группирует их по темам. Но его идейно-теоретические позиции не позволяют ему вскрыть социальные корни тех политических и культурных процессов, проследить которые он взялся, и дать должную оценку как противоборствовавшим в Османской империи силам, так и выражавшим их интересы печатным изданиям. Ш. Мардин не дает критического анализа доктрин османизма и панисламизма, которые пропагандировались в турецкой прессе, в том числе в эмигрантской. Он не видит того, что эта пресса никогда не обращалась к трудящимся массам Турции. Как и другие турецкие историки, Ш. Мардин игнорирует влияние русской революции 1905 г. на развитие революционного процесса в Турции, хотя доказательства этого нетрудно найти в вольной прессе младотурок.

В европейской исторической науке специальному изучению подвергался лишь начальный этап книгопечатания в Турции. Этому, в частности, посвящены этюд Ф. Бабингера [292] и работа А. Симонффи [309]. Краткий обзор книгопечатного дела и газет включил в свои «Письма о Турции» А. Убичини [311]. Поль Феш в своей книге «Константинополь в последние дни Абдул Хамида» [296], написанной с позиций группы принца Сабахеддина, приводит и некоторые важные документы и личные впечатления о турецкой печати и условиях ее существования накануне младотурецкой революции 1908 г.

Таков в основном круг наиболее важных источников и пособий, которые автор настоящей книги смог разыскать, получить и использовать при разработке данной темы. За пределами его возможностей оказалось ознакомление с рядом органов внутренней и эмигрантской турецкой периодики: судя по каталогам, не все из них представлены даже в турецких библиотеках. Имеющаяся исследовательская литература также не сообщает всех нужных сведений как о газетах, так и

о книжной продукции турецких издательств, особенно в последнее десятилетие царствования Абдул Хаида II.

Автор рассматривает свою работу как первый опыт исследования книгопечатания и прессы Турции в эпоху нового времени и предполагает в будущем продолжить его как в хронологическом, так и тематическом аспектах.

Автор считает своим долгом поблагодарить всех сотрудников кафедры Истории стран Ближнего Востока ЛГУ и отдела Ближнего и Среднего Востока ИВАН СССР, принявших участие в обсуждении этой работы. Он приносит свою признательность также доктору исторических наук, проф. А. Ф. Миллеру и доктору исторических наук Ю. А. Петросяну, оказавшим помощь автору предоставлением ряда материалов из личных библиотек и советами при подготовке рукописи к изданию.

Глава I

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ТУРЦИИ

Первым знакомством с печатной книгой турки обязаны народам Балкан и Юго-Восточной Европы. Уже в 70-х годах XV в. на завоеванной турками территории Балкан начинают распространяться отпечатанные в Венеции книги на греческом и славянских языках. Венеция, которая в XV—XVI вв. была одним из крупнейших центров книгопечатания, издавала для Балкан книги, используя кириллицу, глаголицу, боснийский, греческий, армянский и еврейский шрифты. На исходе XV в. венецианские типографы стали также продавать эти шрифты «тем печатникам, которые лично выезжали в Балканские страны» [165, стр. 192—193]. В конце XV—начале XVI в. у народов Центральной и Юго-Восточной Европы возникло собственное книгопечатание. В Венгрии оно появилось в 1473 г., т. е. до присоединения ее к Турции. В монастыре Цетинье, в Черногории, окруженной со всех сторон турецкими владениями, первые книги кириллицей монах Макарий отпечатал в 1493—1495 гг., а возможно, даже в конце 80-х годов XV в. В Валахии книги стали выходить в 1508 г. К середине XVI в. книгопечатание кириллицей осуществлялось в ряде монастырей и городов Боснии, Герцеговины, Сербии, Болгарии, а также в Валахии и Трансильвании [152, стр. 3—9; 195, стр. 5—10]. Деятельность типографий славян, греков, румын и венгров давала туркам возможность сравнительно рано познакомиться с печатной книгой.

В конце XV в. началось печатание книг наборным шрифтом и на территории Турции в ее нынешних границах. В Стамбул первый печатный станок привезли евреи, которые прибыли в Турцию из Испании после известного эдикта 1492 г. В 1494 г. два иммигранта, братья Давид и Самуэль Нахмес, выпустили в Стамбуле свою первую печатную книгу — Моисеево «Пятикнижие». Типография братьев Нахмес действовала в Стамбуле не менее двух десятков лет. С 1510 до 1520 г. в Стамбуле было создано еще восемь еврейских печатен. Затем они возникли в других городах Османской империи — в Салониках (около 1512 г.), Халебе (1519 г.), Эдирне

(1554 г.), Дамаске (1605 г.). Всего в разные годы XVI—XVIII вв. на территории Османской империи было не менее 30 еврейских типографий, в том числе 10 в Измире. Трудно судить об объеме печатной продукции этих типографий, но, по мнению авторитетных турецких ученых, она была значительной [213, стр. 146, 234, стр. 55—56]. По содержанию и назначению это были главным образом религиозные книги, но выходили также и светские произведения — по истории, грамматике и др. [305, стр. 1103—1106].

В XVI в. начало развиваться книгопечатание у турецких армян. Первая армянская типография в Стамбуле была основана в 1565 г. Абгаром Токатеци, который изучал печатное дело в Венеции. Получив поддержку патриарха Микаэла Себастеци, Абгар в 1567 г. приступил к делу и за четыре года выпустил семь армянских книг, в том числе «Грамматику» (1567 г.), «Месяцеслов» (1568 г.), «Песенник» [206, стр. 18—19] и др. В конце XVI и в XVII в. в Турции появился ряд армянских типографий, среди них в 1697 г. типография армянской патриархии¹. Помимо религиозных книг армянские издательства в Турции выпустили немало ценных книг светского содержания. В XVIII в. в Стамбуле были впервые напечатаны сочинения древнеармянских историков Агафангелоса (1709 г.), Зноба Глака (1719 г.), Фавстоса Бузанда (1730 г.), Егише (1764 г.). Армянская типография, созданная в 1762 г. в Измире, выпустила сочинение армянского философа V в. Езника Кохбаца «Опровержение ересей». В 1771 г. была основана армянская типография в Эчмиадзине [145, стр. 22, 32; 305, стр. 1096—1111].

Первую греческую типографию в Стамбуле основал в 1627 г. монах Никодemos Метаксас, привезший необходимое оборудование из Лондона. Появление греческой типографии встревожило могущественную корпорацию обосновавшихся в Стамбуле французских иезуитов. По их наущению янычары разгромили типографию Метаксаса, и сам он вынужден был покинуть Стамбул [206, стр. 19—21]. Однако воспрепятствовать развитию греческого книгопечатания в Турции французские католики не смогли. Как отмечал А. Убичини, в Турции в середине XVII в. «греческие и армянские печатни работали на полный ход» [311, стр. 243]. Греческое патриаршество в Стамбуле распространяло среди православного населения Османской империи (греков, болгар, сербов и др.) большое количество религиозной литературы — преимущественно продукцию грекоязычных типографий как в самой Турции, так и за ее пределами [130, т. I, стр. 194—200; т. V, стр. 229—230; 305, стр. 1104—1113].

¹ Каталог выпущенных ею книг с 1697 по 1823 г. см. [102, стр. 529—530].

Таким образом, к началу XVIII в. на территории Османской империи существовало несколько десятков типографий, основанных выходцами из еврейской, армяно-григорианской и греко-православной общин [см. 156, стр. 47—50]. Эти типографии были достаточно хорошо оснащены технически, располагали опытными мастерами по гравировке, литью шрифтов, набору и изданию книг. Ежегодно они выпускали многие десятки печатных книг. За время их работы книгопечатание в Османской империи превратилось в достаточно распространенное и известное ремесло.

Возникает, однако, естественный вопрос: почему оно столь долго не было воспринято представителями господствующего народа — турками, не стало достоянием турецкой культуры? Большинство исследователей объясняет это правовым положением типографий в Османской империи в средние века. Еще в середине прошлого века некоторые европейские авторы писали, без ссылок на документы, что в 1483 г. султан Баязид II выпустил ферман, который устанавливал смертную казнь за издание книг печатным способом, и что этот ферман в 1515 г. был подтвержден Селимом I [295, стр. 512; 297, стр. 709]. Между тем тексты этих или подобных им ферманов не обнаружены. Однако совершенно очевидно, что печатание книг на языках немусульман в Османской империи той эпохи не воспрещалось. Турецкие власти предъявляли к типографиям славян, армян, греков и евреев лишь два жестких требования: не печатать никаких книг на турецком, персидском и арабском языках и не выпускать таких публикаций, которые призывали бы к неповиновению. Только с развитием национально-освободительных движений угнетенных народов империи в XVIII и особенно в XIX в. Высокая Порта стала постоянно преследовать их печать, закрывать их типографии как центры «подстрекательства к мятежам» [234, стр. 21, 47].

Хотя всем типографиям, которые создавались на территории Османской империи, ее христианами и иудейскими подданными, запрещалось печатать книги, которые могли бы читать мусульманское, в частности турецкое, население, образованные турки могли знакомиться с такими книгами по иностранным изданиям. Первая книга на арабском языке — «Евангелие(?)» — вышла в свет в итальянском городе Фано в 1514 г. В 1516 г. в переводе на арабский язык вышел сборник псалмов. В европейских типографиях, располагавших арабским шрифтом, в XVI—XVII вв. печатались переведенные на арабский язык христианские богословские книги, которые предназначались для миссионеров, ехавших на мусульманский Восток пропагандировать христианство. Но уже в 1542 г. был издан Коран, несколько позднее появились и отдельные научные труды, изданные по арабским рукописям:

знаменитый «Канон» Ибн Сины (1593 г.), Эвклидова «Геометрия» и другие книги светского содержания. В 1612 г. была опубликована турецкая грамматика итальянца Иеронима Мегизера, а в 1630 г. — француза де Рьё. В 1665 г. в Риме вышел итальяно-турецкий словарь капуцинского монаха Бернардо, а в 1680 г. Менинский издал в Вене свой известный арабо-персидско-турецкий лексикон [206, стр. 11—13].

Юридически ввоз арабо- и туркоязычных изданий в Османскую империю был разрешен не сразу. Только в 1588 г. султан Мурад III подписал ферман, который позволял ввоз и продажу в пределах османского государства предпринятого в Риме арабского издания «Основ геометрии» Эвклида [234, стр. 61]. Но отсюда вовсе не следует, что, как утверждает И. Х. Данишменд, со времен Мурада III на турецком рынке свободно продавались книги на арабском, турецком и персидском языках, издаваемые в Европе [226, стр. 16]. Ферман 1588 г. положил начало лишь ограниченному распространению в Турции иностранных книг на этих языках. Особенно же турецкие власти противились ввозу в страну напечатанных в Европе мусульманских религиозных книг. Они объявлялись «нечистыми» и уничтожались. Султан Мехмед IV, например, приказал утопить все экземпляры Корана, которые привез с собой в Стамбул один англичанин. По приказу того же султана был утоплен и присланный ему в дар из Венеции арабский шрифт [292, стр. 8].

Хотя вплоть до 40-х годов XIX в. для ренегатов ислама предусматривалась смертная казнь и случаи перехода из мусульманской религии в христианство были очень редки, Высокая Порта не разрешала распространения среди мусульман переведенных на арабский или турецкий язык христианских религиозных книг и тем более их издание на территории империи. В частности, когда в начале XVIII в. иезуиты попытались издавать такие книги в своих типографиях в османских землях, турецкие власти не раз закрывали их [234, стр. 21]². Тем не менее техника книгопечатания была известна не только инонациональным, но и турецким мастерам. Еще де Брев, французский посол в Стамбуле с 1589 по 1611 г., заказывал местным мастерам изготовление турецких шрифтов. Отбывая на родину, он взял с собой несколько турецких ходжей и с их помощью организовал в Париже типографию, печатавшую книги на восточных языках [206, стр. 13—14].

Главные причины отставания турок в организации своего

---

² Тем не менее подпольные типографии в христианских монастырях в Леванте действовали. Наряду с этим даже в XVIII в. там применялся и ксилографический способ издания. Так, в 1706 г. в Халебе иезуиты отпечатали «Псалмы Давида». Книга эта объемом в 280 стр. долгое время по ошибке считалась первым наборным изданием арабским шрифтом в пределах Османской империи.

книгопечатания от Европы и от немусульманских подданных империи состояли в господстве феодально-деспотических порядков, общей культурной отсталости страны, невежестве и неграмотности подавляющего большинства населения. Важнейшим непосредственным препятствием на пути турецкого книгопечатания было мусульманское духовенство, целиком державшее в своих руках контроль над интеллектуальной жизнью общества, просвещением, культурой. Оно яростно противилось любым нововведениям, которые могли уменьшить его власть, фанатично отвергало любые заимствования у «неверных», у «гяуров» Европы; фанатизм и высокомерие мешали ему учиться и у «презренных райя» из числа христиан и иудеев — подданных империи. Книгопечатание было отнесено к разряду греховных, «гяурских изобретений» (гяур иджады) именно потому, что, способствуя распространению знаний, просвещения, оно подорвало бы безусловную веру в религиозные догматы ислама и положение многочисленного сословия культа [249, стр. 5; 277, стр. 14].

Другой значительной общественной силой, выступавшей против введения книгопечатания на турецком и арабском языках, были переписчики рукописных книг — хаттаты (каллиграфы). По некоторым данным, в XVIII в. в одном Стамбуле насчитывалось не менее 15 тыс. хаттатов, а во всей стране — до 90 тыс. [311, стр. 245; 226, стр. 16]. Хаттаты объединялись в цехи и были теснейшим образом связаны с мусульманским духовенством, поскольку главной их продукцией являлись книги религиозного содержания. Введение и распространение книгопечатания на основных языках мусульманского населения Османской империи — турецком и арабском — грозило подорвать в корне их ремесло и лишить средств существования.

Немаловажным фактором, сдерживавшим переход к книгопечатанию, была также сила традиций. Образованные турки и вообще мусульмане, прежде всего верхушка светских и духовных феодалов и бюрократии, привыкли к рукописной книге. Обычай создавать библиотеки рукописной книги и завещать их в вакуф был освящен веками и считался богоугодным. Кроме того, рукописные книги ценились и как произведения искусства. Печатная книга нередко внешне проигрывала в сравнении с рукописной, переписанной умелой рукой каллиграфа, изукрашенной орнаментом, миниатюрами.

Однако в XVIII в. в международном и внутреннем положении Османской империи произошли изменения, которые значительно ослабили препятствия на пути возникновения турецкого книгопечатания. На рубеже XVII и XVIII вв. с особой очевидностью проявилось экономическое, политическое, научно-техническое и военное отставание Турции от вставших на капиталистический путь развития передовых стран Евро-

пы. Его прямым следствием было жесточайшее за всю историю империи поражение в войне с коалицией Священного союза, приведшее к ошутимым территориальным потерям. Под знаком тяжелых военных поражений начался и прошел весь XVIII век. Османская империя переживала тяжелый экономический и политический кризис. Растущий сепаратизм феодальных правителей и подъем народных и антитурецких восстаний вели ее к распаду. Все ошутимее проявлялась экономическая и культурная отсталость господствующего народа — турок — по сравнению со многими другими, особенно балканскими народами, которые были покорены османскими завоевателями в средние века. Эти тенденции, с достаточной определенностью наметившиеся уже в первые десятилетия XVIII в., заставили турецкие правящие круги искать выхода из культурной изоляции, в которой до того времени пребывало османское государство.

Политическая реальность толкала Порту к тому, чтобы внимательнее присмотреться к государственному устройству, научно-техническим достижениям, культуре передовых государств Европы той эпохи, в том числе петровской Руси. Наиболее передовые и образованные деятели, в частности сад-разам (великий везир) Ахмеда III Ибрагим-паша Невшехирли, начали понимать бесплодность враждебного отношения к немусульманскому миру. С XVIII в. международные связи Османской империи с Европой начинают возрастать. В Стамбул стали приглашать европейских ученых, литераторов, художников. Более частым стал обмен посольствами [253, т. V, стр. 55].

В 1720 г. Ахмед III отправил во Францию посольство, которое возглавил Мехмед Челеби по прозвищу Йирмисекиз³. В отличие от многих других турецких посольств задачи посольства Мехмеда Челеби не ограничивались дипломатическими функциями. Оно пробыло во Франции четыре года и подробно ознакомилось с политическим устройством и общественной жизнью Франции, ее научно-техническими и культурными учреждениями, интересовалось некоторыми отраслями промышленности, в частности ковроткачеством и изготовлением зеркал. Самое пристальное внимание посольства привлекала работа парижских типографий. Более детально техникой книгопечатания во Франции интересовался сын главы посольства и его секретарь Саид-эфенди. В 1724 г. посольство представило султану доклад о том, что оно увидело во Франции, который, по определению Э. З. Карала, «является для османов первым окном, открывшимся на Запад» [253, т. V, стр. 56]. В посольском отчете давалось описание работы

---

³ Йирмисекиз — по-турецки значит 28, и прозвище это указывает на то, что Мехмед Челеби вышел из 28-й роты (орта) янычар.

парижских типографий, говорилось о преимуществах книгопечатания, и он явился внешним толчком, ускорившим организацию книгопечатания на турецком языке.

Внутренняя обстановка в Турции того периода также благоприятствовала этому. Султан Ахмед III, его мать, великий везир Ибрагим-паша Невшехирли, некоторые другие видные сановники государства, чувствуя необходимость каких-то нововведений, стали оказывать покровительство не только традиционным художественным ремеслам, поэтам и хронистам, но также и распространению положительных знаний и наук—математики, астрономии, естествознания и т. д. Покровительством этим наукам вызывало недовольство реакционного мусульманского духовенства. Однако Ибрагим-паша преодолел сопротивление шейх-уль-ислама, и при его содействии в Стамбуле было создано шесть крупных библиотек, в том числе дворцовая (1719 г.). Число книг в турецких библиотеках во время правления этого садразама заметно возросло [213, стр. 139]. Всего в XVIII в. только в Стамбуле было создано около 40 библиотек, в которых насчитывалось до 100 тыс. книг [300, т. IX, стр. 169—172]. Все султаны, начиная с Ахмеда III, строили для библиотек специальные здания, обычно при мечетях. Махмуд I (1730—1754) получил от придворных льстецов прозвище «султан-книголюб» [212, стр. 121] и, как отмечает Хаммер в перечне важнейших событий XVIII в., даже посетил свою библиотеку при мечети Айя Софья [300, т. IX, стр. 3].

Появление большого числа библиотек, в собраниях которых были представлены также и книги светского, научного характера, облегчало их изучение и пробуждало тягу к образованию. Турецкий исследователь истории Османской империи И. Х. Узунчаршылы отмечает, что по сравнению с XVII в. XVIII в. число оригинальных религиозных сочинений резко уменьшилось. Напротив, усиление контактов с Европой имело следствием появление в XVIII в. гораздо большего, чем в предыдущем, числа книг по естественным наукам, особенно переводных [284, стр. 522].

Стремясь содействовать распространению знаний и просвещения, Ибрагим-паша Невшехирли учредил специальную комиссию из 25 человек для переводов на турецкий (или арабский) язык наиболее выдающихся сочинений. В нее вошли официальный историограф Исмаил Асым Челебизаде, поэт Недим, а также будущий корректор в первой турецкой типографии Эсад-эфенди из Янины. Эта комиссия перевела на турецкий язык ряд исторических хроник мусульманских авторов — Мюннеджимбаши, Бедредина Айни, Хондемира. Эсад-эфенди перевел с греческого на арабский язык три книги «Физики» Аристотеля, снабдив ее комментариями, заимствованными у ученого середины XVII в. профессора философий

в университете Падуи Иоанна Куттини, а также собственными рассуждениями о телескопе и микроскопе.

В начале XVIII в. в Турцию начала медленно проникать и западная медицина. У местных врачей наряду с «Каноном» Ибн Сины получают хождение медицинские трактаты, переведенные с западноевропейских языков. В 1729 г. Ахмед III издал ферман, требовавший от всех врачей сдачи своего рода «государственного экзамена» на право врачевания [213, стр. 139—145].

В этот же период усиливается интерес и к достижениям европейцев в математике, технике, в военном деле. Еще в 1716 г. французский офицер Рошфор представил Порте доклад «Об организации отряда иностранных военных инженеров на службе у Высокой Порты», выдвинув в нем план использования иностранных специалистов в проведении реформы турецкой армии. Первая попытка осуществить этот план относится к 1734 г., когда с помощью Ахмеда Хумбараджи-паши (в прошлом графа Бонневалея) в Стамбуле была основана военно-артиллерийская школа, программа которой предусматривала серьезную математическую и инженерную подготовку.

Таким образом, в первые десятилетия XVIII в. в культурной жизни Турции намечаются изменения, благоприятствовавшие возникновению книгопечатания на турецком языке.

Организация первой турецкой типографии связана с именами Ибрагима Мутеферрики и Саид-эфенди⁴. Не отрицая роли последнего, следует подчеркнуть, что зачинателем и душой всего дела, настоящим турецким первопечатником был Ибрагим Мутеферрика.

О личности Ибрагима Мутеферрики в европейской и турецкой литературе написано немало, но до сих пор некоторые важные факты его биографии известны лишь приблизительно, а его деятельность и взглядам дается разная оценка. Едва ли не каждый исследователь излагает свою, отличную от других — в деталях или существенном — версию его биографии [167, стр. 634; 208, стр. 178—185; 206, стр. 34—36; 284, стр. 611—613; 309, стр. 7—10]. Достоверно известно, что он венгр из Трансильвании, из г. Клужа (Колошвара), и родился около 1674 г. Принято считать, что его родителями были бедные протестанты — кальвинисты, что на средства кальви-

---

⁴ В современной турецкой историографии намечается продиктованная националистическими соображениями тенденция к перестановке их имен. Так, Э. З. Карал характеризует Саид-эфенди как человека, который первым в Турции понял значение западной цивилизации и книгопечатания [253, т. V, рис. 1]. Э. Б. Шаполье называет Саид-эфенди «первооснователем типографии в Турции», а Ибрагима Мутеферрику — «одним из тех, кто оказал первую услугу (?) нашей печати» [272, стр. 34, 36].

нистской общины их сын до 18-летнего возраста обучался в местном коллегииуме, готовясь к духовной карьере. В 1692 или 1693 г. он принял участие в антигабсбургском восстании «мятежного короля» Имре Тёкёли, которого стремились в своих целях использовать турки, и попал к ним в плен. Поскольку за него некому было уплатить выкуп, его в 1694 или 1695 г. продали на невольничьем рынке в Стамбуле. Как полагает большинство авторов, в плену, чтобы избавиться от жестокого обращения хозяина, молодой венгр принял ислам и получил личную свободу. Новообращенцу было дано имя Ибрагим, его настоящее имя осталось неизвестным. О дальнейших 15 годах жизни Ибрагима пишут, что он проявил рвение в изучении новой веры и хорошо освоил три восточных языка — турецкий, арабский и персидский, владея уже латынью, греческим и венгерским. Около 1711 г. он написал на турецком языке груд, который позднее получил название «Рисале-и исламие» («Трактат об исламе»). За свои незаурядные способности, приверженность к новой религии, ум, образованность, знание шести языков он был приближен государственными деятелями Турции, особенно ему покровительствовал Ибрагим-паша Невшехирли.

В 1714 г. Ибрагим был возведен в ранг мутеферрика и, таким образом, вошел в число очень близких к султану слуг, среди которых были дети везиров, дэфтердаров, военачальников. Мутеферрика представляли особый род дворцовой гвардии, одновременно охраны, свиты и слуг для выполнения отдельных, особо важных государственных поручений, к чему не раз привлекался и Ибрагим Мутеферрика. В мае 1715 г. он ездил с письмом султана к Евгению Савойскому в Вену, в 1716 г. — принимал участие в походе против Австрии, в 1717 г. — был направлен с особым поручением в Белград, где собралась группа венгерских феодалов, выступавших против Габсбургов. С 1718 по 1735 г. Ибрагим Мутеферрика состоял официальным толмачом и связным Порты при эмигрировавшем в Турцию руководителе антигабсбургского национального движения в Венгрии Ференце Ракоци II (1676—1735), жившем в Текирдаге. В 1737 г. он ездил с посольством в Польшу, затем участвовал в переговорах с Францией, выступившей посредницей в заключении Белградского мира 1739 г. В 1738 г. Ибрагим Мутеферрика отвечал за снабжение артиллерийских частей на австрийском театре военных действий. Наконец, осенью 1743 г. он ездил уполномоченным Порты в Дагестан сажать на царство кайтакского князя Ахмед-хана. Тогда же он был включен в состав учителей принцев крови. В 1745 г. Ибрагим Мутеферрика умер и был похоронен в Стамбуле. Стела кладбищенского памятника Мутеферрики увенчана чалмой — знак того, что покойный принадлежал к категории улемов. Стихи поэта из Киркука, Невреса, выбитые на могильной

плите, также прославляют его как ученого и основателя первой турецкой типографии.

Дополнительный свет на личность Ибрагима Мутеферрика как ученого проливает исследование известного турецкого историка Ниязи Беркеса [221, стр. 715—737]. Прежде всего он установил, что в основе общеизвестной версии биографии турецкого первопечатника лежат полтора десятка строк из письма одного из приближенных Ференца Ракоци II, Сезара де Сосюра, или Цезарнака, который, хотя и жил в Стамбуле много лет, плохо знал Мутеферрику. К тому же это письмо, касающееся обстоятельств жизни Мутеферрики с 1692 г., написано не ранее 1731 г. В 1910 г. во многом неясные известия Цезарнака были вольно интерпретированы и домыслены венгерским католическим монахом и историком Карачоном. От последнего они попали в книги многих других авторов, писавших позже, как турок, так и европейцев. Никто из исследователей, в частности, не читал «Трактата об исламе», а между тем именно это (пока не опубликованное) сочинение Ибрагима Мутеферрика позволяет, как отмечает Н. Беркес, по-новому взглянуть на факты его биографии и прийти к новым выводам в оценке личности турецкого первопечатника.

Прежде всего, отмечает Н. Беркес, «Рисале-и исламие» — не название, данное автором, а регистрационная библиотечная пометка. Сама рукопись названия не имеет. Далее, в рукописи, которую все авторы характеризуют как трактат в защиту ислама, идет речь вовсе не о мусульманской религии, как таковой. Напротив, «Трактат» свидетельствует скорее о том, что Мутеферрика (во всяком случае до 1710 г.) сохранил некоторые свои прежние религиозные убеждения и, возможно, старался примирить их с исламом. Но самое главное состоит в том, что это произведение Мутеферрика позволяет определить его место в протестантском реформаторском движении, в форме которого происходила освободительная борьба в Венгрии и Трансильвании против австрийцев и турок в XVI—XVIII вв.

На основании анализа «Трактата» Н. Беркес приходит к выводу, что Мутеферрика принадлежал не к кальвинистам, а к унитариям, которые, в частности, отрицали троицу как выдумку католической церкви и в доказательство своего тезиса о единстве бога ссылались даже на Коран. В «Трактате» защищались основные догматы унитаризма, утверждалось, что в Евангелии под грядущим пророком имеется в виду Мухаммед, содержались нападки на Габсбургов и на папство. Отсюда следует, что протестант-унитарий Мутеферрика в переломный момент жизни мог склониться скорее к мусульманству, чем к католицизму. И когда восстание «мятежного короля» Имре Тёкёли потерпело поражение и вся Трансильвания была захвачена австрийцами, Мутеферрика решил, возможно, по-

селиться в Турции, подобно тому как это сделали некоторые другие участники восстания, в том числе сам Тёкёли, а позже при иных обстоятельствах и Ференц Ракоци II. Однако вывод Н. Беркеса о добровольном принятии Мутеферрикой ислама остается столь же не подтвержденным фактами, как и мнение его предшественников о том, что Мутеферрика был вынужден принять ислам для облегчения своего существования.

Большее доверие вызывает заключение Н. Беркеса о том, что Ибрагим Мутеферрика в прошлом не был adeptом кальвинизма, к которому примыкало венгерское дворянство, а являлся сторонником унитаризма — одного из наиболее демократических и рационалистических протестантских течений. Унитаризм, как и родственное ему социнианство, широко распространено в Трансильвании в XVI—XVIII вв., представлял собой попытку перестроить христианскую догматику на основах разума. Рационалистические принципы унитаризма — отрицание божественности Христа и абсолютного предопределения, защита свободы совести, мысли и воли, стремление к знанию — были сформулированы под влиянием учения выдающегося испанского гуманиста, естествоиспытателя и врача Мигеля Сервета (1511—1553), сожженного на костре по приказу Кальвина. Приверженность или сочувствие Ибрагима Мутеферрики этим принципам рисует турецкого первопечатника как человека передовых для своего времени взглядов. Об этом свидетельствуют прежде всего его издательская деятельность, его собственные опубликованные произведения, написанные им дополнения к сочинениям других авторов, вся его научная и организаторская работа на поприще турецкой культуры.

Подготовкой к книгопечатанию на турецком языке Ибрагим Мутеферрика начал заниматься не позднее 1719 г., и первыми его изданиями были карты Мраморного моря [234, стр. 31, 37]. Стремясь привлечь внимание Порты, он представил эти карты великому везиру Ибрагим-паше. В 1724 г. к Мутеферрике присоединился Саид-эфенди, который только что вернулся из Франции и находился под свежим впечатлением от работы парижских типографий.

В 1726 г. по обоюдной договоренности с Саид-эфенди Ибрагим Мутеферрика написал и представил великому везиру Ибрагим-паше записку «О способе печатания», в которой просил разрешения открыть типографию для издания книг на турецком языке. В обоснование просьбы были приведены следующие аргументы: печатание нужных и важных для государства книг будет содействовать распространению просвещения; оно приведет к распространению среди мусульман редких книг, написанных в далеком прошлом; печатные книги будут избавлены от многочисленных ошибок, неизбежных при

переписке, и они долговечнее; печать — доходное дело, печатные книги намного дешевле рукописных, и их будут больше покупать; в печатных книгах можно помещать подробное оглавление и легче найти нужное место; дешевые книги найдут сбыт в провинциях, там уменьшится невежество; книгопечатание будет содействовать росту числа библиотек и учащихся; книги могут оказать такую же пользу делу ислама, как и джихад; европейцы уже извлекают для себя пользу, издавая книги на арабском, турецком и персидском языках, но в них полно ошибок; потребность мусульманского мира в книгах велика, и книгопечатание прославит османское государство [206, стр. 37—39].

После подачи этой записки Ибрагиму Мутеферрике и Саид-эфенди пришлось выдержать все нападки реакции, а также переписчиков. Хаттаты выступали особенно энергично и однажды в знак протеста против печатания книг сложили свои калемы и чернильницы в большой гроб и устроили траурное шествие по улицам столицы [249, стр. 7]. Однако при поддержке великого везира Мутеферрика и Саид-эфенди получили ферман падишаха и фетву шейх-уль-ислама. В фетве шейх-уль-ислама Енишехирли Абдулах-эфенди, составленной в традиционной форме вопросов и ответов, было дано разрешение на издание печатным способом словарей, а также книг по логике, философии⁵ и космографии⁶.

Ферман Ахмеда III от 5 июля 1727 г., разрешая открыть типографию, запрещал издателям печатать в ней любые книги религиозного содержания: Коран, толкования на него (тефсиры), предания о жизни и делах Мухаммеда (хадисы), трактаты по мусульманской юриспруденции (фикху) [206, стр. 46]. Таким образом, султан сделал большую уступку духовенству, выступавшему против «осквернения» священных книг, и хаттатам, которые теперь могли не опасаться, что останутся без работы, так как книги религиозного содержания были наиболее многочисленными и популярными. Эта уступка в пользу реакции пошла на благо культурному прогрессу страны. Издатели поневоле вынуждены были обратить свое внимание

---

⁵ К «философии» (хикмет) в то время относились математика, физика, химия, естествознание, история и география.

⁶ Вот текст фетвы: «В о п р о с. Если Зейд (некто), утверждающий, что он искусен в печатании книг, говорит, что может изготовить буквы и слова для издания словарей и книг по логике, философии, космографии и подобным им высоким наукам, то дозволено ли шариатом тому Зейду изготовлять книги таким способом? О т в е т. Аллах знает это лучше. Однако лицо, искусное в печатании, выгравировав по правильному образцу буквы и слова проверенной книги и напечатав их на бумаге, в короткий срок и без затруднения изготовит большое число экземпляров и даст возможность получить большое число книг по сходной цене. Таким образом, это принесет большую выгоду, а потому надлежит выдать тому лицу разрешение, назначив ученых людей для выправления предначначенных к печати книг, и дело то считать из весьма похвальных» [284, стр. 514].

на светские, в том числе научные, сочинения. Впрочем, еще в 1943 г. турецкий историк А. А. Адывар справедливо заметил: «Поскольку Ибрагим-эфенди был свободомыслящим человеком, желавшим главным образом принести стране положительные науки и знания, он, надо думать, не придавал этому ограничению слишком большого значения» [213, стр. 148]. Ферман Ахмеда III предусматривал также создание комиссии из мусульманских богословов-правоведов, среди которых оказались бывшие кадии Стамбула, Салоник, Галаты, глава одного из монастырей мевлеви. Она должна была держать корректуру намечаемых к изданию рукописей, а затем и наборного текста.

Типография была создана в доме Мутеферрики, в квартале Султан Селим в Стамбуле. Печатные станки и необходимое оборудование были частью выписаны из Франции и Австрии, частью куплены у местных печатников-армян. Шрифты были отлиты на месте наборщиком типографии евреем Ионей Ашкенази родом из Вильнюса. В типографии были установлены и действовали четыре станка для печатания книг и два — для карт [292, стр. 10—11; 234, стр. 33—35].

Типография не была собственностью Ибрагима Мутеферрики (или Саид-эфенди), хотя помещение и часть оборудования принадлежали ему лично. Казна дала деньги на закупку основного оборудования, а кроме того, до окончания набора первой книги ежедневно выдавала рабочим типографии по 12 пар лепешек [249, стр. 11]. По имеющимся сведениям, типография получала дотацию от доходов с таможен [189, стр. 931], а возможно также, и с казенных земель — мираи [311, стр. 246]. Изданные в типографии книги были казенной собственностью, и продавали их по ценам, которые в каждом отдельном случае определялись ферманом падишаха.

Набор первой книги в типографии Ибрагима Мутеферрики начался 16 декабря 1727 г. Она вышла в свет 31 января 1729 г. Эта дата считается началом книгопечатания на турецком языке в Османской империи. Первым изданием Мутеферрики был арабский толковый словарь Джаухари, составленный в конце XVI в. и переведенный вскоре на турецкий язык мудеррисом из Вана Мехмед-эфенди (ум. в 1591/92 г.). Этот арабо-турецкий словарь, известный под названием «Ванкулу люгаты», был настольной книгой каждого турка, изучавшего арабских авторов, а также для чиновников канцелярий Порты. Из-за большого объема словарь трудно было размножить путем переписки, и к тому же в рукописных экземплярах сохранилось множество ошибок.

Словарь был отпечатан тиражом 1000 экземпляров, которые очень быстро были распроданы. Он состоял из двух томов общим объемом 1458 стр. и стоил 35 курушей (без переплета), а рукописный экземпляр — 350 курушей. В начале

первого тома были помещены все официальные документы, связанные с открытием типографии [234, стр. 38—39].

Поскольку издание словаря задержали корректоры, Мутеферрика, чтобы не допустить простоя рабочих типографии, пустил в производство труд известного турецкого ученого Хаджи Хальфы — Кятиба Челеби (1609—1657) «Подарок великим о походах на море», который вышел в мае 1729 г. тиражом 1000 экземпляров⁷. В августе из печати вышло сочинение польского католического миссионера из ордена иезуитов Тадеуша Крусинского о нашествии афганцев на Иран в 1721—1723 гг. и крушении сефевидского государства. Этот труд перевел с латинского языка на турецкий сам Мутеферрика, который встречался с Т. Крусинским, когда тот приезжал в Стамбул в качестве посла Ашраф-шаха. Тираж книги (1200 экземпляров) говорит о большом интересе в Турции к событиям в Иране в 20-х годах XVIII в. Тогда же в типографии была издана и карта Ирана.

В 1730 г. типография Мутеферрики выпустила в свет пять книг: труд Мухаммеда ибн Хасана Месуди «История Восточной Индии», написанный в 1583 г. для Мурада III; известную в науке биографию Тимура Ибн Арабшаха⁸; двухтомное сочинение секретаря египетского паши Ахмеда ибн Хемдема Сулеймана по истории Египта с древних времен до 1628 г.; очерк исторических событий в странах Ближнего Востока и Магриба с 728 по 1721 г. Назмиаде Хюсейна Муртэзу под названием «Сад халифов» и, наконец, известную «Турецкую грамматику»⁹ иезуитского монаха Холдермана. Первые четыре сочинения, все небольшого объема (до 130 стр.), были изданы тиражом по 500 экземпляров и продавались по 3 куруша за книгу. Грамматика Холдермана (220 стр.) была напечатана тиражом 1000 экземпляров. В предисловии книги было сказано, что она предназначена для обучения турецкому языку приезжающих в Турцию франков (христиан Западной Европы). Турецкие слова и предложения были снабжены не только французским переводом, но и транскрипцией латинскими литерами, которые «были гравированы и отлиты собственными силами в типографии Ибрагима в Стамбуле» [309, стр. 25].

Во второй половине 1730 — начале 1731 г. Стамбул был охвачен восстанием городских низов под руководством Патрона Халилия. Это восстание не причинило непосредственного ущерба типографии, однако оно имело определенные последствия для ее работы. В ходе восстания был свергнут Ах-

⁷ Общее описание географических сочинений, напечатанных Ибрагимом Мутеферрикой, см. [167, стр. 635—639].

⁸ Источниковедческую оценку сочинениям Ибн Арабшаха и Т. Крусинского см. [187, стр. 215, 306].

⁹ В 1776 и 1777 гг. она была издана в России [167, стр. 639].

мед III, убит высокий покровитель типографии Ибрагим-паша Невшехирли, отошел от дел Саид-эфенди. В 1731 г. Мутеферрика не опубликовал ни одной книги, и это говорит, что в работе типографии был перерыв.

В ответ на ходатайство Ибрагима Мутеферрики султан Махмуд I в 1732 г. возобновил разрешение на книгопечатание, сохранив все условия фермана Ахмеда III. Отправляя в том же году посольство Мустафа-аги в Вену, он приказал передать императору Австрии в числе даров по одному экземпляру отпечатанных в типографии Мутеферрики книг, а в ответ получил известный словарь Менинского [300, т. VII, стр. 413]. Тем самым новый султан продемонстрировал свое благосклонное отношение к книгопечатанию. Вместе с тем в поисках выхода из нарастающего кризиса внутреннего и международного положения империи Махмуд I, как и его предшественник, старался понять причины прогресса передовых стран Европы и требовал от своих приближенных и посольств соответствующих докладов. Один из них был поручен Ибрагиму Мутеферрике [284, стр. 516]. Так появился второй трактат Мутеферрики, который, однако, в отличие от «Рисале-и исламие» был им издан в феврале 1732 г. тиражом 500 экземпляров и получил широкую известность. Сервер Искит считает появление этой книги прямым следствием восстания Патрона Халиля [249, стр. 18]. Этот факт оказал влияние и на стиль книги (она, как отметил А. А. Адывар, написана в смелых выражениях [213, стр. 148]) и особенно на ее содержание, которое дает наиболее яркое представление о политических взглядах автора. Издание этого трактата Ибрагима Мутеферрики было едва ли не важнейшей вехой в истории общественно-политической мысли Турции первой половины XVIII в.

Сочинение Ибрагима Мутеферрики, о котором идет речь, было им названо «Основы мудрости в устройстве народов» («Усуль уль-хикем фи-низам уль-умем»), но европейцы долгое время считали его трактатом по военному делу. Причиной заблуждения была ошибка во французском переводе названия, под которым книга была издана в Вене в 1769 г. Это ошибочное название попало и в русский перевод, сделанный с французского и изданный в 1777 г. [см. 29].

В этом трактате Ибрагим Мутеферрика исследует причины отставания Турции от стран Запада, излагает краткую историю западных стран, их военную организацию, методы ведения войн, их государственное устройство и предлагает реформы, которые, по его мнению, необходимы для упрочения внутреннего и внешнего положения Османской империи. В первом разделе, говоря о формах государственного строя, он называет монархию, аристократию и демократию. Как отмечает Беркес [221, стр. 717—718], Ибрагим Мутеферрика в

этом труде первым из представителей общественной мысли в Турции дал толкование демократической формы правления, первым указал на то, что современные государства управляются не на основе религии и традиций, а на началах разума. Затем он рассказал о том, что в современных европейских государствах функции гражданской и военной власти разделены, что соединение этих функций в одной инстанции или лице неминуемо ведет армию к поражению.

В своем трактате Ибрагим Мутеферрика подробно остановился на важности науки и особенно географических знаний для управления государством и в связи с этим рассказал об открытии Америки и других географических открытиях европейцев, писал о том, что турки остаются неосведомленными об этих успехах народов Европы и это наносит им большой вред.

Причины отставания Турции от передовых стран Европы Ибрагим Мутеферрика группировал в восьми пунктах: 1) несоблюдение законов; 2) отсутствие справедливости и правопорядка, т. е. произвол; 3) переход государственных дел в руки бессовестных людей, или коррупция государственного аппарата; 4) нетерпимость к идеям знающих и просвещенных людей; 5) незнание современной военной науки и тактики; 6) отсутствие дисциплины в армии; 7) взяточничество и злоупотребление государственным имуществом; 8) отсутствие систематических и правильных сведений о внешнем мире. Ибрагим Мутеферрика писал, что правопорядок в западных государствах зависит от тех законов, которые они приняли, и доказывал, что проведение реформ в Турции является насущной необходимостью. При этом, в частности, он ссылаясь на пример России, которая благодаря реформам Петра I успешно продвигается вперед, становится все более организованным и могучим государством. Мутеферрика подчеркивал, что, если Турция не будет проводить реформ, ее ждут великие опасности.

Таким образом, в своем трактате Ибрагим Мутеферрика выступает как глашатай передовых для Турции его времени политических идей. Эти идеи не были новы в принципе, они заимствованы у многих европейских мыслителей-рационалистов, в частности у Декарта (1596—1650) и картезианцев. Однако Мутеферрика высказал в своем трактате ряд новых для Турции и смелых мыслей об управлении государством на основе правопорядка, отказе от слепого следования традициям, от религиозной нетерпимости и культурной ограниченности. По существу он первым заговорил об необходимости европеизации Турции в таких областях ее жизни, как государственное устройство, культура и военное дело, и еще раз призвал к более близкому ознакомлению с государствами Западной Европы и Россией. Для нас имеет принципиальное зна-

чение тот факт, что идеи и предложения Ибрагима Мутеферрика не остались лежать в канцелярии Порты в виде очередного проекта (ляиха), а были опубликованы и, конечно, сыграли свою роль в пробуждении политической мысли османов. Едва ли случайным, в частности, было то, что термин «низам-и джедид», впервые введенный Мутеферрикой на страницах своего трактата [221, стр. 718], 60 лет спустя приобрел известность как официальное наименование периода реформ Селима III. О значении книги свидетельствует и факт перевода ее на иностранные языки.

В 1732 г. Ибрагим Мутеферрика издал еще две книги. В феврале вышла его брошюра «Магнитные эманации» («Фюзат-и мыкнатисие») — компиляция из сочинения, изданного в 1721 г. в Лейпциге, которая была написана им с целью популяризации географических знаний (объем 46 стр., тираж 500 экземпляров, цена 1 куруш). В июле появилось одно из самых значительных его изданий — пользовавшийся большой известностью на мусульманском Востоке труд Хаджи Хальфы (Кятиба Челеби) «Зерцало мира» («Джиханнума», объем 730 стр., 15 рисунков, 27 карт, 500 экземпляров, цена 44 куруша). В подготовку этого издания Мутеферрика вложил много труда и знаний. Он отобрал из обширного трактата Хаджи Хальфы то, что представляло наибольшую ценность и интерес для современников, дополнил рукопись отрывками из географического сочинения Абубекра Бахрама Дымишки, относящимися к Малой Азии и арабским странам, и сведениями из произведений ряда европейских авторов, в частности Г. Меркатора. Он снабдил труд Хаджи Хальфы собственными добавлениями и исправлениями, которые основательно его обновили [213, стр. 149—150; 309, стр. 26—28]. В предисловии к книге Мутеферрика, которого И. Ю. Крачковский характеризует как географа «на высоте европейской науки своего времени» [167, стр. 638], излагает сведения о различных системах мироздания, знакомит турецкого читателя с Тихо Браге и (очень осторожно) с Коперником, с теорией катаклизмов.

Ибрагим Мутеферрика включил в издание ряд новых карт и рисунков, частью выполненных им самим. Издание было предпринято по рукописи (возможно, автографу), подписанной Кятибом Челеби, и до настоящего времени сохраняет большую научную и библиографическую ценность. Деятельность Ибрагима Мутеферрика в области географической науки и особенно издание им «Джиханнума» Хаджи Хальфы способствовали пробуждению в Турции интереса к географии, астрономии, математике, усилили тягу к переводам и изучению трудов европейских ученых [213, стр. 151—153].

С 1733 г. Ибрагим Мутеферрика приступил к изданию серии хроник османских историографов и сам проявил себя как

историк. Его личная судьба складывалась неблагоприятно для этой работы, требующей повседневного, усидчивого труда. После смерти Ференца Ракоци II (1735 г.) и неудачного посольства в Польшу (1737 г.), за которым последовала опала, Мутеферрика получил ряд поручений, связанных с длительными выездами из Стамбула. Кроме того, в 1740 г. типография была сильно повреждена пожаром. Тем не менее он довел до конца задуманное им издание. Летом 1733 г. вышел из печати «Календарь исторических событий» («Таквим уттеварих») Кятиба Челеби. К этому историческому труду, в котором повествование доводится до 1648 г., Ибрагим Мутеферрика присоединяет добавление шейха Мухаммеда Бухари с 1649 по 1731 г. и собственное описание событий, доводящее до 1733 г. В предисловии к изданию он рассказывает биографию Кятиба Челеби, говорит об успехе предшествующих печатных изданий типографии. Через год появляется известная «Хроника» Мустафы Наима («Тарих-и Наима») в двух томах, в которой охватываются события османской истории с 1591 по 1659 г. В 1740 г., после шестилетнего перерыва в работе типографии, появляется трехтомная «Хроника» Мехмеда Рашида («Тарих-и Рашид»), описывающая период 1660—1721 гг., а в 1741 г.—«Хроника» Исмаила Асыма Челебизаде («Тарих-и Челебизаде»), доводящая описание событий до 1728 г. Все эти хроники были изданы тиражом по 500 экземпляров и стоили от 30 курушей и более за издание в зависимости от числа цветных карт и рисунков. Это был первый изданный свод истории османского государства. В 1741 г. был напечатан также документированный труд боснийского кадия Омера Боснави о событиях в Боснии в 1736—1739 гг., особенно о военных действиях турок против австрийцев на территории Боснии. Наконец, в октябре 1742 г. из печати вышел персидско-турецкий словарь («Лисан уль-аджем») на 22,5 тыс. слов Шуури Хасан-эфенди с предисловием и фихристом Ибрагима Мутеферрики. Этот словарь, очень известный на Ближнем Востоке, оказался последним изданием Ибрагима Мутеферрики¹⁰. В 1743 г. Ибрагим Мутеферрика заболел, а в 1745 г. умер.

Таким образом, первые 13 лет турецкого книгопечатания связаны с именем Ибрагима Мутеферрики. В течение этого периода типография фактически работала не более семи лет. За это время в ней было напечатано 17 произведений в 23 томах общим тиражом 12,5 тыс. экземпляров. Это было немного по сравнению с тысячами копий Корана, которые ежегодно выходили из-под пера хаттатов, с множеством других рукописных религиозных, а также светских книг, накопившихся

---

¹⁰ Библиографическое описание и аннотации книг, изданных Ибрагимом Мутеферрикой, см.: [206, стр. 46—73; 234, стр. 37—45; 309, стр. 15—37].

ся в библиотеках и в частных домах. Было бы, однако, неверно оценивать значение книгопечатания только в свете этих цифр. Во-первых, все без исключения печатные книги были светского содержания, они знакомили турок с историей и географией Османской империи, с историей географических открытий, с государственным строем ряда стран Европы, с некоторыми достижениями европейской науки — математики, астрономии, географии, естествознания, а также техники. Эти книги способствовали распространению в Турции научных знаний, давали толчок просвещению османов. Как отметил еще А. Убичини, Ибрагим Мутеферрика отбирал для издания «произведения, наиболее полезные для прогресса и интеллектуального развития народа» [311, стр. 246]. Во-вторых, поскольку печатные книги стоили примерно в десять раз дешевле рукописных¹¹, книгопечатание прокладывало путь развитию просвещения, подрывало монополию на знания, на ученость, которой веками владела лишь верхушка османского общества, прошедшая через медресе. В-третьих, книгопечатание, зародившись под влиянием пробуждения интереса к Европе, само постепенно превратилось в мощный рычаг европеизации страны.

Не будет преувеличением сказать, что начало книгопечатания, несомненно, было важнейшей вехой в истории Турции, оно заложило первый камень в фундамент новой турецкой культуры.

Однако значение дела, которому посвятил себя Ибрагим Мутеферрика, было понято и оценено только много времени спустя после его смерти¹².

После Ахмеда III и Ибрагим-паши Невшехирли официальные власти скоро охладели к типографии и не давали возможности нормально заниматься ее делами и наукой уже далеко не молодому первопечатнику. Не случайно почти половину (8 из 17) своих книг Ибрагим Мутеферрика издал в первые два года существования типографии. Последние годы своей жизни Мутеферрика испытывал лишения. «В начале своей деятельности,—пишет А. Симонффи,—он был довольно состоятельным. Типография, несмотря на различные пособия от Высокой Порты, повергла его, его сотрудников и его семью едва ли не в такое положение, что хватало только на скудное дневное пропитание» [309, стр. 39—40].

---

¹¹ В то время как изданные Ибрагимом Мутеферрикой книги стоили обычно не более 30 курушей, рукописные книги того же объема без рисунков и орнамента — 250—300 курушей, а цена Корана, переписанного известным каллиграфом, доходила до 2 тыс. курушей [311, стр. 246].

¹² В начале 40-х годов нынешнего века «один ведущий турецкий журнал» провел интересную баллотировку с целью выяснить, кто из мыслителей, полководцев, законодателей, архитекторов и ученых наиболее полно воплощает достоинства турецкой науки. Из десяти предложенных кандидатур Ибрагим Мутеферрика занял второе место [309, стр. 53].

С именем Ибрагима Мутеферрики связаны также и первые попытки наладить в Турции собственное бумажное производство. До XV в. бумага в Турцию ввозилась из стран Востока и лучшей считалась самаркандская, в XVI в. восточная бумага была вытеснена европейской бумагой с филигранями, в частности итальянской. В начале XVIII в. в Турции более всего в ходу была бумага венецианского и французского производства. Почти все книги, изданные Ибрагимом Мутеферрикой, были напечатаны на французской бумаге с водяными знаками грозди винограда. Пригодная для печати привозная бумага, торговля которой находилась в руках стамбульских евреев, стоила очень дорого, и с началом работы турецкой типографии цены на нее выросли [235, стр. 19, 23, 30—31]. Поэтому еще в 1741 г. Мутеферрика предпринял шаги для постройки бумажной фабрики, но только летом 1744 г. разыскал и пригласил из Польши трех мастеров по производству бумаги. Как явствует из официального документа канцелярии великого везира от 22 августа 1744 г., оборудование для фабрики изготовляли сами мастера, а необходимые для этого материалы поставляла казна, которая обеспечивала производство водой и сырьем. «А когда мастера по бумажному производству приступят к делу, к ним для изучения этого искусства,—говорилось в контракте,—надлежит приставить человек трех-четырех. И пусть они найдутся при тех мастерах около года, дабы как следует изучили они дело и способны были взять бумажное производство на себя» [235, стр. 205]. Спустя год полякам разрешено было вернуться на родину, за налаженное дело им уплатили 3 тыс. курушей. Кроме того, во время работы они получали по 40 акче суточных.

Бумажная фабрика была построена в Ялова и пущена в 1745 г. Однако производство бумаги на ней постоянно срывалось из-за незнания дела, а также и потому, что население окрестных деревень забирало воду из канала для поливки своих полей. К началу XIX в., когда резко возрос импорт бумаги из Европы, производство было окончательно заброшено [235, стр. 32—36].

После смерти Ибрагима Мутеферрики книгопечатание на турецком языке захирело на целые полвека. В 1747 г. один из сотрудников Мутеферрики, кадий Ибрагим-эфенди, вместе с кадием Ахмед-эфенди получили разрешение на возобновление книгопечатания, но к делу долго не приступали. В 1755 г. Осман III возобновил им ферманом разрешение, и они переиздали давно уже распроданный словарь «Ванкулу люгаты». В 1756 г. они забросили дело, кадий Ибрагим вскоре умер, и типография Мутеферрики не действовала до 1783 г., когда за разрешением на издание книг обратились два видных сановника Порты — помощник реис-эфенди Рашид Мехмед и официальный историограф Ахмед Васыф. В своем ходатайст-

ве великому везиру Халилю Хамид-паше они писали, что готовы уплатить наследникам Ибрагима Мутеферрики цену аренды помещения, стоимость оборудования и погасить другие расходы, будут платить в вакуфное управление налог по 1 акче за каждые 10 листов издаваемой книги, но просят не разрешать другим лицам открывать типографии, печатающие книги на турецком языке, а также торговлю такими книгами¹³. В 1783 г. Абдул Хамид I издал ферман, удовлетворяющий просьбу заявителей с условием, что они не будут печатать религиозные мусульманские книги. Но и на этот раз типография действовала только три года [284, стр. 517—521].

За 1783—1785 гг. было напечатано три книги (в четырех томах): добавление к «Истории» Исмаила Асыма Челебизаде — хроники историографов Сами, Шакира и Субхи, известные под общим названием «История Субхи» (1783 г.); «История Иззи» (1784 г.) и рифмованный начальный курс грамматики арабского языка (1785 г.). Дело совсем замерло, когда в 1785 г. Ахмед Васыф был направлен послом в Испанию, а Рашид Мехмед получил назначение на пост реис-уль-кюттаба и отошел от типографии. Наконец, в 1792—1794 гг. здесь были изданы еще три книги, после чего типография Ибрагима Мутеферрики окончательно прекратила свое существование [237, стр. 107—110; 249, стр. 24].

Итак, 80-е — начало 90-х годов XVIII в. — определенный рубеж в истории печати в Турции. К этому времени заканчивается ее начальный период, имеющий ряд специфических черт. Как следует из всего сказанного, книгопечатание появилось в Османской империи первоначально не у турок, а у народов, попавших под власть османских завоевателей. До конца XVIII в. книгопечатание у покоренных народов империи — славян, греков, армян, валахов, евреев — было распространено гораздо больше, чем у турок. Возникнув в нетурецкой среде, книгопечатание в Турции в течение более 200 лет не имело непосредственного отношения к собственно турецкой культуре. Книги, которые печатались в типографиях религиозно-национальных общин, не являлись турецкими по языку и по своему содержанию не предназначались для турок-мусульман. Но хотя внешний толчок организации первой турецкой печати дало сообщение посольства Мехмеда Челеби во Франции, деятельность типографий немусульманских народов империи сыграла, как признает О. Эрсой, «большую роль в распространении печатного дела в Турции» [234, стр. 18].

В течение всего этого периода, который охватывает время

---

¹³ Требование монополии на книгопечатание заставляет предположить, что в Турции во второй половине XVIII в. возникали и другие типографии, печатавшие турецкие книги. По неподтвержденным данным, около 1770 г. на Бейоглу, в Стамбуле, некто Кастер или Кастро издал несколько книг на турецком языке [237, стр. 111, 122].

с основания турецкой типографии до начала реформ Селима III, турецкое книгопечатание держалось главным образом на личном энтузиазме Ибрагима Мутеферрики и немногих его последователей. Переменчивость судьбы типографии Мутеферрики, частые перерывы в работе которой каждый раз означали прекращение книгопечатания на турецком языке в пределах османского государства, свидетельствуют о том, сколь незначительной была социальная и культурная база в турецком обществе XVIII в. для распространения печатных изданий. Читающие турки той эпохи интересовались более всего книгами религиозного содержания, которые по закону могли размножаться исключительно путем переписки от руки. Потребность в сочинениях светского характера из-за культурной, научной, технической отсталости страны, из-за почти поголовной неграмотности турецкого населения была еще очень незначительной. Даже немногие изданные в типографии Мутеферрики книги не всегда полностью распродавались. Книги по медицине, математике, астрономии, сочинения по прикладным вопросам науки и техники, по военному делу ходили среди немногих еще потребителей в рукописных копиях [213, стр. 160]. В целом книгопечатание на этом этапе играло еще очень скромную роль в культурной жизни турецкого общества. Рукописная книга во всех областях знаний безусловно преобладала над печатной.

По причинам, о которых говорилось выше, книгопечатание на турецком языке возникло в Османской империи с опозданием почти на 300 лет. В XVIII в. большинство стран Европы имели не только развитое книгопечатание, но и периодическую печать, которой Турция еще не знала вовсе. В период, когда Европа вступала в полосу великих политических потрясений и промышленного переворота, Турция делала лишь робкие попытки овладеть тем могучим средством политического и культурного прогресса, каким является печать.

Глава II

ТУРЕЦКАЯ ПЕЧАТЬ ЭПОХИ РЕФОРМ КОНЦА XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX в.

В конце XVIII в. как никогда ранее обнаружилась слабость и отсталость Турции перед лицом вставших на капиталистический путь развития европейских государств. Начавшийся там промышленный переворот (60—80-е годы XVIII в.) еще более усилил это отставание феодальной Османской империи, а Великая французская буржуазная революция дала мощный толчок углублению ее политического кризиса. Прежде всего революция оказала большое влияние на расстановку сил в многонациональной империи. Как отмечает А. Ф. Миллер, «идеи французской революции, проникнув на Балканы, на греческие острова Эгейского моря — те области, где инонациональная буржуазия, развивавшаяся быстрее турецкой, была уже подготовлена к их восприятию, — придали стихийным крестьянским восстаниям национальный характер» [171, стр. 39]. Развитие промышленного капитализма, сопровождавшееся ожесточением борьбы между капиталистическими странами за рынки сбыта и источники сырья, а также следовавшие за революцией во Франции наполеоновские войны и рост политического соперничества ведущих европейских держав обострили «восточный вопрос». Разрешение этого вопроса предполагало не только окончательное изгнание турок из Европы, но и постепенное вытеснение их из арабских и африканских владений Османской империи, а в конечном счете — ее полную ликвидацию.

Не меньшим было отставание Турции от передовых европейских стран и в области культуры. Господство самодержавного, феодально-теократического режима, безраздельная власть религиозных догм и представлений в интеллектуальной жизни турецко-мусульманского населения резко ограничивали сферу его культурных интересов, а также, естественно, препятствовали зарождению национального самосознания турок. Значительное отставание турок в образовании, науке, технике не только от Европы, но и от ряда народов самой

Османской империи (прежде всего на Балканах) еще больше обнажало их неспособность играть ведущую роль в экономическом и общественно-политическом развитии многонационального государства.

В Европе XVIII век выдвинул целую плеяду великих ученых, мыслителей, естествоиспытателей, труды которых знаменовали развитие знаний и идей, перевернувших представления человечества в области естествознания, внесли небывалый прогресс в математику, астрономию, физику, химию, биологию, в изучение развития человеческого общества. Европейские народы широким фронтом вступали в новый этап своего развития, которое сопровождалось уничтожением феодальных пут и открывало новые возможности общественно-политического и культурного прогресса.

Турецкое общество на протяжении большей части XVIII в. оставалось в стороне от великих открытий, которые совершались в странах Европы. Главное место в сочинениях турецких авторов продолжали занимать комментарии Корана, трактаты о принципах мусульманской догматики и предания о жизни и деяниях Мухаммеда, элементарные сочинения о первейших обязанностях мусульманина, а также всякого рода юридические книги, излагавшие основы мусульманского права [300, т. VIII, стр. 249—250].

Тем не менее во второй половине XVIII в. в Турции начинает возрастать интерес к современным научным знаниям, который более всего заметен в математике. Объективной причиной этого интереса были военные нужды. Еще в 30-х годах XVIII в. была сделана не принесшая реального результата попытка усилить математическую подготовку специалистов по военному делу в ускударской хендесехане (школе геометрии). Кратковременное существование этой школы дало толчок появлению нескольких компилятивных сочинений и переводов с французского языка трудов по математике и военному делу. В 70-х годах XVIII в. с помощью австрийца барона де Тотта в Стамбуле была основана школа для подготовки морских офицеров. Для ее нужд также был переведен на турецкий или написан ряд учебных пособий по математике, мореходному делу, астрономии [213, стр. 181—185]. Как это ни парадоксально, распространению математических знаний в Турции способствовал также интерес султана Мустафы III к астрологии. «У османов астрологи пользовались большим почетом, поскольку в соответствии с астрологическими таблицами звездочетов осуществлялось возведение падишахов на трон, выдавались заключения о рождении принцев и процесс, устанавливались часы выступления в военный поход, время выдачи великим везиром главной государственной печати, выступления на войну флота, спуска на море построенного корабля и пр.» [284, стр. 537]. Из соображений подобного

порядка Мустафа III просил Французскую Академию наук прислать ему лучшие книги по астрономии и получил от нее пятитомный труд Ж. Ж. Лаланда «Астрономия» и «Астрономические таблицы» Д. Кассини. В 1772 г. они были переведены на турецкий язык.

Продолжал усиливаться интерес и к европейской медицине. Из Франции был выписан скелет ребенка с восковыми внутренними органами, что впервые дало возможность местным врачам наглядно ознакомиться с анатомией человека, так как мусульманская религия запрещает анатомирование покойника. На турецкий язык были переведены многие сочинения европейских авторов по медицине [253, т. V, стр. 58]

Однако в целом сдвиги, наметившиеся в ознакомлении турок с культурными достижениями Европы, были очень незначительными. Современные знания, полученные и накопленные в других странах, оставались в Турции неизвестными. Занятия в турецких начальных школах — мектебах ограничивались лишь изучением основных правил поведения мусульманина и разучиванием молитв. Так называемые высшие школы — медресе представляли собой собственно духовные училища, готовившие богословов-правоведов и служителей мусульманского культа. Зжатые в тиски средневековой схоластики, эти школы были рассадниками религиозной ограниченности и фанатизма. Знания, которые они давали, не отвечали задачам социально-экономического и культурного развития страны, стоявшей на пороге XIX в. [161, стр. 7 и сл.]

Другим важным препятствием необходимому распространению научных знаний, образования и культуры в Турции конца XVIII в. была крайняя ограниченность книгопечатания. Но к началу 90-х годов, когда книгопечатание на турецком языке едва теплилось, возникли факторы, давшие ему новый толчок.

В начале 90-х годов XVIII в. в Турции были сделаны первые попытки тех преобразований, которые положили начало периоду реформ «низам-и джедид» («новое устройство»). Эти реформы проводились по инициативе наиболее дальновидных представителей феодального класса и бюрократии Турции, которые стремились упрочить свое господствующее положение в стране, не допустить распада империи в результате выступлений правителей окраинных провинций и особенно освободительных восстаний угнетенных народов, а также ее расчленения европейскими державами. При Селиме III впервые была осознана необходимость ликвидации существовавших в то время вооруженных сил — янычарского корпуса и ленной кавалерии — сипахиев, утративших свою боеспособность и ставших орудием в руках крайней реакции и сепаратистов. Попытка осуществления этих преобразований

стоила Селиму III жизни¹. Только при Махмуде II был ликвидирован янычарский корпус (1826 г.), начала осуществляться отмена военно-ленной системы (с 1831 г.) и создаваться современная армия, было введено новое административное устройство (1834 г.) и предпринят ряд других мер, которые получили развитие уже после его смерти, в период реформ танзимата (1839—1876 гг.) [см. 179, стр. 225 и сл.].

Начатые в 90-х годах XVIII в. реформы для их успешного осуществления требовали офицеров, военных и гражданских инженеров, чиновников, врачей и преподавателей, дипломированных специалистов по разным отраслям хозяйства. Они порождали нужду в людях, имеющих не религиозное, а светское образование, знающих европейские языки, осведомленных о научно-технических и культурных достижениях народов европейских стран и способных применить их в Турции. Нововведения, к которым приступили в 90-х годах, не ограничились военной и административной сферами, а с самого начала приобрели более широкий характер.

В период реформ конца XVIII — середины XIX в. в Турции начинает складываться система светского образования. Первыми учебными заведениями, где религии отводилось второстепенное место, были различные специальные учебные заведения. На таких началах велось обучение в Военно-морском училище, реорганизованном в 1784 г., и в Военно-сухопутном училище, основанном в 1793 г. С помощью французских преподавателей и инструкторов в них готовились офицеры для новой армии Селима III, специалисты по мореходному делу и фортификационным сооружениям. Эти училища не прекратили своего существования и после свержения и убийства Селима III в 1807 г. При Махмуде II и в годы танзимата было основано около двух десятков специальных училищ, в том числе Военно-медицинское (1826 г.), Военное общевоинское (1834 г.), Военное музыкальное (1834 г.), Сельскохозяйственное и Ветеринарное (1847 г.), Педагогическое (1848 г.), ряд училищ для подготовки чиновников (1838, 1849, 1859 гг.) и т. д. С 1839 г. в Турции начали создаваться общеобразовательные начальные школы — рюштие, в которых уроки религии также были потеснены светскими предметами, с 1845 г. — средние школы I ступени — идадие, готовившие главным образом абитуриентов для военно-учебных заведений. Школьная реформа 1845—1846 гг., хотя и не была осуществлена во всем объеме, содействовала некоторому развитию светских начал в системе просвещения. К середине XIX в. в специальных учебных заведениях ежегодно получали образование сотни, а в рюштие и идадие — тысячи учащихся [подробнее см.: 161, стр. 24 и сл.].

---

¹ Подробнее о причинах неудач Селима III см. [170, стр. 98 и сл.].

Не менее важно иметь в виду, что в первой половине XIX в. в турецких школах происходят существенные перемены в самом содержании учебного процесса. В мектебах, особенно в крупных городах, постепенно начинает распространяться обучение турецкому языку, арифметике, началам географии, хотя здесь главным предметом остается мусульманская религия. Школы рюштие и идадие были задуманы как светские учебные заведения, а специальные училища, особенно военные, готовили своих учащихся по программам, заимствованным на Западе.

На рубеже XVIII—XIX вв. в Турции начинает увеличиваться спрос на разнообразные книги — учебники, специальную научную и техническую, а также художественную литературу. Печатные книги, притом в достаточном количестве и по доступной цене, становились необходимыми не отдельным библиофилам, а новому слою читателей: офицерам и курсантам военных училищ, преподавателям и слушателям специальных учебных заведений, учителям и учащимся новых школ, врачам, чиновникам и адвокатам, переводчикам и писателям, молодым туркам, отправляющимся на обучение в Европу, и т. д. В сущности, реформы Селима III положили начало формированию той самой вышедшей из феодально-бюрократического сословия турецкой интеллигенции, которая с 60-х годов XIX в. стала играть важную роль не только в культурной, но и в общественно-политической жизни страны, в борьбе против феодально-абсолютистского режима.

В период реформ «низам-и джедид» развитие книгопечатания было связано прежде всего с нуждами армии и военно-учебных заведений. После того как французскому посольству в Стамбуле было отказано в приобретении типографии Ибрагима Мутеферрики, оно основало свою типографию, которая имела как турецкий (арабский), так и латинский шрифты. Первые турецкие книги здесь были напечатаны еще в середине 80-х годов XVIII в. Они были написаны преподавателями Военно-морского инженерного училища, приглашенными в 1785 г. из Франции, и предназначались для ее курсантов. В переводе на турецкий язык в посольской типографии были, в частности, опубликованы «Основы знаний об организации сухопутной армии» (1786 г.) и «Основы знаний о классах кораблей военно-морского флота» (1787 г.) [237, стр. 111—114]. Селим III, придя к власти, всячески поощрял переводы сочинений иностранцев и «при каждом удобном случае рекомендовал государственным сановникам читать книги, переведенные на турецкий язык» [253, т. V, стр. 69]. По его распоряжению в типографии Мутеферрики было издано три трактата выдающегося французского военного инженера Себастьяна Вобана: «Военное искусство»

(1792 г.), «Фортификационное искусство» (1793 г.) и «Искусство ведения осады» (1794 г.) [237, стр. 110]. Они были основными учебными пособиями в Военно-сухопутном училище.

В 1795 г. Селим III распорядился создать новую типографию — «Мюхендисхане матбаасы» (типография Инженерного училища). Здесь было продолжено издание переводных и компилятивных сочинений по военному делу, учебников по математике (в частности, по геометрии) и геодезии, пособий по географии, арабских и персидских грамматик и словарей, логарифмических таблиц и атласов [300, т. VII, стр. 583—588]. В 1798 г. в этой типографии была напечатана на французском языке книга Махмуда Раифа «Картина нового устройства Османской империи», которая явилась в свое время известным событием в политической жизни Турции.

В конце XVIII — начале XIX в. Махмуд Раиф принадлежал к числу тех немногих османских государственных деятелей, которые задумывались над регламентацией абсолютной власти султана, ограничении ее рамками светской законности и первыми высказывали идеи, позднее вылившиеся в попытки переустройства Османской империи на началах конституционной монархии. Начав свою политическую карьеру в 1793 г. в качестве личного секретаря турецкого посла в Лондоне Агях-эфенди, Махмуд Раиф стал, по свидетельству его современника, русского посла В. С. Тамары, ревностным почитателем «г-на Питта и конституции аглицкой» [цит. по: 170, стр. 76]. Он направлял Порте проекты, в которых утверждал, что «для подъема османской державы необходимо реформировать ее, отдав предпочтение конституционному строю английского государства» [270, стр. 39]. Активное участие в проведении реформ «низам-и джедид» стоило ему жизни. В книге Махмуда Раифа излагалось основное содержание реформ, проведенных в Турции с 1792 по 1798 г.: финансовой, налоговой, военной [170, стр. 91—93]. Благодаря своей политической актуальности книга быстро разошлась и уже в 1802 г. была переиздана в Париже и Страсбурге [295, стр. 345].

Реформы Селима III начались и проходили в обстановке, когда султана и Порту более всего «беспокоила непрерывная феодальная смута, охватившая к концу XVIII в. обширные области и ограничившая действительную власть центрального правительства чуть ли не одним только Стамбулом и близлежащими районами» [171, стр. 39]. Однако довольно скоро представители светской и духовной верхушки турецких феодалов поняли и опасность, исходившую от национально-освободительных восстаний, особенно в европейских провинциях.

С возрождением и распространением книгопечатания в

конец XVIII — начале XIX в. в наиболее реакционных кругах господствующего класса Османской империи вновь возникли и усилились опасения, что распространение знаний с помощью печатных книг может привести к росту свободомыслия. Эти опасения касались и пропаганды в империи идей французской революции. Назначенный в 1789 г. на пост реис-улькюттаба Атыф-эфенди называл революцию во Франции «развратной пирушкой, которая возникла под влиянием произведений еретиков Вольтера и Руссо и подобных им безбожников» [213, стр. 192]. Турецкий посол в Париже в 1802—1806 гг. Халет-эфенди доказывал Порте, что, по имеющимся у него сведениям, переведенные на армянский, греческий и турецкий языки и имеющие хождение во владениях падишаха французские книги о свободе и республике оказывают на население «разрушительное действие» [253, стр. 102]. По этим причинам реакционные силы, и в первую очередь мусульманское духовенство, начали менять свое отношение к книгопечатанию. Как отмечал один французский путешественник, неоднократно бывавший на Ближнем Востоке в первые десятилетия XIX в., «улемы принялись уверять, что типография не может причинить ни добра, ни зла». В результате было разрешено печатать любые религиозные книги, кроме Корана [99, стр. 58—59].

В 1802 г. в пригороде Стамбула, Ускюдаре, была создана вторая правительственная типография, получившая название «Государственный дом печати» (Дар ут-тыбаат уль-амире). Она стала основным центром книгопечатания в Турции до конца 20-х годов XIX в. Первыми изданиями этой типографии были «Сборник задач по геодезии» Хюсейна Рыфы, «Таможенный тариф» на экспортные и импортные товары русских купцов в Османской империи (на французском языке), «Новый атлас», переведенный с английского языка, двухтомная «История» Ахмеда Васыфа, а также «Памфлет инженера Мустафы на современное состояние военного искусства, техники и наук в Константинополе», в котором, по словам турецкого ученого, было отражено возбуждение, охватившее умы молодых турок в связи с началом проникновения в страну современных научных знаний. В 1810 г. его книга была переиздана в Париже. К тому времени автора уже не было в живых, он также пал жертвой реакционного мятежа 1807 г. [213, стр. 187].

Наряду с этим начали появляться и первые печатные книги религиозного содержания. В 1803 г. в «Государственном доме печати» был опубликован известный религиозно-этический трактат средневекового турецкого схоласта Биргеви «Рисале-и Биргеви»², написанный им в 1562 г. Эта книга,

² Х. Р. Эртург неправильно читает это название в арабской графике как «Трактат о деревне» [237, стр. 117].

ьпоследствии переиздававшаяся десятки раз, предназначалась для учащихся школ в качестве учебника морали и была проникнута «исключительно фанатическим духом» [267, стр. 403—404]. В 1807—1826 гг. в этой типографии печатались главным образом книги религиозного содержания или сочинения, отвечающие традиционным понятиям об учености и образованности: комментарии на трактаты средневековых арабоязычных авторов по вопросам богословия, догматики и права; переведенные с арабского языка книги по логике и риторике; арабские и персидские грамматики и словари, сборники фетв XVIII в.; наставления для паломников; биографии мусульманских святых и тому подобная литература. За это время таких книг было издано около 40, в том числе немало многотомных [300, т. VII, стр. 590, 595].

К числу немногих значительных изданий тех лет относятся книги турецкого ученого-полигистора Шанизаде Атауллаха. С его именем связана организация в Турции Бешикташского научного общества (Бешикташ джемие-и ильмиеси) — первого частного салона, в котором собирались просвещенные турки 20-х годов XIX в., чтобы побеседовать на литературные, философские, естественнонаучные темы. Общество было вскоре закрыто из-за подозрения, что его члены недостаточно уважают традиции и интересуются политикой [304, стр. 229—230]. Шанизаде Атауллах прекрасно знал языки, изучал военное дело, физику, математику, был поэтом, музыкантом, живописцем и даже мастером часовых дел; он перевел с французского языка ряд трудов по навигации и медицине. Являясь официальным историографом (1819—1821 гг.), он составил четырехтомную «Историю» (1808—1820 гг.) [293, стр. 346]. В 1819—1820 гг. были напечатаны книги Шанизаде Атауллаха «Критерии врачей» и «Зерцало тела человека в анатомии его членов». Доказано, что оба сочинения неоригинальны [213, стр. 193—194; 300, т. VII, стр. 592]. Однако они были снабжены большим числом рисунков тела человека, его внутренних органов, хотя закон и ислам запрещали анатомирование. Кроме того, во второй книге Шанизаде Атауллах подробно рассказывал о противооспенных прививках, о которых турецкий читатель впервые получил серьезные сведения именно благодаря этому врачу. Значительная часть труда была посвящена также физиологии. Несмотря на компилятивный характер обеих книг, они способствовали утверждению и распространению в Турции современных медицинских знаний [311, стр. 249; 213, стр. 194]. Эти книги, изданные по специальному указу Махмуда II, были основным учебным пособием на турецком языке для курсантов Военно-медицинского училища и первым пособием по технике противооспенных прививок, которые начали систематически практиковаться в Турции с 1840 г. (в 1845 г. была выпущена

фетва о том, что противооспенные прививки не противоречат исламу).

Последним значительным изданием «Государственного дома печати» в Ускюдаре был трактат Мехмеда Эсада «Основа победы» (1828 г.), посвященный истории ликвидации янычарского корпуса. Этот трактат страдал тенденциозностью, изображая Махмуда II как искоренителя первоосновы всех зол и несчастий империи. Но само его появление на книжном рынке, когда страсти вокруг «благодетельного события» еще не утихли, свидетельствует о том, что печать стала превращаться в орудие политической борьбы. (Показательно, что эта книга Мехмеда Эсада быстро разошлась и была одной из немногих, принесших казне доход [99, стр. 57].)

С середины 20-х годов XIX в., когда после ликвидации янычарского корпуса положение правительства стало более устойчивым, а засилье мусульманского духовенства начало несколько ослабевать, в развитии турецкой печати наметились важные перемены.

В 1821 г. при Порте было создано Бюро переводчиков (Терджюман одасы), которое в 20—30-х годах занималось почти исключительно отбором и переводом лучших европейских, главным образом французских, трактатов по военному делу, а также (особенно в 40-х годах) просвещению. К началу 50-х годов было издано около 50 книг, переведенных сотрудниками Бюро [311, стр. 250—251].

Важным событием в культурной жизни Османской империи первой половины XIX в. была организация книгопечатания в Египте. В 1822 г. по распоряжению Мухаммеда Али в Каире была основана Булакская типография, которая вскоре стала крупным центром книгопечатания на Ближнем Востоке. Поскольку официальным языком в Египте в то время оставался турецкий, типография в Булаке публиковала на нем весьма значительное, а по некоторым отраслям знаний — преобладающее число книг. С 1822 по 1842 г. в Булаке были изданы 243 книги, в том числе 56 до 1830 г. За эти 20 лет на турецком языке было напечатано 125 книг, на арабском — 112, на персидском — 6. Из общего числа книг лишь 24 (10%) имели отношение к мусульманской религии (сборники молитв, суфийские трактаты, книги по фикху). Тематика опубликованных здесь книг дает яркое представление о распределении занятий между образованными арабами и турками в Египте эпохи Мухаммеда Али. Из 48 книг по военному и военно-морскому делу 39 были напечатаны на турецком языке, поскольку военная профессия была монополией турок. Обучение в военных училищах велось на турецком языке, поэтому предназначенные для них учебники по математике и механике в основном турецкие (10 из 16). Для нужд турецкой знати в Египте, а также для вывоза в Турцию пред-

назначались диваны стихов (из 26 книг 22 на турецком языке) и сочинения по истории Османской империи и стран Европы (13 из 15 — турецкие). Напротив, в медицине, ветеринарии, хозяйственной жизни преобладали египтяне, и соответственно за 20 лет на арабском языке было издано: по медицине — 14 книг (из 15), ветеринарии и сельскому хозяйству — 13 книг (из 15), все 10 книг по промышленности и инженерному делу [105, стр. 246—279; 301, стр. 334—335].

Среди напечатанных в Египте книг значительное место занимали компиляции или переводы с западноевропейских языков (особенно с французского) недавно вышедших в Европе трудов по экономике, военному делу, медицине, а также по истории западных стран. В частности, были изданы в переводе на турецкий язык материалы о жизни Наполеона на о-ве Св. Елены («История Бонапарта», 1831 и 1844 гг., в одном томе), «История императрицы Екатерины» Кастера, «История Италии» Карло Ботта, «История Карла XII» Вольтера. Всего в переводе на турецкий и арабский языки было издано 45 сочинений европейских авторов [311, стр. 250—252].

Установить точное число книг, изданных в первой половине XIX в. в самой Турции, не представляется возможным. Данные европейских авторов — Хаммера, Бьянки, Шлехта-Вшерда, которые не интересовались, как правило, изданиями учебников и переводов с европейских языков, определенно занижены. По турецким же данным, с 1795 по 1839 г. только в правительственных типографиях Стамбула было напечатано более 500 книг [249, стр. 31], из чего следует, что в первые десятилетия XIX в. в трех стамбульских типографиях в среднем печаталось не менее 10 книг ежегодно. Эти цифры отражают еще весьма скромные возможности государственных типографий и одновременно показывают, каким ограниченным оставался круг читателей турецкой печатной книги. И все же очевидно, что ко времени танзиматских реформ книгопечатное дело в стране держалось уже не на усилиях отдельных энтузиастов, а на постоянно действующих факторах социально-экономического, политического и культурного порядка.

При Махмуде II издательское дело подверглось новой реорганизации. В 1830 г. в Стамбуле были созданы новая правительственная типография и издательство «Таквимхане-и амире». Хотя это издательство было организовано в связи с началом выхода газеты «Таквим-и векаи» («Календарь событий»), откуда оно и получило свое название, на практике его деятельность свелась преимущественно к печатанию книг. Французский географ Мишо, посетивший новую типографию в октябре 1830 г., писал, что она располагала хорошим помещением, четырьмя печатными машинами, выписанными из Парижа, и в ней трудилось шесть наборщиков. Ди-

ректор типографии жаловался ему на то, что работы не хватает, так как правительство не присылает заказов, достаточных для полной нагрузки [99, стр. 56—57]. «Таквимхане-и амире» стал главным центром книгопечатания в Турции. На его базе в 1863 г. была создана «Государственная типография» («Матбаа-и амире»), которая просуществовала вплоть до ликвидации Османской империи.

Среди стамбульских изданий 30-х годов XIX в. значительное место продолжала занимать религиозная и этико-дидактическая мусульманская литература [299, стр. 598—603]. О большом спросе на сочинения такого рода свидетельствует тот факт, что они издавались не только в «Таквимхане-и амире», но и в типографиях военно-учебных заведений. Так, в 1836 г. в типографии Общевоисового училища (Харбие мектеби) была напечатана этико-дидактическая поэма (месневи) турецкого поэта середины XVIII — начала XIX в. Вехби под названием «Лютфие-и Вехби», которая представляет собой наставление Вехби его сыну Лютфуллаху. В этом стихотворном трактате, стереотипном для османской средневековой литературы, излагаются соображения о пользе наук и знаний, к которым наряду с медициной, математикой, логикой причислялись также каббалистика, алхимия, знание амулетов и талисманов, искусство превращения в невидимку и мистика. После этого «энциклопедического» вступления автор переходил к описанию доброй полусотни человеческих пороков и добродетелей и оценки их в морально-этическом аспекте [299, стр. 563].

О том, сколь глубоко пронизывали все турецкое общество религиозные взгляды и привычки, сколь большое влияние оказывали они на книгопечатание, свидетельствует следующий характерный факт. В октябре 1830 г. французский путешественник Мишо, рассматривая в типографии свежий учебник по алгебре, обратил внимание на то, что и в нем не обошлись без пропаганды мусульманской веры. «Каждая глава этой книги, — писал он, — начинается набожными сентенциями, потому что религия примешивается ко всему, и арифметика не может сказать, что дважды два четыре, без того, чтобы добавить, что бог есть бог, а Мухаммед — его посланник» [99, стр. 57].

По-прежнему ежегодно издавались арабские или персидские грамматики, пособия по стилистике, арабо-персидско-турецкие словари, которые были в большом ходу в медресе, а также в специальных учебных заведениях.

Вместе с тем в 30-х годах был издан ряд сочинений научного характера. Наиболее значительными из изданий такого рода были труды по математике, военному делу и технике, принадлежавшие перу Ходжи Исхак-эфенди, видного деятеля турецкой культуры первой половины XIX в. В 1831—

1832 г. были напечатаны четыре тома основного труда Ходжи Исхака под названием «Свод математических наук». Первый том «Свода» был посвящен арифметике, алгебре и геометрии; второй — тригонометрии, применению алгебры в геометрии, дифференциальному и интегральному исчислению и конусам; третий — физике, механике, оптике и атмосферным явлениям; четвертый — электричеству, геометрии шарообразных тел, астрономии и, наконец, химии. Ходжа Исхак не во всем стоял на уровне современной ему науки — он, например, рассматривал реакции анализа и синтеза в химии как некое «искусство» [274, стр. 24—25], но он первым начал серьезно разрабатывать турецкую терминологию по современной математике, физике и механике на основе терминологии, принятой в Западной Европе [213, стр. 196—197]. Кроме того, Ходжа Исхак написал сочинения по военному делу, литейному производству, которые тогда же были изданы в Стамбуле и переизданы в Египте [271, стр. 23—24].

Важным новым явлением в издательском деле в Турции в 30-х годах XIX в. было возникновение литографий. Существующие казенные типографии были маломощны, неповоротливы, книги печатались в них долго и стоили очень дорого. Например, в 1842 г. «Букварь» стоил 5 курушей, «География Европы» — 28, 4-я часть учебника по математике Ходжи Исхака — 40 курушей и т. д. [249, стр. 33]. Для сравнения отметим, что в конце 30-х годов корова стоила от 40 до 100 курушей, вол — до 120, пара буйволов — до 600 курушей [28, стр. 174—175]. Литографии не требовали такого сложного и дорогостоящего оборудования, как типографии, и к тому же в стране имелось избыточное число лишавшихся постоянного занятия переписчиков — хаттатов, готовых трудиться за любую плату. Кроме того, литографский способ давал возможность быстро издавать книги с иллюстрациями, учебники с чертежами и схемами, карты, рисунки, бланки и т. п., в том числе и многоцветные. Все это делало литографии коммерчески выгодными предприятиями, и поэтому они уже в первой половине XIX в. получили значительное распространение.

Первую литографию в Турции основали французы — братья Анри и Жак Кайоль. Оказавшись в Стамбуле в 1830 г. проездом, они были поражены изяществом рукописных книг и решили, что могут хорошо заработать на их размножении литографским способом. Поскольку в те годы в турецких правящих кругах очень много говорили и думали о том, как лучше организовать и быстрее обучить новую армию, братья нашли путь в военное министерство. Выписав необходимое оборудование, Анри Кайоль создал в 1831 г. литографию и приступил к делу. Автором первых литографских изданий был сераскер (военный министр) Коджа Хюс-

рев-паша, и все они были посвящены военным вопросам. В 1831 г. был напечатан трактат об основах обучения пехотного батальона, в 1832—1836 гг.— «Устав пехоты», «Обучение артиллерийского полка», «Обучение пехотных войск, действующих совместно с артиллерией», «Памятное наставление для офицеров» и «Обучение артиллерийской батарее». Все эти издания сопровождались многими рисунками, чертежами, схемами и таблицами [242, стр. 7—22].

В 1836 г. Анри Кайоль основал собственную литографию в Бейоглу, которая в течение трех десятилетий пользовалась очень широкой известностью в Турции и печатала книги не только на турецком, но и на других языках. В 1838 г., в частности, здесь была издана французская грамматика, в которой французское произношение было показано буквами турецкого алфавита [242, стр. 23]. Еще при жизни Анри Кайоля (он умер в 1865 г. от холеры) основал свою типографию его родственник Жак (Яхья), а в 1870 г.— его прежний сотрудник далматинец Антон Зеллич. Свои литографии в Стамбуле имели иезуитский колледж Сен-Бенуа, англичанин Уильям Черчилль и некоторые другие предприниматели не-турецкого происхождения. Важное место в их изданиях занимали учебные пособия для специальных школ. Как сообщает А. Убичини, к началу 50-х годов галатасарайские (т. е. расположенные в Бейоглу) литографии выпустили 75 тыс. экземпляров таких учебников и пособий [311, стр. 251].

Начиная с 30-х годов возникает ряд турецких литографий. Они создавались прежде всего при государственных ведомствах и в крупных военных и специальных учебных заведениях. Наиболее известны литографии при Военном общевоинском (создана в 1835 г.) и Военно-медицинском училищах (в 1846 г.), при отделе по строительству фортификационных сооружений военного министерства (в 1849 г.), при Школе чиновников — Валиде султан (в 1850 г.), при Управлении по делам просвещения (в 1851 г.). Из частных турецких литографий, возникших в 40-х годах XIX в., наиболее значительным было предприятие торговца мукой Хаджи Халиля Унджу, который получил разрешение на издание «некоторых книг по шариаху и толкованию мусульманских вопросов, а также книг по грамматике» и других учебников. Ряд литографий основали в Стамбуле армяне [249, стр. 38—39; 250, стр. 6].

Дальнейшее оживление в турецкой печати тесно связано с началом танзимата. Возникновение и распространение системы общеобразовательных светских школ привели к тому, что в 1847 г. при Порте был создан Постоянный совет по делам публичных школ, в обязанности которого входили организация подготовки и издание учебной литературы. В 1857 г., когда этот орган был преобразован в министерство просве-

щения и в ведение последнего перешла главная правительственная типография, внимание к книгопечатанию еще более возрастает. Еще в 1851 г. в Стамбуле был учрежден «Комитет знаний» («Энджумен-и даныш»), своеобразная турецкая «академия», состоявшая из 40 постоянных («внутренних») членов и большого числа консультантов («внешних членов»), среди которых значились Хаммер, Бьянки и некоторые другие известные европейские ориенталисты [210, стр. 47—57]. Его главной задачей было «служить размножению на турецком языке необходимых книг по различным наукам и способствовать развитию турецкого языка» [249, стр. 40]. Очень важно заметить, что для обозначения понятия «различные науки» в уставе комитета было употреблено слово «фен», а не «ильм». В середине XIX в. настоящими учеными-улемами продолжали оставаться только выпускники медресе, и область их знаний считалась настоящей наукой — «ильм». Таким образом, под наукой имелись в виду только мусульманское богословие, изучение Корана, преданий о жизни и деяниях Мухаммеда, жизнеописаний мусульманских святых, мусульманского права. То, что позднее стало принято называть «положительными науками», т. е. те науки и знания, которые составляют самое содержание светского образования и просвещения, именовали в Турции тех времен словом «фен» (мн. ч. «фюнун»), что в прямом значении соответствовало понятиям «отрасль», «узкое ответвление», а также «искусство», «мастерство», «техника». Из этого следует, что созданный «Комитет знаний» должен был заниматься светскими науками и содействовать изданию книг для светских школ, научной литературы. «Комитет знаний», просуществовавший до 1862 г., сыграл положительную роль в отборе таких книг для переводов и издания и мог материально поощрять авторов лучших сочинений.

Кроме того, в 40—50-х годах в турецком обществе получают новый стимул и развиваются процессы, не связанные с деятельностью танзиматских реформаторов. «Движение за европеизацию и возрождение,— пишет турецкий исследователь,— которое остановилось на полпути после восстания янычаров и свержения с престола Селима III, с началом периода танзимата вошло в новую фазу, и оно не ограничилось только областью административной и политической, но проявило себя также в идеологии, культуре и образовании» [цит. по: 168, стр. 15]. Танзиматские реформы способствовали развитию общественной мысли Турции, привели, по выражению А. Убичини, к возникновению нового «интеллектуального движения» [311, стр. 219]. Бюро переводчиков после 1839 г. превратилось в своеобразный институт, «где изучались западные языки, устраивались литературные диспуты» [168, стр. 15—16]. С 40-х годов в Стамбуле начинает действо-

вать постоянный театр («Театр Наума»), на сцене которого приезжие артисты ставили оперы, балеты, спектакли европейских авторов. Делались первые попытки сыграть переработанные европейские пьесы на турецком языке. Отмечая важность этих фактов для формирования новой турецкой культуры, Бьянки писал: «Эти представления открывают для Турции театральную эру, влияние которой может быть только благотворным для совершенствования национального языка и литературы, обогащения ее зарубежными литературными шедеврами» [113, стр. 542]. Курсанты Военно-музыкального училища в Стамбуле регулярно исполняли отрывки из произведений Доницетти, Мейербера, Верди, Штрауса, Гайдна и Россини; в 1846 г. в султанском дворце дал концерт Лист [290, стр. 486; 311, стр. 250]. Еще более широкие возможности приобщения к европейской культуре открывались перед теми молодыми турками, которые с 40-х годов XIX в. постоянно направлялись на обучение за границу и часто жили там много лет. В частности, 60 турок обучались только в Османской школе, открытой в Париже в 1855 г. Идущее снизу оживление в общественно-политической и культурной жизни турецкого общества не менее, чем правительственные меры, способствовало дальнейшему развитию печати. Необходимо, однако, отметить, что эти новые веяния в жизни Турции накануне и в период танзиматских реформ при всем том, что им принадлежало будущее, отнюдь не определяли уровня политического, социального и культурного развития турецкого общества эпохи танзимата. Решающим было то, что Османская империя оставалась феодально-теократической абсолютистской монархией. Политическая мысль, научная деятельность, художественное творчество делали в 40—50-х годах лишь первые попытки освободиться от пут религиозных концепций. Нормой политического мышления было безоговорочное признание божественного происхождения власти падишаха и неукоснительное следование шариату. Мерой учености и образованности продолжали оставаться знание арабского языка, штудирование Корана и религиозно-мистических трактатов. Высшим образцом художественного вкуса объявлялись эпигонские подражания классикам средневековой поэзии.

В этих условиях не просто было издать и продать книгу, утверждающую научные знания, пропагандирующую прогрессивные политические взгляды. Более того, сам выпуск печатных книг, их распространение среди населения за стенами учебных заведений наталкивались на немалые трудности. Нередко случалось, что мусульманское духовенство противилось использованию в школах уже отпечатанных учебных пособий [270, стр. 49—50]. К тому же в глазах большинства библиофилов эпохи танзимата печатная книга, особенно

светского содержания, продолжала еще оставаться как бы второсортной и не заслуживала такого внимания, как рукописная. Никаких данных о количестве книг, размножаемых путем переписки от руки, в источниках и в литературе нет. Не вызывает сомнений, что по мере роста книгопечатания оно сокращалось. Однако в библиотеках, как частных, так и публичных, накапливались главным образом рукописные книги. Число библиотек в годы танзимата выросло. По сведениям А. Убичини, к началу 50-х годов только в Стамбуле насчитывалось около тысячи библиотечных собраний, завещанных частными лицами в вакуф, и до 40 постоянно открытых публичных библиотек и читален. Некоторое представление о росте фондов библиотек и соотношении числа рукописных и печатных книг дает следующий пример: около 1785 г. в библиотеке при мечети Мехмеда Фатиха насчитывалось 1625 книг, все рукописные; в 1852 г. в ней было 9 тыс. рукописных и около 1,2 тыс. печатных книг [311, стр. 220—226]. Но при всем огромном влиянии, которое сохраняло мусульманское духовенство в идейной жизни турецкого народа в ту эпоху, книги светского содержания постепенно прокладывали себе дорогу и находили все более широкий круг читателей. Этот процесс эволюционировал параллельно и взаимосвязанно с вызреванием и сложением прослойки новой турецкой интеллигенции и подготавливал почву для развития либеральных и конституционных идей в Турции 60—70-х годов XIX в. Чтобы нагляднее представить закономерный прогресс в духовной жизни турецкого общества за 20 лет — с начала танзиматских реформ до кануна буржуазно-либерального движения, давшего новый толчок развитию турецкой общественной мысли и культуры, необходимо, хотя бы в общих чертах, обрисовать тематику книг, изданных в 40—50-х годах.

Когда в 1839 г. в Турции были открыты первые две школы рюштие, Совет по общественным работам постановил обратить внимание на подготовку для начальных школ учебных пособий, которые помогли бы учащимся усваивать Коран, а также основы веры и правила поведения мусульманина. В 1840—1844 гг. только в главной правительственной типографии было издано более 30 книг по вопросам мусульманской религии, т. е. почти половина всех книг, изданных в течение неполных пяти лет³. Первыми книгами, напечатанными в 1840 г., были переработанные для школы и упрощенные по языку трактаты уже упоминавшегося турецкого богослова XVI в. Биргеви — «Васиет-наме» («Завет») и «Тарикат-наме» («Книга истинного пути»). Кстати, это упрощение языка в книге по основам вероучения ислама не понравив-

³ Списки стамбульских изданий за 1841—1844 гг. см.: [119, стр. 247—266; 120, стр. 211—224; 121, стр. 253—282].

лось реакционным улемам, которые придерживались того взгляда, что «простота и ясность стиля... находятся в противоречии с османской концепцией учености» [304, стр. 264—265]. В тот же срок был напечатан ряд трактатов шейхов мусульманских орденов, особенно из ордена накшбенди, членами которого были виднейшие сановники империи.

Авторы религиозных трактатов в середине XIX в. требовали от турецкого народа слепой покорности аллаху и падишаху, призывали его к неустанным молитвам, к неукоснительному соблюдению старых традиций. Среди прочих подобных изданий в 1841 г. появилось компилятивное сочинение «О смертных грехах» шейха из Бурсы Исмаила Хаккы, умершего в начале XVIII в.; в книге перечисляются 70 «смертных грехов» мусульманина, в их числе отсутствие страха перед божьим наказанием, склонность к новшествам и нововведениям, любовь к мирскому, пение, танцы и слушание музыки [119, стр. 260—261]. В 1844 г. из печати вышел в переводе на турецкий язык трактат суфийского мистика X—XI вв. Ансари «Сливки советов», в котором названо более 300 правил поведения мусульманина и норм его морали [121, стр. 272—276]. В середине 40-х годов в литографии Военно-медицинского училища была напечатана «Мораль» Рифат-паши. Эта книга, в которую внес некоторые поправки султан Абдул Меджид, стала основным учебником для школ и до начала 70-х годов XIX в. выдержала 55 изданий [249, стр. 36—37].

Второе место в изданиях 1840—1844 гг. занимают сборники стихов — диваны — главным образом турецких поэтов конца XVII — начала XIX в. Затем идут арабские и персидские грамматики и словари. Из исторических сочинений, которые были изданы в тот период, следует назвать пять томов «Истории» Табари. В 1842 г. в переводе с персидского языка был издан первый, посвященный доисламским пророкам том «Всеобщей истории» персидского автора XV в. Мирхонда. В 1843 г. в виде отдельной книжки были напечатаны выборки из десяти томного сочинения турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, относящиеся к Стамбулу [см. 163]. С 1847 г. в Турции начал регулярно выходить официальный «Ежегодник» («Салнаме»).

В целом изучение аннотированных списков книгоиздательской продукции турецких типографий в 40-х годах XIX в. дает возможность отметить сравнительно незначительные отличия в тематике и назначении книг по сравнению с двумя предшествующими десятилетиями. По-прежнему важное место занимали издания богословских книг по исламу и примыкавших к ним юридических и этико-дидактических сочинений. Как и раньше, светская литература была представлена преимущественно учебниками для военных

и гражданских школ. Публиковавшиеся исторические сочинения в большинстве своем рассказывали о событиях далекого прошлого. И все же постепенным пополнением научных знаний турецкое общество было обязано прежде всего печатной книге. Именно она во многом способствовала определенному прогрессу в интеллектуальной жизни Турции.

Развитие этого процесса, необратимого в силу общих закономерностей прогресса человеческого общества, заметно ускорилося в 50-х годах XIX в. В немалой степени этому способствовала Крымская война 1853—1856 гг. Она вскрыла многие пороки господствовавшего в стране режима, обострила недовольство властями, дала новый толчок политическому пробуждению турецкого общества. Кроме того, политическому просвещению многих молодых турок (особенно офицеров, чиновников и учащихся) немало способствовало общение с французскими и английскими армиями, оказавшимися на территории Турции в годы войны. Следствием этого общения, как писал один из очевидцев, было появление среди турок «вевний парламентаризма» [30, стр. 134]. О сдвигах, происходивших в общественно-политической и культурной жизни страны, со всей определенностью свидетельствует и турецкое книгопечатание.

По приблизительным подсчетам, с 1851 по 1860 г. в типографиях и литографиях Стамбула было издано около 200 наименований, из них собственно богословских лишь немногим более 30 книг⁴. Из этого вовсе не следует, что религиозные книги стали редкостью: частные и общественные библиотеки были наполнены ими в избытке. И тем не менее в 50-х годах XIX в. светские книги — научные, специальные, учебные, популярные, литературно-художественные — стали более многочисленны и разнообразны по тематике. Прежде всего необходимо отметить, что в книгопечатании в эти годы нашел отражение поворот к систематическому изучению турецкого языка. В 1851 г. литографированным изданием вышла первая турецкая грамматика — «Правила османского языка». Она быстро разошлась, и до 1894 г. ее переиздавали 13 раз [304, стр. 239]. Авторами грамматики были Ахмед Джевдет-эфенди (впоследствии историограф) и Фуад-бей (впоследствии министр иностранных дел). По турецкому языку были опубликованы учебники письма и стилистики, арабско-персидско-турецкие словари; арабско-персидско-турецкий словарь Редхауза на 25 тыс. слов переиздавался несколько раз и стал «настойной книгой у каждого читающего книги стамбульца» [31, кн. 9, стр. 26]. В учебных же целях на турецком языке были изданы две новые грамматики француз-

⁴ Здесь для анализа изданий использованы списки: [133, стр. 250, 403—404; 134, стр. 845—846; 135, стр. 626—627; 113, стр. 519—555; 114, стр. 287—299; 115, стр. 323—346].

ского языка, французско-турецкий разговорник со словарем, составленный переводчиком военного министерства Арамом Гюзельоглу, две английские грамматики Чофлера.

Все более важное место в книгопечатании приобретала художественная литература. В 50-х годах было напечатано более десяти диванов турецких поэтов, в том числе диван Касыд и газелей Баки (1526—1600), диваны Иззета Моллы (1778—1829) и ряда его менее известных современников, а также «Гюлистан» Саади, диваны Хафиза, Физули, Джамии. Для любителей прозы были опубликованы шесть томов турецкой версии «Тысячи и одной ночи», «Анекдоты Ходжи Насреддина», сборник турецких сказок. В 1859 г. секретарь министерства просвещения Вахид-эфенди издал в литографии составленный им сборник турецких пословиц и поговорок. Тогда же из печати вышли сборники турецких песен с нотами, аранжированные для исполнения в сопровождении фортепьяно или других европейских музыкальных инструментов. Издание их говорит о том, что в середине XIX в. в домах богатых турок стали появляться европейские музыкальные инструменты, а исполнение на них восточных мелодий и турецких песен в их сопровождении уже не рассматривалось как нечто запрещенное и греховное для мусульманина.

Развитие просвещения, усиление контактов со странами Европы, желание найти в прошлом примеры, полезные для современности, способствовали росту интереса к отечественной и всемирной истории. Книги по истории, написанные и изданные в 50-х годах XIX в., показывают, что в турецком обществе господствовал традиционный стереотип исторического мышления, характеризующийся полным отсутствием критического подхода к событиям прошлого. Османские историографы всегда ограничивались простым изложением фактов в хронологической последовательности, даже не пытаясь выяснять их взаимосвязь. Как правильно заметил еще А. Убичини, османские хроники сами по себе не являются историей, они лишь дают материал для нее [311, стр. 241]. Однако и при внешнем отсутствии определенной концепции исторические сочинения, вооружая турецкого читателя знанием фактов истории, служили росту его кругозора, подготавливали его политическое пробуждение.

50-е годы XIX в. отмечены некоторым оживлением в подготовке новых изданий сводов истории Османской империи.

В 1855—1859 гг. в Стамбуле были напечатаны первые четыре тома «Истории» Ахмеда Джеветта, охватывавшие период с 1774 по 1791 г. Остальные восемь томов, доведшие описание событий до 1826 г., были изданы в 1861—1884 гг. Этот труд включил в себя материалы предшествующих хроник, а также новые архивные документы.

В те же годы в Стамбуле вышел печатный труд «История

османского государства» («Тарих-и девлет-и алие-и османе»), автор которого Хайруллах-эфенди начал догадываться, что стереотипная хроника отживает свой век. Хайруллах родился в 1817 г. в Стамбуле в семье теолога и хекимбаши (лейб-медика) Махмуда II Абдульхака Моллы. Сначала он пошел по стопам отца, но в зрелом возрасте посвятил себя науке и просвещению. Хайруллах занимал видные посты в ведомстве публичных школ, был вице-президентом «Энджумен-и даныш» и умер в возрасте 49 лет в Тегеране, куда был направлен послом. Он был многосторонне образованным человеком, владел французским языком, серьезно изучал труды европейских авторов по географии, медицине, естественным наукам, сельскому хозяйству и написал по этим отраслям ряд компилятивных книг [261, стр. 393—394]. В начале 50-х годов Хайруллах взялся за составление всеобщей истории Османской империи в 32 книгах, соответственно числу турецких султанов от Османа до Абдул Меджида. В 15 выпусках история Османской империи была доведена до 1617 г. В ряде аспектов это сочинение было новаторством. Хайруллах первым из турецких историков серьезно изучал исторические сочинения европейских авторов, в частности Хаммера, и попытался воспринять и применить их опыт исторического исследования. Под свежим впечатлением о первых выпусках «Истории» Хайруллаха чешский ориенталист Шлехта-Вшерд писал: «Характерный момент, который выгодно отличает этот труд от всех предыдущих османских историй,— это дыхание терпимости и относительная беспристрастность... Выражение иронии и слепого презрения к европейским государствам и обычаям, как и вообще к христианству... здесь почти полностью отсутствует. Вместе с тем постоянные вплетения синхронной истории Европы в повествование об османских событиях и важность, которая впервые этому придана, являются неслыханным новшеством, поскольку прежние местные историографы совершенно не удостаивали за границу своим вниманием и даже новые делают это лишь поверхностно и ограниченно» [132, стр. 78—79].

Помимо книг Хайруллаха и Джевдета в 50-х годах было издано несколько исторических сочинений, написанных в отдаленном прошлом: «История дома Османова» Мехмеда Солакзаде (ум. в 1657 г.), обширный труд по истории мусульманских государств до падения Аббасидского халифата под названием «Сад друзей», который составил современник Алишера Навои — Джемальеддин Хюсейни, три тома известного сочинения магрибского историка и социолога Ибн Халдуна (1336—1406) «Мукаддима», сборники биографий и т. п.⁵.

⁵ Более подробные справочные сведения об этих работах см.: [293, стр. 84—87, 106—108, 171—172, 203—204, 254—256, 309—312, 359—362, 376—380].

В общем списке изданий исторических трудов сочинения по современности, т. е. по XIX в., занимали весьма скромное место. Однако танзиматские реформы, усиление связей с внешним миром и Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. и в этом отношении не прошли бесследно для Турции. Впервые были напечатаны биографические очерки о европейских государственных деятелях: Талейране, Меттернихе, Веллингтоне, Палмерстоне, Нессельроде; попутно давались сведения о политическом и государственном строе крупнейших стран Европы, о некоторых важнейших событиях, которые происходили там в недавнем прошлом [114, стр. 287—288; 304, стр. 239]. Владелец газеты «Джериде-и хавадис» англичанин У. Черчилль опубликовал в Стамбуле два тома корреспонденций и документов, относящихся к Крымской войне, появились переводные книги из истории России эпохи Петра I с приложением новых административных и статистических сведений о ней и по истории Америки, Китая [107, стр. 51, 75; 113, стр. 539; 114, стр. 295—296].

В 50-х годах из печати вышел также ряд книг по математике, астрономии, географии, навигации, геологии, физике, медицине и здравоохранению, по военному делу, технике, были напечатаны географические карты Азии, Африки, стран Европы, Балтийского и Черного морей, Анатолии, Стамбула и Проливов. В изданиях по естественнонаучным и техническим вопросам обращает на себя внимание отсутствие сочинений средневековых мусульманских авторов. В основном это были компиляции или переводы научных и популярных книг и учебных пособий, написанных европейскими специалистами. Однако они также требовали от специалистов-турок немалых знаний и, кроме того, выдвигали задачу разработки своей научной и технической терминологии. Некоторое представление о расширении круга научных понятий из области современной физики дают, например, изданные в 1853 г. учебники по физике («Хикмет-и табие») и по геологии («Ильм-и табакат-и арз»), которые были снабжены словарями, объясняющими арабские и французские термины [131, стр. 166—168; 132, стр. 75—76].

Итак, в период реформ конца XVIII — первой половины XIX в. в турецком книгопечатании произошли заметные количественные и качественные изменения. К концу 50-х годов основным средством распространения современных научных знаний в турецком обществе, точнее, среди того немногочисленного слоя турок, которые умели читать, стала печатная книга. Распространение светских печатных книг, шедшее параллельно с ростом числа светских специальных и общеобразовательных школ, означало зарождение и развитие трудного в условиях феодально-теократической монархии процесса формирования турецкой буржуазной культуры и буржуазных

идей и норм общественно-политической жизни. На развитие этого процесса оказала влияние и зародившаяся в стране периодическая печать.

* * *

Сдвиги в развитии Турции от периода реформ «низам-и джедид» до танзимата, обусловившие распространение книгопечатания, привели также к возникновению периодических изданий. Уже в середине XVIII в. Высокая Порта начала понимать роль, которую играет пресса в мировых событиях, и создала Бюро печати для переводов из европейских газет. Она даже запросила прусского короля Фридриха II, по каким газетам можно наилучшим образом следить за мировыми событиями, и тот посоветовал туркам ряд органов, поддерживавших прусскую точку зрения [312, стр. 290—291]. Однако дальше этого дело не продвинулось. Первые газеты на территории Османской империи начали издавать иностранцы.

В 1794 г. правительство Французской Республики приняло решение издавать при своем посольстве в Стамбуле «Бюллетен де нувель» («Бюллетень новостей»), который выходил два раза в месяц и был предназначен для того, чтобы «осведомлять живущих в Стамбуле французов относительно дел во Французской Республике, а равно сообщать туркам полезные сведения, касающиеся Европы» [237, стр. 124]. С осени 1796 г. на смену ему пришла «Газетт франсэз де Константинополь» («Французская константинопольская газета»), которая также не касалась турецких дел. Французские оккупационные власти в Египте с 1798 г. выпускали свои листки на французском языке и попытались наладить издание первой арабской газеты. В 1811—1812 гг. французское посольство в Стамбуле выпускало периодический листок с извлечениями из «Бюллетеня великой армии» [266, стр. 14—16, 28—29; 311, стр. 257, 302]. Все эти издания были кратковременными, стояли на стороне от жизни Турции и не оказали никакого влияния на ее печать.

Зарождение газетного дела в Турции связано с деятельностью членов весьма обширной и пестрой по составу французской колонии в Измире. Наиболее влиятельной силой в этой колонии были купцы, которые вели большую торговлю во всей восточной части Средиземноморья, в Малой Азии и в Греции. Естественно, что торговые интересы этих купцов в принципе тесно переплетались с экономической и политической экспансией Франции на Ближнем Востоке. Однако в период национально-освободительного восстания греческого народа против турецкого ига (1821—1829 гг.) из-за нарушения торговли в Греции осевшее в Измире французское купе-

чество несло убытки, и влиятельные его круги, первоначально поддерживавшие греческих повстанцев, скоро заняли протурецкую позицию. Эта эволюция торгово-политических интересов французских торговцев в Леванте отразилась в их прессе. В январе 1824 г. влиятельный купец Шарль Трикон начал выпускать на французском языке газету «Смирнеэн» («Измирец»). За выступления в пользу греков французский консул в Измире Давид по настоянию реис-улькюттаба заставил владельцев газеты прекратить ее издание. Но уже в октябре 1824 г. в Измире начала выходить новая французская газета — «Спектатёр орьянталь» («Восточный наблюдатель»). В греческом вопросе «Спектатёр орьянталь» защищала политику Турции, резко критикуя Англию и Россию, особенно после потопления турецко-египетского флота в Наваринской бухте 20 октября 1827 г. По настоянию великих держав выпуск газеты не раз приостанавливался; ее владельцы часто менялись. В 1827 г. за издание «Спектатёр орьянталь» взялся Александр Блак, пользовавшийся большой известностью в торговых кругах Леванта, адвокат и сын одного из адвокатов Людовика XVI, после казни которого семья Блаков вынуждена была эмигрировать из Франции. А. Блак придал своей газете резкую протурецкую ориентацию, зарекомендовал себя как ярый туркофил, за что получил прозвище Блак-бей. В конце декабря 1827 г., т. е. уже после разрыва франко-турецких отношений, чтобы прекратить издание строптивой газеты, французский экс-консул разгромил ее редакцию и типографию. Но в январе 1828 г. А. Блак начал выпускать новую газету — «Курье де Смирн» («Измирский курьер»). Она была не менее протурецкой по своему направлению и пользовалась большой популярностью, которой немало способствовала громкая, отчасти скандальная слава самого А. Блака [303, стр. 103—136].

Победа России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. дала Греции независимость. Возобновление нормальной торговли французской колонии на Средиземном море ликвидировало основную причину ее разногласий с метрополией и выбило из-под ног А. Блака почву для фрондерства. Однако его газета и сам он привлекли внимание и расположение Порты. Кроме того, Махмуд II увидел, какую большую пользу приносит интересам его непокорного вассала Мухаммеда Али газета «Вака-и мысрие» («Египетские события»), которая с 1828 г. начала выходить в Каире на турецком, а позднее и на арабском языке. Поэтому султан пригласил А. Блака в Стамбул, и с его помощью в 1831 г. была основана газета «Монитёр оттоман» («Османский наставник»), которая выходила около десяти лет. Будучи правительственным органом, эта газета состояла из двух частей — официальной, где печатались различные правительственные постановления,

информация о передвижениях по службе, светская хроника и т. п., и полуофициальной, где «отстаивались интересы Высокой Порты» [250, стр. 66]. Поскольку фактическим руководителем газеты был А. Блак, ее появление было встречено с беспокойством, особенно в Англии и в России. Газета переживала большие трудности. Иностранцы, кроме французов, ее игнорировали. Подавляющее большинство чиновников, для которых она предназначалась, не умели читать по-французски. Ее почти никто не покупал, и она распространялась в принудительном порядке [291, стр. 228—229]. После того как в 1836 г. А. Блак внезапно умер⁶, «Монитёр оттоман» пришла в упадок, но появление ее было последним толчком к созданию газеты на турецком языке.

Такой газетой стала «Таквим-и векаи». Для ее выпуска были организованы специальная типография («Таквимхане-и амире матбаасы») и издательство («Таквим незарети»), во главе которых был поставлен уже упоминавшийся выше официальный историограф Мехмед Эсад. Новое назначение, полученное им в 1831 г., не было лишь следствием благорасположения к нему со стороны султана. Оно вместе с тем отражало взгляд правительства Османской империи на газеты как на хронику (отсюда и название газеты), которую надлежит вести именно официальному летописцу (вакаинювису). Это со всей очевидностью следует из своеобразного программного заявления, так называемого предисловия, напечатанного в первом номере «Таквим-и векаи» 1 ноября 1831 г. Там говорилось, что давно уже заведен был обычай назначать составителей шах-наме, а позднее — вакаинювисов, чтобы они писали хроники, которые сообщали народу о событиях, происшедших в течение последних 20—30 лет. Этому труду посвятили себя Мустафа Наима, Мехмед Рашид, Субхи, Иззи, Васыф. Получилось, однако, что о текущих событиях ничего не объясняется, и поскольку истинные причины их остаются скрытыми, то люди, «в меру невежества целовеческой природы и склонности к критике», придают самым обычным внутренним и внешним делам государства и происходящим в нем переменам некий таинственный смысл, который даже и в голову не может прийти ответственным деятелям. А отсюда проистекают разные вредные слухи и клеветы. Средством предупреждения подобных нападков и могущих произойти от них недоразумений, а также способом

⁶ В 1836 г. А. Блак отправился во Францию и внезапно умер на с-ве Мальта. В его смерти турки винили англичан, англичане — русских, французы — турок, ревновавших к славе А. Блака. Махмуд II назначил его семье пенсию в 25 тыс. курушей, а сыновья Блака были взяты на содержание казны и посланы на обучение во Францию. Один из них, Эдуард Блак, по возвращении в Турцию в 1845—1852 гг. был корреспондентом полуофициальной «Курье дё Константинополь», а в 1876—1877 гг. — директором Департамента печати [237, стр. 132—134].

дать людям «внутреннее успокоение и радость» является ежедневная информация обо всем, что происходит. Одновременно нужно распространять знания о науке, промышленности и торговле. Рукописным путем осуществить все это невозможно, а потому и решено издавать настоящую газету [266, клише].

Из этой программы следует, что, начиная издавать газету «Таквим-и векаи», которую в дальнейшем предполагалось печатать также на арабском, греческом и армянском языках, Порта надеялась, что с ее помощью удастся замедлить или ослабить нарастание недовольства внутри империи, способствовать оживлению экономики, распространению просвещения, проведению реформ. Вместе с тем, принимаемая решение об издании газеты, Махмуд II заявил: «Она будет очень полезна моей власти при условии, что совершенно не будет касаться священного шариата и государственного устройства» [253, т. V, стр. 162]. Таким образом, «Таквим-и векаи» была задумана как официоз, закрытый для политических и иных дискуссий. Она рассылалась по списку [289, стр. 31].

Первое время газета «Таквим-и векаи» пользовалась известным успехом⁷. С 1832 г. она начала печататься на арабском, греческом и армянском языках; в ней помещались некоторые материалы, которые представляли интерес для читателей-нетурок. Кроме того, росту интереса к газете на первых порах способствовало учреждение в Турции в 1832 г. почтовой службы [286, стр. 12]. Тем не менее еще при жизни Махмуда II «Таквим-и векаи» стала приходить в упадок. Тому был ряд причин. В штате газеты не было ни одного профессионального журналиста. Долгое время корреспонденцию по гражданским делам подбирал один из секретарей канцелярии великого везира, а по военным вопросам — адъютант сераскера, причем оба не освобождались от основной службы в своих ведомствах. При этих условиях обеспечить регулярность выхода номеров было невозможно. Иногда они появлялись каждую неделю, порой не выходили и раз в месяц. В 1832 г., например, вышло 24 номера, в 1837 г. — 15, в 1858 и 1859 гг. — по 8 номеров [237, стр. 142—147]. Запаздывания в издании газеты приводили к тому, что в ней печатались «новости», которые уже давно были обсуждены во всех стамбульских кофейнях. Популярности «Таквим-и векаи» не способствовал и язык. Писавшие в нее медресисты наполняли ее длинными и заумными фразами, насыщенными арабо-персидской лексикой и оборотами, совершенно чуждыми и непонятными турку, не прошедшему специальной выучки.

---

⁷ Подробнее описание первых номеров см. [237, стр. 137—148].

При всех своих недостатках «Таквим-и векаи» как первая и в течение длительного времени единственная турецкая газета сыграла положительную роль в жизни турецкого общества. Вот как об этом пишет известный исследователь истории турецкой печати Сервер Искит: «Мы считаем, что история нашей прессы началась с издания „Таквим-и векаи“... Правда, эта газета была официальным государственным органом и не являлась выразителем и политическим рупором развивающихся национальных идейных движений, как это имело место в других странах. Но как бы то ни было, „Таквим-и векаи“ выходила на нашем родном языке, в ней печатались также и неофициальные статьи...» [250, стр. 3—4].

История появления второй газеты на турецком языке не совсем обычна [подробнее см.: 157, стр. 84—86]. В мае 1836 г. английский купец, корреспондент «Морнинг Геральд» Уильям Черчилль по неосторожности на охоте ранил мальчика-турка, за что был избит и с ведома министра иностранных дел Акиф-паши посажен в тюрьму. Английское посольство использовало последнее обстоятельство как повод для того, чтобы убрать министра — сторонника добрососедских отношений с Россией, а заодно и припугнуть Порту. В результате давления английского посла Понсонби Акиф-паша был отстранен, а У. Черчилль в порядке «возмещения ущерба» получил 400 тыс. пиастров, льготу на торговлю оливковым маслом и право на издание газеты на турецком языке [94, стр. VII].

Через четыре года после этих событий У. Черчилль создал свою газету «Джериде-и хавадис» («Вестник новостей»). 1 августа 1840 г. в первом номере газета в своем «предисловии» извещала читателей, что будет распространять знания о ремеслах, искусствах и просвещении в разных странах [264, стр. 15]. Однако первоначально ни внешне, ни по содержанию «Джериде-и хавадис» не отличалась от официоза [250, стр. 4]. К тому же в Турции тех лет торговля турецкими газетами была делом не только новым, но и неизвестным. Попытка У. Черчилля организовать сбыт своего издания через торговцев рукописными книгами — саххафов — успеха не имела [266, стр. 36]. Поэтому в 1843 г., имея всего 150 подписчиков, газета оказалась на грани финансового банкротства. Тогда на помощь У. Черчиллю снова пришла Порта, которая стала выделять ему для издания дотацию 2,5 тыс. курушей в месяц.

С того времени «Джериде и хавадис» примерно на два десятилетия превратилась в полуофициальный орган Порты. Новое качество открыло газете двери в правительственные учреждения и иностранные посольства. В середине XIX в. «Джериде-и хавадис» уделяла основное внимание внешнепо-

литическим делам. В 1849—1851 гг. до 80% всей газеты занимали перепечатки и пересказы статей западноевропейской, особенно английской, прессы о важнейших событиях в Европе, изредка — в США и в странах Востока. Самостоятельное значение в газете имел отдел объявлений. Довольно обширный уже в 40-х годах, он стал занимать до одной трети площади газеты с лета 1852 г. и давал много полезных сведений о внутренней, особенно торгово-экономической, жизни Турции. В последний год перед Крымской войной материалы «Джериде-и хавадис» во многом были предназначены для местных и иностранных торговцев: в ней постоянно печатались сообщения об аукционах, продаже недвижимости и товаров, о таможах, транспорте и т. п. Нередко в объявлениях сообщалось о выходе новых книг, в частности о печатных изданиях самой газетной типографии — книгах, картах, гравюрах [44, 27.V, 1—20.VIII, 19.X.1852]. Осенью 1852 г. в рубрике «Внутренние события» наряду со светской хроникой и происшествиями в столице появились сообщения из провинции.

В годы Крымской войны 1853—1856 гг. «Джериде-и хавадис» стала основным источником правительственной информации о ходе военных действий и вместе с тем важным проводником британского влияния в Турции. Помимо собственных корреспонденций У. Черчилля она печатала статьи и из английских газет, важные для английского правительства. Первой в практике турецкой прессы «Джериде-и хавадис» начала выпускать приложения. Они появились в ноябре 1853 г. и были посвящены сводкам последних известий о ходе войны с Россией. После войны, как свидетельствуют турецкие авторы, газета продолжала уделять главное внимание международным делам и торгово-экономической жизни, но в ней был создан и литературный отдел [289, стр. 32; 237, стр. 169—170; 266, стр. 38].

Оценивая место «Джериде-и хавадис» в истории турецкой журналистики, С. Искит пишет, что хотя «она печаталась на турецком языке, но турецкой не была» [250, стр. 4]. Х. Эртуг подчеркивает, что поддержка Порты помогла этой газете не исчезнуть, но не сделала ее более популярной среди турок, чем правительственную «Таквим-и векаи»: «Ни одна из них не способна была выразить мысли народа, думы нации» [238, стр. 10—11]. Действительно, «Джериде-и хавадис» не ставила перед своими читателями вопросов, которые затрагивали бы судьбы страны. «Джериде-и хавадис» знакомила турецкую читающую публику с европейской политикой, с отдельными фактами экономической жизни и культуры самой Турции и тем самым расширяла кругозор молодой турецкой интеллигенции. Кроме того, в этой газете (как и в «Таквим-и векаи») получали первоначальные навыки журналистской

работы многие из тех молодых турок, которые в 60—70-х годах приняли участие в создании собственно турецкой прессы.

В период реформ танзимата был основан также первый турецкий журнал — орган местных врачей «Вака-и тыббие» («Медицинские события»); он издавался на испано-еврейском и турецком языках с 1849 г. [273, стр. 199—200].

Кроме «Таквим-и векаи» и «Джериде-и хавадис» в Османской империи в первой половине XIX в. выходил еще ряд газет на западноевропейских и местных языках. В 1850 г. только в Стамбуле их было 11: по четыре газеты на французском и итальянском языках, по одной — на греческом, армянском и болгарском языках. Около 20 газет выходило в провинциях империи, в том числе пять газет в Измире (две французские, греческая, армянская и еврейская), шесть — в Сербском княжестве (все на местных языках), три — в Валахии и Яссах (все на французском), а также в Александрии, Бейруте и в некоторых других городах [311, стр. 259—262]. Порта выплачивала провинциальным газетам весьма значительные суммы, чтобы они поддерживали ее политику. По сообщению главы русской миссии в Стамбуле от 20 декабря 1847 г., сумма ежегодных субсидий главным органам политической периодики Турции составляла 30 тыс. курушей (6, 9 тыс. фр.) в год [25, л. 2], а «Журналь де Константинополь — Эко д'Орьян» («Константинопольская газета — Эхо Востока») получала 60 тыс. курушей [311, стр. 261].

Важным объективным показателем роста влияния печати — книг и периодики — на жизнь Турции являются постановления и законы, регулирующие издательское дело, распространение печатной продукции на территории Османской империи, а также ввоз печатных изданий из-за границы.

В типографии Мутеферрики и в других правительственных типографиях, созданных позднее, печатались только те книги и трактаты, которые получали одобрение официальных инстанций. В этих условиях вводить цензуру не имело смысла. Положение стало меняться, когда в стране возникли частные печатни, издававшие книги на турецком языке. Они появились уже в конце XVIII в. сначала как собственность иностранцев (типографии некоего Кастера и французского посольства), а в 20-х годах XIX в. в Стамбуле турецкими шрифтами располагали армянская и еврейская типографии (последняя принадлежала одному английскому подданному). В 1826 г. в армянской типографии турецким шрифтом был напечатан армяно-турецкий словарь. Сообщая об этом факте, французский путешественник и географ Мишо рассматривал его как свидетельство прогресса терпимости «среди османов, потому что еще не так давно райятам было запрещено пользоваться в их типографиях турецким или арабским

шрифтами» [99, стр. 61]. Де-юре запрет на издания турецких книг в типографиях немусульманских общин был полностью снят законом 1857 г. Кроме того, в 30-х годах усложняется работа государственных типографий, поскольку с ростом спроса на книги резко увеличивается число заявок на издания от частных лиц — книготорговцев, авторов, переводчиков. При этом нередко случалось, что заказанные и отпечатанные книги не находили сбыта и казна, которая по-прежнему оплачивала все издательские расходы, несла большие убытки.

Все это толкнуло Порту на то, чтобы взять под более строгий контроль всю издательскую деятельность в стране. 2 января 1840 г. в газете «Таквим-и векаи» было опубликовано ираде, начинавшееся следующими словами: «Хотя издавна книги, трактаты и другие произведения, отпечатанные и изданные в „Табхане-и амире“, продаются как собственность типографии, однако много прекрасных книг, общественная польза которых очевидна и размножение и публикация которых крайне необходимы, остается в забвении, поскольку чиновники, уполномоченные печатать и выпускать многие достойные и прекрасные произведения, никак не могут решиться на это, полагая, что эти издания, возможно, не будут проданы и государственной казне будет причинен убыток...» Устанавливалось, что впредь заявки на издание книг будут удовлетворяться только в том случае, если заявители заранее погасят все расходы по изданию за свой счет. Отпечатанный тираж передается заказчику, который может продавать книги по им же назначенным ценам [88, стр. 837]. Если клиент типографии не мог оплатить всю стоимость издания заранее, разрешалось в виде гарантии представить поименный список лиц, обязавшихся купить его книгу [237, стр. 138]. Таким образом, ираде 1840 г. признало частную собственность на издаваемые книги. А чтобы ликвидировать опасность издания нежелательных книг, 4 июля 1841 г. был издан новый указ, по которому заказчик был обязан до уплаты типографии «Табхане-и амире» стоимости издания и подоходного налога получить высочайшее разрешение на публикацию данной книги [88, стр. 838]. Этот указ юридически был предпосылкой для введения предварительной цензуры, которая фактически была установлена позже. Одновременно с помощью финансовых мер правительство пыталось заставить книготорговцев заказывать книги не в частных, а в главной правительственной типографии. По особым ираде 1842 и 1846 гг. книги, отпечатанные в «Табхане-и амире», при перевозке их из столицы в провинцию освобождались от таможенных и иных сборов. Тем не менее в ноябре 1854 г. министерство финансов отмечало резкое падение доходов «Табхане-и амире» из-за конкуренции частных литографий.

В июле 1856 г. Высший совет законодательных установлений ввел особый налог на частные литографии, поставил их под контроль правительственных инспекторов и обязал предъявлять на просмотр в «Таквимхане-и амире» предназначенные для печати рукописи [88, стр. 843—845]. Наконец, 15 февраля 1857 г. был подписан первый в истории Турции «Закон о типографиях», который регулировал работу издательств и правила книгопечатания [84, стр. 227—228].

Закон 1857 г. устанавливал, что лица, желавшие открыть типографию или литографию, обязаны получить разрешение в Совете по делам просвещения⁸ и в Управлении полиции. Окончательное разрешение выдавала канцелярия садразама через органы полиции (ст. 1). В провинциях такое ходатайство возбуждалось через губернатора (ст. 2). Любые книги и рисале⁹ могли быть напечатаны только с санкции канцелярии садразама по представлению Совета по делам просвещения, если последний не находил в них «какого-либо ущерба для общества и государства» (ст. 3). Полиция получила право немедленно конфисковывать все «вредные книги и рисале», напечатанные без разрешения (ст. 7), а также закрывать типографии и литографии, созданные в обход этого закона, и привлекать нарушителей к уголовной ответственности (ст. 9). Все открытые ранее печатни обязаны были в шестимесячный срок оформить свое правовое положение в соответствии с новым законом. Опубликованный в августе 1858 г. уголовный кодекс за нарушение закона о печати устанавливал ряд дополнительных наказаний — от денежного штрафа до тюремного заключения [88, стр. 872].

Таким образом, «Закон о типографиях» 1857 г. вводил предварительную цензуру на все непериодические издания. Периодика на турецком языке в то время была представлена всего двумя газетами, на которые эта цензура не распространялась: «Таквим-и векаи» издавало правительство, а «Джериде-и хавадис» печаталась по особому акту султана.

Политика Порты в отношении изданий иностранных поданных определялась привилегированным положением последних в Османской империи, связанной условиями капитуляционного режима. Первоначально, основывая свои газеты, иностранцы даже не спрашивали разрешения ни у турецкого правительства, ни у местных османских властей. Значительный рост числа иностранных типографий и газет в 40—50-х годах XIX в. заставил Порту проявлять больше интереса к издательской деятельности иностранцев в подвластных ей землях. Публикации иностранцев, нередко идущие вразрез с официальными взглядами Порты, хотя они были до-

⁸ В том же году совет был преобразован в министерство просвещения.

⁹ Термин «рисале» многозначен. Это прежде всего «послание», «трактат», «брошюра», «очерк», но также «сборник», «журнал».

ступны лишь немногим знающим западноевропейские языки, давали пищу для критики внутреннего положения империи. Особенно Порту беспокоили случаи появления изданий, явно предназначенных для османских подданных. Один из таких фактов нашел отражение в меморандуме министерства иностранных дел Турции от 18 июня 1849 г., направленном всем иностранным представительствам. В нем говорилось: «Отдельные подданные дружеских государств, находящиеся в областях Леванта, не получив разрешения от местных властей, открывают типографии, печатают и распространяют некоторые книги и газеты на местных языках». Между тем, подчеркивалось в меморандуме, «типографии — это не торговые заведения», открытие типографий и издание книг и газет затрагивает высшие интересы государства. Поэтому всем надлежит обращаться к местным властям за разрешением на право открытия типографии, а намеченные для издания книги предъявлять им на просмотр. Меморандум выражал особое неудовольствие Порты тем, что иностранцы издают газеты и публикуют религиозные книги [88, стр. 842].

По-видимому, это обращение не возымело действия. В июле 1856 г. Высший совет законодательных установлений вновь напомнил, что иностранцам запрещается печатать материалы на турецком или иностранных языках, не получив на то разрешения. В «Законе о типографиях» 1857 г. было записано, что иностранцы могут открывать свои печатни только с разрешения министерства иностранных дел Турции (ст. 4), что без такого разрешения они не имеют права издавать газеты (ст. 6), а намеченные для печати книги и рисале обязаны предъявлять на просмотр (ст. 5). Закон 1857 г. в этой своей части не запрещал уже издававшиеся в Турции иностранные газеты. Он выдвигал лишь то условие, чтобы впредь иностранные подданные испрашивали на это санкцию Порты. Формально она добилась своего, но с усилением полукOLONиальной зависимости Османской империи число иностранных изданий в стране постоянно росло.

* * *

Период реформ конца XVIII — середины XIX в. был важным этапом в развитии турецкой печати. Вместо одной типографии Ибрагима Мутеферрики в начале 90-х годов XVIII в. в Стамбуле действовало более десяти государственных и частных типографий, возникли турецкие типографии в Каире, Измире, на Балканах. С 30-х годов получили распространение турецкие литографии. В развитии книгопечатания на турецком языке большую роль сыграли наряду с турками представители и других народов Османской империи, особенно армяне.

В первой половине XIX в. печатная книга на турецком языке, еще не заняв господствующего положения на книжном рынке, где продолжали преобладать рукописные книги, превратилась в основной передатчик светской образованности и современных знаний. Способствуя некоторому росту рядов светской интеллигенции, книгопечатание служило проведению буржуазных реформ, которые несли стране известный прогресс.

Развитие книгопечатания и появление первых газет на турецком языке оказали влияние на совершенствование письменного османско-турецкого языка. Этому содействовали прежде всего переводческая работа, а также связанное с печатью утверждение турецкого языка как языка науки и преподавания в системе специальных и общеобразовательных светских школ.

Относительные успехи турецкого книгопечатания очевидны, однако как по общему объему книжной продукции, так и по числу печатных книг на душу населения Турция не шла ни в какое сравнение со странами Европы. Книга на турецком языке вообще, печатная книга в частности была известна, доступна и нужна только грамотным, а их в Турции было немного. Неграмотность большинства турецко-мусульманского населения, особенно крестьян и женщин, была главным препятствием на пути развития книгопечатания. К тому же основную массу работников умственного труда среди мусульман Турции составляли учащиеся и преподаватели духовных училищ — медресе, а также прошедшие через них чиновники, богословы и т. п. Эта часть турецкой «интеллигенции» мало или вовсе не интересовалась печатными книгами, поскольку большинство их было посвящено светской тематике. По той же причине не принято было накапливать печатные книги и в частных библиотеках.

Кроме того, на уровне развития турецкой печати отрицательно отражалась экономическая отсталость страны. Не приходится говорить о том, что Турция не производила собственных типографских машин. Не удалось наладить и изготовление своей бумаги. В конце XVIII в. в стране имелась только одна бумажная фабрика в Кягытхане, под Стамбулом, но в начале XIX в. она закрылась. С 1804 г. работала бумажная фабрика в Бейкозе, на анатолийском берегу Босфора. Однако наладить производство бумаги как следует не удалось. Себестоимость продукции оказалась очень высокой, а качество низким. При Махмуде II казна прибегла к принудительному распределению бумаги этой фабрики. Торговцы терпели убытки, переписчики и печатники не хотели брать местную бумагу, и в конце 30-х годов фабрику в Бейкозе пришлось закрыть. Недолго проработала и пущенная в 1847 г. фабрика в Измире. Оценивая влияние этих фактов

на турецкое книгопечатание. О. Эрсой пишет: «Поскольку в XIX в. наше бумажное производство было незначительным, цены высокими, а на рынке господствовала иностранная бумага, печатные книги также были дороги; нельзя отрицать воздействие подобных обстоятельств на публичное просвещение и обучение. Печатные книги не были настолько дешевы, чтобы ими могли пользоваться широкие массы народа» [235, стр. 5]. Для примера укажем, что в 50-х годах XIX в. цены на элементарные учебники колебались в пределах от 6 до 20 курушей, пособия для военных и специальных учебных заведений стоили около 100 курушей («Навигация» — 110, «География» — 120), том «Истории» Джевета — 40—50 курушей, «Кешф уз-зюнун» Хаджи Хальфы (булакское издание) — 620, полный комплект газеты «Джериде-и хавадис» — 10 тыс. курушей (около 2 тыс. фр.) [113, стр. 544—550; 115, стр. 324—329].

Таковы основные итоги развития турецкой печати в период, когда прогресс в экономической, общественной и культурной жизни страны был связан с реформами, проводившимися сверху наиболее дальновидными представителями турецкого феодального класса и бюрократии. Известно, что реформы, начатые при Селиме III и продолженные Махмудом II и деятелями танзимата, не закончились в конце 50-х годов XIX в. Так называемый второй период танзимата продолжался до середины 70-х годов. Однако в 60-х годах XIX в. на развитие книгопечатания и прессы в Турции решающее влияние оказывали не верхушечные реформы Порты, а движение, которое находилось в оппозиции к существующему в стране режиму. В истории турецкой печати начался новый этап.

Глава III

ЗАРОЖДЕНИЕ ЧАСТНОЙ ТУРЕЦКОЙ ПРЕССЫ (60-е годы XIX в.)

Реформы танзимата, не затронувшие основ феодально-теократической монархии, не могли предотвратить политический распад Османской империи и сократить разрыв в уровне ее развития по сравнению с буржуазными странами Запада. В ее сельском хозяйстве преобладали крупное помещичье землевладение и полуфеодальные методы эксплуатации крестьян — издольная аренда, натуральные налоги и откупная система их взимания, ростовщичество и административный произвол. В глубоком упадке находилась промышленность, будучи не в состоянии преодолеть тот барьер, который представляли собой феодально-самодержавный режим и конкуренция промышленно развитых стран, пользовавшихся капитуляциями и неравноправными торговыми договорами. Развитию экономики мешало также отсутствие современных транспортных артерий и средств. Финансовое закабаление, начавшееся в годы Крымской войны, привело Турцию в середине 70-х годов к банкротству. Структура внешней торговли с ее неизменным дефицитом наглядно свидетельствовала о превращении Турции в рынок сбыта и источник сырья иностранного капитала. В 60-х годах XIX в. уже началось превращение Османской империи в полуколонию ведущих держав Европы.

Эти процессы имели прямым следствием усиление эксплуатации и ухудшение положения широких масс деревни и города. Обострилось их недовольство. В 60-х годах началась новая волна освободительных движений против турецкого господства в Румынии и Сербии, Боснии и Герцеговине, в Болгарии и на Крите. Эти движения и рост недовольства в самом турецком народе свидетельствовали о глубоком политическом кризисе Османской империи и возмещали о приближении новых международных осложнений на Ближнем Востоке и Балканах.

Угроза политического и территориального распада Османской империи в результате стремления угнетенных наро-

дов к освобождению от турецкого владычества усугублялась обострением борьбы великих держав за османское наследство. В 60-х годах от империи фактически отпал Египет, в котором хозяйничали Англия и Франция, ослабело турецкое господство в Сирии, Ливане, Аравии и в ряде других османских провинций.

В этой обстановке, характеризующейся нарастанием тревоги правящих кругов за судьбу империи, в Турции складываются три общественно-политические группировки, каждая из которых предлагала свои рецепты вывода страны из опасного положения. Реакционный лагерь, представленный наиболее консервативными кругами турецких феодалов, бюрократии и мусульманского духовенства, выступал с негативной программой и требовал отказа от всяких нововведений, заимствованных у христианской Европы. Они выступали за строгое соблюдение предписаний ислама, старых традиций и устоев, т. е. являлись откровенными политическими ретроградными, ратовавшими за возврат к средневековью.

Вторая группировка стояла за продолжение танзиматских реформ. Эта умеренно-реформаторская группа, занимая ведущие посты в правительстве, олицетворяла собой официальную политику Порты. По ее инициативе были приняты новые земельные законы (1858 и 1867 гг.), отменена цеховая регламентация ремесла (1861 г.), введен ряд новых кодексов (1858—1869 гг.), проведены административные реформы (1864—1871 гг.), в частности учреждены Государственный совет при султани и совещательные советы при губернаторах, принят закон о народном образовании (1869 г.) и т. д.

Наконец, третья группа, либерально-радикальная, не отрицая полезности и необходимости реформ, считала их недостаточными. Она состояла преимущественно из молодой турецкой интеллигенции, получившей светское образование и воспитание, нередко прошедшей курс наук или стажировку в учебных заведениях Франции и других европейских стран. Своим происхождением эта интеллигенция была связана с турецким феодальным классом, с бюрократией, хотя отдельные ее представители вышли из разночинной среды. Но объективно она выступила как защитница интересов турецкой, преимущественно торговой, буржуазии, а также узкого слоя турецких помещиков, приобщавшихся к капиталистическим формам ведения хозяйства. Политическая программа деятелей этой группы оформилась не сразу; начав как просветители в 1860 г., они создали тайное политическое Общество «новых османов» в 1865 г. и всей своей деятельностью проложили путь к провозглашению конституции 1876 г. Именно с деятельностью этой последней группы более всего связан подъем турецкой печати в 60—70-х годах,

хотя на развитие её оказывала влияние совокупность всех, нередко противоречивых и даже непримиримых факторов общественно-политической и культурной жизни Турции этого периода.

Важнейшим событием, положившим начало новому этапу в истории турецкой печати, было возникновение частных газет и журналов. Само их появление свидетельствовало о серьезных количественных и качественных сдвигах в рядах турецкой интеллигенции, о зарождении в стране новых общественных сил, которые видели в печати трибуну для пропаганды и защиты своих взглядов. У истоков нового этапа в развитии турецкой журналистики и новых тенденций в идейной жизни турецкого общества находятся частные периодические издания.

Первой частной турецкой газетой была «Терджюман-и ахваль» («Толкователь событий»). Ее основал видный общественный деятель и деятель культуры, впоследствии член Общества «новых османов» Агях-эфенди (1832—1885)¹.

«Терджюман-и ахваль» начала выходить с 21 октября 1860 г., и эта дата считается изначальной в истории турецкой журналистики. Агях-эфенди привлек к участию в ней ряд образованнейших и передовых людей Турции того времени. В его газете активно сотрудничали и начинали свою общественную деятельность известный просветитель, писатель, поэт Зия-бей (1825—1880), видный историк литературы и языковед Ахмед Вефик-паша (1823—1891), журналист Мустафа Рефик-бей (ум. в 1912 г.), который позднее основал собственную литературную газету «Мират» («Зеркало»), служащий секретариата министерства просвещения Хасан Субхи-эфенди и другие представители молодой турецкой интеллигенции. Однако наибольшую популярность газете принесло имя выдающегося литератора и публициста Ибрагима Шинаси (1826—1871), который играл едва ли не главную роль в выпуске первых 25 номеров «Терджюман-и ахваль». Отмечая роль И. Шинаси в создании этой газеты, Ахмед Расим писал: «Хотя „Терджюман-и ахваль“ публиковалась за подписью Агях-эфенди, создана она была главным образом благодаря писательскому усердию Шинаси» [197, стр. 9].

---

¹ Агях-эфенди происходил из знатного рода анатолийских феодалов Чапаногуллары. Образование получил сначала в Военно-медицинском училище, затем за границей. В 1849 г. поступил на службу в Бюро переводчиков, а в 1852 г. был зачислен в штат турецкого посольства в Париже. В годы Крымской войны служил в министерстве иностранных дел, в 1861—1864 гг.—главный директор почтового ведомства. Он был инициатором выпуска первых в Турции почтовых марок. Не исключено, что в Обществе «новых османов» его привели не столько идейные побуждения, сколько дружба с Зией. «Он никогда не был идеологом,— пишет Ш. Мардин.— Что интересовало Агяха более всего, так это прозякающие благоденствия европейской цивилизации» [304, стр. 259].

Общее направление «Терджюман-и ахваль» было определено в ее программном «Предисловии» (мукаддеме), опубликованном в первом номере газеты за подписью Ибрагима Шинаси. Оно начиналось следующими знаменательными словами: «Поскольку народ, живущий как социальный организм, должен в силу этого факта выполнять определенные обязанности, вытекающие из закона, он считает одним из неотъемлемых и всеобщих прав изустное и письменное изложение мыслей, касающихся пользы его собственной родины». Обосновывая это право народа на свободу слова, Шинаси ссылался на политические газеты «цивилизованных наций, ум которых был развит силой просвещения», и на недавний пример из истории османского государства, когда Высший совет по танзимату официально обратился ко всем подданным империи с просьбой присылать письменные проекты реформ, причем право вносить предложения было предоставлено даже «газетам, которые выпускали на своих языках немусульманские подданные в османских провинциях». Далее Шинаси писал, что настоящая газета будет средством распространения известий о внутренних и международных делах, о различных вопросах просвещения и образования и «прочих полезных предметах». В заключительных словах «Предисловия» Шинаси, обращаясь к возможным корреспондентам газеты, подчеркивал необходимость писать простым языком, «который легко сможет понять весь народ» [цит. по: 237, стр. 159—160]. Таким образом, главной задачей газеты должно было стать просветительство.

Появление «Терджюман-и ахваль» было встречено турецкой общественностью с большим интересом. Ее популярности способствовали и имена членов редакции, и тот факт, что ее выпускали сами турки, и регулярность, и относительно простой язык, и, конечно, содержание. В «Терджюман-и ахваль» под специальными рубриками систематически давалась информация и публиковались статьи (чаще без подписи) о важнейших событиях внутри страны и за рубежом, помещались литературные произведения и научно-популярные статьи. С лета 1861 г. в ней впервые стали появляться передовые статьи, посвященные злободневным политическим темам. Газета уделяла внимание экономике, промышленности, банковскому делу, торговле, транспорту и почтовой связи. Служащий Бюро переводчиков Мехмед Шериф помещал в ней переводы с французского языка на темы политэкономии. На ее страницах регулярно печатались переведенные на турецкий язык статьи из иностранной прессы. Со временем в газете стали появляться также письма читателей. Почти в каждом номере помещались заметки энциклопедического характера по науке, технике, истории, биографические справки о выдающихся людях. Регулярно отводилось место и

материалам официальным (указы, уведомления), светской хронике, разным справкам (расписания отправления и прибытия судов, курс валют на стамбульской бирже и т. п.) [237, стр. 152—165]. Из одного этого перечня видно, сколь широко понимала свою просветительную задачу редакция этой газеты.

В декабре 1860 г. на страницах «Терджюман-и ахваль» возникла первая в истории турецкой прессы дискуссия. Она касалась первой турецкой пьесы — «Женитьба поэта» Ибрагима Шинаси, которая печаталась в газете отдельными частями с октября того же года. В этой сатирической комедии Шинаси бичевал пороки феодального общества Турции — бесправие женщины, лицемерие и корыстолюбие мусульманского духовенства. Весь смысл пьесы сводился к тому, чтобы показать, что «дело не в пороках и недостатках отдельных людей, а в порочности существующего строя и жизненного уклада» [168, стр. 56].

Успех руководимой Ибрагимом Шинаси газеты вызвал беспокойство У. Черчилля. Осенью 1860 г. вместе с сыном Альфредом он начал выпускать газету «Рузнаме-и джериде-и хавадис» («Ежедневный вестник новостей»), которая сразу взяла враждебный тон в отношении «Терджюман-и ахваль» и в декабре опубликовала анонимную статью, где «Женитьба поэта» была названа «притчей для старух» [237, стр. 162]. На этот выпад «Терджюман-и ахваль» 26 декабря 1860 г. ответила статьей, в которой рассказала читателям о том, как была создана «Рузнаме-и джериде-и хавадис», сообщила, что ее владелец — англичанин, что она находится на содержании у правительства («Рузнаме-и джериде-и хавадис» получала 1,4 тыс. долл. в год) [289, стр. 32]. Таким образом, «Терджюман-и ахваль» придала завязавшейся полемике политическую окраску, что вызвало недовольство Порты. После статьи Зия-бея, который критиковал существующую систему просвещения, призывая сделать упор на распространение светского образования [250, стр. 12], озлобление реакции против газеты Агях-эфенди усилилось, и в мае 1861 г. ее издание было временно остановлено.

Хотя обе газеты нередко нападали друг на друга по пунктам, возникновение дискуссии в печати было для турок новым явлением и открыло им глаза на ранее неизвестные им возможности прессы. Полемика привлекла внимание и вызвала ярость клерикальной реакции против «Терджюман-и ахваль»: однажды ее редакция «вынуждена была отбивать чападение софт, вооруженных палками» [251, стр. 60].

«Терджюман-и ахваль» выходила до 11 марта 1866 г. Возникнув как частная газета либерального направления, она сыграла свою роль в просветительском движении, в политическом пробуждении турецкого общества. Однако с уxo-

дом Ибрагима Шинаси значение «Терджюман-и ахваль» как основного органа нарождающейся буржуазно-либеральной оппозиции постепенно падало.

Ибрагим Шинаси отделился от Агях-эфенди в конце апреля 1861 г. Причины его ухода до сих пор не выяснены, но они носили не личный (или не только личный) характер. Об этом свидетельствует прежде всего различие в программах их газет: в то время как «Терджюман-и ахваль» продолжала оставаться на позициях умеренного либерализма и Агях «не прочь был предоставить ее страницы для всяких пресмыкающихся перед дворцом и правительством борзописцев» [190, стр. 88], газета Шинаси непосредственно подготовила возникновение Общества «новых османов». Кроме того, Шинаси и Агях были выходцами из совершенно разной среды. Агях — отпрыск могущественнейшего феодального клана, некогда владевшего почти всем центром Малой Азии и в 60-х годах еще сохранившего немалое влияние в своих бывших вотчинах [176, стр. 25]. Шинаси, напротив, происходил из разночинцев. Его отец, артиллерийский офицер очень небольшого достатка, погиб во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., когда мальчику было всего три года. Детство и отрочество Ибрагима Шинаси прошли в нужде. Благодаря помощи родственника он смог получить среднее образование и стал писарем в Главном артиллерийском управлении.

Судьба Шинаси круто изменилась, когда на него обратил внимание инициатор реформ танзимата великий везир Мустафа Решид-паша. В 1849 г. он был послан на обучение в Париж, где прожил до 1853 г., изучая финансы и литературу, гуманитарные науки, общественную и культурную жизнь Франции, «находился в контакте с различными либеральными кругами французской столицы» [304, стр. 252—253]². Ибрагим Шинаси был близок с поэтом А. Ламартином и философом-идеалистом Ж. Э. Ренаном. В 1853 г. он возвратился в Турцию и до 1858 г. находился на государственной службе, в частности в Совете по делам просвещения. Но уже с 1856 г. Шинаси отдал все свои силы литературному творчеству. В 1859 г. вышел из печати первый сборник его стихов, а также переводы из Расина, Ламартина, Лафонтена, особенно тех их «произведений, которые заключали в себе смелые выпады против абсолютизма» [190, стр. 89].

Свободолюбивые идеи принесли Шинаси симпатии молодой турецкой интеллигенции и некоторую известность в

---

² Обращает на себя внимание, что такой осведомленный автор, как Ш. Мардин, указывает на 1849 г. как дату отъезда Шинаси в Париж. Если это так, поэт не мог участвовать в политических манифестациях, происходивших во французской столице в 1848 г., о чем пишет, не ссылаясь на источник, В. А. Гордлевский [см. 151, стр. 353].

стране еще до того, как он стал журналистом. Однако именно газета помогла Ибрагиму Шинаси окунуться в самую гущу проблем культурной и общественной жизни Турции и прочно связала его имя с зарождением просветительского и конституционного движения. «Хотя движение „новых османов“, — пишет Ш. Мардин, — было продуктом многих влияний, интеллектуальные основы его были заложены одним человеком. Им был поэт Шинаси-эфенди, чьи произведения знакомили турецкую интеллигенцию с литературными, социальными и политическими концепциями Европы XIX в.» [304, стр. 252]. Ученик и ближайший сподвижник Ибрагима Шинаси в общественной деятельности, литературе и журналистике Намык Кемаль считал его духовным отцом «новых османов» [255, т. I, стр. 377].

Важнейшим новым явлением в жизни Турции, связанным с именем и деятельностью Шинаси, было возникновение общественного мнения. Формирование его самым тесным образом связано с газетой «Тасвир-и эфкяр» («Изображение идей»), первый номер которой вышел 28 июня 1862 г.; в нем сообщалось, что главной целью новой газеты будет просветительство. В традиционном «Предисловии», напечатанном в том же номере, Шинаси писал, что газета «крайне необходима любой цивилизованной стране», что «народ, живущий в условиях цивилизации, сообщает через газеты, которые являются толкователем его мнения, о том, что он думает о путях достижения своей пользы», что с помощью газеты он будет служить обществу [цит. по: 237, стр. 167]. Таким образом, Шинаси первым высказал мысль о том, что газета должна содействовать формированию общественного мнения и что народ имеет право высказывать свои суждения через газету по интересующим его вопросам. Самого беглого сравнения этой программы Шинаси с «Предисловием» «Таквим-и векаи», которое отводило газете роль регистратора событий, достаточно, чтобы обнаружить несомненный прогресс в общественной мысли Турции за прошедшие три десятилетия и принципиально иной взгляд на печать.

После появления первых номеров газеты «Тасвир-и эфкяр» правительство сделало попытку держать газету на привязи с помощью испытанного уже средства. Султан Абдул Азиз, которому в начале царствования хотелось прослыть просвещенным монархом и меценатом, послал Ибрагиму Шинаси в «подарок» огромную по тем временам сумму — 500 золотых лир (около 12 тыс. руб. золотом). Однако Шинаси не пошел на подкуп, заявив: «Мне не предостит такого дела, на которое понадобилось бы столько денег» [197, стр. 34].

Весь свой талант и знания Ибрагим Шинаси направил на то, чтобы сделать «Тасвир-и эфкяр» духовным наставни-

ком передовых элементов турецкого общества. Он привлек в редакцию самых образованных и прогрессивных писателей, которые вместе с тем хорошо знали и классическую восточную поэзию, в их числе Намыка Кемалья, Зию, Реджаизаде Махмуда Экрема, Али Суави. Редакция «Тасвир-и эфкяр» превратилась в своеобразный общественно-литературный клуб прогрессивной турецкой интеллигенции. «Эти маленькие, тесные комнаты во втором этаже над довольно примитивной типографией скоро стали центром притяжения всего того прогрессивного, стремящегося к реформам, к обновлению, что было тогда в турецком обществе. Даже наиболее передовые люди из знати, из крупного чиновничества и офицерства, частенько приходили сюда, как в центр, где зарождалось новое будущее Турции» [190, стр. 96].

Ведущей темой статей и материалов «Тасвир-и эфкяр» было просветительство. По существу же газета «превратилась скоро в форум для выражения новых литературных и политических идей» [304, стр. 254]. Из номера в номер в ней обсуждались вопросы реформы турецкого языка, демократизации турецкой литературы, реорганизации школ, проблемы, связанные с возможностью заимствования Турцией европейских общественных институтов, применения в турецких условиях достижений науки и культуры Запада. Характеризуя «Тасвир-и эфкяр», В. А. Гордлевский писал: «С точки зрения литературы и политики это одна из самых важных османских газет. Основной принцип Шинаси-эфенди, проводимый им в газете, состоял в том, что, знакомя Восток с западной культурой, он хотел создать язык, пригодный для выражения новых мыслей, так как нельзя было о политических вопросах говорить с народом устарелым языком, окутанным тысячами искусственных метафор и образов... Через газету общество знакомилось с новыми идеями... лица, до сих пор восхищавшиеся одной поэзией, теперь постигли значение политики в общественной жизни, определили разнь, которая лежит между правительством и народом» [151, стр. 354].

Турецкие просветители 60-х годов XIX в. считали, что главная причина экономической и культурной отсталости кроется в недостатках образования, для устранения которых необходимо прежде всего освободить литературный турецкий язык от засилья арабо-персидской лексики и грамматических форм, приблизить литературный язык к народному. Проблема создания литературного языка, понятного широким слоям населения, была действительно очень важной. По меткому замечанию современного турецкого историка, османский язык 60-х годов был таким, «над которым надо было очень много думать, когда пишешь, и который кое-как можно было понять, если много думать, когда читаешь» [253, т. VII,

стр. 212]. Особенно заумным был язык официальных документов³.

Упрощение языка было первым необходимым шагом на пути народа к знаниям. Кроме того, реформа языка неизбежно должна была вызвать умирание отживших литературных жанров и стереотипных сюжетов поэзии «розы и соловья». Движение за демократизацию языка и создание новой литературы — прежде всего художественной прозы — отвечало интересам нарождающейся турецкой буржуазии, которая нуждалась в новом орудии воздействия на народ. Новый язык и новая литература, основы которых закладывали на страницах «Тасвир-и эфкяр» Ибрагим Шинаси и Намык Кемаль, призваны были помочь прогрессивным силам турецкого общества того времени в борьбе против феодальных порядков. Как писал исследователь истории турецкой поэзии Гибб, выход «Тасвир-и эфкяр» явился «эпохой в истории османской литературы и османского языка... это было первое выступление современной школы, той школы, которой предназначалось в течение двадцати лет убрать со сцены распавшиеся остатки пяти веков азиатчины... Шинаси справедливо считают основателем современной школы османской литературы, так как он один серьезно и систематически пытался превратить литературу из простого развлечения в инструмент морального и интеллектуального воспитания всего народа» [298, стр. 26—28]. Любопытно, что первый крупный успех у публики газете «Тасвир-и эфкяр» принесла полемика Шинаси с «Рузнаме-и джериде-и хавадис»; начавшись со спора по поводу одной грамматической ошибки, она переросла в литературное состязание и стала символом борьбы между старым и новым направлениями в литературе. В период полемики тираж газеты Шинаси достигал 20—24 тыс. экземпляров [151, стр. 354—355]. Такого тиража не знало тогда ни одно печатное издание Турции⁴.

Большую роль в процессе идейного формирования турецкой интеллигенции и развитии общественного мнения имели печатавшиеся в «Тасвир-и эфкяр» публицистические статьи, материалы по политико-экономическим и социально-правовым

³ Иллюстрируя его бессмысленность, Зия-бей писал в газете «Хюрриет» 7 сентября 1868 г.: «Бумагу, вышедшую из канцелярии министерства финансов, написавший ее прочитать был способен. Но если эту бумагу у него отобрать и потребовать, чтобы он растолковал, о чем она, он ничего объяснить не сможет. Следовательно спрашивает у истца и отвечает ему на разговорном турецком языке. Однако протокол составляет в официальных выражениях. Когда он читает его в такой форме истцу, тому кажется, что слова его переведены на арабский, и он ничего не понимает...»

⁴ Для сравнения укажем, что даже в конце 40-х годов XIX в. только «Джумхуриет» имела тираж 50 тыс. экземпляров, остальные, включая «Улус», печатались тиражом 5—20 тыс. экземпляров. В начале 60-х годов XIX в. в Анкаре не было ни одной газеты, тираж которой превышал бы 30 тыс. экземпляров [164, стр. 26].

вопросам, а также подборки на темы османской и всеобщей истории, современного естествознания. Чтобы как можно больше привлечь внимание читателей к таким материалам, Шинаси печатал их в виде серий статей. Первая такая серия публиковалась с 1 августа 1862 г. по 12 июня 1865 г. Это был перевод широко известного на Западе труда немецкого юриста Ваттеля (1717—1767) «Международное право, или принцип естественного закона в их применении к поведению и поступкам народов и правителей», в котором он писал о преимуществах управления государством на началах просвещения, разума и гуманности, порицал чужеземный гнет и пороки принципа передачи власти по наследству.

Отбирая для своей газеты сочинения по истории, написанные его современниками и соотечественниками, Ибрагим Шинаси отдавал предпочтение тем из них, в которых делалась попытка отойти «от классической исламской концепции истории как процесса, руководимого богом» [304, стр. 261]. Так, в первых номерах «Тасвир-и эфкяр» было напечатано небольшое по объему исследование Абдуллатифа Субхи (1818—1886) «Зерцало известий в монетах прошлых эпох» — труд не совсем обычный, поскольку в нем «исторические события были представлены как часть причинной цепи» [304, стр. 261], а также потому, что впервые турецкий автор строил свое изложение на мусульманском нумизматическом материале.

В феврале — апреле 1863 г. в «Тасвир-и эфкяр» была напечатана серия статей историка, филолога и просветителя Ахмеда Вефика под общим названием «Мудрость истории», в которых впервые в Турции была сделана попытка подойти к истории как науке, имеющей свою методику [304, стр. 261]. Несколько исторических серий, публиковавшихся в «Тасвир-и эфкяр», было посвящено описанию причин упадка османского государства, другие — напоминали о его былом могуществе.

Публикуя в своей газете материалы на исторические темы, Шинаси старался пробудить в обществе патристические чувства, стремление к независимости. Со страниц газеты Ибрагима Шинаси и Намыка Кемалея в обиходное употребление впервые были введены такие слова, как «отечество», «свобода», «патриотизм», «революция». Ибрагим Шинаси первым стал обращаться к туркам как к «нации» («миллет»), подразумевая под этим словом не только мусульманскую религиозную общину.

Почти в каждом номере «Тасвир-и эфкяр» Шинаси прямо или чаще в завуалированной форме выражал недовольство положением в стране. В номере от 26 декабря 1862 г. он подверг критике существующую систему народного образования, указав на то, что в создаваемых светских школах пренебрегают изучением естественнонаучных дисциплин. Однако, пропагандируя достижения современного естествознания, «Тас-

«Тасвир-и эфкяр» публиковала выдержки из «Естественной истории» Бюффона в то время, когда в европейской прессе тогда уже кипели жаркие споры вокруг теории происхождения видов Дарвина, обнародованной в 1859 г. [304, стр. 262].

В других статьях Шинаси критиковал правительство за то, что оно не помогает бедным и не борется с нищетой. Возлагая на него ответственность за это распространенное в стране социальное зло, Шинаси писал: «Всякое правительство, бюрократически центростремительное, должно нести на себе последствия, вытекающие из приемов его управления» [151, стр. 354]. С самого начала издания в «Тасвир-и эфкяр» помещались заметки и серьезные статьи, где давался «анализ политических дел, что было абсолютным новаторством» [304, стр. 260]. 1 июня 1863 г. Шинаси напечатал свою статью, в которой обличал налоговых чиновников в незаконных поборах. На другой же день он был уволен со службы за то, что его газета «слишком часто упоминает о государственных делах» [304, стр. 254].

Репрессивные меры турецких властей, которые имели основание для раздражения газетой Шинаси, вынуждали его прибегать к маскировке, особенно тогда, когда он касался основ существовавшего в стране политического режима. Так, 3 июля 1863 г. Шинаси начал публиковать серию своих статей под названием «Финансовая система Франции», приписав их авторство одному «хорошо известному французскому лицу». В этих статьях, печатавшихся в течение полутора месяцев, он «попытался показать своим читателям основы парламентарного государственного строя» [304, стр. 262]. Чтобы пропагандировать свои взгляды по таким вопросам, Шинаси нередко прибегал к содействию издателя «Курье д'Орьян» («Восточный курьер») Пьетри, с которым он сблизился через Саида Сермеди, горячего сторонника конституционного правления. Ибрагим Шинаси сам написал по-французски нужную статью для «Курье д'Орьян», а затем полемизировал с этой газетой на страницах «Тасвир-и эфкяр» [151, стр. 355]. Так продолжалось, пока полиция не арестовала Сермеди, обвинив его в подготовке покушения на великого везира Али-пашу.

В 1865 г., опасаясь ареста в связи с провалом покушения на Али-пашу, Шинаси тайно эмигрировал во Францию. Руководство газетой перешло к Намыку Кемалю.

Намык Кемаль родился в декабре 1840 г. Он происходил из старинного рода анатолийских феодалов, издавна поставляющих двору видных сановников, которые, однако, стали терять былое влияние с началом танзиматских реформ и приходом к власти новых деятелей [304, стр. 284]. К 18 годам Намык Кемаль закончил привилегированное светское училище Дарульмаариф (Дом просвещения). Хорошее знание арабского, персидского и французского языков открыло ему дорогу

в Бюро переводчиков — средоточие светски образованных и тяготеющих к европейской культуре молодых турок. В 1863 г. он познакомился и сблизился с Шинаси, который помог ему избавиться от подражания мертвым канонам арабо-персидской классической поэзии и найти самостоятельный путь. Совместная работа с Шинаси в «Тасвир-и эфкяр» способствовала формированию политических и общественных взглядов Намыка Кемалья.

Когда 25-летний Намык Кемаль взялся за издание газеты «Тасвир-и эфкяр», он был уже широко известен в Турции как талантливый поэт, страстный полемист, человек обширных знаний и большой смелости. При нем газета сохранила значение центра притяжения учащейся молодежи, прогрессивной турецкой интеллигенции. Переход «Тасвир-и эфкяр» в руки Намыка Кемалья по времени почти совпал с организацией (в июне 1865 г.) Общества «новых османов», в создании которого он принимал самое деятельное участие. Это общество до 1867 г. не шло в своих требованиях далее ликвидации деспотизма и произвола чиновников, создания благоприятных условий для развития местных ремесел, торговли и земледелия, упрочения турецких финансов и устранения иностранного вмешательства во внутренние дела Турции. «Новые османы» полагали при этом, что таких целей можно достичь, если на троне окажется просвещенный и либеральный монарх, который передаст часть своей власти совещательным органам [см. 180, стр. 37 и сл.].

Преобразование «Тасвир-и эфкяр» в орган, выражающий взгляды определенной группы «новых османов», теснее связало ее с главным общественно-политическим движением Турции тех лет. Внутренние и международные события середины 60-х годов XIX в. стали все более определять характер материалов газеты. «Под редакцией Кемалья,— пишет Ш. Мардин,— „Тасвир-и эфкяр“ превратилась в первую турецкую газету, которая давала дотошный анализ международных дел» [304, стр. 27]. Наряду с этим в «Тасвир-и эфкяр» стали появляться статьи Намыка Кемалья, где он выдвигал идеи политического и общественного переустройства Турции, развитые им позднее на страницах газет «Хюрриет» («Свобода») и «Ибрет» («Наставление»). Намык Кемаль был одним из первых турецких просветителей, который понял общественное значение литературы. В номере от 28 августа 1866 г. он заявил, что литература должна быть средством активизации османов в их борьбе за социальный прогресс [304, стр. 323].

Известно, что «новые османы» ни на одном из этапов своей деятельности не искали поддержки широких народных масс. В этом смысле они также были наследниками взглядов Шинаси, который, употребляя слово «народ» в несколько более широком, чем его предшественники, смысле, разумел не мас-

су «подданных султана», а лишь тех индивидуумов, которые, по его словам, «овладели опытом и знаниями» [304, стр. 273]. Все же при Намыке Кемале «Тасвир-и эфкяр» начала обращаться к более широкому кругу читателей, в частности к жителям провинций, а также к женщинам, образование и обучение которых он считал совершенно необходимым для экономического и культурного прогресса Турции [304, стр. 323].

Многие политические материалы, напечатанные в «Тасвир-и эфкяр» во второй половине 60-х годов, были связаны с нарастанием политического кризиса в Османской империи и обострением «восточного вопроса». Наиболее острую реакцию газеты в 1865—1867 гг. вызвали повстанческая борьба греческого населения Крита против турецкого владычества на острове и маневры великих держав, стремившихся извлечь выгоду из нового осложнения внутриполитической обстановки в Османской империи. Намык Кемаль не раз обвинял правительства европейских стран во вмешательстве в дела османской дипломатии. В своих статьях по вопросам внешней политики он обрушивался с резкими нападками не только на правительство царской России. Намык Кемаль писал, что англичане «стараятся ограбить весь мир, не обнажая меча», а французы «хотят, чтобы были независимыми все нации, сколько их есть, кроме тех, которые находятся под их собственным управлением» [255, т. I, стр. 68]. Несмотря на то что статьи Намыка Кемала в «Тасвир-и эфкяр» будили чувства патриотизма и протеста против иностранной экспансии, в них явно проглядывали и великодержавные взгляды. Намык Кемаль не видел, не хотел признавать, что греки Крита поднялись на справедливую освободительную борьбу против чужеземных захватчиков и угнетателей, которыми являлись для них турки.

Давно уже наметившаяся тенденция превращения «Тасвир-и эфкяр» в трибуну скрытой политической оппозиции правительству к началу 1867 г. стала обнаруживаться более отчетливо. 23 февраля в газете было помещено письмо египетского принца Мустафы Фазыл-паши⁵, который от имени «новых османов» заявил, что никакие трудности не помешают им «продолжать разработку проекта реформ, которые возникли из мысли, опыта и страданий» [304, стр. 35]. Намык Кемаль, публикуя это письмо, сопроводил его комментарием, где называл «новых османов» носителями нового общественного мнения, призванных спасти Османскую империю [304, стр. 37—38].

Поддержка фрондирующего принца давала Порте повод

⁵ Мустафа Фазыл-паша, брат хедива Исмаиля, еще в конце 1866 г. уехал в Париж, будучи недовольным решением султана Абдул Азиза об изменении порядка престолонаследия, которое лишало его права стать правителем Египта.

сразу закрыть «Тасвир-и эфкяр». Однако Порта предпочла использовать для этого вызвавшую недовольство посольства статью в номере от 10 марта 1867 г., в которой Намык Кемаль протестовал против вмешательства держав в критские дела. «Тасвир-и эфкяр» была закрыта сроком на месяц, в течение которого в Турции радикально изменились не только правовое положение периодической печати, но и вся политическая атмосфера для деятельности журналистов.

С началом выхода в свет и под влиянием общественного успеха «Терджюман-и ахваль» и особенно «Тасвир-и эфкяр» число органов турецкой периодики стало довольно быстро расти. К 1867 г. только в Стамбуле появилось более 20 новых газет и журналов [266, стр. 84—90]. В большинстве своем они были недолговечными. Отсутствие средств, все усиливающиеся преследования властей приводили к тому, что многие из них закрывались временно или навсегда, просуществовав несколько месяцев, недель или даже дней.

19 февраля 1863 г. начала выходить «Мират». После трех номеров издание прекратилось. Через три года умер от холеры и сам издатель и редактор Мустафа Рефик-бей (1842—1866). Свои первые статьи он писал для «Терджюман-и ахваль» и там познакомился с Шинаси. Турецкие исследователи считают, что Рефик-бей, один из основателей Общества «новых османов», оказал очень большое влияние на Намыка Кемалья, ознакомив его с либеральными идеями Запада. Рефик-бей придерживался мнения, что политические дела внутри и вне страны касаются всех граждан, а не только правительства [304, стр. 259—260]. В газете «Мират» он успел опубликовать в переводе Намыка Кемалья отрывки из книги Монтескье «Рассуждение о причинах величия и падения римлян», которая в условиях Турции того времени воспринималась как критика османских политических учреждений и нравов. Современники рассматривали «Мират» как выразителя позднее распространенной среди «новых османов» идеи, что труд и развитие промышленности составляют основу западной цивилизации [116, стр. 269].

Среди других периодических изданий, появившихся в 60-х годах XIX в., наибольшую известность приобрела газета «Мухбир» («Корреспондент»). Ее владельцем был Филип-эфенди, в прошлом сотрудничавший в «Джериде-и хавадис», но руководил газетой Али Суави.

Али Суави (1838—1878) родился в семье бумажоторговца скромного достатка. Начальное образование получил в рюштие и продолжил его в медресе, после чего совершил хадж в Мекку и был мюдеррисом (учителем медресе) в Пловдиве, а затем учителем рюштие там же и в Бурсе. Светское образование получил самостоятельно. За выступления в мечетях с критическими речами в адрес Порты, которые были навеяны,

как можно полагать, газетой «Тасвир-и эфкяр», Али Суави был отстранен от должности школьного учителя, в 1865 г. он возвратился в Стамбул и вступил в Общество «новых османов» [304, стр. 25, 360—361].

Газета «Мухбир» появилась в январе 1867 г. и сразу же заняла довольно негативную позицию в отношении правительства. 8 и 10 февраля 1867 г. в ней были опубликованы письма Мустафы Фазыл-паши к султану, что сразу показало оппозиционность газеты [304, стр. 35]. Вслед за «Тасвир-и эфкяр» Али Суави выражал недовольство неспособностью Порты справиться с греками Крита, подавить восстание сербов, противостоять вмешательству великих держав. Но «Мухбир» делала это в более резкой форме. 4 марта 1867 г. в газете была помещена статья Али Суави «Свобода», в которой он выступал против социального неравенства и абсолютизма, хотя и считал, что буржуазные свободы в Турции могут быть достигнуты в результате отказа султана от некоторых своих прав самодержца [304, стр. 380].

9 марта 1867 г. вышел номер «Мухбир» со статьей Зиябея, в которой содержался намек на то, что многие болезни страны будут вылечены, если османские государственные деятели станут ответственными перед парламентом [304, стр. 26]. В тот же день издатель Филип-эфенди получил от министра просвещения уведомление, что газета «Мухбир» закрывается сроком на один месяц, поскольку она публикует «некоторые ложные известия, которые настраивают умы против правительства», и поскольку в «ее номерах, особенно вышедших на этих днях, очень много противоречащих закону, неподобающих, ни на чем не основанных вещей» [250, стр. 23]. Закон о печати 1865 г. обязывал газеты сообщать читателям об их закрытии. Воспользовавшись этим, Филип-эфенди опубликовал «специальный выпуск», поместив в нем постановление министра и собственное «добавление», в котором признавал право правительства закрыть газету. Вместе с тем, обращаясь к читателям, он писал: «Действительно, даже в самых справедливых землях мира закрытие какой-либо типографии по праву принадлежит правительству; однако что же это за вещи, которые названы обманом умов и распространением ложных известий, о чем написано в упомянутом выше извещении, и в каком номере газеты они опубликованы? Если бы об этом заявили наши читатели и благородные патриоты, мы были бы согласны с решением закрыть нашу газету. „Мухбир“ является доброжелателем Высокого Государства и народов османских. Будучи османской газетой, она выполняет решение. Я объявляю, что газета закрыта на месяц, но, чтобы в течение этого срока не оставить читателей без известий, я тотчас договарюсь с какой-нибудь турецкой газетой и сообщу о критских делах через нее, а также доведу до сведения пра-

вительства некоторые взгляды о защите прав» [250, стр. 23]. Вместе с «Мухбир» была закрыта также газета «Ватан» («Родина»), которую издавал с 1866 г. сотрудник Бюро переводчиков Мехмед-эфенди, обучавший в свое время Намыка Кемалья французскому языку [304, стр. 211].

Из других периодических изданий 60-х годов можно назвать первую военную газету — «Джериде-и аскерие» («Военный вестник», основана в 1863 г.), в которую иногда писал и Шинаси, и первую турецкую экономическую газету — «Таквим-и тиджарет» («Торговый календарь», основана в 1865 г.) [266, стр. 84—85].

Таким образом, первые частные газеты 60-х годов, особенно «Терджюман-и ахваль», «Тасвир-и эфкяр» и «Мухбир», внесли новые веяния в общественно-политическую и культурную жизнь Турции. Они дали толчок просветительству и ускорили процесс оформления идейной и политической оппозиции буржуазно-либерального направления. С появлением этих газет органически связано зарождение современной турецкой публицистики, художественной прозы и драматургии. Именно частные газеты выявили новую группу турецких литераторов, в которую входили Ибрагим Шинаси, Намык Кемаль, Зиябей, Али Суави и другие, менее видные деятели турецкой культуры.

Важным фактором общественной и культурной жизни Турции 60-х годов XIX в. стало возникновение ряда обществ, которые ставили перед собой задачу популяризации научных знаний, пропагандировали достижения мировой культуры, а более всего старались содействовать изданию и распространению светских книг, воспитать в обществе привычку к чтению специальной, популярной и художественной литературы. Большинство обществ, возникших в 60-х годах, было обязано своим появлением энтузиазму первых турецких просветителей.

В июне 1861 г. известный турецкий просветитель и общественный деятель Мехмед Тахир Мюниф⁶ основал Османское научное общество (Джемиет-и ильмие-и османие). Устав общества был определен султанским указом от 3 июня 1861 г.; цели его были сформулированы следующим образом:

«Ст. 1. Османское научное общество должно заниматься распространением знаний и наук в пределах Османской империи путем издания оригинальных и перевода [иностранных]

---

⁶ М. Т. Мюниф (1829—1910) — выпускник медресе. С 1851 г. работал в Бюро переводчиков, в 1858 г. окончил Берлинский университет. В 1860 г. начал сотрудничать в «Джериде-и хавадис» У. Черчилля и помог ему наладить выпуск «Рузнаме-и джериде-и хавадис», в которой опубликовал перевод романа В. Гюго «Отверженные». Резкий отзыв Мюнифа о пьесе Шинаси «Женитьба поэта» положил начало известной дискуссии между «Рузнаме-и джериде-и хавадис» и «Терджюман-и ахваль». В 1862 г. Мюниф отошел от У. Черчилля и в дальнейшем занимал ряд видных постов в стране и за границей [237, стр. 170—172].

книг, чтения публичных лекций, а также всеми другими возможными средствами.

Ст. 2. Общество должно в начале каждого месяца выпускать журнал „Меджмуа-и фюнун“ („Журнал наук“), посвященный наукам и просвещению, торговле и промышленности, и этот журнал, состоящий как минимум из 32 страниц, должен бесплатно распространяться среди членов общества.

Ст. 3. Общество должно воздерживаться от обсуждения религиозных проблем и тем современной политики, а также не обсуждать упомянутые вопросы в связи с проектами, которые будут ему представлены» [249, стр. 54—55].

Османское научное общество создало публичную библиотеку в Стамбуле на 600 томов и читальню при ней, открыло курсы французского и английского языков; в 1863 г., когда было завершено строительство Стамбульского университета, оно (за шесть лет до его официального открытия) организовало в университете цикл бесплатных публичных лекций. Как отмечал В. А. Гордлевский, «эти лекции первого свободного университета в Турции, из которых слушатель узнавал об успехах знания на Западе, сыграли в образовании османского общества большую роль» [151, стр. 367]. Многие вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях общества, имели прямое отношение к прессе и книгам. По рекомендациям общества и силами его членов был написан или переведен ряд книг учебного и научно-популярного характера. Некоторые из них были изданы в типографии общества, которое занималось также вопросами реформы арабско-турецкого алфавита, обсудив, в частности, проект, представленный выдающимся азербайджанским просветителем Мирзой Фатали Ахундовым (1811—1878) [166, стр. 158—169; 294, стр. 196—197].

С июля 1862 г. Османское научное общество начало выпускать ежемесячный журнал «Меджмуа-и фюнун» («Журнал наук»), который был первым научно-популярным журналом Турции, пропагандировавшим науку и культуру Запада. В нем из номера в номер печатались оригинальные и переводные статьи по естественным и гуманитарным наукам, технике, а также обзоры по истории отдельных стран. Давая краткий обзор номеров журнала за 1862—1863 гг., Ш. Мардин показывает, что он систематически знакомил турецких читателей с «научными идеями Запада» [304, стр. 239—240].

В 1866—1867 гг. в его тематике видное место стали занимать обзоры политических событий в странах Европы, в США, Японии, Китае, историко-этнографические статьи о народах разных континентов, а также короткие очерки и заметки о состоянии науки за рубежом. В политических статьях редакция журнала воздерживалась от каких-либо оценок, ограничиваясь информацией. «Меджмуа-и фюнун» почти не касался тем внутреннего и международного положения Османской

империи. Одновременно с Османским научным обществом появилась группа любителей изящной словесности — «Джемиет-и китабет», которая издавала журнал под претенциозным названием «Меджмуа-и ибери интибах» («Примеры пробуждения») [237, стр. 173].

Иной характер имело Исламское просветительское общество (Джемиет-и тедрисие-и исламие), созданное в 1864 г. Это общество открыло первые в стране частные школы для мусульман — детей мелких ремесленников и торговцев. По его инициативе в 1873 г. был основан лицей «Дарушшефака», куда принимали преимущественно сирот. Хотя общество называлось исламским, вначале оно ставило своей задачей распространение главным образом светских знаний, занималось подготовкой и изданием учебной литературы, непродолжительное время выпускало журнал «Мебахис-и ильмие» («Научные дискуссии»), который пользовался «большим спросом среди студентов императорской Военной академии» [304, стр. 220]. Общество приняло участие в издании одного из первых школьно-литературных журналов — «Чанта» («Портфель»), появившегося в 1873 г. Его деятельность поддерживал через «Тасвир-и эфкяр» Намык Кемаль, который иногда проводил занятия в созданных обществом школах. При Абдул Хамиде II оно превратилось в центр притяжения группировок, связывавших надежды на укрепление империи с усилением религиозной пропаганды в новых школах и распротравливанием идей панисламизма.

В 1865 г. в Турции возникло еще два общества. Одно из них, Османское медицинское общество (Джемиет-и тыббие-и османие), было создано по инициативе группы врачей, получивших образование в Европе. Нельзя сказать, что со времени Шанизаде Атауллага никакого продвижения в турецкой медицине не было. Однако и в 60-х годах и позднее местные врачи далеко еще не избавились от легендарных рецептов старой медицины и знахарства. Еще современник Шанизаде Атауллага — хекимбаши Мустафа Бехчет-эфенди принял за составление труда, который был продолжен его братом и преемником на посту хекимбаши Абдульхаком Моллой и завершен в 1863 г. сыном последнего Хайруллах-эфенди. В 1866 г. этот труд под названием «Тысяча тайн», содержащий рекомендации приемов лечения и рецепты, был напечатан. Наряду с отдельными здоровыми и научно обоснованными рекомендациями (Хайруллах учился в Европе) в книге было много «тайн» в духе средневекового невежества⁷. Вме-

---

⁷ В век Дарвина бредом звучит, например, «теория происхождения видов», изложенная в «тайне» № 327: «Если семена цветной капусты посадить через четыре года [после сбора урожая], то из них вырастет репа, а если семена репы посадить через четыре года, вырастет цветная капуста» [213, стр. 195].

сте с тем медики и фармацевты, сгруппировавшиеся вокруг Османского медицинского общества, перевели на турецкий ряд сочинений западных авторов. Но главная их заслуга перед турецкой медициной в том, что они составили и издали большой «Медицинский словарь», использовав при этом и французские медицинские словари, и труды восточных ученых от Ибн Сины до Шанизаде Атауллаха. Издание этого словаря позволило вскоре перевести преподавание в военном и гражданском медицинских училищах на турецкий язык [282, стр. 6—8]. Этот переход ослаблял зависимость медицинских училищ от иностранных преподавателей.

Статьи в журнале «Вака-и тыббие» стали печататься не только на испаньольском, но и на турецком языке. На этих двух языках в 1871 г. стал издаваться также «Джериде-и тыббие-и аскерие» («Военно-медицинский вестник») — орган турецких хирургов и терапевтов [285, стр. 25].

Очевидно, что организация неправительственных обществ, ставивших перед собой задачу распространения разнообразных светских знаний, была стимулирована возникновением частных турецких газет. Их издатели, которые были не только журналистами, но и первыми турецкими просветителями в самом широком смысле этого слова, много сделали также для пропаганды книги и развития книгопечатания.

В немалой степени этому способствовали и некоторые правительственные мероприятия: а) создание при министерстве просвещения (1865 г.) Общества сочинения и перевода (Телиф ве терджюме джемиети), которое должно было отбирать, переводить и издавать книги «для широкого читателя» [249, стр. 60]; б) изменения в законе об авторском праве, отменявшие или ослаблявшие монополию издателя на публикацию ходкой книги⁸; в) дальнейшее и более быстрое распространение системы светских общеобразовательных школ, создание ряда специальных учебных заведений; г) введение системы конкурсов и денежных премий за написание оригинальных школьных учебников и их адаптацию с иностранных (западноевропейских) языков [79, стр. 231—244].

Общий объем книжных изданий в этот период сколько-нибудь точному определению не поддается. Турецкие статистические данные о тиражах имеют ограниченное значение, так как учитывают работу только главной государственной типографии в Стамбуле — «Матбаа-и амире». Так, с февраля

⁸ С появлением первых частных печатен в 40-х годах XIX в. было установлено правило, запрещавшее повторное издание книги, пока первоиздатель или заказчик-книготорговец не распродал всего тиража и если он намерен сохранить за собой право переиздания на будущее. Законы 1857—1858 гг. ввели принцип формально-договорных отношений между автором (переводчиком) и издателем, установили сроки авторского права и наследования, обязывали издателя публиковать рукопись в течение полугода лет со времени подписания договора [88, стр. 873—875, 887].

1864 по январь 1865 г. в ней было напечатано 92 382 экземпляра книг [249, стр. 59], с апреля 1868 по март 1869 г.— 70,6 тыс., за те же месяцы 1869—1870 гг.— около 120 тыс., в 1870—1871 гг.— 122 тыс. экземпляров. За четыре года, с февраля 1873 до конца 1876 г., в этой типографии было издано 383 тыс. экземпляров книг, из них 284,5 тыс.— по заказам министерства просвещения, 98,5 тыс.— по заказам частных лиц, главным образом книготорговцев. Кроме того, за эти же четыре года здесь было отпечатано свыше 200 тыс. экземпляров учебных пособий для начальных школ в виде отдельных брошюр и тетрадей без переплетов [109, стр. 67; 110, стр. 127; 112, стр. 123—124].

Хотя «Матбаа-и амире» была самой мощной, не следует забывать о существовании и других типографий. По нашим приблизительным подсчетам, ведомственных и частных турецких типографий в конце 60-х годов было не менее 30 (к концу 70-х годов — не менее 50). «Большинство книг,— писал в 1876 г. В. Д. Смирнов,— печатается в правительственной типографии... Независимо от этого существует много частных типографий. Печатают и наборным шрифтом и литографируют. Литография даже в большем ходу, чем печатня» [31, кн. 9, стр. 8]. Число частных турецких типографий в этот период росло прежде всего за счет увеличения газетных издательств, многие из которых печатали также книги. Кроме того, к изданию книг на турецком языке подключились типографии нетурецких подданных Османской империи и иностранцев. Удельный вес всех этих типографий в общем объеме книжных изданий неизвестен, но он, несомненно, был значительным, особенно в публикации книг на продажу по заказам частных лиц. Не будет преувеличением считать, что к 70-м годам на турецкий книжный рынок ежегодно поступало до 100 тыс. экземпляров различных книг, а с учетом разнообразной учебной литературы — в два-три раза больше.

Просветительское движение, начавшееся в 60-х годах XIX в., и определенный прогресс в культурной и общественной жизни Турции нашли свое отражение в росте числа названий издаваемых книг. Если в 50-х годах из типографий и литографий Стамбула выходило ежегодно около 20 книг, то в середине 60-х годов только в типографиях столицы издавалось по 30 книг, в конце 60-х годов — до 50—60 книг, а за один год, с марта 1872 по февраль 1873 г., — 117 книг.

Претерпела некоторые изменения и тематика книг. К концу 60-х годов все существовавшие ранее ограничения на издание мусульманских религиозных книг себя изжили. В 1864 г. в типографии официоза «Ля Тюрки» («Турция») впервые был отпечатан Коран. Однако доля мусульманских религиозных книг в общем объеме печатных изданий не увеличилась, хотя, конечно, продолжала оставаться значитель-

ной. В различные отрезки времени с 1867 по 1876 г. число мусульманских религиозных книг (главным образом комментариев к Корану) составляло: май 1867 — апрель 1869 г. — 33 из 110 книг; апрель 1869 — март 1871 г. — 24 из 99; март 1871 — февраль 1873 г. — 36 из 169; март 1873 — декабрь 1876 г. — 37 из 132.

В то же время весьма возросло число светских изданий, и они стали более разнообразными по тематике и содержанию. Ежегодно выходило более десятка исторических сочинений (не считая учебников для начальных и средних школ), в том числе многотомных. В 60—70-х годах XIX в. были опубликованы впервые или переизданы хроники и исторические трактаты, написанные в средние века, а также в новое время. Среди них были: четырехтомный труд «Сущность известий» («Кюнх уль-ахбар») автора XVI в. Али (в 1861—1868 гг.), «История» его современника Селяники (1863 г.), исторические сочинения Кяфи, Нишанджизаде, Вейси, Кочибея, «История» Ибрагима Печеви (два тома, в 1864 и 1867 гг.), «История» Мустафы Наима (шесть томов, в 1864—1866 гг.), «История» Мехмеда Рашида (шесть томов, в 1863—1866 гг.). Из исторических сочинений авторов XIX в. были напечатаны выпуски по истории Османской империи Хайруллаха (к 1875 г.), продолжалось издание «Истории» Ахмеда Джевдега (последний, 12-й том был выпущен в 1884 г.), начато (в 1873 г.) издание «Истории» Ахмеда Лютфи (в семи томах), с 1869 по 1877 г. пять раз издавался очерк османской истории Ахмеда Вефика, в 1872 г. вышел первый том «Эврак-ы перишан» («Разрозненные листы») Намыка Кемаля [108, стр. 465—491; 109, стр. 65—95; 110, стр. 125—127; 111, стр. 539—563; 293, стр. 129, 137, 194, 235, 246, 269, 367, 374, 285]. Кроме того, вышло несколько исторических сочинений в переводе с европейских языков по истории Европы и мира.

Весьма значительное место в публикациях 60—70-х годов занимали литературно-художественные произведения. Наряду с диванами турецких и персидских классиков, дидактической поэзией и выпусками о Ходже Насреддине и Синдбаде-мореходе в это время были изданы переводы сочинений Мольера («Мещанин во дворянстве» и др.), Расина, Ламартина, Лафонтена, Жильбера, Беранже, Виктора Гюго («Отверженные», 1862 г.), Александра Дюма («Граф Монте-Кристо», 1871 г.), Даниэля Дефо («Робинзон Крузо», 1864 г.), Джонатана Свифта («Приключения Гулливера»). Тогда же образованные турки начали знакомиться в переводах с открытками из сочинений французских просветителей Монтескье, Вольтера, Руссо, а роман писателя-вольнодумца Фенелона «Приключения Телемака» с его умеренной критикой абсолютизма получил в Турции необычайное распространение. В переводе или чаще в пересказе турки стали знако-

миться также с экономическими теориями Адама Смита, Рикардо, Сэя.

В 60-х годах в Турции стал зарождаться жанр научно-популярной литературы. Таковы были выпуски по общей географии, книги о путешествиях, популярный очерк по истории восточных и западных календарей, книжки о воспитании детей, о личной гигиене, самоучители по языкам и т. д. Характер научно-популярного издания имели брошюры по истории стран Европы, написанные Ахмедом Мидхатом, публикация которых под общим названием «Кяинат» («Вселенная») началось в 1871 г. и продолжалось более 15 лет.

Большое разнообразие в тематику книг внесла подготовка учебников и пособий для общеобразовательных школ и специальных учебных заведений, гражданских и военных, открытых в Турции в период либерально-конституционного движения 60—70-х годов. Среди них более всего книг по арифметике, общей и прикладной математике, военному делу и медицине, а также географии, истории и турецкому языку (грамматики и словари). Затем следуют учебники по физике, химии, зоологии и ботанике, бухгалтерии, строительному и инженерному делу, по геологии и минералогии.

И увеличение тиражей, и тематическое разнообразие изданий показывают, что печатная книга стала все больше проникать в образованный слой турецкого общества. К 70-м годам XIX в. типографский станок окончательно победил турецкого каллиграфа. Правда, на полках общедоступных библиотек продолжала господствовать рукописная книга. В. Д. Смирнов, посетивший Стамбул летом 1875 г., писал, что, хотя теперь «книги даже и в Турции большей частью печатаются», в турецких библиотеках преобладают рукописные, «разве изредка попадетс я две-три печатных» [31, кн. 8, стр. 532, 537]. Однако было бы неправильно на этом основании делать вывод о той роли, которую играли печатные книги в жизни страны. Не случайно в этих библиотеках почти единственными читателями были учащиеся медресе. Новое поколение интеллигенции, появившееся в результате танзиматских реформ, обращалось больше к печатной книге, которая не только больше отвечала его интересам по содержанию, но и была дешевле. Для пропаганды светской книги немало сделали и газеты первых турецких просветителей. В 1867 г. Белен, прекрасно знавший жизнь чиновничьей среды и молодой турецкой интеллигенции, писал, что газеты Агяха и Шинаси «публикацией книг по доступной цене породили в народе вкус к чтению или, по меньшей мере, постепенно развили его» [108, стр. 30].

Растущее влияние печати на политическую жизнь страны вызвало большую тревогу в правящих кругах Турции. До сознания сановников государства очень скоро дошло, что

отсутствие контроля над печатью, особенно периодикой, чревато опасным ростом антиправительственных настроений. И тогда Порта приняла меры для ограничения свободы печати.

Действия правительства против печати, пропагандирующей вольнолюбивые взгляды, шли по двум направлениям: 1) запрещение ввоза нежелательной литературы извне и 2) установление контроля над изданиями в пределах Османской империи.

Как уже отмечалось, закон о типографиях 1857 г. устанавливал предварительную цензуру над непериодическими изданиями. Гораздо труднее оказалось воспрепятствовать распространению «вредоносных иностранных изданий» [250, стр. 11]. Бурное развитие внешнеторговых связей Турции со странами Запада, наплыв европейских коммерсантов, путешественников, заграничные поездки османских подданных открывали большие возможности для бесконтрольного ввоза в Турцию любых изданий. Другим каналом были иностранные почтовые отделения на территории Османской империи. Австрия учредила регулярную почтовую связь со Стамбулом еще в 1746 г. и в первой половине XIX в. имела свои отделения во всех крупных портовых городах Турции, разрешив пользоваться этими отделениями также и османским подданным. Французы открыли свои почтовые агентства в больших городах и портах Османской империи вскоре после получения генеральной капитуляции 1740 г. Россия в 1799 г. имела в Турции три почтовых отделения. Англичане начали открывать свои отделения в 1832 г. Число иностранных почтовых отделений постоянно росло. К 1914 г. Австрия и Франция уже имели по 15 отделений, Англия — 5, Италия — 6, Россия — 4 [231, стр. 22—23]. В соответствии с режимом капитуляций почтовые отделения иностранцев не подлежали контролю турецких властей.

Султан Абдул Меджид еще в 40-х годах XIX в., пытаясь ограничить ввоз «зловредных» иностранных изданий в пределы империи, поручил Бюро переводчиков докладывать Порте обо всех таких случаях [250, стр. 11]. Эта мера не дала никакого результата, так как ни османские подданные, ни иностранцы не докладывали Бюро о привезенных книгах, а в таможнях не было специальных чиновников, способных оценить их содержание. Списков же запрещенных авторов и произведений еще не существовало. 12 ноября 1862 г. министерство иностранных дел Турции разослало членам дипломатического корпуса циркуляр о правилах ввоза в империю печатных материалов. Иностранцы предупреждались, что у них будут задерживаться все печатные издания, «в отношении которых возникнет подозрение, что они пагубно отразятся на общественных нравах или посеют ростки беспорядка»

[97, стр. 158—159]. С введением этого правила наиболее безопасным способом пересылки недозволенной литературы в Турцию стала иностранная почта.

«Закон о типографиях» 1857 г., предоставивший иностранцам право на издание газет (ст. 6), не внес ясности в правовое положение турецкой периодики. Практически вопрос об издании первых турецких частных газет решался министром просвещения и садразамом. Официальное разрешение каждый раз оформлялось в виде султанского фермана. Как справедливо замечает турецкий историк Э. З. Карал, этот ферман имел для издателя силу и значение особой привилегии. Беда, по его мнению, заключалась в том, что срок этой привилегии в фермане не оговаривался, а потому «безопасность и независимость газеты нельзя было считать обеспеченными» [253, т. VII, стр. 217]. Очевидно, однако, что главной угрозой свободе турецкой печати было само неограниченное самодержавие.

В 1862 г. для общего наблюдения за всей местной прессой, турецкой и иностранной, был создан Департамент печати (Матбуат мюдюрлюгю), и вскоре был разработан первый в истории Турции закон, который регулировал положение периодической печати. В его основу был положен французский кодекс о печати, изданный в 1858 г. Наполеоном III.

«Закон о печати» был утвержден султаном 15 ноября 1864 г. и обнародован 31 декабря того же года [85, стр. 220—226]. В подзаголовке его было сказано, что он касается издания и распространения в столице и во всех владениях султана любых газет и публикаций, рассказывающих о «гражданских и политических событиях». Закон состоял из двух разделов: первый (9 статей) трактовал правила издания газет, второй (25 статей) представлял собой уложение о наказаниях издателей газет и журналов. Статья 1 закона гласила, что газеты и любые другие периодические издания общественно-политического характера, на каком бы языке они ни публиковались, могут выходить только с разрешения турецких властей: министерства просвещения — для османских, министерства иностранных дел — для иностранных подданных. На издание газет за пределами Стамбула требовалось, кроме того, разрешение вали. Право издания газет предоставлялось османским подданным не моложе 30 лет, в прошлом не подвергавшимся судебному преследованию, юридически правоспособным и имеющим собственность. Иностранцам, желающим издавать газету, предъявлялось требование подчиняться настоящему закону и не быть замешанным в преступлениях, связанных с печатью (ст. 3). В просьбе об издании газеты помимо ее названия, периодичности, места издания и типографии должны быть указаны имена владельца или владельцев газеты или ответственного редактора,

а также образцы их подписей. Эти лица обязаны посылать в Департамент печати, а в провинциях — вали подписанный ими один экземпляр каждого выпуска газеты или журнала (ст. 4). Указанные лица несли полную ответственность за все опубликованные в номере статьи и корреспонденции без подписи, а за подписанные отвечали совместно с автором (ст. 7). Допускалась передача прав на издание газеты другому лицу или ее аренда (ст. 5). Закон не требовал перерегистрации всех существующих на конец 1864 г. периодических органов, но их владельцы впредь должны были строго руководствоваться его положениями (ст. 6). Владелец газеты обязан был публиковать в ближайших двух номерах бесплатно все официальные объявления, посланные ему Департаментом печати, а также опровержения частных лиц (ст. 8). Статья 9 этого раздела запрещала ввоз в пределы империи любых изданных за границей газет и печатных материалов политического и общественного характера, содержащих нападки на правительство и государство.

Таким образом, «Закон о печати» 1864 г. не устанавливал предварительной цензуры периодических органов. Но Департамент печати должен был осуществлять «проверку газет после их выхода в свет» [250, стр. 21], и его заключения были основанием для преследования газеты за опубликованный материал.

Из 25 карающих статей закона многие предусматривали закрытие газеты. Власти могли запретить, временно или навсегда, издание газеты в следующих случаях: если газета выйдет без разрешения (ст. 10); если она опубликует материалы, нарушающие внутреннее спокойствие и угрожающие безопасности государства, а также «подстрекательские и смущающие умы» статьи (ст. 13); за статьи, «противоречащие общественной нравственности и морали», и «за оскорбление принципов религии и вероисповедания» (ст. 14); за нападки на правящую династию и падишаха (ст. 15), а также членов правительства и руководителей местной власти (ст. 16); за «употребление слов и выражений, задевающих правителей дружественных и союзных государств» (ст. 17); за выступления против послов, консулов и других дипломатических представителей иностранных государств (ст. 21); во всех случаях, когда в течение двух лет полицейские органы трижды подвергнут газету или ее сотрудников штрафам и иным наказаниям, предусмотренным этим законом (ст. 29).

Кроме того, в двух десятках статей была изложена подробная шкала штрафов, налагаемых на журналистов, и лишения их свободы на разные сроки: от 30 курушей штрафа или двух дней отсидки в полицейском участке «за оскорбление простолюдина» (ст. 25) до 150 золотых или трех лет

тюрьмы за «неподобающие слова и выражения» в адрес падишаха (ст. 15). Повторно нарушение любой из статей закона автоматически давало право полиции или суду увеличивать меру наказания вдвое (ст. 33). Для рассмотрения особо тяжелых случаев нарушения закона создавался специальный суд из пяти человек, который был подчинен непосредственно Порте, за более легкие нарушения наказывали полицейские суды (ст. 34).

В целом «Закон о печати» 1864 г. представляется умеренным. Однако вскоре после вступления закона в силу обнаружился один его серьезнейший порок: ни владельцы газет, ни журналисты не имели никакой возможности защищать себя от административного произвола. Решения полицейских органов и судов о нарушении (даже мнимом) закона 1864 г. обжалованию не подлежали. Когда 9—10 марта 1867 г. министерство просвещения объявило о временном прекращении издания газет «Мухбир», «Тасвир-и эфкяр» и «Ватан», издателям некуда было жаловаться. По закону право возбуждать судебное дело было предоставлено только одной стороне — тем, кто был недоволен газетой.

И все же, как это на первый взгляд ни парадоксально, именно Порта проявила недовольство законом. Ее не устраивало то, что юридически закон предусматривал процедуру судебного разбирательства обвинений, которые власти могли выдвинуть против газеты. Она давала последней возможность гласной защиты, апелляции к общественному мнению. Поэтому 16 марта 1867 г. великий везир Али-паша издал постановление, которое позволяло властям прибегать к административным санкциям в отношении периодических изданий, полностью обходя закон 1864 г. Непосредственным поводом для его принятия послужили известные выступления «Тасвир-и эфкяр» и «Мухбир». Подписывая постановление, Али-паша заявил: «Говорить нации о слабости государства я нахожу непатриотичным» [250, стр. 24]. В этом постановлении, формулировки которого вплоть до младотурецкой революции 1908 г. неизменно использовались для расправы с оппозиционной печатью, говорилось: «С некоторых пор ряд газет, выходящих в столице на различных языках, уклоняясь от совершенствования общественных нравов и морали, что является прямым назначением и профессиональной обязанностью печати, встал на путь крайностей, находящиеся в коренном противоречии с общими интересами страны; эти газеты много раз уже осмеливались на дерзкие выпады, направленные против основ государства, они превратились в орудие врагов и распространяют разрушительные идеи и лживые сведения, в то время как им надлежит защищать от всяческих нападков страну, давшую им пристанище, благосостояние и процветание. Признавая, что пресса и печатные

издания могут стать важным отправным пунктом реформ и всеобщего прогресса и даже полезными для деятельности правительства, желая выразить им, насколько это возможно, доверие к их мнению, видя их добрые услуги и служение общей пользе, Высокая Порта вместе с тем считает, что было бы несовместимо с обязанностью правительства безусловно взирать на то, как газеты встают на путь распространения многих ложных и вредных слухов, запугивания умов и, наконец, сеют вражду между отдельными группами населения. Такой ход событий вызывает тем большее сожаление, что правительство постоянно прилагает все усилия для улучшения положения своих подданных и страны ради развития ее благосостояния и прогресса. А потому, стремясь к сохранению спокойствия и поддержанию порядка, правительство приняло решение прибегать к мерам административного подавления и запретительным акциям помимо тех, которые предусмотрены законом о печати, дабы ликвидировать вредные для всего государства и всех людей последствия, которые возникают по вине газет и журналов, действующих вопреки вышесказанному. Это решение является временным и будет отменено с исчезновением причин, его породивших» [88, стр. 696].

«Временное» постановление Али-паши фактически свело на нет «Закон о печати» 1864 г. Этим постановлением, пишет Э. З. Карал, «свобода и безопасность печати были ликвидированы» [253, т. VII, стр. 218]. Оно означало, что для закрытия любой газеты или журнала, которые не нравятся властям, достаточно простого циркуляра, основанного на сомнительных доводах вроде «нарушения общественной морали», «непонимания общей пользы», «распространения ложных сведений» и т. п.

Постановление Али-паши исключало возможность возобновления изданий «Тасвир-и эфкяр» и «Мухбир» как органов пропаганды либерально-конституционных идей. Оно преследовало цель запугать и заставить замолчать всю политическую оппозицию. Чтобы избавиться от наиболее популярных прогрессивных общественных деятелей и журналистов, Али-паша распорядился выслать Али Суави в Кастамону, Намыка Кемалья назначил помощником вали в Эрзурум, Зия-бею было предписано ехать начальником округа на Кипр. В этой обстановке лидеры «новых османов» предприняли попытку организовать заговор, чтобы добиться отстранения Али-паши и, возможно, даже отречения Абдул Азиза от престола в пользу принца Мурада, слывшего либералом и сторонником введения конституции [180, стр. 40]. После того как заговор был раскрыт, Намык Кемаль, Зия-бей, Али Суави и некоторые другие лидеры «новых османов», воспользовавшись приглашением Мустафы Фазыл-паши, бежали в

Париж (конец мая 1867 г.). Раскрытие антиправительственного заговора было важнее́йшей, но не единственной причиной эмиграции Намыка Кемалея и его коллег по журналистике и Обществу «новых османов». Усиление репрессий против печати, угроза их ссылки в глухие районы империи не оставляли им иной возможности продолжать пропаганду своих взглядов, иначе как находясь за пределами Турции. Эмиграция «новых османов» в Европу имела своим следствием зарождение вольной турецкой печати.

Глава IV

ВОЛЬНАЯ ПРЕССА «НОВЫХ ОСМАНОВ»

---

10 августа 1867 г. в Париже, в особняке Мустафы Фазыл-паши, собрались Намык Кемаль, Зия-бей, Али Суави, Мехмед-бей, его друзья и прежние коллеги по Бюро переводчиков Менапырзаде Нури-бей и Қаязаде Решад-бей, а также присоединившийся к ним сотрудник турецкого посольства во Франции Канипашазаде Рифат-бей. Не ясно, присутствовал ли на этом заседании и находившийся во Франции Агях-эфенди [304, стр. 44]. Это совещание эмигрантов, представлявших тогда все руководство «новых османов», рассматривало вопрос об издании в Европе газет общества. На нем было решено, что в самое ближайшее время Али Суави возобновит выпуск «Мухбир», которая станет органом Общества «новых османов». Ввиду большей строгости французских законов о печати, местом издания был выбран Лондон [279, стр. 5]. Кроме того, намеченный первоначально выпуск газеты в Париже был невозможен еще и по той причине, что летом 1867 г. общая политическая обстановка во Франции оказалась неблагоприятной для «новых османов». В связи с предстоявшим в июне визитом Абдул Азиза во французскую столицу османский посол добился временного удаления из Франции турецких политических эмигрантов.

Полной ясности в том, почему именно Али Суави было поручено выпускать первую вольную газету «новых османов», нет. Возможно, что такое пожелание высказал Мустафа Фазыл-паша, который субсидировал «Мухбир» еще в стамбульский период ее существования, когда эта газета опубликовала его письма к султану. Для покрытия расходов, связанных с изданием и пересылкой по почте «Мухбир» и других газет «новых османов», если таковые появятся в будущем, Мустафа Фазыл-паша выделил из своего капитала 250 тыс. фр. Распорядителем банковского счета на эту сумму он назначил Зия-бея как представителя Общества «новых османов» [304, стр. 35, 45, 48]. Кроме того, Мустафа Фазыл-паша назначил каждому из восьми членов руководства общества денежное содержание. Согласно ведомости, он

ежемесячно выплачивал Зия-бею 3 тыс. фр., Намыку Кемалю и Рифату-бею — по 2 тыс., Али Суави и Агях-эфенди — по 1,5 тыс., Решад-бею, Нури-бею и Мехмед-бею — по 1 тыс. фр. [255, т. I, стр. 482].

Первый номер «Мухбир» в эмиграции вышел 31 августа 1867 г., положив тем самым начало вольной турецкой прессы. Во многих отношениях он являлся примечательным. На первой странице газеты были напечатаны следующие строки: «Эта газета печатается в Лондоне. О чем пойдет в ней речь, станет ясно из ее содержания. В настоящее время она будет выходить раз в неделю. Цена выпуска на месте — два пенса, в Туркестане (т. е. в Турции.— А. Ж.) — полтора куруша. Почтовые расходы — отдельно». На последней странице внизу по-английски было набрано: «Отпечатано и издано для владельца Джорджем Бертраном» — и арабским крупным шрифтом клиширована подпись: «Суави». Первый столбец, где обычно помещалось «Предисловие», начинался фразой: «„Мухбир“ нашла страну, в которой не запрещено говорить правду, и выходит снова». Остальную часть первой колонки занимала статья без заглавия и подписи. В ней говорилось: «Временно обосновавшееся в Европе „Исламское общество“ намерено трудиться для прогресса просвещения османских владений. Начав около двух месяцев назад заниматься подготовкой типографии и всего необходимого, оно приступает теперь к делу... Мы покинули свою родную страну, но мы не можем отказаться от того, чтобы трудиться ради блага нации, и считаем это своим долгом. Итак, наше общество будет работать для просвещения, и наша нация не откажется от его помощи». На второй странице без всякой связи с материалом соседних статей было как бы между прочим оповещено: «Наше общество будет иметь много газет. Эти газеты будут сообщать известия и обсуждать политические вопросы, касающиеся османских владений».

Таким образом, в номере не было сказано, что «Мухбир» — орган Общества «новых османов», не упомянуто даже его название, как и имена кого-либо из его членов. Хотя Али Суави писал кое-где «мы», весь текст первого номера свидетельствовал о его желании подать «Мухбир» как газету, в которой он является полным хозяином. Не скрывая, что склонен рассматривать ее как продолжение своего одноименного стамбульского издания, Али Суави намекал другим эмигрантам, что им следует заняться выпуском других газет, и выступал от имени некоей организации, называющей себя «Исламским обществом». Как замечает М. Дж. Кунтай, Али Суави показал этим свое нежелание «раствориться в толпе», стать рядовым членом общества, которым руководят другие [255, т. I, стр. 483—484]. Али Суави не создал своей организации, но вся его последующая деятельность как журнали-

ста показала, что у него были свои взгляды, отличные в ряде важных пунктов от программных установок Общества «новых османов». Во многих случаях несогласие Суави с другими членами общества имело в своей основе противоречивые особенности его личности, человека неуравновешенного, фанатично преданного идее, одержимого бунтарским духом. По выражению современника — русского дипломата В. Теплова, Суави совмещал в себе качества «магометанского Петра-пустынника, Савонароллы и Мадзини вместе» [32, стр. 9]. Эти личные качества Суави наложили отпечаток и на издаваемую им газету.

Первые шесть номеров газеты «Мухбир» Али Суави выпустил от своего имени, и, по-видимому, это упорное нежелание признать ее органом «новых османов» уже в октябре 1867 г. поставило его на грань полного разрыва отношений с руководством эмигрантского кружка. Али Суави вынужден был пойти на уступку. 12 октября 1867 г. на первой полосе газеты было опубликовано «Объявление», в котором говорилось, что впредь все номера «Мухбир» будут проштампованы печатью Общества «новых османов». Действительно, начиная с восьмого номера газеты, невзрачное клише этих трех слов неизменно присутствовало рядом с жирно отпечатанным именем Суави.

Как показало последующее развитие событий, компромисс между Али Суави и основным руководством «новых османов» был неустойчивым. Но вначале он устраивал всех. Со своей стороны Намык Кемаль и Зия-бей также сочли ненужным доводить дело до открытого размежевания с Суави, чтобы «продемонстрировать единство турецких революционеров в Европе перед Портой...» [255, т. I, стр. 484]. В течение многих месяцев они активно сотрудничали в «Мухбир» и немало сделали, чтобы обеспечить распространение газеты в Турции. До весны 1868 г. Намык Кемаль определенно сохранял веру в возможность совместного издания газеты. В записке, отправленной знакомому стамбульскому таможеннику 8 марта 1868 г., он писал о «Мухбир» как о газете, способной произвести переворот в турецком обществе: «Вот увидите, что произойдет, если издание „Мухбир“ продлится пять-шесть месяцев» [89, стр. 131].

Точно установить степень участия в «Мухбир» разных членов Общества «новых османов» не представляется возможным, так как за редким исключением публиковавшиеся в ней материалы анонимны. Не вызывает, однако, сомнения, что и в первые месяцы издания и особенно позднее материал для газеты писал преимущественно один человек, и им был Али Суави. Турецкий исследователь Дж. О. Тютенгиль считает, что из-под пера Суави вышли «все статьи без подписи, включая и те, которые названы письмами читате-

лей» [279, стр. 35]. Наблюдение над стилем газетных материалов, особенно статей по принципиальным вопросам, подводит к такому же выводу. Уклоняясь от тесного сотрудничества с другими видными деятелями конституционного движения, Али Суави принизил авторитет руководимой им газеты и в конечном счете был вынужден прекратить ее издание. Однако до того как в лагере «новых османов» произошел открытый раскол, до появления их второй газеты (июнь 1868 г.) «Мухбир» с наибольшей полнотой выражала общее стремление «новых османов» к переустройству Османской империи на конституционной основе.

Материалы, публиковавшиеся в вольных газетах «новых османов», показывают, что у них не было четкой и последовательной программы действий. Однако уже в первой их газете достаточно определился круг вопросов, которые волновали турецкое либеральное общество 60-х годов XIX в., отразились поиски путей и способов вывода страны из тупика в тот период, когда уже вполне обнаружилась неэффективность танзимата.

Важнейшей для «Мухбир» была тема конституционно-парламентской реформы османского государства. К ней газета возвращалась многократно и по самым разным поводам. Главная опасность для империи, писала она 27 января 1868 г., происходит от «плохого управления», понимая под ним самодержавную власть (хюкумет-и мутлака). При этом правлении, говорилось в номере от 14 марта 1868 г., государства и народы неизбежно «лишены науки и знаний, промышленности и богатства, силы и влияния, достоинства и справедливости». Им противопоставлялись конституционные монархии Европы, где власть правителя ограничена законом (хюкумет-и мукайеде) или конституцией (хюкумет-и меш-руте).

Отсюда не следует, что «Мухбир» рекомендовала заимствовать систему государственного правления какой-либо западной конституционной монархии. Тем более не было в ней речи о республике. Газета стремилась вывести и обосновать все предлагаемые реформы с помощью мусульманской религии, опираясь на догматы ислама, Коран и шариат. Характерно, что многие проекты излагались газетой как комментарии к кораническим изречениям, хадисам, или даже в форме религиозной проповеди — хутбы [см. 66, 12.X.1867; 2, 13, 20.V, 3.VI.1867]. Для ее издателя Али Суави основными столпами, обеспечивавшими неизбежность государства ислама, были: аллах как средоточие верховной политической власти; шариат как находящийся в руках улемов (мусульманских богословов) инструмент передачи этой власти от божества к людям; султан и везиры как непосредственные исполнители воли аллаха, сообщаемой им через улемов [304, стр. 373—

374]. По этой сугубо религиозной схеме роль гарантов законности отводилась улемам как блюстителям и интерпретаторам шариата. Строгое соблюдение шариата в прошлом обеспечивало, по мнению «Мухбир», господство в Османской империи «справедливого» управления, которое покоилось на принципе иджма¹. Из этой цепи рассуждений делался вывод, что совещательный способ управления (идаре-и мешверет) изначально присущ любому мусульманскому государству, а Коран не противоречит конституции и парламенту [66, 2.II.1868]. «Наша религия,— писала газета 27 марта 1868 г.,— повелевает нам править с помощью совещания».

Для «Мухбир» монархия — единственно возможная форма правления мусульманской общиной, а падишах для Османской империи — «капитан корабля» [66, 14.XI.1867]. Власть султана, монархический принцип газета объявляла необходимым атрибутом любого мусульманского государства, которое действует, руководствуясь шариатом; отклонение же от шариата ведет мусульманские государства к гибели [66, 29.II.1868]. Османская империя переживает ныне большие трудности и упадок потому, что улемы отошли от принципов первоначального ислама, в результате чего их роль как интерпретаторов веры и наставников политических деятелей упала. Новая бюрократия, появившаяся в итоге реформ танзимата, и вовсе отодвинула их на задний план [66, 10.I.1868].

Выдвигая положение о совместимости Корана и конституционной монархии, редакция «Мухбир» не смогла, однако, достаточно четко изложить свои взгляды на существо конституционной реформы в Турции. Способ формирования парламента, его структура, функции, взаимоотношения между парламентом и султаном, функции законодательной и исполнительной власти — все эти принципиальные вопросы были затронуты в «Мухбир» лишь вскользь. Сама терминология, к которой она прибегала для обозначения будущего режима, еще не устоялась и отражала отсутствие ясного понимания или, во всяком случае, единства целей «новых османов». Они писали о «совещательном собрании» (мешверет меджлиси), «совещательном правлении» (идаре-и мешверет), «принципе совещательности» (усул-ю мешверет), «конституционном режиме» (идаре-и мешруте) и «конституционном правительстве» (хюкумет-и мешруте). Вначале, когда Али Суави еще как-то считался с мнением руководящего ядра «новых османов», на страницах «Мухбир» высказывалась идея о необходимости создания «большого совещательного собрания» (бююк мешверет меджлиси), состоящего

¹ Принятие решений на основе коллегиального обсуждения дел неким (формально выборным) синклитом мусульманских богословов, представляющих общину.

из людей, избранных нацией [66, 31.VIII, 26.X.1867]. Позднее Али Суави все более склонялся к идеализации правовых норм ислама: в одной из статей он представлял шариат как свод неких конституционных установлений, сравнимых с Декларацией прав человека, и приравнивал диван Сулеймана Кануни к французскому сенату середины XIX в. на том основании, что и в тот и в другой входили представители духовенства, а также высшие гражданские и военные чины [66, 13.V.1868].

Газета «Мухбир» неоднократно высказывалась в том духе, что деспотическая власть — бедствие для страны, но в то же время она обнаруживала неспособность провести четкую разницу между самодержавием как формой правления государства и произволом как методом деятельности правительства. Однако «Мухбир» ясно видела, что деспотический режим является главным препятствием для создания правительства, ответственного перед обществом. «Когда мы произносим „министры, министры“, — писала газета 2 ноября 1867 г., — европейцы должны уверовать, что они у нас такие же, как министры европейских государств. Нет и нет, вовсе не так! У нас министры имеют одну привилегию: какое бы скверное дело они ни совершили, положение закона на них не распространяется. Их поступку дают иное наименование, — и они уже свободны от ответственности». По существу, продолжала газета, в стране имеются два типа министров. Одни — это те, которые никогда не теряют министерских кресел, лишь пересаживаясь по мере надобности из одного в другое. «Вторые — это кучка лиц, живущих благодаря покровительству первых». Разница между ними в том, что первые вообще не могут быть привлечены к ответственности, а если совершат преступление вторые, то «наказание состоит в том, что их „обрекают“ жить в своем особняке на жалованье в 20—25 тыс. курушей или же назначают на пост вали какого-нибудь вилайета». И тогда такой губернатор из бывших министров может делать все, что захочет: разворовывать казну, брать взятки, требовать от суда несправедливого приговора, пытать человека. Но пусть даже стонет и жалуется весь его край, он не будет привлечен к ответственности. Абсолютизм порождает, таким образом, не только безответственность, но и произвол.

В произволе, царящем в стране, писала газета 14 октября 1867 г., виноваты танзиматские реформы. «До кончины блаженной памяти султана Махмуда II власть безраздельно находилась в руках падишаха. Он убивал, высылал, конфисковывал имущество. Однако на все эти акты он запрашивал шариатскую фетву». А если, продолжала она, султан вершил дела не по шариату, его свергали янычары, а улемы одобряли его. Таким образом, последние обеспечивали прин-

цип ответственности падишаха и министров перед священным законом. «Каждый знает,— читаем в номере от 31 августа 1867 г.,— что, если в прежние времена, например, садразам плохо исполнял свои обязанности, ему рубили голову, а имущество его конфисковывали. Танзимат ликвидировал этот порядок, но не предложил ничего взамен». Газета представляла янычарский корпус как некоего гаранта... свободы: «Со времени ликвидации янычар мы потеряли свободу мысли. Порой янычары зверели, в некоторых отношениях они были отвратительны. Но они были силой, которая противостояла абсолютной власти... По крайней мере у янычар был какой-то порядок: как бы то ни было, они подчинялись установлениям шариата» [66, 2.XI.1867]. Теперь же всю власть в руках держат четыре-пять министров, которые отгородили падишаха от народа и не дают ему узнать правду. Начиная с Абдул Меджида, «они правят от имени падишаха» [66, 14.X.1867].

Здесь нет необходимости доказывать нелепость доводов «Мухбир» в пользу янычарского корпуса. Достаточно хорошо известно, что янычары на протяжении веков были опорой султанского самодержавия. Даже в тех случаях, когда янычары исполняли роль орудия в политической борьбе дворцовых группировок, они оставались столпом самодержавного режима и именем шариата творили насилия и произвол. «С уничтожением янычарского корпуса,— пишет А. Д. Новичев,— было устранено значительное препятствие на пути обновления Турции; оно привело к ослаблению влияния на дела государства реакционных духовных и светских сановников, опиравшихся на янычар» [179, стр. 145]. Таким образом, выступая против абсолютизма и деспотизма, «Мухбир» ссылалась на догму ислама и в совершенно ложном свете излагала известные факты политической истории Турции.

«Мухбир» отмечала недостаточность танзиматских реформ главным образом в том отношении, что они ни в какой степени не ограничили режима самодержавия в целом и самоуправства в вилайетах в частности. Происходит это потому, писала газета 2 ноября 1867 г., что танзимат не основывается на шариате, а «в осуществлении своем подвержен воздействию тысячи злоупотреблений. И это из-за того, что танзимат не создал силы, которая должна противостоять деспотической власти». Поэтому в государстве нет денег и порядка, народ голодает, а кучка сановников, стоящих у власти, хочет «править миллионами людей как стадом баранов» [66, 7.III.1868].

Очевидно, что «принцип совещательности» управления, как его трактовала «Мухбир», есть нечто более узкое и ограниченное, чем парламентаризм европейских монархий. Для нее нарушение «принципа совещательности» состояло не в

господстве феодально-теократического самодержавия, а в том, что у власти стоят безответственные и «злые» министры. И задача парламента по мнению газеты «Мухбир», не в том, чтобы ограничить власть султана. «Когда мы говорим о совещательном собрании,— говорилось в номере от 6 февраля 1868 г.,— мы имеем в виду силу, которая заставит министров исполнять закон». В сущности это — пожелание умеренных либералов, которые верили в «справедливого монарха».

Восстановление «принципа совещательности» необходимо, по «Мухбир», для того, чтобы Османская империя, приобретя качества «справедливого» государства, обеспечила возможность своего дальнейшего существования. Развивая мысль о том, что «несправедливое государство не может быть вечным», Али Суави писал: «До тех пор, пока мы не изменим формы нашего правления, мы не поправим нашего положения. До тех пор, пока министры не станут ответственными, дело на лад не пойдет. И до тех пор, пока правительство не будет взято под наблюдение, справедливые дела будут невозможны. Да, если нация не будет вникать в суть дел и спрашивать, министры обманут. Будет обманут падишах. Народ будет страдать, а общественные богатства — расточаться... Различные народы, составляющие османское государство, станут жертвой подстрекательства извне и отделятся от государства. Государство падет» [66, 7.III.1868].

Итак, основным политическим требованием, которое звучало на страницах «Мухбир», было установление ограниченной конституционной монархии с целью спасения Османской империи от развала. В выборе методов борьбы за ликвидацию абсолютной монархии «новые османы» исключали массовое народное движение. «Революции черни» они страшились не меньше, чем абсолютизма. И все же исторический урок, преподанный им в 1867 г., в результате которого они оказались в эмиграции, с одной стороны, и приобщение к политической и идейной жизни Западной Европы в эпоху нарастания революционного движения ее трудящихся масс — с другой, не прошли бесследно для турецкой либеральной эмиграции.

Помимо общей идеи ограничения султанского самодержавия «Мухбир» выступила с рядом конкретных требований в защиту политических свобод и гражданских прав. Эти требования, будучи по сути своей буржуазными, облеклись газетой в религиозную форму. В этих вопросах «Мухбир» старалась сделать мусульманскую религию своей союзницей в борьбе против феодального правопорядка. Утверждая, что деспотизм противен догматам первоначального ислама, «Мухбир» ссылалась на завещание Мухаммеда обращаться к добру и избегать зла, на аргументы мусульманских зако-

новедов о равенстве правоверных, на первых халифов [66, 28.XI.1868].

Несмотря на религиозную окраску, обращение к соотечественникам не мириться с тиранией, добиваться свободы и равенства звучали тогда как политические лозунги, читались как листовки. Эти воззвания, адресованные широкому общественному мнению Турции, делали «Мухбир» популярной политической газетой и среди самых радикальных элементов турецких конституционалистов. Вот одно из воззваний, напечатанное в газете 28 ноября 1867 г.: «Эй вы, желающие справедливости! Если вы намерены ходить, спрятав головы, как улитки, тираны никогда не позволят вам разогнуть шею. Ибо вы — рабы! Если же вы, подобно Билялю и Сулейману², обнажите меч и выступите на поле брани, если вы встанете против тиранов, вы — люди, вы свободны! О люди! До каких же еще пор не откажетесь вы от веры, что придет Махди и проклянет тиранов или появится какой-то господин и освободит вас? Неужели вы ждете, что эмиры, стоящие у кормила власти и избавленные от ответственности и порицания, откажутся от той прибыли, которую они получают от вас, и будут печься о вас?» В другой статье, написанной 7 марта 1868 г., Али Суави, обвиняя правительство в том, что оно совершенно не прислушивается к жалобам народа, обращался к нему со словами угрозы: «Пусть внимательно посмотрят на возбуждение, которое охватило ныне нацию. Пусть правительство почувствует, какая его ждет судьба, пусть оно поймет, что уже настал день, когда оно должно дать подданным право обсуждения. Если же оно не захочет это понять, подданные возьмут свое право силой».

«Мухбир» выступила в защиту принципа равенства перед законом всех подданных независимо от чинов и званий. Она констатировала, что, хотя шариат и закон требуют равного наказания за одинаковое преступление, в действительности этого нет. «Удивительное дело,— писала газета 28 марта 1868 г.,— если бедный человек украдет или совершит какой-либо наказуемый проступок, то о вине его пишут жирными буквами на бумаге, вешают ему на шею и ставят того человека на оживленном месте или водят по улицам напоказ всем. Так записано в законе, так и поступают. Прекрасно!.. Но почему же тогда считается чрезмерным, если „Мухбир“ мелкими буквами разоблачает ущерб и вред, который приносят всей родине и нации чиновники? Разве выставление у позорного столба предназначено только для бедняков?» Таким образом, в стране нет равенства, так как нет гарантии

---

² Биляль (эфиоп) и Сулейман (перс) — сподвижники Мухаммеда, которые, согласно сунне, поклялись ему, что заставят его преемников — первых халифов строго следовать его учению, в случае необходимости прибегая даже к мечу.

прав личности. Таковую гарантию может дать только собрание, но не падишах и не министры. Народ должен сам подумывать о самом себе и своих правах. «Эй, люди! Эй, османы! До сего времени „Мухбир“ не допускала нерадения в провозглашении истины и далее, если будет угодно аллаху, не допустит этого. В защите ваших прав она не проявит слабости. Однако вы видите, как охраняют ваши права мужи правительства. Не надо верить, что они по доброй воле предоставят нам эти права... Требуйте ваши права!»

Не менее страстно звучали в газете призывы к тому, чтобы народ сам добивался личных и политических свобод. Когда в июне 1868 г. в речи на открытии Государственного совета Абдул Азиз заявил, что он дарует «право на свободу», «Мухбир» откликнулась на нее большой статьей, в которой призывала соотечественников не рассматривать обещание султана как его личное благодеяние. Под французским словом «либерте» («свобода») весь мир понимает, говорилось в номере от 3 июня 1868 г., или свободу личную, или свободу политическую. Личная свобода—это прежде всего неприкосновенность жизни, имущества, жилища. Однако реальные гарантии ей может дать только полное юридическое равенство и неукоснительное выполнение законов. Никто не должен быть наказан в обход закона, и сам закон должен быть один для пастуха (ра'и) и для паствы (райя). «Пусть лично падишах,—воскликнула газета,—будет осужден по тому же закону, который действует в отношении чабана». В номере от 10 мая 1868 г. эта мысль была выражена так: «От носильщика до шаха всяк должен подчиняться шариату, носильщик и великий везир равно должны искать свое право в суде». «Политическая свобода,—продолжала „Мухбир“,—означает вмешательство подданных в политику администрации и обсуждение с министрами государства проблем страны». «Мухбир» утверждала, что свобода есть атрибут ислама, что народ лишился ее и оказался «рабом в руках нескромных министров» только потому, что «она не была сохранена некоторыми падишахами». Поэтому народ не должен слепо полагаться на своих правителей: «О люди! Да будет вам известно, что в осуществлении таких преобразований недостаточно только речи государя... Пойдем и потребуем осуществления той обещанной в речи свободы! Будем свободны! Потребуем равенства! Изберем наших представителей (векильеримиз) из просвещенных людей и достойных мужей. Пошлем их в меджлис. Пусть они открыто заявят о наших правах, пусть они ведут дебаты о благе нашей страны!» Разговаривая о свободе, заканчивала газета, правительство продолжает отправлять в тюрьмы и в ссылки инакомыслящих, чиновники по-прежнему разворовывают государственную казну, и ничего не делается для созыва «совета

общины». «Уже два месяца прошло, как произнесена августейшая речь. А тем временем в Европе продолжают брать займы. Народ угнетен. Наши солдаты гибнут без денег и одежды. Анатолийские крестьяне [!] пропадают от гнета и насилий со стороны властей. Давайте откроем наши глаза!.. Не будем беспечны! Не будем терять время!» [66, 3.VI.1868].

«Мухбир» не раз обвиняла правительство в том, что оно занято только административными реформами и не в состоянии обеспечить стране и народу обещанные «благоденствие» и «процветание». 21 сентября 1867 г. она писала, что «народ устал от пустых обещаний и наставлений, он ждет дела», а между тем «у нас почти все реформы совершаются только на бумаге». Беда состоит в том, говорилось в газете от 26 октября 1867 г., что «наши беи, воспитанные на коленях у дядек, и наши паши, натасканные на прислуживании, не знают того, в каких реформах нуждается сегодняшний Туркестан (Турция.— А. Ж.), или этого знания недостаточно для дела», а потому надо, чтобы проекты реформ обсуждались не в узком кругу, а в большом совещательном собрании.

Очень важное значение «Мухбир» придавала экономическим вопросам. Газета не раз писала о бедственном экономическом положении страны и указывала на неэффективность мероприятий правительства в экономике. Так, 7 марта 1868 г., указывая на связь политического режима с хозяйственным развитием государства, «Мухбир» отмечала: «Современный режим хочет строить железные дороги, утверждая, что они нужны нам больше всего. О боже! Если сельские хозяева и торговцы не будут уверены в неприкосновенности своего имущества и жизни, если они не будут избавлены от угнетения и произвола даже со стороны ничтожных налоговых чиновников, от множества их злоупотреблений и взыточничества, то что же может произойти, если даже в каждом уголке османских владений будет тысяча железных дорог! Если в теле нет крови, зачем ему сосуды? Какая польза от того, что мы позолотим крышу дома, у которого сгнил фундамент? Да ведь надо искать лекарство по времени, по эпохе. Вспомним о нашем веке, посмотрим на современность! Даже области, подчиненные нам, вплоть до Каира и его страны, до Сербии и Черногории, приняли совещательный принцип правления. Области, принявшие конституционный режим, продвинулись вперед. Наше время указывает нам на необходимость перемены режима».

Часто выступала «Мухбир» против хозяйничанья в Турции иностранного капитала и в этой связи резко критиковала финансовую политику правительства. Она протестовала против того, что Порта вместо поощрения собственной промышленности и торговли раздает иностранцам концессии,

позволяет им создавать свои банки и компании, строить железные дороги [66, 5.X, 2.XI.1867]. Иностранцы действуют в Турции как у себя дома, так как турецкие суды не могут привлекать их к ответственности [66, 13.VI.1868]. Особенно резко «Мухбир» выступала против непрекращающихся внешних займов, которые обогащали только европейских банкиров-ростовщиков [66, 28.IX.1867], но разоряли казну и народ [66, 7, 14, 28.XI.1867]. Безответственные министры Порты обивали пороги правительств и банков Европы, совершенно не думая о том, как и чем будет платить за это народ. В знак протеста против внешних займов «Мухбир» 13 мая 1868 г. поместила следующее знаменательное «Объявление»: «Мы слышали, что министры Высокой Порты снова собираются заключить заем. Так как публичные долги делаются от имени народа, то, если завтра министры будут смещены и даже если изменится режим, погашение этих долгов останется обязанностью народа. Но поскольку народ знает, что предстоящий заем будет использован на разные излишества, мотовство, мы, на основании полученных нами писем и от его имени, заявляем Европе, что этот заем, который министры сделают от имени народа, не будет ни в коем случае признан, а впоследствии, когда форма правления изменится, не будет оплачен».

Чтобы вытеснить иностранный капитал из турецкой экономики, «Мухбир» призывала правительство принять меры поощрения местной торговли и промышленности. Вместе с тем она обращалась к местным дельцам с призывами организовывать собственные товарищества на паях, учиться самим вести дела, проявлять инициативу [66, 5.X.1867]. В резкой форме она требовала от общественности обратить внимание на экономическую политику Порты. В номере от 15 декабря 1867 г. она писала: «Что это за позор, в который мы впали? Что это за неспособность пошевелиться? Что это за сонливость и изнеженность? Почему бы это франки (христианские народы Западной Европы.— А. Ж.), которые по рождению не умнее нас, требуют от государства отчета в расходах, в то время как мы лишь платим налоги и глупо молчим?» [цит. по: 304, стр. 370].

Неоднократно в специальных статьях и попутно на страницах «Мухбир» обсуждались и затрагивались вопросы просвещения, культуры, режиссуры науки и техники. Главной причиной культурного отставания турецкого народа «Мухбир» объявляла политику правящих кругов. «По мнению наших министров,— писала газета 2 ноября 1867 г.,— давать народу образование — значит портить его. Говорят, что народ будто бы надо держать в невежестве, и утверждают, что если просвещение будет развиваться, то страшно, как бы не возникло что-нибудь вроде Великой французской револю-

ции». «Мухбир» вполне согласна с этими опасениями и даже готова их всячески раздуть: «Да, это верная мысль! Нация, которая имеет прогресс в области просвещения, хочет обладать национальными правами. Если у нее не остается иного средства обрести их, она совершает даже революцию против деспотов-министров, узурпировавших ее национальные права». И далее, упомянув о революции 1830 г. во Франции, в результате которой были свергнуты те, «кто хотел причинить ущерб праву французской нации на свободу», «Мухбир» восклицает: «Браво французам! Они поступили прекрасно!»

Конечно, связь, которую проводит «Мухбир» между развитием образования и революцией, слишком прямолинейна, но она отражает просветительскую концепцию «новых османов», считавших образование главным рычагом прогресса человечества. На конкретных примерах европейских стран и Турции «Мухбир» показывала, сколь ничтожно мало средств выделяет Порта на просвещение. По данным газеты, в 1865/66 финансовом году из общей суммы доходов 3 171 880 кесе (1 кесе = 500 курушей = 5 лир) на просвещение и благотворительность было израсходовано только 12 588 кесе, что составляет 0,4% доходной части бюджета [66, 22.II.1868]. Ассигнований по министерству просвещения не может хватить даже на милостыню. «Эти ассигнования таковы,— заключала газета 7 ноября 1867 г.,— что их не хватит... даже на приличную школу».

Газета полемизировала с теми европейскими философами и политиками, которые утверждали, что развитие просвещения и культуры у турок всегда тормозил ислам. Она заявляла, что современные медресе Анатолии и Румелии остаются рассадниками полезных знаний. Отвечая тем, которые отказывали туркам в способности аналитически мыслить и усваивать современные знания (газета ссылается, в частности, на французский энциклопедический словарь Буйе), «Мухбир» зло писала, что им не следует судить о турках как о народе на основании личного знакомства с некоторыми министрами просвещения Порты [66, 22.II.1867].

Когда Али Суави писал о причинах упадка Османской империи, то помимо «попрания принципа совещательности» он называл «отказ от защиты правоверной религии» и «подражательство». Защищая ислам, Суави выступал с критикой мусульманского духовенства за то, что оно, по его мнению, безучастно относилось к пропаганде и деятельности христианских миссионеров, наводнивших империю и утверждавших, что ислам — антипод цивилизации. Вопросу о культуре и путях ее развития была посвящена и статья о «подражательстве». По существу здесь «Мухбир» высказывала свое отношение к проблеме вестернизации Турции. «Да

будет известно,— писала она,— что нет никакого вреда в том, что один народ использует подходящим для него образом какую-либо полезную вещь, которую он увидел у другого народа». В Европе есть много полезного для османов. Но только брать нужно с разбором, ибо «народы, имени которых не осталось в мире, погибли из-за подражательства другим народам». По мнению газеты, «эта болезнь подражательства распространилась до таких пределов, что может подменить национальные признаки османов». Она недовольна изменениями в быту, в одежде, но особенно ее беспокоит, что новое поколение не так старательно и часто молится и ходит в мечеть, как это следует делать правоверному мусульманину. Малейшие признаки лаицизации в общественной жизни Турции пугают мусульманского проповедника Али Суави, и он с раздражением заканчивает так: «У нас культурой считается поношение религиозных нравов и старых обычаев. Что за превратное представление?.. Хватит с нас крайностей, которые творят люди, разрушающие нашу религию, наши обычаи, наши национальные особенности. Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед — посланник его» [66, 18.I.1868]. Таким образом, выступая за модернизацию просвещения и культуры, «Мухбир» в то же время призывала строго придерживаться догматов ислама и старых традиций в общественной жизни и в быту.

Материалы, публиковавшиеся в течение года на страницах газеты «Мухбир», показывают, что ее издатель руководствовался убеждением о превосходстве первоначального ислама над всеми другими религиозными системами, и прежде всего над христианством. Суави считал, что ислам, выдвинув «принцип совещательности», обеспечил создание наиболее справедливого государства и что на шариате зиждется равноправие «высоких и низких». Тот же «принцип совещательности», по его мнению, обеспечивает контроль над экономикой; и как истинная, «правильная» религия ислам расширяет горизонты знаний. Идеализация ислама вообще и особенно первоначального ислама, эпоху которого издатель «Мухбир» без всяких аргументов распространял во времени вплоть до конца XVI в., служила той основой, на которой газета восхваляла средневековое османское государство: оно было «совещательным» и «справедливым», а потому «сильным» и «культурным». Отступление власть имущих от догматов Корана и шариата и отсутствие контроля над ними со стороны созданного на той же основе совещательного собрания привели страну в упадок. Поэтому современность проигрывает в сравнении с прошлым, поэтому османы отстали от европейцев.

Вот один из типичных примеров такой идеализации прошлого Турции, почти всегда сочетавшейся с призывом к

пробуждению и ура-патриотизмом: «Ах, великая нация! Не ты ли состоишь из сыновей тех, которые 300 лет назад, в то время, когда в Европе умение читать и писать было свойственно лишь кучке попов и даже ее короли были неспособны поставить свою подпись, имели свои академии и свои медресе по изучению литературы, юриспруденции, геометрии, медицины, естествознания и теологии. Вы были идейными наставниками мира. На языках всего мира говорили о вашей просвещенности, морали, нравственности, здравомыслии и справедливости. Увы, великая нация! Положение, в которое ты попала сегодня, достойно оплакивания, и иностранцы, которые раньше завидовали тебе, ныне тебя стыдят, позорят и притесняют. О, славная нация! Мы завоеватели Востока!.. Давайте не будем терпеть это бесчестие, в которое мы попали в угоду нескольким людям!..» и т. д. [66, 19.X.1867].

Материалы, опубликованные в «Мухбир», дают возможность отметить, что в турецком обществе конца 60-х годов XIX в. все заметнее обнаруживали себя проблески национального турецкого, а не мусульманского самосознания. Как уже отмечалось выше, «Мухбир» 3 июня 1868 г., хотя и вскользь, возможно впервые, призвала общественное мнение страны обратить внимание на положение *анатолийских*, т. е. в массе своей турецких, крестьян. В еще большей мере пробуждению элементов национального самосознания у турок способствовало то внимание, которое «Мухбир» уделяла пропаганде турецкого языка (тюркче). Так, 18 января 1868 г. целая полоса была отдана статье английского ориенталиста Ч. Уиллиса, который изложил в ней свои соображения о том, как сделать турецкий язык языком всех подданных султана и на этой базе ликвидировать все национальные противоречия, укрепить авторитет власти внутри страны и престиж Османской империи за рубежом. В ней Уиллис развивает великодержавно-шовинистические идеи, утверждая, что «самым лучшим средством для достижения единства между подданными государства является существование в нем одного-единственного языка». Правильно, пишет он, поступили англичане, навязав свой язык, бриттам и кельтам и навязывая его сейчас шотландцам и ирландцам, которым, в частности, запрещено издавать газеты на родном языке, и, если они не знали английского языка и не признавали себя англичанами, их не принимали на государственную службу. В отличие от английских турецкие завоеватели, как утверждает Уиллис, поступили иначе: «Завоевав известные страны, они не только не заставили их население говорить на турецком языке, но даже разрешили пользоваться самыми разными языками». Поэтому, хотя со времени установления османского владычества на Балканах прошло уже 400—500 лет, там все еще никто не говорит «я — османец», все еще оста-

ются греки, болгары или албанцы. И Уиллис продолжает: «А если бы эти привилегии, это наличие разных языков были уничтожены — подобно тому как это сделано у европейцев, — то все народы были бы полностью едины, все бы считали себя османцами, а у иностранцев не осталось бы никакого повода вмешиваться во внутренние османские дела». Уиллис советует Порте исправить «старую ошибку». Для этого надо сделать турецкий язык единым языком обучения в школах, издавать газеты только на турецком языке, только на нем вести судопроизводство и все государственные дела, не назначать ни на какие посты людей, не говорящих по-турецки, и даже не принимать иностранных послов и консулов, если они не выучили турецкого языка.

Здесь нет необходимости подробно доказывать, сколь далеки от фактов истории утверждения Уиллиса: исламизация, насильственная или «добровольная», по крайней мере части христианского населения европейских и особенно анатолийских провинций Османской империи заканчивалась, как правило, туркизацией, т. е. и языковой ассимиляцией [см. 153а, стр. 142—149, 172—176]. Важнее для данной темы подчеркнуть, что статье Уиллиса «Мухбир» предпослала «Вступление», в котором полностью одобряла ее и предлагала в качестве первого шага вести обучение во всех школах империи только на турецком языке. Эта мера, по ее мнению, способствовала бы развитию просвещения, устранила «сложности» в деятельности правительства и помогла наладить «дружеские связи между различными подданными». Редакция «Мухбир» не понимала или не хотела считаться с тем, что на пути создания «османской нации» стояли преградой глубокие политические, социально-экономические и культурные противоречия. Эти противоречия в 60—70-х годах XIX в. еще более усилились в связи с карательными мерами правящих кругов Турции против волны национально-освободительных движений и были усугублены активизацией политики европейских держав, которые использовали в своих интересах недовольство христиан и их борьбу против турецкого ига. В этих условиях появление в газете «Мухбир» статьи, призывавшей к насильственному навязыванию турецкого языка, способно было только еще больше накалить обстановку.

«Мухбир» внесла большой вклад в упрощение турецкого языка. За редким исключением слог ее статей ясен, эмоционально окрашен, порой насыщен элементами разговорной речи. Между «Таквим-и векаи» и «Мухбир» лежит пропасть не только в содержании, но и в лексике и стиле. Многие статьи газеты «Мухбир» не требовали от читателя высокой языковой подготовки. «Мухбир» интересовалась также вопросом реформы алфавита. В номере от 3 августа 1868 г. газета соглашалась с проектами введения знаков, облегчаю-

щих чтение, но подчеркивала, что не следует изменять алфавит настолько, чтобы лишить потомков возможности «читать наши книги, написанные или напечатанные за многие истекшие века» [цит. по: 279, стр. 47].

В статьях «Турок» и «Осман», опубликованных 12 апреля 1868 г., Али Суави высказал свой взгляд на вопросы истории сложения турецкой общности и османского государства. Его рассуждения об общности всех тюркских народов как расы несли в себе семя шовинизма, а его попытки представить турок как аборигенов эллинистического Крыма (название тавриков у Геродота, по Суави, есть фонетическая разновидность слова «тюрк») и Малой Азии были использованы позднее крайними турецкими националистами — пантюркистами в их пропаганде автохтонного происхождения части анатолийских турок.

В национальном вопросе «Мухбир» стояла на позициях доктрины османизма, утверждавшей единство всего населения Османской империи по признаку подданства. Необходимость обеспечить такую консолидацию была одним из важнейших аргументов, который редакция «Мухбир» выдвигала в пользу изменения формы правления. Она доказывала, что конституционный режим укрепит единство мусульман и немусульман, уже и сейчас якобы существующее, поскольку-де и в настоящее время все подданные султана, будь то мусульмане, греки, болгары, армяне или евреи, связаны единством «материальной выгоды», так как «деньги, которые питают государство, идут из их общего кошелька»; а кроме того, «все они — дети одного отечества». Однако к концу 60-х годов XIX в. процесс распада Османской империи в результате национально-освободительных движений зашел достаточно далеко, чтобы видеть, что в «едином отечестве» не все согласны терпеть турецкое иго. Поэтому «Мухбир» вынуждена была констатировать, что уже много областей отделилось от империи. Население их всегда выдвигало ту причину, что османское государство не признает их прав. Газета объявляла этот аргумент ложным, но тем не менее писала: «Если не будет совещательного собрания, то между различными народами, живущими в Туркестане (т. е. Турции.— А. Ж.), постоянно будут возникать распри» [66, 7.III.1868].

В связи с проповедью доктрины османизма встает очень важный вопрос: как представляла себе редакция «Мухбир» участие немусульманского населения в управлении османским государством вообще и в составе будущего парламента в частности? Ясного ответа на этот вопрос газета не дает. С одной стороны, она была за признание представительства христиан и иудеев в совещательном собрании. Когда летом 1867 г. до турецких эмигрантов в Лондоне дошли слухи о проектах создания Государственного совета, «Мухбир» в

своем первом номере писала, что «создание некоего совещательного собрания, члены которого будут избраны нацией (миллет), является давним желанием народа (халк)». Однако, продолжала она, предложение ввести в этот совет равное число христиан и мусульман никак не может быть принято³. «Что касается осуществления принципа равенства, которого издавна хотят османцы,— писала тогда же газета,— то цель его вовсе не в том, чтобы сказать: „Пусть мусульмане и христиане будут равны числом“. Она состоит лишь в том, чтобы сказать: „Пусть перед шариатом и законом соблюдается равенство в праве (людей) низших и высших (эдна ве аля)“». «Равенство,— читаем в номере за 10 января 1868 г.,— состоит вовсе не в том, чтобы сказать: „Пусть лавочник Мехмед-ага и носильщик Акоп будут равны во всех отношениях“. Это значит только, что низкие и высокие должны быть равны в праве перед шариатом». Эта подмена тезиса была вовсе не случайной, особенно если принять во внимание недовольство, которое высказывала «Мухбир» даже теми куцыми правами, которые Порта в 1862—1863 гг. предоставила греко-православной и армяно-григорианской церквям по особым регламентам [см. 66, 2.XI.1868; 191, стр. 168—180]. По существу, «Мухбир» выступала против равноправия христиан и мусульман. На эту особенность конституционных взглядов Али Суави обратил внимание русский дипломат В. Теплов. Он писал, что Суави «требовал, уже начиная с конца шестидесятых годов, конституции на том основании, что по коренной догме ислама общественные дела должны зависеть от общественного же обсуждения, но при этом формально оговаривал, что так как обсуждение устанавливается именно догматом ислама, то само собою разумеется, что немагометане не должны принимать в нем участия» [32, стр. 9].

В годы издания «Мухбир», да и значительно позднее, понятия «мусульманин» и «турок» еще далеко не дифференцировались [153, стр. 41]. Поэтому в своей пропаганде газета обращалась не к туркам и нетуркам, а к мусульманам и иноверцам. Не исключая последних из числа тех, кто должен бороться против самодержавного правления, газета поразному распределяла роли между ними. Первым полагалось действовать, вторым — солидаризироваться. Вот два характернейших обращения к мусульманам и немусульманам, напечатанные подряд 28 марта 1868 г. Сначала газета ставит риторический вопрос: «Да неужели мы, которых ныне насчитываются миллионы, не сможем создать совещательное собрание, вызволив государство из рук трех-пяти человек, которые губят его?» Обращение к мусульманам, начинаю-

---

³ По указу 1 мая 1868 г. в состав Государственного совета были включены только три немусульманина [191, стр. 73—74].

щееся словами «Эй, свободолюбцы-мусульмане!», взывает главным образом к их религиозному чувству и долгу. Немусульманам газета адресует такие слова: «Эй, османские подданные прочих вероисповеданий! Эй, люди всех договорившихся сторон!⁴ Уже 400 лет вы живете среди нас. До сего времени вы сохранили национальную чистоту, без опасений жили по своим обычаям и правилам. Будь вы в подданстве другой державы, вы не жили бы столь вольготню. Однако теперь вы говорите, что испытываете гнет. Этот гнет исходит не от шариата и не от танзимата, а потому, что они не проводятся в жизнь, потому, что у нас нет совещательного собрания, которое выступало бы в качестве их гаранта. Наши интересы едины. Мы являемся детьми одного отечества. Идите к нам! Не подчиняйтесь чувствам ненависти и будьте вместе с теми, кто добивается человеческих прав».

Таким образом, «Мухбир» не исключала немусульман из числа тех, кто должен добиваться созыва парламента. Однако, не имея никакого желания пойти навстречу стремлению угнетенных христианских народов добиться освобождения от гнета турецких феодалов и бюрократии, газета наивно пыталась убедить их в том, как хорошо им жилось в составе Османской империи раньше. В той же статье она утверждала даже, не обещая ничего конкретного, что они будут жить еще лучше, как только парламент восстановит нормы шариата и законность, попранные кучкой властолюбивых негодяев. Более того, «Мухбир» предостерегала христиан Балканского полуострова, что все их попытки «стать хозяевами своей страны обойдутся им очень дорого», так как в этом случае Османская империя уже не сможет защитить их от посягательств России. Как и во многих других случаях, когда заходила речь о России и ее политике на Балканах, газета и здесь оказалась совершенно неспособной трезво взглянуть на истинное положение вещей. В 1853 г. Ф. Энгельс писал, что греки и славяне, живущие в Турции, «видят в России свою естественную покровительницу» [7, стр. 22], и вторая половина XIX в. дала не менее яркие примеры, подтверждающие справедливость этого высказывания, чем первая.

Антирусские настроения редакции «Мухбир» мешали ей правильно оценить и причины остроты национального вопроса в Османской империи, и соотношение сил великих держав

---

⁴ Использованный здесь арабский термин допускает два чтения: 1) «Эй, эфрад-ы муахидин» (букв. «Эй, все договорившиеся»), и тогда это обращение адресовано адептам всех немусульманских религиозных общин, которые взяли на себя «обязательство» (ухдэ), т. е. принесли присягу верности султану; 2) «Эй, эфрад-ы муахидейн» (букв. «Эй, договорившиеся обеих сторон»), под которыми можно понимать христиан и иудеев. От этого различения смысл существенно не меняется, поскольку приверженцев других верований (например, индуистов) на территории Османской империи было ничтожно мало.

на Ближнем Востоке, и современное состояние «восточного вопроса». Можно сказать, что только в двух вопросах — антирусской пропаганде и нападках на «восточных христиан» — газета проявляла наибольшую последовательность. Для «Мухбир» само существование «восточного вопроса» было связано только с Россией, с ее ближневосточной и особенно балканской политикой [66, 27.V.1868]. Точка зрения «Мухбир» на существо «восточного вопроса» была изложена уже во втором номере газеты (7 сентября 1867 г.). Рост национально-освободительных движений в Османской империи «Мухбир» объясняла не закономерным следствием развития экономических и общественных процессов среди угнетенных турками народов, а почти исключительно вмешательством России, ее «интригами». К числу таких «интриг» газета относилась и дипломатическую поддержку греческих повстанцев Крита, и создание в Турции русских консульств, и организацию с помощью русских учителей школ в Болгарии. Поддержка Россией освободительных движений на Балканах — главная причина враждебного отношения к ней со стороны «Мухбир». Взгляд на Россию как на опаснейшего врага Османской империи насаждался у турок особенно после жестоких поражений в русско-турецких войнах последней трети XVIII и первой трети XIX в. Издатели «Мухбир», естественно, не составляли исключения, и газета часто выступала с призывами защищать страну от русской угрозы.

Ослепленная ненавистью к России, «Мухбир» неизменно с большим одобрением отзывалась о ближневосточной и балканской политике западноевропейских стран, особенно Великобритании, которая маскировала свои захватнические планы провозглашением принципа сохранения статус-кво в Османской империи. Этот принцип был альтернативой открыто захватнической политики царской России, которая добивалась раздела Османской империи. Однако для угнетенных народов империи поддержание принципа статус-кво означало, как писал Ф. Энгельс, увековечение турецкого ига [см. 8, стр. 31].

Именно поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс резко критиковали принцип статус-кво как политически реакционный и исторически бесперспективный. «Это всеобщее соглашение — упорно сохранять вещи в том виде, в каком они оказались в результате стихийного или случайного стечения обстоятельств, — писали они, — является... признанием ведущими державами своей полной неспособности сделать что-либо для прогресса и цивилизации... Сохранить в Турции status quo! С подобным же успехом можно было бы попытаться приостановить на определенной стадии гниение трупа павшей лошади и предотвратить ее полное разложение. Турция разлагается и будет все больше разлагаться, пока продолжает»

существовать нынешняя система „равновесия сил“ и сохранения status quo» [6, стр. 4—5].

«Новые османы» видели в принципе статус-кво средство сохранения Османской империи в существующих границах, упрочения власти турок в нетурецких областях. Это вполне согласовывалось с выдвигаемой ими доктриной османизма, которая отрицала национальные различия между народами Османской империи, а также классовые противоречия и пропагандировала единство на основе принципа османского подданства. Материалы, публиковавшиеся в «Мухбир», показывая эту взаимосвязь принципа статус-кво с доктриной османизма, объясняют причины ориентации «новых османов» на Англию и мотивы, которые побуждали газету рекомендовать Англию как друга турок и Османской империи. Газета даже обращалась к английскому правительству и общественному мнению со словами призыва поддержать османизм.

Большое место в «Мухбир» занимали перепечатки и пересказы материалов английской прессы по «восточному вопросу». Публикуя эти материалы и свои комментарии к ним, газета прежде всего стремилась возбудить общественное мнение страны против России и вместе с тем в ложном и враждебном свете представить освободительные движения христианских народов Османской империи. Ссылаясь на указы 1839 и 1856 гг., газета в том же сентябрьском номере утверждала, что Порты якобы «уравнила христиан и мусульман в отношении политических и гражданских прав, а в налогах разницы и вовсе нет, более того — христиане пользуются льготой: они освобождены от службы в армии». Она уверяла своих читателей в том, что хатт-и хумайюн 1856 г. обеспечивает всем подданным султана, в том числе и христианам, права, аналогичные тем, которыми пользуются у себя дома англичане.

Сколь далеки были подобные утверждения от реальности, хорошо показал в своих письмах из Турции известный русский путешественник и ученый П. А. Чихачев [33, стр. 3—14], который в период танзимата не раз колесил по дорогам Малой Азии. В 1859 г. он писал, что «вопреки торжественным обещаниям (Порты.— А. Ж.) сохранены все препятствия, мешающие христианам — турецким подданным стать на равную ногу с мусульманами», что «пресловутый указ» 1856 г. в провинции просто не применяется и нередко даже неизвестен населению. И если, продолжал П. А. Чихачев, христиане Турции «живут теперь в большей безопасности и гораздо меньше страдают от деспотизма и насилия мусульман», то достигнуто это не благодаря, а вопреки турецкому господству [34, стр. 128, 131].

Таков в главных чертах круг вопросов, поднятых и обсужденных в первой вольной турецкой газете.

Мысли, высказанные на страницах «Мухбир», сразу же привлекли к газете внимание турецкого общества и обеспечили ей известность не только в столице, но и далеко за ее пределами. 7 ноября 1867 г. российский посол Н. П. Игнатьев в специальном донесении об этой газете сообщал из Стамбула, что «номера ее, присылаемые из Лондона в пакетах, разбираются нарасхват; здесь их переписывают и рассылают в провинции». Из сообщения посла видно, что отдельные номера «Мухбир» печатались и на французском языке [26, л. 1]. Другой современник событий, находившийся в то время в Турции, писал, что «Мухбир» распространялась там в тысячах экземпляров [100, стр. 223]. Помимо таможенного важным каналом поступления тиража этой газеты в пределы Османской империи являлись иностранные почтовые отделения. По сообщению турецкого исследователя, «Мухбир», а позднее и «Хюрриет» можно было «тайно купить у одного книготорговца-француза в его лавке у Тунеля» [279, стр. 112]. Едва начав попадать в Турцию, «Мухбир» стала предметом выгодной спекуляции. Известен такой случай. Мустафа Фазыл-паша дал одному греку 500 курушей, чтобы тот распространял газету. Прослышав об этом, начальник турецкой полиции Хюсюн-паша выделил еще большую сумму, чтобы грек ее не продавал. Торговец же, используя обе стороны, приходил к кяхье (управляющему) Фазыл-паши Мехмед-бею и, заявив, что продает выделенные ему 100 экземпляров «Мухбир», регулярно получал от него жалованье, затем отдавал 50 из них Хюсюн-паше, говоря, что не будет продавать, а остальные 50 продавал по очень высокой цене и «таким образом извлекал пользу с трех сторон» [89, стр. 130]. В ноябре 1867 г. за номер «Мухбир» в Стамбуле платили до 100 курушей [66, 14.XI.1867], т. е. в сто раз больше, чем за самую дорогую газету, издававшуюся на месте.

Эти факты говорят о том, что «Мухбир» пользовалась в Турции большой популярностью. Правительство было встревожено влиянием газеты на умы и чувства населения, особенно молодежи, и запретило ее ввоз и распространение в Турции, ссылаясь на то, что она печатает «вредные и опасные слова». Опубликовав в номере от 14 ноября 1867 г. это сообщение, «Мухбир» ответила пространной статьей, в которой писала, что решение запретить газету выгодно только министрам, которые хотят и дальше обманывать народ и скрывать правду от падишаха.

О принятом решении Порты поставила в известность министерство иностранных дел Англии, которое в свою очередь сообщило о нем издателю «Мухбир». Али Суави отписался, что он печатает эту газету для распространения ее в Европе и никак не может отвечать за то, что неизвестные ему люди провозят ее в Турцию [66, 28.XI.1867]. Порта послала к Али

Суави людей, чтобы убедить его прекратить издание, но он ответил на это 13 февраля 1868 г. публикацией «Объявления», в котором писал, что, если бы даже ему запретили издавать газету в Лондоне, он стал бы издавать ее в другом месте и «осведомлять нацию о текущих и будущих делах». В каждом номере «Мухбир» печатались условия подписки на нее и указывалось, что проще всего газету получить через английские почтовые отделения в Стамбуле и ряде других крупных городов империи. «Мухбир» пересылалась также почтой других западноевропейских стран, имевших свои почтовые отделения в Турции. 4 апреля 1868 г. «Мухбир» сообщала, что великий везир отдал распоряжение арестовывать и наказывать всех, кто замешан в распространении газеты, выписывает ее через иностранную почту или провозит через границу, а также всех, кто ее читает.

Несмотря на преследования властей, «Мухбир» продолжала успешно распространяться в Турции вплоть до лета 1868 г. С ноября 1867 г. (№ 13) вдвое увеличился ее объем (четыре страницы по три колонки вместо прежних двух при двойном увеличении площади листа), она стала совершеннее с издательской точки зрения, периодичность выхода почти не нарушалась (37 номеров с 31 августа 1867 по 3 июня 1868 г.). Из «Объявления», опубликованного 2 мая 1868 г., видно, что редакция «Мухбир» готовилась начать издание одноименной газеты на арабском языке, а также выпускать на турецком языке журнал «Тарик-и неджат» («Путь избавления») и на французском — «Вау д'Орьян» («Голос Востока»). С 3 июня 1868 г. в «Мухбир» появились резюме основных материалов на английском языке, «поскольку многие англичане хотят получать газету, но большинство их не знает турецкого языка». Тогда подосланные из Стамбула люди подкупили наборщика и с его помощью похитили шрифты и кое-что из оборудования. Наборщик также скрылся [304, стр. 362; 279, стр. 50].

Одновременно с этим в начале июня 1868 г. Порта добилась, чтобы иностранные почтовые отделения пересылали «Мухбир» в Турцию не иначе, как в конвертах, что вчетверо увеличило стоимость подписки. Несмотря на трудности, Али Суави принялся за издание газеты самолично. Очередной номер вышел почти в срок — 12 июня. Это были два маленьких листка текста, набранного мелким шрифтом, почти половину номера занимала англоязычная часть. Вскоре, однако, Намык Кемаль и Зия-бей приступили к изданию «Хюрриет», и газета Али Суави пришла в полный упадок. 6 ноября 1868 г. издание «Мухбир» прекратилось [279, стр. 32].

Так закончила свое существование газета, которая оказала немалое влияние на формирование общественного мнения

в Турции и внесла заметный вклад в подготовку борьбы за первую турецкую конституцию 1876 г.

Как уже отмечалось, конфликт между издателем «Мухбир» и руководством «новых османов» возник с самого начала издания газеты. Его первопричиной было нежелание Али Суави сделать «Мухбир» коллективным органом. На дальнейшее развитие событий влияли как разногласия в среде эмигрантов и усиливающаяся антипатия большинства их к Суави [89, стр. 152], так и раздражение финансировавшего их Мустафы Фазыл-паши, который был недоволен резкими выпадами газеты против великого везира Али-паши, примирения с которым он добивался после своего возвращения в Стамбул в конце 1867 г. Али Суави оказался первым из эмигрантов, кому Мустафа Фазыл-паша отказал в денежной поддержке [255, т. I, стр. 494—495], что дало тому повод назвать остальных «содержанками паши». Это было, конечно, несправедливо, поскольку, как замечает турецкий исследователь, дело обстояло вовсе не так, что Али Суави в один прекрасный день сам не взял жалованье — его не выдал Мустафа Фазыл-паша, тем самым не давая разрешения на то, чтобы Суави выпускал впредь газету «Мухбир»; а главное, «месячное содержание, которое получали как Али Суави, так и Намык Кемаль и его товарищи, не было жалованьем челяди и прислуге, это была плата журналистам за выпуск газеты, это были расходы на их революционную деятельность в Европе» [279, стр. 70]. В апреле 1868 г. Намык Кемаль и Зия-бей направили Али Суави требование убрать штамп Общества «новых османов» с последней страницы «Мухбир» [304, стр. 362] и приступили к подготовке издания газеты, которая изложила бы программные установки организации и соответственно им освещала все текущие события. Выпуска нового периодического органа хотел и Мустафа Фазыл-паша, который надеялся превратить его в личную газету [255, т. I, стр. 489—494].

Новая газета получила название «Хюрриет». Местом ее издания также был избран Лондон. Первый номер газеты появился здесь 29 июня 1868 г. «Хюрриет» имела гриф Общества «новых османов», а в ее подзаголовке говорилось, что она будет освещать вопросы, «связанные с благополучием османской нации и государства». В сентябре 1868 г. объем газеты увеличился с четырех до шести-восьми полос. Для этого газета прибегла к выпуску купонов, дававших право их владельцу получить годовой комплект газеты, а также «прочие полезные произведения, по мере того как они будут печататься». Тогда же газета стала поступать в розничную продажу по цене полшиллинга, или 3 куруша, за номер, с июня 1869 г. — 3,5 куруша. Это позволило редакции приобрести некоторую независимость от Фазыл-паши.

Итак, в газете «Хюрриет» с самого начала было указано, что она является органом Общества «новых османов». Из этого вовсе не следует, что выпускавшие ее деятели османской эмиграции придерживались единых взглядов по всем вопросам. Пройдет немногим более года, и разногласия в их среде приведут к очередному расколу. За редчайшим исключением материалы, печатавшиеся в газете, не подписаны. Однако степень и характер участия каждого, кто имел отношение к изданию газеты, были весьма различны. В письме отцу, отправленном из Лондона 5 августа 1868 г., Намык Кемаль писал: «Газету я выпускаю самолично; Зия-бей, Агях-эфенди только выдают деньги на печатание; Зия-бей пишет некоторые статьи. Агях-эфенди наблюдает за делами, связанными с типографией, за набором, корректурой... Все, что написано в „Хюрриет“ до сих пор, или вышло из-под моего пера, или прошло мою правку. Вещи, которые написал Зия-бей, даже письмо, вышедшее за его подписью, правил я. Я ставлю свою подпись под газетой, а потому не хочу эту подпись опозорить» [89, стр. 152]. Не считая первых четырех номеров, которые были подписаны Решад-беем, ответственным редактором «Хюрриет» вплоть до разрыва с Зия-беем был Намык Кемаль. Последний выпущенный им номер (63-й) вышел 6 сентября 1869 г.

О тираже газеты достоверных данных нет. Во всяком случае она издавалась в тысячах экземпляров и в большом количестве нелегально провозилась через границу и распространялась в Турции. Для ввоза «Хюрриет» в пределы Османской империи использовались главным образом два канала: турецкие таможни и иностранные почтовые отделения. Для обеспечения скрытой пересылки газеты в обычных почтовых конвертах часть тиража каждого выпуска печаталась на тонкой бумаге и несколько меньшего формата. Вскоре после начала издания «Хюрриет» Высокая Порта предприняла очередную (и безуспешную) попытку добиться запрещения пересылки нелегальных изданий в Турцию через иностранные почтовые агентства, для чего в Париж был направлен министр общественных работ. Откликаясь на это решение, «Хюрриет» 13 июля 1868 г. писала: «Мы видим в этом признаки успеха нашей партии». О популярности газеты красноречиво свидетельствует тот факт, что цена за экземпляр в Стамбуле доходила до 1 лиры, или 6 руб. [200, стр. 115]. Газету зачитывали до дыр, она ходила по рукам, только за возможность ее почитать владельцу номера «Хюрриет» платили по 3—5 курушей [48, 15.XI.1869]. Многие иностранные купцы, имевшие лавки в Галате и на Бейоглу, превратили торговлю газетой в выгодную статью дохода, в их лавках можно было и подписаться на газету [48, 14.XII.1868], а некоторые даже вывешивали ее в витринах

своих магазинов, около которых всегда толпился народ [276, стр. 95]. В конце 1868 г., когда покровитель эмигрантской группы «новых османов» Мустафа Фазыл-паша, домогаясь расположения султана, начал отмежевываться от «Хюрриет», Высокая Порта известила Зия-бея и Намыка Кемалья, что обеспечит для газеты 2—3 тыс. подписчиков, если она изменит свое направление [255, т. I, стр. 441—442; 304, стр. 51].

«Хюрриет» была самым значительным и авторитетным органом турецкой политической периодики конца 60-х годов XIX в. В ней сотрудничали наиболее известные и популярные деятели новоосманской эмиграции. Она была связана с эмигрантскими кружками «новых османов» в Европе, являлась одной из наиболее читаемых в то время газет в Турции. Своим успехом «Хюрриет» была обязана прежде всего двум признанным руководителям эмиграции — Зия-бею и Намыку Кемалю. До лета 1869 г. они, как правило, выступали вместе, хотя Зия, талантливый администратор и знаток правовых вопросов, был далеко не во всем согласен с Намыком Кемалем, теоретиком, которого больше всего волновали общие политические и культурные проблемы. И хотя Зия-бей поместил в «Хюрриет» в период сотрудничества с Намыком Кемалем ряд важных статей, все же именно последний был подлинным идейным руководителем этой газеты. Идеино-политические концепции Намыка Кемалья, высказанные им в «Тасвир-и эфкяр», получили свое дальнейшее развитие на страницах «Хюрриет» и во многом определили лицо этой газеты как в выборе тем, так и в характере аргументации.

Приступая к обзору и анализу основных материалов и проблем, поставленных в «Хюрриет», необходимо отметить одну ее важную особенность. Как справедливо заметил Ш. Мардин, Намык Кемаль был единственным из «новых османов», кто создал свою «политическую философию». Его общественно-политические взгляды складывались под влиянием двух противоположных факторов: просветительских концепций буржуазной Европы и догматов ислама и шариата. Однако в отличие от своих предшественников, в частности от идеологов танзимата, Намык Кемаль первым попытался синтезировать взгляды европейских просветителей и философов (Монтескье, Вольтера, Руссо, Вольнея) и догматы мусульманской религии и создать систему, «которая похожа на европейский либерализм середины XIX в.» [304, стр. 286, 289]. И хотя, как это будет видно ниже, в ряде вопросов позиции газет «Мухбир» и «Хюрриет» были близки друг другу или даже совпадали, между ними имелись и существенные различия. «Хюрриет» выступила с более определенными проектами конституционной реформы Турции, провозгласила ряд новых требований, отвечавших экономическим интересам нарождающейся турецкой буржуазии. Раз-

личие между этими двумя газетами состояло и в том, что в «Хюрриет» была сделана серьезная попытка теоретически обосновать необходимость тех преобразований и нововведений, которые «Мухбир» провозглашала в форме общего призыва, в виде лозунгов. Стиль изложения в «Хюрриет» был, как правило, строгим, даже академичным.

Общее направление, которому намеревалась следовать редакция газеты «Хюрриет», обрисовывается уже в передовой статье первого номера, озаглавленной «Любовь к родине — от истинной веры». Вначале эта статья пропагандирует идею единой родины для всех османских подданных, взывая к патриотическому чувству всего населения империи. Из костей наших предков, павших на земле отечества, писала газета, «можно возвести укрепления, которые, вероятно, смогли бы оградить нашу свободу от нападения врагов», и напоминала, что османцы не раз проливали свою кровь «даже ради самого малого блага своей родины» и вместе с тем прославили свое имя в науке, просвещении и культуре. Однако ныне «страна, которая некогда приобрела славу столицы вселенной», пришла в упадок, и виной тому являются «лица, превратившие наш режим в самодержавие: они попирают наши права, расхищают наше имущество, ради собственного благополучия они раздают всем встречным и поперечным земли наших предков, отдавших за них жизнь, они ни на минуту не хотят снять цепи рабства с нашей шеи. Будем ли мы бесконечно терпеть все это? Конечно нет!». Характеризуя цель «новых османов» и методы, которые они применяют для ее достижения, газета отмечала: «„Новые османы“ — это те, которые стремятся к возрождению прежней славы османов. Они в такой же степени враги гнета, как и противники бунта. Они хотят процветания и благополучия эпохи султана Сулеймана. Однако они будут добиваться этого в условиях цивилизации, соответствующих требованиям века. Средством к тому является справедливость. Справедливость порождается равенством в правах членов османской общины. Равенство же в правах обеспечивается принципом совещательности, который находится в полном соответствии с разумом и традицией». Развивая эту мысль, автор передовой статьи подчеркивал, что под справедливостью «новые османы» понимают гарантированную парламентом законность на основе шариата, что «принципа совещательности», т. е. парламента, «который является основной целью общества», «они хотят добиваться в настоящее время самыми умеренными путями». Один из таких путей — «победа идей», и, поскольку в современном мире главным средством выражения общественного мнения является пресса, общество решило издавать газету «Хюрриет».

Из всего сказанного достаточно ясно следовало, что

«Хюрриет» будет вести пропаганду за создание конституционной монархии, в которой институты буржуазных государств Европы, соответствующие «здравому смыслу», сочетались бы с «традицией», т. е. с догмами ислама, Кораном и шариатом.

Поскольку важнейшим условием сохранения и укрепления Османской империи «новые османы» считали реформу государственного строя, создание конституционной монархии, вопросы, связанные с этой главной задачей, систематически ставились и обсуждались на страницах «Хюрриет». Материалы, помещенные в этой газете, дают наиболее полное представление о том, каким в основных чертах, а иногда и в деталях видели «новые османы» тот режим, который сочетал бы в себе очевидные достоинства буржуазного парламентаризма Европы и несомненные для них «моральные ценности» и «духовные преимущества» ислама.

В решении этого кардинального вопроса редакция «Хюрриет» руководствовалась взглядом, что лучшую форму государственного строя предусматривает шариат. Не раз «Хюрриет» писала о том, что только на основе религиозного закона и соблюдения положений ислама в Турции может быть принята конституция и учрежден парламент. По мнению «Хюрриет», шариат есть политический закон, служащий для управления государством на началах общественного согласия и защиты прав членов общества. Шариат выражает божественную справедливость, как она представлена в Коране. Следовательно, шариат в принципе может обеспечить создание наиболее «справедливого» и процветающего государства. Другим достоинством шариата газета объявляла то, что, «поскольку он находится под покровительством всевышнего, даже самые большие узурпаторы могут лишь приостановить его действие, изменить же его — не могут». Изначальной причина упадка османского государства состоит, утверждала «Хюрриет», в ослаблении религиозного закона, чему способствовали реформы танзимата [48, 24.VIII.1868].

Как и «Мухбир», «Хюрриет» не раз выступала с критикой танзимата. Однако акценты в этой критике были расставлены по-разному. Намык Кемаль и Зия-бей никогда не отрицали политической значимости хаттов 1839 и 1856 гг. Они смотрели дальше, чем Али Суави, и понимали, что не новая бюрократия, рожденная танзиматом, а отсутствие политических свобод, которые могли бы гарантировать исполнение законов вообще и проведение в жизнь танзиматских актов в частности, является главной причиной произвола властей и бесправия народа. Таковую гарантию законности они видели в парламентской системе.

Уже в день своего появления «Хюрриет» выступила против режима абсолютной монархии. В дальнейшем она дела-

ла это неоднократно. Абсолютистский режим — первопричина всех бед и слабостей османского государства в администрации, экономике, военном деле, предпринимательстве [48, 7.XII.1868]. Он повинен в том, что «привел в полнейший упадок земледелие, торговлю, промышленность и образование, которые являются источниками богатства каждой нации» [48, 13.VII.1868]. Действуя бесконтрольно, султан и Порта растрачивают впустую, ради собственной прихоти, огромные суммы: по подсчетам «Хюрриет», только содержание султанского двора поглощало десятую долю всех государственных доходов [48, 17.VIII.1868]. Под защитой абсолютизма в стране процветают беззаконие, ответственные посты занимают люди неспособные или проходимцы [48, 29.IX.1868]. Абсолютизм препятствует сплочению подданных империи в единый народ, он не способен обеспечить противодействие иностранцам, хозяйничающим в Турции, как у себя дома, а также оборону от нападений извне.

В чем же, по мнению «Хюрриет», состоял выход из создавшегося положения? В статье, озаглавленной изречением из Корана «Истина возвышает, но да не возвысься над ней», Намык Кемаль выдвинул кардинальное положение о соотношении прав народа и правителя: «По нашему убеждению, — писал он, — права народа так же изначальны и вечны, как вечна божья справедливость. Лицо, которое находится во главе султаната, является для нас правителем, но не может владеть нами как собственник» [48, 29.VI.1868].

Развивая этот тезис, Намык Кемаль в ряде статей, опубликованных в 1868 г., выдвинул заимствованную им у Руссо идею, что «в каждой общине право верховной власти принадлежит всем». Падишах правит народом не в силу своего происхождения, а потому, что община присягнула ему. Она же может и сместить его. «Если население какой-нибудь страны, — писал Намык Кемаль, — собирается и присягает на верность какому-либо лицу как султану или халифу, тот человек становится султаном или халифом, а никакой власти того, кто был султаном или халифом до него, не остается; потому что имамат есть право общины» [48, 20.VII.1868]. Однако в отличие от Руссо Намык Кемаль выступал в «Хюрриет» против народного восстания и не считал, что «древо свободы надо поливать кровью тиранов» [цит. по: 304, стр. 295]. Смещение и назначение правителя должно происходить не революционным путем; этот вопрос решают не массы, а специальное узкое совещание, «привилегированная партия», действующая в рамках законности и шариата [48, 14.IX.1868].

Будучи противниками не монархии, а абсолютизма, «новые османы» занимали отрицательную позицию в отношении республиканской формы правления. Формально признавая

право народа на создание республики и даже утверждая, что до возникновения Омейядского халифата мусульманские общины имели некий «республиканский вид» [48, 18]. 1.III.1869], «Хюрриет» старалась убедить своих читателей, что попытки учреждения республиканского строя в Турции привели бы страну к несчастьям и гибели. «Когда утверждается право народа на суверенитет,— писала газета 14 сентября 1868 г.,— есть ли необходимость говорить о признании его права на создание республики? Кто в мире может отрицать такое право? Разве ислам в начале его возникновения не являл собой некий тип республики? Другое дело, что республика неминуемо погубит нас. Это также никто не отрицает. Никому и в голову не придет устанавливать у нас республику. Однако, хотя создание ее невозможно, право на это не пропадает». О том, что республиканские идеи лишь смутно бродили в головах издателей «Хюрриет», свидетельствует и венгерский ориенталист Вамбери, который встречался с ними в Лондоне, видимо, в 1868 г. Он сравнивает их с «верноподданными революционерами... из тех наивных немцев, которые хотели бы учреждения республики, но с условием, что во главе ее будет стоять великий князь» [296, стр. 323].

Выступая против абсолютизма, «Хюрриет» требовала ограничения власти султана и ответственности центрального правительства перед законом. В наиболее сжатом виде это требование было сформулировано в номере от 14 октября 1868 г.: «Принцип, который соответствует как шариату и нашему образу правления, так и нашему состоянию и местоположению, есть ответственность падишаха за свои обязанности, а министров — за свои действия». Законы должны быть одинаково обязательны для всех, их должны исполнять как люди, так и государство [48, 20.VII.1868]. Кроме того, очень важно, чтобы законы писались на языке, доступном пониманию простых людей,— нельзя требовать исполнения законов, если они непонятны; к тому же невозможность понять законы позволяет превратно толковать их, исказить и использовать во зло [48, 7.IX.1868].

Газета «Хюрриет» выдвигала требование о разделении исполнительной и законодательной власти. Раньше этот принцип якобы соблюдался и выглядел, согласно «Хюрриет», так: «Улемы издавали законы, падишахи и везиры их исполняли, народ, держа оружие в руках, контролировал это исполнение» [48, 7.XII.1868]. Как видим, подменяя янычарский корпус газеты «Мухбир» народом, «Хюрриет» предлагала здесь еще более идеалистическую концепцию государственного строя средневековой Османской империи. Танзиматские реформы, по мнению «Хюрриет», усилили власть бюрократии. «Времена у нас сейчас такие,— писала она,— что Высокая Порта вырабатывает законы, она же их издает, она же ис-

полняет, она опять же и контролирует их исполнение. Когда мы говорим „падишах“, то подразумеваем Высокую Порту; если говорим „закон“, имеем в виду ее же; говорим „совет“ или „суд“ — опять ее; если же мы говорим „народ“, то ничего не подразумеваем» [48, 7.XII.1868]. Таким образом, для автора статьи (Намыка Кемаля) Высокая Порта есть символ абсолютизма и главный враг законности.

Вопрос о разделении законодательной и исполнительной власти был поставлен уже в первом номере «Хюрриет». «Долг правительства,— писала газета,— состоит в том, чтобы действовать в рамках закона. Составление законов должно находиться в руках не той группы, которая уполномочена его осуществлять, и это должно делаться с согласия народа... Именно поэтому как в науке о законах шариата, так и в правоведении власть законодательная и власть исполнительная отделены друг от друга». 20 июля 1868 г. «Хюрриет» прямо требовала «изъятия законодательной власти из рук членов правительства» и создания парламента, которому будет передана вся полнота законодательной власти.

В поисках образцов конституционной монархии, обеспечивающих должное разделение исполнительной и законодательной власти, «Хюрриет» обращалась к странам Западной Европы. При этом критерием соответствия какого-либо западного режима турецким условиям была для нее степень близости его догматам шариата. В освещении этого вопроса «Хюрриет» проповедовала мнение, что мусульманское государство должно не копировать формы правления Запада, а приспособлять их к исламу. «Например,— писал Кемаль,— если бы для составления основного закона (низамат-ы эсасие) был создан меджлис и в нем оказался бы, по недостатку государственных мужей, ваш покорный слуга, то я прежде всего потребовал бы, чтобы к каждому его параграфу было приставлено по муфтию, и, если бы это мое мнение не было принято, я бы вышел из меджлиса» [48, 14.IX.1868]. При непременном соблюдении соответствия шариату будущая османская конституция должна включать в себя положения одной из европейских конституционных монархий, а также Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г., хатт-и хумайюна 1856 г. и речи султана Абдул Азиза в Государственном совете в мае 1868 г., в которой он обещал «свободу» своим подданным. Поэтому конституция США как республиканского государства отпадает. Англия не может быть образцом: «Мы не можем, как это имеет место в Англии, отстранить нашего падишаха от всех дел и передать управление исключительно министрам. Потому что падишах по шариату предназначен вершить справедливость». Наиболее приемлемым образцом конституционной монархии для Турции «Хюрриет» считала Францию Наполеона III, и имен-

но потому, что он положил конец периоду революций, смут и политической неустойчивости, создал «режим доверия» и «восстановил свободы при помощи изменений, которых требовали моральные устои». В деталях, касающихся сроков полномочий депутатов и степени ответственности министров перед парламентом, Намык Кемаль не одобрял и французскую конституцию. Однако другого выбора он не видел и в главном предлагал следовать образцу Второй империи [48, 14.IX.1868].

В ряде статей, опубликованных в сентябре—ноябре 1868 г., «Хюрриет» наметила контуры конституционной монархии в Турции. В этих статьях она предлагала создать три органа власти: Государственный совет, нижнюю палату—Совет общины и сенат. Государственный совет должен назначаться султаном и состоять из 40—50 человек, сведущих особенно в правовых вопросах. «Обязанности этого совета состоят в том, чтобы подготавливать законы государства и административные постановления, а также разрешать трудности, которые могут возникнуть в делах управления. Характеризуя правовое положение нижней палаты французского парламента и отмечая ее зависимость от императора (право роспуска, назначение председателя), Намык Кемаль подчеркивал, что «статут Совета общины, которого хотим мы, не должен быть аналогичным; по нашему мнению, она должна быть более свободной», но подробнее эту мысль не развивал. Обязанность нижней палаты—«принимать или отклонять законопроекты, которые подготовит Государственный совет, и изучать государственный бюджет». Нижняя палата—выборный орган: «естественно, выборы депутатов палаты должны принадлежать народу, и право каждого на ее выборы должно быть непременно подтверждено» [48, 21, 29.IX, 9.XI.1868]. Что касается сената, то ему отводилась туманная роль блюстителя «конституционных порядков и всеобщей свободы» и «третейского судьи между правительством и народом» [279, стр. 61]. Способ формирования сената в газете не определен.

Помимо изложения этой общей схемы организации центральной власти «Хюрриет» пыталась на многочисленных примерах показать, как конкретно парламентская система могла бы действовать в Турции, какие преимущества она принесет в сравнении с нынешним господством кучки безответственных министров. «Только принятие совещательного способа правления,— писала газета,— есть та мера, которая способна будет уничтожить гнет и расточительство и устранить недоверие народа» [48, 4.VII.1868]. В ряде номеров приводятся подробные данные о бедственном финансовом положении страны как следствии иностранных займов, бесконтрольного расходования средств, казнокрадства, постоянного

превышения расходов над доходами. «Поэтому-то,— писала „Хюрриет“ 31 августа 1868 г.,— надо держать государственный бюджет под общественным контролем. Эта цель была бы достижима только с принятием конституционного правления». Через парламент, заявляла она, можно будет контролировать суды, просвещение, положение в армии, внешнюю политику [48, 29.IX.1868].

Создание парламента и отделение законодательной власти от исполнительной «Хюрриет» рассматривала как необходимое условие политической свободы, а эту последнюю — как гарантию личных прав. «Никакой народ не может быть свободным, пока все люди не станут обладателями личных и политических прав. Личные права человека есть всесторонняя гарантия его жизни, чести и имущества. Они осуществляются через систему судов... Политические же права есть контроль народа над деятельностью правительства. Этот контроль осуществляется через совещательный принцип» [48, 29.VI.1868]. В защиту политической свободы «Хюрриет» выступала неоднократно. Она объявляла, что «свобода — это не только право народа, это неотъемлемое свойство человеческого рода и исходное условие его счастья». Лозунги свободы, провозглашенные Великой французской революцией, дали толчок нынешнему прогрессу многих стран Европы, а потому Порте, если она хочет укрепления государства, следует больше думать не об увеличении числа солдат, а о распространении свободы и просвещения [48, 2.VIII.1868].

Из политических вопросов, которые были поставлены в «Хюрриет», несомненно, важнейшее место принадлежит провозглашению принципа выборности высших органов власти, в частности нижней палаты парламента. В праве голоса на выборах в парламента «Хюрриет» не отказывала и неграмотным. Полемизируя с теми, кто говорил, что невежественному народу нельзя давать избирательное право, газета отвечала, что неграмотность населения не препятствие для голосования. В Европе тоже, писала газета, не каждый крестьянин отличает истину от фальши, глупость от ума, угнетателя от справедливого, ученость от невежества. «Нет,— писал Намык Кемаль,— они совершенно похожи на наш народ, только богаче, поскольку дела у них идут исправно». Рассказав далее о механике выдвижения кандидатов от разных партий и о том, какую большую роль в предвыборной кампании играют газеты, Намык Кемаль выражал уверенность, что и турецкие крестьяне разберутся, за кого им лучше голосовать. Может, конечно, случиться, что правительство их обманет; но в результате избирательных кампаний возрастут силы политической оппозиции, которая поможет населению найти истину. Выборы станут, таким образом, средством политического воспитания всего народа. Вот как, по мнению газеты, они

могут изменить картину общественно-политической жизни в стране: «Если сейчас число людей, которые смогли бы оказать противодействию правительству, составляет 500 человек, через год их будет 5000. Каждый соблазненный человек будет стараться ради блага родины открывать глаза народу. И если члены правительства не изменят методов руководства, оппозиция в меджлисе возрастет, а рост оппозиции, естественно, заставит упорядочить администрацию. Это закон политики, и тысяча исторических примеров подтверждает его» [48, 21.IX.1868].

Намык Кемаль явно идеализировал буржуазный парламентаризм и переоценивал возможности парламентской системы. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, историей которого писатель интересовался, давало, как показал К. Маркс, пример того, что парламент, даже республиканский, сам по себе еще не гарантия против насилия [см. 1]. Издатели газеты, видимо, догадывались, что в турецких условиях положение парламента может оказаться очень неустойчивым. Но, будучи не революционерами, а мусульманскими либерал-конституционалистами, они связывали свои надежды на сохранение парламента с поддержкой влиятельных в империи лиц. В «Хюрриет» от 12 октября 1868 г. Намык Кемаль писал: «Если какая-либо предприимчивая группировка из вельмож великого везира или военного министерства захочет насильственным образом разогнать Совет общины, она очень легко сможет это сделать». Однако если удастся создать совет из знатных людей, куда входили бы наследные принцы, члены семей шерифов Мекки и хедива Египта, виднейшие улемы и маршалы, т. е. орган типа французского сената, «то для защиты от акции насилия над конституцией и Советом общины была бы получена опора бо́льшая, чем самое хорошее войско» [255, т. I, стр. 362]. Здесь отчетливо проявляется ограниченность политического мышления Намыка Кемалья. Как показала история, в конечном итоге именно отсутствие поддержки народных масс и неспособность «новых османов» пробудить их привели к падению конституционного режима в Турции в 1878 г.

Отстаивая идею конституционного управления, «Хюрриет» стремилась дать теоретическое обоснование ее совместимости с Кораном и шариатом. Статьи и материалы газеты позволяют привести сотни примеров, показывающих, как руководство «новых османов» при помощи догматов мусульманской религии и права аргументировало правомочность конституции, парламента, различных институтов конституционной монархии, принципы свободы и равенства. Без норм и догматов шариата они не мыслили себе канонизации государственного строя Османской империи.

Из этих материалов особенно отчетливо видно, что «Хюр-

риет» обращалась в первую очередь к мусульманской либеральной интеллигенции, причем не только светской, но и духовной. Лишь изредка и всегда в очень осторожной форме газета критиковала «некоторых улемов» за то, что они мирятся с самодержавием и деспотизмом. Главный же упор в этой пропаганде делался на то, чтобы превратить ислам в своего союзника в борьбе за конституционную монархию, как якобы более отвечающую догматам Корана и шариата. «Хюрриет» отвергала любую критику антиклерикальных писателей и журналистов Европы в адрес «новых османов» за их привязанность к принципам ислама. Так, 7 сентября 1868 г., обращаясь к этим критикам, газета писала: «Эй, месье! Откуда вы знаете, что если есть религия, то прогресс невозможен?.. Слава богу, мы хотим конституционного управления. Мы требуем Совета общины... Это наше требование мы основываем на религии». В другом месте, отвечая министру иностранных дел Франции Мустье, который в одном из своих выступлений заявил, что причиной недовольства и волнений среди турецких христиан является «скверное управление», «Хюрриет» писала, что последнее есть следствие извращения шариата Али-пашой и Фуад-пашой, и добавляла: «Наш шариат несовместим с произволом, поскольку в управлении общественными делами он основывается на конституционных принципах» [48, 9.XI.1868].

Не удивительно, что в отступлении от шариата «новые османы» видели основную причину неуспеха танзиматских реформ. «Как жаль,— писала „Хюрриет“ 18 января 1869 г.,— что основой права в нашей стране считаются заблуждения и страсти восьми — десяти тиранов и невежд, в то время как в наших руках есть такой божественный дар, достаточный для выполнения любых потребностей цивилизации, как шариат». Новые кодексы, утверждала газета 30 ноября 1868 г., должны разрабатываться только на основе шариата, ибо «шариат... есть море знаний, выведенных из естественного права, принципы которого присутствуют в стихах Корана и в хадисах, в результате огромного труда всех улемов, появившихся в течение 1250 лет в общине, насчитывающей 200 млн. человек, [причем] не только для выяснения истины и широты знаний, но и для обретения награды в потустороннем мире. Можно ли сомневаться, что закон, который будет основан на шариате, станет, по своей справедливости и соответствию требованиям времени и положению, более предпочтительным, чем все законы, существующие в цивилизованных государствах?» «Хюрриет» убеждала своих читателей в том, что шариат не хуже светских законов танзимата обеспечивает «безопасность жизни и защиту чести и достоинства» [48, 7.VI.1869]. «Шариат,— писала она 28 августа 1868 г.,— есть душа и то, в чем состоит жизнь нашего госу-

дарства. И он — самое действенное из лекарств, которое нам известно». Только государство, построенное на шариате, способно обеспечить социальную гармонию [48, 18.I.1869].

Не вызывает сомнений, что постоянные ссылки на Коран и шариат не были для редакции «Хюрриет» лишь данью эпохе, когда ислам господствовал в политической и общественной жизни Османской империи. Намык Кемаль, Зия-бей и другие эмигранты, писавшие в «Хюрриет», видели в мусульманской религии важное средство достижения своих политических целей и вне ее не представляли себе реорганизации государственного и общественного строя страны, ее культурного развития. Разумеется, это явление имело свои исторические причины. Важнейшая из них — это слабость, неразвитость социальной среды, которая питала бы светские буржуазные идеи; турецкий капитализм еще только зарождался. Вторая — это отсутствие традиции светской мысли, отсутствие в мусульманской среде общественно-политических концепций, не связанных с теологией [304, стр. 324]. Третья — малая эффективность танзимата, который к тому же толковался мусульманскими реакционными кругами как нарушение шариата. Наконец, эклектизм политических теорий «новых османов» объяснялся и тем, что сами они были верующими и их религиозное мировоззрение и мироощущение неизбежно наслаивалось на восприятие просветительских и либерально-конституционных идей Запада. Именно поэтому все основные положения политической программы «новых османов», как они сформулированы в «Хюрриет», были пронизаны религиозным духом и аргументацией. Отмечая позднее эту важнейшую особенность политических взглядов «новых османов», К. Маркс в письме Ф. Энгельсу 25 мая 1876 г. охарактеризовал их как пуританскую партию, опирающуюся на Коран [4, стр. 13].

В национальном вопросе «Хюрриет» вслед за «Мухбир» продолжила пропаганду идеи «общей родины» для всех подданных султана, стояла за безусловное сохранение целостности Османской империи. Изображение шариата в качестве наиболее совершенной основы «правового и справедливого государства» свидетельствовало о нежелании издателей «Хюрриет» признать права на какую-либо политическую обособленность или автономию нетурок и особенно немусульман. «Хюрриет» постоянно критиковала Высокую Порту за то, что она, уступая нажиму европейских держав, в первую очередь России, вывела свои гарнизоны из сербских крепостей, предоставила независимость Сербии, Молдавии, Валахии, особый статут Египту, Ливану и о-ву Самосу, проявила неспособность расправиться с греками Крита и т. д. [48, 14.IX.1868].

Как и «Мухбир», «Хюрриет» видела в конституционном

режиме важнейшее средство сохранения единой и неделимой империи. В своих доказательствах этого тезиса газета исходила обычно из того, что гарантированное конституцией равенство приведет к ликвидации межнациональных и религиозных противоречий. Однако само равенство трактовалось в «Хюрриет» как подчинение всех подданных единым законам в пределах «общей родины» — Османской империи. Газета признавала право каждого народа иметь своих представителей в османском парламенте [48, 7.IX.1868] и в то же время настаивала на том, чтобы они представляли там не различные национальные или религиозные общины, не «свой» народ, а «османцев». Кроме того, «Хюрриет» заранее исключала принцип равного или пропорционального представительства от национальных меньшинств, что на деле могло означать только требование преобладания турок-мусульман, и подчеркивала, что на руководящие посты в администрации должны назначаться только те, кто владеет турецким языком и кому собственная религия «не мешает» выполнять служебные обязанности [48, 5.X, 30.XI.1868]. Таким образом, вопрос о политическом равенстве народов империи рассматривался в газете с позиций концепции османизма, который в принципе отвергал право угнетенных народов империи на самостоятельное развитие.

Признавая, что христианское население Османской империи не менее, чем мусульманское, заинтересовано в ликвидации абсолютизма, газета «Хюрриет», как и «Мухбир», вместе с тем постоянно выступала с утверждениями, что христианам всегда жилось лучше, чем туркам и их единоверцам. Избегая писать о том, что было в действительности, — о массовом избиении, грабежах и т. д., которыми повсеместно сопровождались турецкие захваты в христианских областях, — газета безапелляционно заявляла: «Каждый знает, что мусульманский шариат в правовых вопросах не различает мусульман и христиан и, поскольку Османская империя является государством ислама, сохранение равенства в отношении его подданных составляет его религиозную обязанность» [48, 5.X.1868]. Правда, янычары и «некоторые невежды» в XVIII в. творили «некоторые злоупотребления», но с провозглашением Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г. и особенно хатт-и хумайюна 1856 г. права христиан, утверждала газета, были не только полностью восстановлены, но и значительно расширены, в то время как мусульмане не получили ничего [48, 20.VII.1868]. «Хюрриет» утверждала также, что теперь в Османской империи проблема равенства состоит прежде всего в том, чтобы предоставить мусульманам то, что имеют христиане. Она объявляла неравенством мусульман даже то, что христианские школы и церкви содержатся в порядке, а медресе и мусульманские культовые места на-

ходятся в запустении, что мусульмане отдают своих детей в армию, а христиане откупаются особым налогом и т. д. [48, 5.X.1868]. Подобная аргументация, возможно, помогала мусульманскому населению увидеть свое угнетенное и бесправное положение, но она была опасна тем, что возбуждала чувства зависти и ненависти между людьми разных вероисповеданий и вредила делу борьбы за конституцию.

Очень важное место в газете «Хюрриет» отводилось экономическим проблемам. Газета систематически публиковала статьи, материалы, письма читателей, переводы из западноевропейских газет относительно экономического положения Османской империи, особенно о состоянии ее финансов и торговли и меньше о промышленности и сельском хозяйстве. В статьях на экономические темы большое внимание уделялось роли и деятельности иностранного капитала в Турции, особенно после Крымской войны 1853—1856 гг.

Материалы по экономическим вопросам, публиковавшиеся в «Хюрриет», позволяют сделать вывод, что писавшие в газету турки были знакомы с теориями буржуазных экономистов Запада, в частности с теорией о «трех источниках богатства» (или накопления) Адама Смита. О них упоминал в одной из статей Намык Кемаль, причислявший к источникам богатства каждой нации также просвещение [48, 13.VII, 10.VIII.1868]. Однако специальных теоретических статей по экономической науке в «Хюрриет» не публиковалось.

Главное внимание в этом вопросе «Хюрриет» уделяла тому, чтобы разъяснять и показать своим читателям на конкретных примерах из жизни Турции состояние экономики, причины ее отсталости. Так, 10 августа 1868 г. газета писала о том, что важнейшая отрасль хозяйства — земледелие, несмотря на богатейшие природные условия, находится в такой разрухе, что «сегодня мы нуждаемся в хлебе насущном». Происходит это прежде всего из-за постоянного роста налогов и повинностей, которые разоряют крестьян. Их хозяйство подрывается также рекрутчиной, гибелью крестьян в войнах, волнениями и мятежами, а особенно гнетом местных чиновников, откупной системой взимания налогов, отвлечением людей и тягловой силы на различные отработки (строительство дорог, соляной промысел и т. д.). Что касается промышленности, то, хотя османцы отнюдь не менее способны, чем европейцы, страна «вынуждена ввозить из-за границы все, вплоть до одежды». Вина в этом абсолютизм. Правительством не оказывается промышленности никакого покровительства. Мастерские, которые были в Турции еще 20—30 лет назад, закрылись, не выдержав конкуренции с европейскими товарами. Местная промышленность разрушена, и повинна в этом Порта, разрешившая европейцам «свободу торговли». В торговле иностранцы завладели не только внешними, но и

внутриторговыми делами; торговые договоры дают им льготы, которых не имеют местные купцы. Финансы государства в плачевном состоянии: более 8 млн. кесе составляет внешний долг, на 8 млн. кесе выпущено государственных ценных бумаг, кроме того, есть еще ряд не поддающихся учету долгов. Примерно в таком же духе экономическое положение Османской империи характеризовалось и во многих других статьях, опубликованных в «Хюрриет» в 1868—1869 гг. [см., например: 48, 17.VIII.1868, 3.V, 12.VII.1869].

Налоги, рекрутчина, ростовщичество, произвол местной администрации — главные, по мнению «Хюрриет», причины бедственного положения крестьян и горожан. В августе 1868 г. газета писала, что «во многих санджаках не осталось людей, способных заниматься земледелием. Многие вилаеты превратились в районы нищенства», «население многих мест питается корнями трав и древесной корой» [см. 48, 10 и 31.VII.1868]. Столь же трагичным было и положение городской бедноты: «Богатеи Стамбула тонут в роскоши, а бедняки Измида из-за голода топят своих детей в море» [48, 5.X.1868].

Чтобы спасти страну от полной разрухи, «Хюрриет» призвала прежде всего мобилизовать все природные ресурсы и внутренние возможности государства. Для этого, как она считала, нужно развивать просвещение, готовить кадры людей, знающих промышленность, ремесла, торговлю, сократить административный аппарат, строить дороги, упорядочить судопроизводство, покончить с казнокрадством и расточительством, установить умеренное и равное налогообложение, урегулировать бюджет и т. д. Необходимыми условиями для проведения всех этих мер «Хюрриет» называла «совещательный образ правления» и установление контроля над Портой [48, 17.VIII, 16.XI.1868].

Не меньшим, чем абсолютистский, феодально-деспотический режим, препятствием на пути экономического развития страны «Хюрриет» считала внедрение иностранного капитала, иностранную торговую конкуренцию и привилегии подданных европейских держав. В десятках статей «Хюрриет» защищала интересы нарождающейся турецкой национальной буржуазии, протестуя против права иностранцев владеть недвижимостью в Турции, против неравноправных торговых договоров и отказа Порты от политики протекционизма, против иностранных займов и режима капитуляций. Некоторые номера газеты целиком были посвящены этим вопросам. Так, газета от 16 ноября 1868 г. открывалась присланным из Стамбула протестом против намерения Порты заключить новый заем на сумму 125 млн. фр. Он был подписан, как сообщала газета, 120 турками. В нем говорилось, что новый заем заключается не на нужды страны, а ради удовлетво-

ния прихотей двора; на нем заработают только европейские банкиры-ростовщики, он ляжет тяжелым бременем на народ, который не в состоянии оплатить уже сделанные долги и проценты по ним. В том же номере газеты были опубликованы два письма из Турции, в которых на конкретных примерах доказывалось, сколь разорительны для страны внешние займы, а также большая статья Зия-бея, в резких тонах критиковавшего постановление 1867 г. о предоставлении иностранцам права приобретать в собственность земельные участки и постройки. В следующем номере было напечатано заявление Общества «новых османов», в котором прослеживалась история внешних займов Порты со времен Крымской войны и давалась оценка их влияния на общее экономическое положение государства [48, 23.IX.1868].

«Хюрриет» не раз выступала с критикой финансовой политики Порты, которая считала, что «жить без займов нельзя» (слова Фуад-паши). Газета доказывала, что как раз напротив, «нельзя жить только на займы», поскольку они не помогут ни оздоровить экономику, ни ликвидировать дефицит в бюджете [48, 7.V.1869]. Она призывала также Порту повысить таможенные пошлины на импортные товары, так как существующие 5% пошлины не способны уберечь местную промышленность от полного разорения [48, 31.VIII.1868]. Газета выступала против системы капитуляционных льгот, которые Порта предоставила иностранцам в конце XVIII—начале XIX в., чем позволила последним завладеть турецким рынком, разорить местные ремесленные предприятия, нарушить турецкие финансы [48, 12.IV.1869]. Для укрепления позиций своих стран в Османской империи, писала 24 мая 1869 г. «Хюрриет», европейские послы и консулы как в Стамбуле, так и в провинциях постоянно вмешиваются в турецкие дела, оказывают содействие, нередко противозаконное, не только своим соотечественникам, но и местным христианским купцам-компрадорам, которые нередко переходили в иностранное подданство, чтобы не платить налоги Порте и приобрести новые льготы.

В целом материалы по экономическим вопросам, опубликованные в «Хюрриет», были направлены на разоблачение Порты и корыстных интересов европейских держав. Впервые со страниц этой газеты турецкая читающая публика стала получать систематическую информацию и заключения по вопросам, которых местная печать избегала. Между тем турецкое общественное мнение проявляло к ним самый большой интерес, о чем свидетельствуют письма из Турции, публиковавшиеся во многих номерах газеты.

Из других вопросов внутренней жизни «Хюрриет» уделяла некоторое внимание просвещению, наукам, языку и литературе. Неоснований говорить, что общая концепция Намыка

Кемаля, заимствованная им у европейских просветителей XVIII в., претерпела какие-то изменения. Просветительство оставалось для него инструментом экономического и общественного прогресса Турции [48, 17.VIII.1868]. Однако, занятый разработкой политических институтов, он касался темы просветительства лишь попутно. Самыми интересными публикациями «Хюрриет» на эту тему были две статьи Зия-бея — «О причинах упадка Турции» (27 июля 1868 г.) и «Поэзия и проза» (7 сентября 1868 г.). В первой статье Зия-бей обстоятельно рассматривает существовавшую тогда в Турции систему просвещения. Охарактеризовав метод обучения в медресе, он пишет, что их выпускники — полуграмотные люди, в сущности не способные ни на что, кроме чтения проповедей в мечетях. Это обычно полные невежды, не знающие толком ни Корана, ни шариата, ни светских законов, ни тем более естественных наук. «Если им нужно написать какому-нибудь своему приятелю письмо по-турецки, они просят об этом другого», поскольку все обучение в медресе осуществлялось на арабском языке. Хотя именно из них назначались каймакамы, мутесаррифы и вали, обычно ни один из них не был по-настоящему грамотным, никто не знал государственных законов, не был сведущ в финансовых вопросах, не знал судопроизводства и уж вовсе не способен был поддержать беседу с иностранным дипломатом или чиновником. Турецкий подросток и в 15 лет редко мог написать несколько строк по-турецки или прочитать «Таквим-и векаи», в то время как 10-летние дети местных армян или греков хорошо писали и читали на своих языках. В городах Румелии и Анатолии, заканчивал свою статью Зия-бей, грамотных мусульман было 2%, а у других народов — 20%, и не удивительно, что турки так отстали от них, особенно от иностранцев, в торговле; промышленности, финансах и благоустройстве своих городов, сел и домов.

Во второй статье Зия-бей поднимал очень важный для Турции вопрос об упрощении лексики и стиля письменного турецкого языка. Он особенно едко высмеивал стиль законодательных актов и официальных бумаг, которые были перенасыщены арабскими и персидскими словами и терминами, совершенно не встречавшимися в обиходе. Длинные, мало-вразумительные обороты превращали важный документ в головоломку, которую невозможно отгадать, даже обложившись словарями и справочниками. Есть «мастера», сочиняющие на одном дыхании официальные бумаги в 200—300 строк, которые не в состоянии ни понять, ни запомнить «даже самый что ни на есть искушенный и просвещенный человек... И самое удивительное в том, что умение сочинять такие недоступные пониманию фразы считается изящным стилем». Зия-бей, много лет просидевший в канцеляриях Порты,

вспоминал случай, когда начальство поручило одному служащему, владевшему в совершенстве арабским и турецким языками, перевести на арабский какое-то уложение для Туниса. Но ни он сам, ни восемь его консультантов не смогли осилить канцелярской премудрости, и текст остался непереуведенным. В этой же статье Зия-бей отмечал архаичность языка поэзии и частной переписки и требовал упрощения турецкого языка.

Материалы, публиковавшиеся в «Хюрриет» по вопросам внешней политики, вполне соответствуют хорошо известной позиции «новых османов», которые ориентировались на Англию, поскольку она поддерживала пресловутый тезис статус-кво, и были враждебны России за то, что она содействовала освобождению от турецкого ига народов Балкан и Закавказья. Аргументация, круг фактов, которыми оперировала редакция газеты в статьях на внешнеполитические темы, примерно те же, что и у издателя «Мухбир». Вмешательство Англии и Франции в турецкие дела «Хюрриет» представляла как их желание противодействовать России. Газета объявляла справедливой точку зрения тех, кто считал, что «среди европейских держав Англия более всего способствует сохранению наших прав и продлению нашей власти и господства» [48, 23.XI.1868]. Правда, резкие антирусские настроения иногда не мешали редакции понимать и истинную подоплеку тезиса статус-кво, во всяком случае увидеть, что он не препятствовал вмешательству Англии и Франции в турецкие дела.

Большое место в «Хюрриет» отводилось перепечаткам статей из западноевропейской прессы, главным образом лондонской и парижской. Чаще всего это были статьи по вопросам ближневосточной политики Англии, Франции и России. Они снабжались комментариями редакции. Кроме того, нередко появлялись и собственные заметки и обзоры о европейских делах, преимущественно политических.

21 июня 1869 г. в «Хюрриет» была напечатана большая статья, посвященная 80-й годовщине Великой французской революции. Отметив, что «революционеры состояли в большинстве своем из рабочих и бродяг», которые выступили против деспотизма, автор писал о республике как форме правления, при которой суверенитет нации осуществляется через парламент, «члены и председатель которого избраны всем народом». Не касаясь политических событий во Франции первой половины XIX в., «Хюрриет» отмечала, что переворот 1851 г., совершенный Луи Бонапартом, не восстановил в стране порядков XVIII в. «Пора деспотизма прежних веков прошла», — писала газета, и пример Франции показывает, что ошибается любой правитель, который полагает, что может распоряжаться народом как рабом.

Как уже отмечалось, автором большинства статей по основным, программным вопросам был Намык Кемаль. Нет оснований сомневаться в том, что написанное им отражало общую точку зрения всех эмигрантов на оценку состояния Османской империи и необходимость конституционной реформы монархии в принципе. Однако в отличие от Намыка Кемалья Зия-бей считал, что в упадке Османской империи виноват не феодально-деспотический режим, а плохие министры, которые не говорят правды султанам, держат членов правящей династии в неведении относительно государственных дел. Эту мысль Зия-бей проводил в двух памятных записках, опубликованных в «Хюрриет» в декабре — январе 1868—1869 гг. [48, 14.XII.1868, 4, 29.I.1869]. В соответствии с концепцией «злых министров» и «доброго султана» Зия-бей совершенно по-иному представлял себе и конкретную структуру власти конституционной монархии. Главное, по его мнению, заключалось в том, чтобы подчеркнуть незыблемость прерогатив монарха. Палата депутатов нужна не для того, чтобы ограничить права верховной власти султана, а для того, чтобы взять под контроль деятельность правительства, которое должно, однако, подчиняться султану, а не парламенту. Только такой принцип организации верховной власти, говорил Зия-бей, более всего соответствует установлениям шариата. Подробное изложение этой позиции заняло почти целиком два номера «Хюрриет» за октябрь 1869 г., где статьи Зия-бея были напечатаны под заголовком «Султан Абдул Азиз-хан — Зия-бей — Али-паша» [48, 11, 18.X.1869].

Среди других причин наибольшее значение имело их несогласие в оценке личности египетского хедива Исмаила и его реформ. Намык Кемаль не одобрял Исмаила, обвиняя его в том, что он хочет стать египетским монархом и ведет дело к отрыву Египта от остальной империи; он писал, что совещательная египетская палата, созданная в 1866 г., — только игра в конституционализм, что народ Египта угнетен, бесправен, ограблен непосильными налогами, что средства, которые выкачиваются из крестьян и горожан, уходят на пиры с участием иностранцев и т. д. [48, 5.IV, 19.VII, 9.VIII.1869]. Зия-бею не нравились нападки на Исмаила, поскольку тот поддерживал газету за ее пропаганду против великого везира Али-паши, стремившегося ограничить самостоятельность хедива [304, стр. 52]. Для Зия-бея этого было достаточно, чтобы видеть в хедиве союзника, Намык Кемаль же руководствовался своими принципами.

Давно назревавший разрыв был ускорен вмешательством Мустафы Фазыл-паши, который, помирившись с султаном, не видел более причин покровительствовать изданию вольнолюбивой газеты и в середине 1869 г. отказал ей в деньгах. Тогда Зия-бей договорился с представителями Исмаила о

том, что «Хюрриет» будет служить целям последнего в его борьбе против Али-паши. Намык Кемаль ушел из газеты [304, стр. 54—55].

С № 64, который вышел 13 сентября 1869 г. под редакцией друга Зия-бея, Арифа, «Хюрриет» стала превращаться в рупор египетского хедива и все свои усилия сосредоточила на критике Порты и особенно Али-паши. 20 декабря того же года по указанию Зия-бея в газете было напечатано присланное из Парижа письмо Али Суави, в котором он, комментируя одно из положений мусульманской юриспруденции, писал, что шариат разрешает «убийство тирана, его помощника и тех лиц, которые оказывают им содействие», и что в настоящее время в Турции «первоосновой этого тиранства является Али-паша» [цит. по: 279, стр. 68]. Когда английским властям спустя два месяца стало известно о публикации этого письма, Зия-бею пришлось немедленно бежать из Лондона, так как ему грозила тюрьма за подстрекательство к убийству. Последний номер (88-й) «Хюрриет» в Лондоне вышел 28 февраля 1870 г.

Оказавшись на континенте, Зия-бей обосновался в Женеве и здесь 3 апреля 1870 г. возобновил издание газеты. В этом городе «Хюрриет» выходила до 12 июня, и на сотом номере ее издание прекратилось окончательно. Об этом последнем периоде существования «Хюрриет», когда газета печаталась литографским способом, сведения очень скудны и противоречивы. Они не меняют того общепризнанного факта, что вскоре после ухода Намыка Кемалья «Хюрриет» утратила свое значение трибуны турецких конституционалистов и своими заявлениями в защиту Абдул Азиза усилила идейный разброд в лагере турецких эмигрантов.

Переходя к общей оценке газеты «Хюрриет», необходимо прежде всего отметить, что о ней можно сказать многое из того, что было сказано выше о «Мухбир», особенно в части ее подхода к освещению внешней политики, национального вопроса, роли ислама, деятельности иностранного капитала в Турции. Вместе с тем «Хюрриет» периода сотрудничества Намыка Кемалья и Зия-бея дала гораздо более серьезную и детальную разработку проблем, связанных с организацией конституционной монархии, структурой высшей государственной власти, более четко и последовательно проводила идею разделения законодательной и исполнительной власти, стремилась на конкретных примерах показать преимущества парламентаризма перед самодержавием, принципа выборности перед назначением сверху, наконец, она гораздо более подробно и серьезно освещала экономическое положение Османской империи. В целом на страницах «Хюрриет» были обсуждены и сформулированы все основные пункты программы «новых османов», и в этом ее основная заслуга перед

либерально-конституционным движением. Газета содействовала формированию либерального общественного мнения Турции и помогла ему определить свое отношение к проблемам политического, экономического и культурного развития страны.

Помимо «Мухбир» и «Хюрриет» деятели новоосманской эмиграции предприняли издание еще ряда печатных органов. Их появление было обусловлено наличием в среде «новых османов» идейных разногласий, которые имели своей причиной социальную неоднородность Общества «новых османов» и усугублялись аморфностью самой организации, достаточно рыхлой и не связанной жестким уставом и дисциплиной, а главное, четкой и последовательной политической программой. Появление новых эмигрантских изданий свидетельствовало об усилении центробежных процессов и идейного размежевания в лагере «новых османов».

Али Суави, вынужденный прекратить издание «Мухбир», в 1869 г. переехал в Париж и в августе того же года начал издавать здесь журнал «Улюм» («Науки»), который он сам писал, размножал на гектографе и рассылал по адресам. В «Улюм» Суави выступил против тезиса Намыка Кемаля о суверенитете народа. Обвиняя Намыка Кемаля в неправомерном толковании Корана, Суави писал о том, что верховная власть может принадлежать только богу. Отталкиваясь от этого положения, Али Суави выступил против принципа разделения власти на законодательную и исполнительную, выдвинув формулу разделения функций в безропотном исполнении божественного закона: «Эмиры правят народом, улемы — эмирами, улемами — божественный шариат» [304, стр. 368].¹

Помимо теоретических статей Али Суави печатал в «Улюм» свои мемуары о движении «новых османов», а также энциклопедические заметки, научные обозрения, переводы [304, стр. 11, 193, 240—241, 367, 380]. Некоторые его статьи в «Улюм» носили оттенок турецкого национализма [266, стр. 43]. Суави был не в состоянии обеспечить регулярный выход журнала, но фанатичная вера в свои идеи долго не позволяла ему отказаться от его изданий. Летом 1870 г., незадолго до осады Парижа прусскими войсками, Али Суави уехал в Лион и там выпустил несколько номеров рукописной газеты «Муваккатен „Улюм“ мюштерилерине» («Временно для читателей „Улюм“»).²

В мае 1869 г. один из влиятельнейших и «чаиболее радикальных младоосманов» [304, стр. 215], Мехмед-бей, в доме которого в 1865 г. происходили первые заседания Общества «новых османов», начал издавать в Париже газету «Иттихад» («Единение»). «Хюрриет», поместившая 31 мая 1869 г. заметку о выходе этой газеты, сообщала, что статьи в ней

печатались не только на турецком языке, но и в переводе на греческий и арабский, а также армянским шрифтом. Издание газеты «Иттихад» на нескольких языках свидетельствует о том, что Мехмед-бей ставил перед собой задачу вести пропаганду среди нетурецкого населения империи. Больше об этой газете ничего не известно. По-видимому, она выходила очень недолго.

Вскоре Мехмед-бей перебрался в Женеву. Здесь в конце апреля 1870 г. совместно с Хюсейном Васфи-пашой⁵ он начал выпускать газету «Инкиляб» («Революция») — «наиболее радикальную из младоосманских изданий» [304, стр. 49]. «Инкиляб» известна резкими статьями против Абдул Азиза, она проповедовала идею тиранубийства [304, стр. 342], что вызывало резкие протесты Зия-бея, который в те же весенние месяцы 1870 г. издавал в Женеве «Хюрриет», защищавшую султана [255, т. I, стр. 517—519]. 1 мая 1870 г. Мехмед-бей выпустил приложение к своей газете на французском языке, которое назвал «Революсьон» («Революция»). В редакционной статье говорилось: «Оповещая в французском бюллетене о нашей цели, мы хотим показать республиканской Европе и Америке демократические тенденции мусульманского Востока... О братья, находящиеся по ту сторону океана и по ту сторону пустыни! Давайте протянем друг другу руки!

Давайте объединимся, чтобы завоевать свободу,
Давайте объединимся, чтобы достичь равенства,
Давайте лелеять друг друга так, чтобы
Братство могло воцариться на земле!»

[цит. по: 304, стр. 23].

Таким образом, «Инкиляб» заявила о своих симпатиях не к конституционным монархиям, а к сторонникам республики. Однако газета появилась лишь в немногих выпусках, так как ее издатель Мехмед-бей (вместе с Нури-беем и Решад-беем) с началом революции во Франции, т. е. в сентябре 1870 г., уехал в Париж, а позднее записался волонтером в республиканские силы и участвовал в обороне Парижской коммуны [304, стр. 49, 56].

Намык Кемаль после выхода из редакции «Хюрриет» переехал в Париж, а с началом франко-прусской войны — в Брюссель, а затем в Вену. Некоторое время он вынашивал план издания газеты «Истикбал-и миллет» («Будущее нации») [254, стр. 93]. Возможно, что в Вене он рассчитывал на поддержку посла Халиля Шериф-паши (зятя Мустафы Фазыл-паши), очень богатого человека, к тому же крайне

⁵ Хюсейн Васфи-паша, бригадный генерал, смещенный Абдул Азизом со всех постов за участие в заговоре 1867 г. В конце 1868 г. эмигрировал в Европу.

враждебного хедиву Исмаилу. Однако Намык Кемальслишком резко отличался от светского окружения посла, и договоренность об издании газеты не была достигнута [255, т. I, стр. 332].

Тем временем Мустафа Фазыл-паша, примирившийся не только с Портой, но и с египетским хедивом, чтобы как-то реабилитировать себя в глазах общества, добивался у Али-паши амнистии для Намыка Кемалья. Али-паша (ум. 7 сентября 1871 г.), а позднее его преемник Махмуд Недим амнистировали всех руководителей новоосманской эмиграции не без тайной цели учредить над ними полицейский надзор. Намык Кемаль приехал в Стамбул 24 ноября 1870 г., через год возвратился на родину Агях, в 1872 г.—Зия, Нури и Решад, в 1874 г.—Мехмед, который в том же году умер. Лишь глубокой осенью 1876 г. приехал Али Суави.

Таким образом, к осени 1870 г. прекратили свое существование все периодические органы печати «новых османов» за рубежом. Закончился очень важный период в истории турецкой прессы и журналистики. Вольная пресса «новых османов» знаменует собой одно из самых ярких явлений в развитии конституционного движения и общественно-политической мысли Турции 60-х годов. В «Мухбир» и «Хюрриет» были сформулированы и провозглашены все основные, принципиальные положения программы турецкого либерально-конституционного движения 60—70-х годов XIX в. В плане политическом основная заслуга эмигрантской печати «новых османов» состоит в том, что она способствовала окончательному оформлению в турецком обществе оппозиции режиму феодально-султанского абсолютизма. Вместе с тем эта вольная пресса дает благоприятную возможность проследить такой важный процесс в развитии общественной мысли Турции, каким является формирование своеобразного синтеза идей просветительства и буржуазного парламентаризма с догматами ислама.

Вольная пресса «новых османов» была важнейшим инструментом того политического просвещения, форму которого приняло конституционное движение в Турции 60-х — начала 70-х годов XIX в. и которое вместе с тем было необходимым и важным звеном в развитии политической борьбы за конституцию 1876 г.

Глава V

ТУРЕЦКАЯ ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА КОНСТИТУЦИЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА (1870—1878 гг.)

В марте 1867 г. было обнародовано «Постановление Али-паши» о преследовании печати, после чего ее положение в Османской империи очень резко изменилось к худшему. В сущности, начиная с этого времени и до конца царствования Абдул Азиза (30 мая 1876 г.), управление печатью осуществлялось по законам осадного положения, и само существование газет находилось в зависимости от произвола властей [201, стр. 237].

В своих административных и судебно-полицейских преследованиях периодической печати власти неизменно прибегали к нарочито расплывчатой формуле постановления 1867 г. о «порче нравов и подстрекательстве умов». По этому постановлению были запрещены «Гасвир-и эфкяр», «Мухбир», «Утарит» («Меркурий»), неоднократно приостанавливалось издание газет «Аине-и ватан» («Зеркало родины»), «Ватан», «Истанбул» («Стамбул»), «Муhib» («Друг»), «Кевкеб-и шарки» («Восточная звезда») и многих других [197, стр. 15]. За период 1868—1870 гг. в Турции появилось более 20 новых газет и журналов [266, стр. 85—90]. Однако немногие из них перевалили через этот хронологический рубеж и вошли в историю печати 70-х годов XIX в. Расправа с газетами, журналистами, штрафы на владельцев и издателей делали местную турецкую прессу безликой. Хотя многие газеты той поры считали себя политическими органами, в действительности они никакой политики не проводили. В части политической информации большинство газет тех лет ограничивалось перепечаткой или кратким пересказом того, что было опубликовано в местных изданиях на европейских языках, а те в свою очередь пересказывали европейские газеты, обходя все острые углы. Поэтому, как пишет турецкий исследователь, местная турецкая пресса пренебрегала всем, что было важно для родины, и постоянно оглядывалась на Европу [266, стр. 56].

В начале 70-х годов режим преследования печати стал постепенно ослабевать [250, стр. 30]. Это объясняется прежде всего тем, что годы, прошедшие со времени публикации «Постановления Али-паши», показали Порте, что оно имело и ряд негативных сторон: привело к возникновению вольной прессы «новых османов» за рубежом, росту ее популярности среди населения, усилению недоверия общественного мнения к власти. Эмигрантская печать «новых османов», вольная турецкая пресса из-за рубежа оказывали большое воздействие и на общественное мнение и на правительство. Именно в этом, а не в ходатайствах Мустафы Фазыл-паши состояла главная причина того, что Порта решила амнистировать руководителей эмигрантских кружков: их возвращение на родину влекло за собой прекращение антиправительственных публикаций за пределами империи. Вместе с тем Порта попыталась склонить прессу на свою сторону путем некоторой либерализации режима, прибегая в случае необходимости и к кнуту. Показательно, что, когда Намык Кемаль возвратился в Турцию, его несколько раз принимал Али-паша. Писатель не пошел на компромисс с Али-пашой и ждал случая возобновить в широком масштабе пропаганду идей конституционализма через печать. Ослаблению репрессий против печати способствовала и смена главы правительства: после смерти Али-паши великим везиром стал сначала Махмуд Недим-паша (7 сентября 1871—30 июля 1872 гг.); продолжавший курс на амнистию «новых османов», а затем Мидхат-паша (до 19 октября 1872 г.), который сам во многом разделял их взгляды.

В годы, предшествовавшие введению конституции, турецкая печать испытала в целом значительный подъем. В 1871—1876 гг. только в Стамбуле возникло 68 периодических органов печати на турецком языке—40 газет и 28 журналов [266, стр. 86—91]. Как и прежде, многие из них были недолговечны: одни были запрещены властями, другие закрылись сами из-за нехватки средств, отсутствия опытных журналистов. Однако, по неполным данным, в 1876 г. в Стамбуле выходило на турецком языке 13 газет, из которых семь были ежедневными. Кроме того, в том же году в Стамбуле издавалось 34 газеты на других языках, из них девять на греческом, девять на армянском, семь на французском, три на болгарском, две на еврейском, две на английском, одна на немецком и одна на арабском [289, стр. 41; 253, т. VII, стр. 218]. Тогда же получила развитие сатирико-юмористическая печать, возросло число различных специальных периодических изданий, появились официальные листки в провинции.

Главные органы турецкой политической периодики, выходившие до лета 1876 г., можно разделить по их политиче-

ской направленности на три основные группы: 1) правительственные официозы; 2) частные газеты умеренно-консервативного и умеренно-либерального направления (таких было большинство); 3) немногие частные органы либеральной оппозиции, которые пытались продолжать пропаганду против самодержавного режима.

Главной правительственной газетой оставалась «Таквим-и векаи». В 60—70-х годах она выходила регулярно. В ней печатались все правительственные постановления и заявления, официальные уведомления и объявления ведомств, сообщения о приемах и т. п. Кроме того, в газете помещались официозные статьи о внешней политике и внутренних событиях. Своеобразным дублером турецкого официоза была газета на французском языке «Ля Тюрки», которая находилась на полном содержании Порты. Еще 4 апреля 1868 г. Али Суави писал в «Мухбир», что директор «Ля Тюрки» получает от правительства на издание газеты 70 тыс. курушей в год, а жалованье ее главного редактора достигает 40 тыс. курушей. Иногда в целях маскировки она изображала себя неофициальной газетой, но Намык Кемаль показал, что эти ее претензии совершенно неосновательны [48, 19.IV, 26.VII.1869]. Проправительственными оставались и основанные У. Черчиллем «Джериде-и хавадис» и «Рузнаме-и джериде-и хавадис».

Среди турецкого населения эти газеты особой популярностью не имели: официоз был скучен, «Ля Тюрки» предназначалась для европейцев в Турции и зарубежного читателя (она высылалась за границу, в том числе в Россию), газеты У. Черчилля, специализировавшиеся на коммерческих вопросах, представляли интерес в первую очередь для местных компрадоров, а в политической части, как отмечал В. Д. Смирнов, были бесцветны [31, кн. 9, стр. 29].

Из крупных частных турецких газет консервативного направления, которые пользовались известностью у всей читающей публики, надо назвать прежде всего «Басирет» («Проницательность»). Она выходила пять раз в неделю и называла себя «национальной газетой», которая освещала вопросы, «касающиеся пользы родины и общих событий». «Басирет» была основана в январе 1869 г. Али-эфенди, учителем придворной школы, ранее работавшим в газете У. Черчилля. В ее редакцию вошел отколовшийся еще в 1867 г. от «новых османов» Айетуллах, генерал Мустафа Джелильеддин, с 1871 г. в ней сотрудничал Ахмед Мидхат, а позднее — Али Суави. Для организации газеты Порты предоставила субсидию в 300 лир и в дальнейшем выделяла ей дотации ежемесячно. Кроме того, «Басирет» получила некую сумму денег и печатные машины от Бисмарка в благодарность за то, что во время франко-прусской войны она выступала в поддерж-

ку Германии. Для получения наград и подарков Али-эфенди, получивший прозвище Басиретчи, по приглашению Бисмарка ездил в Германию [272, стр. 136—145]. Все это поставило издание газеты на прочную финансовую и техническую базу. В редакционном «Предисловии», опубликованном в первом номере, «Басирет» возносила хвалу «милостивой благосклонности его падишахского величества» за разрешение издавать газету, что, по ее мнению, следовало рассматривать как «признак свободы печати». Характерно, что для понятия «свобода» редакция избрала персидское «сербести», а не арабское «хюрриет», дабы не напоминать властям о газете Намыка Кемалея. Политическое кредо газеты было выражено в словах: «Мы не являемся ревнителями зовущей к невоздержанности свободы, как и обрекающего на нищету рабства... Задача, которую мы перед собой ставим, состоит в том, чтобы побуждать нашу нацию идти по пути спасения и процветания», в том, чтобы «в качестве достойного подражания примера для нашей культуры изображать состояние идей у соседних с нами культурных народов» [266, клише]. В соответствии с этой общей программой «Басирет» всегда в осторожных выражениях — она называла это «языком истины и честности» — публиковала материалы на темы культуры, просвещения, науки, перепечатывала статьи из «Ля Тюрки» или «Курье д'Орьян» [263, стр. 35—37].

Основное место на страницах «Басирет» занимала хроника внутренних и международных событий [275, стр. 41]. Ее собственные статьи на политические темы были всегда благонамеренными. Как отзывалась о них в середине 70-х годов газета «Тиятро» («Театр»), «Басирет» любила рассуждать об общественной пользе, сидя за обеденным столом [266, стр. 65].

«Во внутренних вопросах,— писал В. А. Гордлевский,— газета держалась клерикально-реакционного направления» [151, стр. 37]. Консервативность и осторожность во всем, что затрагивало политические темы, позволили «Басирет» просуществовать в бурные 70-е годы без единого наказания и пережить конституцию и парламент. Вполне возможно, что она ужилась бы и с Абдул Хамидом, если бы не Али Суави. Готовя вооруженное нападение на Чираганский дворец, чтобы путем возвращения на трон Мурада V восстановить конституцию, Али Суави накануне этой акции, намеченной на 20 мая 1878 г., напечатал в «Басирет» «Объявление», которое служило его сторонникам сигналом к выступлению [283, стр. 79]. Переворот не удался, Али Суави был убит, а «Басирет» сразу же закрыли. Ее владелец и издатель Али-эфенди был отправлен в пожизненную ссылку, из которой возвратился только в 1908 г. [275, стр. 42].

Гораздо больший интерес представляют газеты и журна-

лы, которые можно отнести к группе умеренно-либерального направления. Они не выступали открыто за конституцию, однако на их страницах нашел отражение дух либерализма, охвативший турецкое общество в конце 60-х — 70-х годах XIX в. Многие эти газеты и журналы издавали литераторы и журналисты, в прошлом сотрудничавшие в изданиях Агях-эфенди, Ибрагима Шинаси, Намыка Кемаля, Али Суави и сочувствовавшие взглядам «новых османов». В этой среде жадно читали и горячо обсуждали все, что печаталось в «Мухбир» и «Хюрриет», следили за либеральной европейской прессой, в ней известно было не только о просветительских, но и социалистических идеях Запада и высказывались симпатии не блокировавшим столицу Франции пруссакам, а Парижской коммуне. Неосторожное слово или фраза частенько приводили к приостановке издания таких газет, многие из них были закрыты окончательно, и лишь единицы издавались несколько лет подряд.

К числу таких газет относится, например, «Теракки» («Прогресс»). Ее основали в ноябре 1868 г. бывший владелец «Мухбир» Филип-эфенди и Али Рашид-бей. В газете сотрудничали поэт-романтик Реджаизаде Махмуд Экрем (1846—1913), который раньше активно участвовал в издании «Тасвир-и эфкяр» Намыка Кемаля, а также Эбуззия Тевфик (1848—1913), ставший впоследствии видным просветителем, публицистом и издателем. В либеральной среде «Теракки» считалась одной из лучших газет своего времени [197, стр. 16; 275, стр. 119]. Она именовала себя «турецкой газетой, посвященной пользе Востока и состоянию государственных дел».

Воскресные выпуски «Теракки» посвящались женскому вопросу и печатались под названием «Мевкиб-и шарки» («Восточный corteж»). В них проводилась та мысль, что женщины не менее полезны в современном обществе, чем мужчины. В одном из номеров она писала: «Выражение „у женщин волос длинен, а ум короток“ вовсе не означает, что любой из мужчин непременно умнее любой из женщин... Тот факт, что мужчины более развиты, чем женщины, происходит из того, что первые обладают большим опытом, поскольку принимают участие в важнейших делах жизни» [цит. по: 239, стр. 33]. Газета часто писала также о необходимости образования для женщин, хотя порой выдвигавшиеся при этом мотивировки отражали приниженное положение мусульманки в обществе и в семье. Главную цель воскресных приложений редакция «Теракки» видела в том, чтобы «и наши любимые жены» (севгили харемлеримиз) приобрели воспитание, которое требуется их мужьям, и чтобы последние «могли ими гордиться». В другой статье, призывая своих читательниц отдавать девочек в школу и говоря о пре-

имущества грамотности, «Теракки» писала, что если девочки «будут уметь читать и писать, то в будущем мужья не смогут обмануть их своими бессовестными проделками, как старых женщин» [цит. по: 266, стр. 49].

Во внешнеполитической области «Теракки» была проводником франкофильских идей и постоянно полемизировала с прогермански настроенной «Басирет» [151, стр. 371]. Помимо международной хроники и освещения хода франко-прусской войны в газете в 1869—1870 гг. был опубликован ряд статей, затрагивающих коренные проблемы политического строя Турции, в частности темы личной и политической свободы [197, стр. 16]. В одной из статей в начале 1869 г. она писала о свободе как естественном состоянии каждого человека, способного отделить зло от добра. Однако, по утверждению автора статьи, эта способность приобретается только в результате знаний, образованности. Если же общество будет необразованным, то свободы будут использованы ему во зло. Откликаясь на эту статью, Намык Кемаль писал в «Хюрриет», что просвещение лишь условие развития свободы, но не ее гарантия. Только с созывом парламента общество может обрести истинные, как он считал, политические и личные свободы и избавиться от злоупотреблений властью [48, 8.III.1869].

«Теракки» писала о необходимости развивать сельское хозяйство, торговлю и промышленность, готовя кадры из молодого поколения, систематически освещала состояние школьного дела, выступала за упрощение письменного турецкого языка [266, стр. 49—50; 197, стр. 16].

Хотя редакция «Теракки» проявляла осторожность, Порте не нравилось, что газета обсуждала тему политической свободы. «Басирет» также постоянно настраивала правительство против нее, и в августе 1870 г. «Теракки» была закрыта на один месяц. За это время ее редакция распалась, и выход прежней «Теракки» возобновлен не был, однако название газеты неоднократно использовалось другими издателями в 70-х годах и позднее.

В сентябре 1870 г. некто Рюштю-бей вместе с Филиппенди основал газету «Хакаи́к уль-векаи́» («Правда о событиях»). В ней некоторое время сотрудничали Махмуд Экрем и Мехмед Саид-бей¹. Новая газета имела тот же

---

¹ Мехмед Саид-бей (1848—1921) начал свою журналистскую деятельность в «Гасвир-и эфкар» Намыка Кемаля, позднее издавал газету «Шарк», писал в «Хакаи́к уль-векаи́» и в «Газетт де Константинополь». С 9 декабря 1875 по 2 февраля 1876 г. возглавлял Департамент печати, но ушел с этого поста в знак протеста против политики Махмуда Недим-пашы. При Абдул Хамиде был сослан в Йемен. Его не следует путать с Мехмедом Саид-пашой, бывшим директором официоза «Таквим-и векаи́», который с 1861 г. сотрудничал в газете У. Черчилля, а с 1879 по 1908 г. шесть раз был великим везиром у Абдул Хамида II.

подзаголовков, что и только что закрытая «Теракки», и в «Предисловии» к первому номеру от 2 сентября 1870 г. сообщала, что ее цель — пропаганда просвещения и прогресса. Поскольку она рассылалась подписчикам «Теракки», есть основания рассматривать ее как преемницу последней. «Хакаик уль-векай» публиковала серьезную информацию как о внутренних делах, так и о международных событиях, не проявляя заметно своих политических симпатий и антипатий.

21 февраля 1871 г. в «Хакаик уль-векай» было напечатано письмо К. Маркса, направленное редактору английской газеты «Дейли Ньюс» и опубликованное в ней 19 января того же года. В этом письме К. Маркс писал, что политика, которую проводит Бисмарк в отношении Франции, угрожает удушением свободы всей Европы [278, стр. 10]. Насколько известно, это была первая работа К. Маркса, опубликованная на турецком языке. Хотя «Хакаик уль-векай» не питала симпатий к марксизму, публикация письма К. Маркса на турецком языке сама по себе не была случайной, так как идеи марксизма проникали и в Турцию. Имеются сведения, что отдельные сообщения о социалистическом движении в Европе публиковались в турецкой печати уже вскоре после организации в 1864 г. I Интернационала. «Парижская коммуна марта 1871 г., — пишет болгарский журналист Д. Шишманов, — получила отклик и в Турции. В печати было опубликовано много сообщений и статей о Коммуне и коммунарах — одни в их защиту, другие — в поддержку Версаля и его пропаганды против коммунаров» [310, стр. 20]. Под влиянием Коммунистического манифеста, I Интернационала, Парижской коммуны и рабочего движения в европейских странах в Стамбуле в 1871 г. было основано первое рабочее общество — «Амелепервер джемиети» («Общество друзей рабочих»). В 1872 г. на предприятиях морского арсенала Касымпаша произошла первая рабочая забастовка [269, стр. 77], о которой тоже писали в местной печати. Появление перевода статьи К. Маркса в турецкой печати относится к тому времени, когда распространение марксизма в Турции только-только начиналось [см. 149, стр. 146—149].

Поскольку «Хакаик уль-векай» выступала как официоз правительства, когда во главе его стоял Махмуд Недимпаша [151, стр. 360], можно сказать, что для этой газеты публикация письма К. Маркса была не меньшей случайностью, чем для благонамеренной «Басирет» помещение заметки Ахмеда Мидхата в поддержку выступлений «Ибрет» о Парижской коммуне [278, стр. 10].

К умеренно-либеральным органам печати можно отнести также все просветительские, научно-популярные периодические издания. Так, в конце 1867 г. в Стамбуле стал изда-

ваться орган Османского научного общества «Меджмуа-и маариф» («Журнал просвещения»). В нем обсуждались главным образом вопросы развития школьного дела, специального обучения, науки, техники, литературы и языка, говорилось о важности светского образования. Вместе с тем «Меджмуа-и маариф» не чурался и собственно политической тематики, писал о проводимых в Турции реформах. Он пользовался популярностью в среде нового поколения интеллигенции, которое искало в нем информацию об общественной и культурной жизни Европы, и просуществовал до 1876 г. [266, стр. 47—48].

В июле 1869 г. группа интеллигентов, в основном чиновники органов просвещения и педагоги, начала выпускать газету «Мюмеиз» («Экзаменатор»). Она называла себя «османской газетой, посвященной национальным интересам и общим событиям», и рассказывала о необходимости развивать промышленность, торговлю, строить железные дороги, об экономических трудностях страны. Ее политические материалы носили информационный характер. Редакция газеты издавала специальные номера для детей. Первый детский номер «Мюмеиз» (по существу первая детская газета) вышел 15 октября 1869 г. В детских номерах давались советы, как заниматься в школе и дома, печатались рассказы на темы истории, географии, естествознания, отрывки из литературных произведений и т. д. Вместе с тем в газете публиковались и серьезные статьи по педагогике, которые оказывали помощь молодым учителям светских школ в воспитании и обучении детей новыми методами, разработанными европейской педагогикой. Одно время объем газеты вырос до восьми полос, но редакция не выдержала расходов, и в 1870 г. газета «Мюмеиз» была закрыта [266, стр. 51—52].

В том же году Ашир-эфенди начал издавать газету «Хадика» («Сад»), которая явилась первым периодическим изданием, популяризовавшим экономические знания. Она печатала информации и очерки о промышленности, сельском хозяйстве, развитии науки и техники [289, стр. 44]. Ее критические замечания о причинах экономической отсталости Турции послужили поводом для преследований газеты. «Хадика» просуществовала менее двух лет [227, стр. 241—242].

В 70-х годах XIX в. заметную роль в общественной и политической жизни Турции стала играть юмористическо-сатирическая печать. Первая такая газета на турецком языке под названием «Диожен» («Диоген») вышла 24 ноября 1870 г. До того времени она печаталась только на французском и греческом языках, ее издателем был Теодор Касаб. Грек по национальности, франкофил по своим политическим и культурным симпатиям, он окончил лицей в Париже, где сблизился с литературными кружками прогрессивных писа-

телей, сопровождал Александра Дюма в его поездке в Италию к Гарибальди. В Париже Теодор Касаб познакомился и сдружился с Намыком Кемалем, под влиянием которого и решил заняться журналистикой [255, т. I, стр. 586—591].

«Диожен» была первой газетой Теодора Касаба. На ее первой полосе, ниже названия, помещался рисунок, изображавший Александра Македонского и сидящего в бочке Диогена. Под рисунком известные слова, выделенные как девиз газеты: «Не загораживай солнце, другой милости я не хочу». В «Предисловии» газета напоминала турецким читателям, что Диоген — их земляк, житель Синопа [266, клише]. С появлением турецких номеров в «Диожене» стали постоянно сотрудничать Эбуззия Тевфик и Али-бей — переводчик Мольера и «отец турецкой юмористической литературы» [275, стр. 11—12]. Позднее в газету посылали свои заметки Намык Кемаль и Зия-бей. Но и до них «Диожен» была «проникнута духом политического юмора» [254, стр. 94].

В номере «Диогена» от 14 декабря 1870 г. была помещена заметка о визите иранского шаха в Багдад, в которой шахская свита была названа «чрезмерно многочисленной». Этого замечания оказалось достаточно, чтобы приостановить издание газеты. 7 апреля 1871 г. в ней был напечатан короткий диалог. Один другого спрашивает: «Ты чего зажег днем свечу?» «Чтобы казну проверить», — отвечает тот. «А что у тебя там?» — «А что должно быть: вода сошла, мышей полно». Власти восприняли это как намек на пустую казну государства и вторично закрыли газету. С мая 1872 г. в «Диожен» стали появляться карикатуры. За карикатуру на официозную «Ля Тюрки», а также за «насмешливую статью и рисунок, затрагивающие правительство», газету закрыли в третий раз, на этот раз на два месяца. В № 128 «Диожен» напечатала стихотворение Намыка Кемала, в котором он сравнивал бывшего великого везира Махмуда Недим-пашу с кошкой, а в № 132 — стихотворение о собаке как антиподе кошки. Намек на нового великого везира усиливался тем, что оба стихотворения публиковались под одной рубрикой. Мидхат-паша отнесся к «Диожен» благосклонно, но для порядка газете указали, что если она еще раз перейдет «известные границы», которых надлежит придерживаться прессе, и будет употреблять столь же «бесстыдные выражения», то ее закроют. В ответ на это предупреждение «Диожен» опубликовала смелые слова в защиту свободы слова и печати: «Мы не понимаем, о каких „постыдных и гнусных выражениях“ идет речь... Газета не пойдет на такое [молчание] только из-за того, что ее приостановят: не говорить то, что хочешь, все равно что совсем молчать. Однако газета боится быть закрытой без суда, да и то не ради своей выгоды, а во имя защиты славы о справедливости правительства. По-

тому что после того, как газета закрыта, хоть устраивай суд, хоть не устраивай, журналисту это решительно не поможет. *Не загораживай солнце, другой милости я не хочу!*» [275, стр. 48—49].

Предметом критики для «Диожен» были не только внутренние дела, но и внешняя политика Порты. Зимой 1872/73 г. в нескольких выпусках были напечатаны вымышленные письма, в которых прямо задевались «высокие особы» царя Александра II и египетского хедива Исмаила. 10 января 1873 г. «Диожен» была закрыта без права возобновления издания.

Положив начало турецкой политико-сатирической периодике, «Диожен» способствовала возрождению оппозиционной политической печати на территории Турции в 70-х годах XIX в. Первым таким органом была газета «Ибрет» («Наставление»). Ее основал в середине 1871 г. армянин Александр Сарафян, и первоначально она была ничем не выделявшимся изданием с юмористическим уклоном [263, стр. 39—40]. Самой яркой политической газетой Турции 70-х годов она стала благодаря Намыку Кемалю. Лишенный права издавать газету от собственного имени, Намык Кемаль, договорившись с владельцем «Ибрет» об аренде [230, стр. 8], создал редакционный совет, в который кроме него вошли его товарищи по эмиграции Нури-бей и Решад-бей, а также Эбуззия Тевфик и Махир-бей. Главным редактором и фактическим издателем «Ибрет» стал Намык Кемаль. 13 июня 1872 г. вышел первый, программный номер этой по существу заново созданной газеты. В нем говорилось: «По нашему убеждению, самый главный долг газеты в этой стране состоит в том, чтобы рассказывать народу о политической обстановке и делах, а также о культурном прогрессе. Мы приложим к этому все наши силы. Мы не допустим ошибок в освещении событий. Наша обязанность, которую мы считаем самой священной, состоит в том, чтобы говорить народу правду, насколько это позволяет закон о печати» [266, клише]. В этом же номере была напечатана статья Намыка Кемалю, в которой он, возвращаясь к своему тезису о религиозных основах османского государства как неременном условии его существования, проводит мысль, что историческое развитие идет вперед, возврата к прошлому быть не может, и маятник часов истории остановить нельзя [255, т. II, ч. 1, стр. 105; 304, стр. 320].

Газета «Ибрет» сразу же привлекла к себе всеобщее внимание. Ссылаясь на личные беседы с Эбуззией Тевфиком и с его слов В. А. Гордлевский пишет, что в день выхода первого номера «Ибрет» «на улицах Константинополя царил необычное оживление. На публику сильнее всего, лучше всякой рекламы подействовали имена младотурок, издателей

газеты. Быстро номер был раскуплен. Днем было выпущено второе издание в пять тысяч экземпляров. Всего первый номер разошелся в количестве двадцати пяти тысяч экземпляров» [151, стр. 360]. Но и после того как прошел ажиотаж первых дней, тираж газеты поддерживался на очень высоком для того времени уровне. К середине июля 1872 г., когда издание газеты было приостановлено в первый раз, ее тираж достигал 12 тыс. экземпляров [255, т. II, ч. 1, стр. 110].

С первых номеров «Ибрет» выступила как политическая газета, пропагандировавшая взгляды «новых османов». И хотя некоторые их идеи нашли в «Ибрет» более полное выражение, главная ее заслуга состояла в том, что она открыто писала о том, о чем еще недавно турки могли узнать только из эмигрантских изданий. «Ибрет» популяризировала идеи свободы, конституционного переустройства империи, критиковала политику Махмуда Недим-паши. Решад-бей выступил в ней в защиту Парижской коммуны и коммунаров, а Намык Кемаль обвинял «кровавого карлика» Тьера в том, что тот «ради успокоения» погубил до 60 тыс. человек [255, т. II, ч. 1, стр. 107; 266, стр. 58; 278, стр. 10; 304, стр. 62].

«Ибрет» с самого начала уделяла также очень большое внимание просвещению, науке, технике, подчеркивая, что их развитие на Западе обеспечивает ему превосходство над Востоком. Прибегая, как и прежде, к религиозной аргументации, издатель газеты объяснял культурную отсталость турок тем, что они забыли предписание Корана искать науку хотя бы даже и в Китае. В номере от 25 июня 1872 г. «Ибрет» обвиняла в отставании просвещения и науки у османцев религиозных проповедников, которые ограничили свою деятельность лишь теологической пропагандой и не учили народ делу [304, стр. 320—322]. Для иллюстрации значения технического прогресса в изменении соотношения сил разных народов газета ссылалась на франко-прусскую войну 1870—1871 гг., утверждая, что Германия одержала победу над Францией, поскольку обогнала последнюю в развитии техники [304, стр. 62]. Она постоянно призывала правительство принять меры для развития просвещения [239, стр. 34].

Более трезвую оценку на страницах «Ибрет» получили реформы танзимата. Продолжая повторять, что при строгом соблюдении шариата в танзиматских реформах не было бы необходимости, «Ибрет» 5 ноября 1872 г. писала о том, что они смягчили произвол правительства и замедлили развал Османской империи. В другом месте она отмечала, что одной из причин малой результативности танзимата было вмешательство иностранных держав, поскольку установление контроля западноевропейских держав за проведением реформы дало им повод постоянно вмешиваться во внутренние дела страны [268, стр. 2—5, 48]. Главный недостаток танзима-

та, объясняя своим читателям газета, в том, что он не уничтожил абсолютистско-деспотического режима в стране. По-прежнему придерживаясь того мнения, что «основополагающим» для османского государства должен оставаться шариат, Намык Кемаль вместе с тем выражал в «Ибрет» готовность признать таковым и Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г., если бы он «объявил о таких основных принципах, как свобода мысли, суверенитет народа и парламентарное управление» [цит. по: 268, стр. 68—69].

На страницах «Ибрет» отчетливо прозвучали идеи панисламизма. Газета выступала в поддержку пропаганды ислама, одобряла деятельность основанного Тахсином Ходжой панисламистского Общества по изучению географии стран ислама, Общества исламского просвещения и других подобных организаций. В номере от 27 июня 1872 г. была опубликована статья Намыка Кемалья «Единение ислама», в которой он писал, что залог существования и прочности Османской империи — союз всех мусульман, созданный под руководством их «старших братьев» (т. е. турок), и призывал укреплять этот союз [304, стр. 61, 204, 332].

Выступления «Ибрет» в защиту политических свобод и гражданского достоинства давно уже беспокоили правительство. Махмуд Недим ждал только повода для расправы с неудобной газетой и ее главным редактором. Причастный к возвращению руководителей «новых османов» из эмиграции, он считал их «неблагодарными». И потому, когда в № 19 «Ибрет» была напечатана полная нападок на великого везира статья «Ненависть — это болезнь», Махмуд Недим распорядился закрыть ее. 10 июля 1872 г. газета была закрыта на четыре месяца за то, что «она упорствовала в принципе, который противоречит пользе государства и добрым нравам общества» [250, стр. 30]. Все члены редакционного совета были высланы из Стамбула под видом назначения на разные мелкие должности в провинции. Намык Кемаль был назначен мутесаррифом (начальником округа) в Гелиболу.

По ходатайству нового великого везира, Мидхат-паши, султан сократил срок запрета, и 30 сентября 1872 г. «Ибрет» начала выходить вновь. За десять дней до этого Намыку Кемалю под угрозой тюрьмы пришлось принять назначение и выехать в Гелиболу. Однако он продолжал не только писать, но и руководить газетой. В первом же номере «Ибрет», вышедшем после снятия запрета, Намык Кемаль писал: «Справедливость подобна дракону: вдыхая воздух, она растет, а увеличиваясь в размерах, приобретает способность продлевать себе жизнь. Тирания же, подобно змее с переломанным хребтом, может только судорожно конвульсировать и глотать воздух; и каждый раз, когда она делает это, ее жизнь сокращается» [255, т. II, ч. 1, стр. 126]. По-ви-

димому, Намык Кемаль ожидал, что с приходом к власти Мидхат-паши в Турции наступят новые порядки. 7 октября 1872 г. в «Ибрет» была напечатана очень важная статья Намыка Кемалья, в которой он, в отличие от прежней схемы парламентского преобразования Турции по образцу империи Наполеона III, указывал на бельгийскую конституцию как наиболее подходящую [304, стр. 311]. Есть все основания полагать, что, составляя свой проект конституции, Мидхат-паша взял за образец именно бельгийскую конституцию не случайно, что такое решение было ему подсказано Намыком Кемалем. Смещенный вскоре с поста великого везира (19 октября 1872 г.) Мидхат-паша внимательно штудировал все номера «Ибрет», даже называл себя ее «корректором», так как имел обыкновение читать газету с пером в руках [255, т. II, ч. 1, стр. 129].

В конце декабря 1872 г. Намык Кемаль освободился от должности мутесаррифа Гелиболу и возвратился в Стамбул. В январе и начале февраля 1873 г. в газете был опубликован ряд статей, в которых он резко протестовал против преследования периодической печати и ожесточения книжной цензуры [250, стр. 35; 266, стр. 59]. За статью против цензуры, напечатанную 6 февраля 1873 г., «Ибрет» была закрыта на месяц. 8 марта газета начала выходить вновь. Ни тематика, ни тон ее статей не изменились. Напротив, Намык Кемаль с еще большей настойчивостью подчеркивал пороки деспотического режима и преимущества конституционной системы [255, т. II, ч. 1, стр. 147—148]. Как писал впоследствии один турецкий литературный критик, «когда Намык Кемаль бежал за границу, турецкая пресса лишилась ножа, но, когда он вернулся, она приобрела бритву» [цит. по: 190, стр. 152].

В последних номерах «Ибрет» Намык Кемаль все чаще возвращался к теме патриотизма. Провозглашая любовь к родине, газета призывала каждого отдать все свои силы для ее процветания и благополучия. Идея патриотизма приобретала у Намыка Кемалья звучание призыва к борьбе за свободу, за счастье страны. Этому была посвящена, в частности, его статья «Отечество», напечатанная 12 марта 1873 г. [304, стр. 326—327]. Яркое выражение тема патриотизма нашла в известной драме Намыка Кемалья «Родина, или Силистрия». 30 марта 1873 г. в «Ибрет» было помещено объявление о том, что 1 апреля премьеры спектакля состоится в театре «Гедик-паша». Представление закончилось бурной овацией в театре и демонстрацией, которая прошла в тот же вечер перед домом, где помещалась редакция «Ибрет», с криками «Да здравствует Кемаль!». В газету посылались благодарственные письма, восторженные отзывы. Правительство расценило их как призыв к перевороту и 5 апреля окончательно закрыло «Ибрет» (№ 132). Получив уведомление о закры-

тии газеты, Намык Кемаль выпустил приложение, в котором поместил текст приказа и свое «Прощание со всеми». В нем он писал, что изданием «Ибрет» не преследовал никаких корыстных целей, а думал лишь о пользе для страны, и общественное мнение лучше рассудит, кто прав, кто виноват. Обвиняя правительство в произволе, Намык Кемаль заканчивал: «На пути патриотизма „Ибрет“ проявила стойкость вплоть до самой гибели. Теперь ее участь молчать. Не беда!.. Да здравствует отечество!» [255, т. II, ч. 1, стр. 148].

Таким образом, прекратила свое существование «лучшая газета эпохи танзимата, которая наиболее систематически пропагандировала идеи свободомыслия» [245, стр. 370]. Намык Кемаль был сослан на Кипр и заточен в Магосскую крепость, из которой он вышел только в июне 1876 г. Были арестованы также Нури-бей, Эбуззия Тевфик, Ахмед Мидхат и ряд других журналистов, близких к «новым османам».

Публицистическая и издательская деятельность Намыка Кемалья после возвращения из эмиграции, его смелые выступления против деспотизма на страницах «Ибрет» будили общественную мысль и жизнь Турции и оказали немалое воздействие на развитие конституционного движения и турецкой либеральной журналистики 70-х годов. Летом 1872 г. Эбуззия Тевфик договорился с Ашир-эфенди об аренде «Хадика» и сделал ее политической газетой [304, стр. 65]. Под его руководством она выходила с 9 сентября 1872 по 23 января 1873 г. В это время в ней сотрудничал Ахмед Мидхат и печатал некоторые свои статьи Намык Кемаль. В частности, в трех номерах «Хадика» (14, 16 и 18 ноября 1872 г.) были опубликованы его статьи, в которых он выступал за полное равенство в правах и обязанностях населения провинций. Он выражал несогласие с тем, что жители Стамбула платят меньше налогов, освобождены от службы в армии, имеют ряд других привилегий, которых нет у жителей других городов и особенно у крестьян. Обращая внимание на имущественное и социальное неравенство разных слоев населения страны, он писал о том, что утопающим в роскоши богатым Стамбула должно быть стыдно крестьян, которые своими скрюченными пальцами возделывают землю и выплачивают подати [см. 268, стр. 23—24]. 13 января 1873 г. Эбуззия Тевфик протестовал в своей газете против запрещения «Диожена», назвав постановление о печати 1867 г. незаконным. За эту статью с 28 января 1873 г. «Хадика» была запрещена на два месяца [250, стр. 32], а Эбуззия Тевфик арестован. С мая 1873 г. изданием газеты до своей высылки (летом того же года) занимался известный албанский просветитель Шемседдин Сами-бей. Но еще до ареста, в последних числах марта, Эбуззия Тевфик начал издавать газету «Сирадж» («Светильник»). В первом номере он жаловался на

«ночную тьму, которая царит в нашем газетном мире» [266, клише]. Вскоре в ней была опубликована статья «Наше правительство не может жить без займов». Этого оказалось достаточно, чтобы власти запретили газету.

Такая же судьба постигла и Ахмеда Мидхата². В 1871 г. он соорудил в своем доме небольшую типографию и начал выпускать в просветительских целях журнал «Дагарджик» («Торба»). Помимо научно-популярных обзоров в нем печатались рассуждения автора по философским вопросам. За повесть, ставившую под сомнение бессмертие души, издание было закрыто после выхода десяти номеров. 29 августа 1872 г. Ахмед Мидхат выпустил газету «Девир» («Эпоха»). Как вспоминал Эбуззия Тевфик, она вызвала энтузиазм среди населения и переполох в правительстве из-за статьи о налогах, написанной в самых резких тонах. За этим номером охотились толпы народа, а в тот же день газета была запрещена [197, стр. 18]. С 24 сентября Ахмед Мидхат начал издавать газету «Бедир» («Полнолуние»), которую уже в следующем месяце запретили «за резкость выражений» [218, стр. 35—36]. В 1873 г. он издавал энциклопедического характера прогрессивный журнал «Кырк анбар» («Сорок амбаров») и в то же время писал в «Ибрет». Из ссылки с о-ва Родос Ахмед Мидхат возвратился также лишь после низложения Абдул Азиза.

После закрытия «Диожена» Теодор Касаб более двух месяцев хлопотал о разрешении издавать другую юмористическую газету. 24 марта 1873 г. он начал выпускать «Чингыраклы татар» («Гонец с погремушкой»), которая продолжала традиции «Диожена». Власти закрыли ее сразу после ареста Намыка Кемалея, Нури-бея и др. В результате долгих мытарств Теодор Касаб в конце октября 1873 г. приступил к выпуску «Хаяль» («Фантазия»), которая сразу зарекомендовала себя как самая боевая сатирико-юмористическая газета того времени. К сожалению, о начале существования газеты почти ничего не известно, так как ее много раз закрывали.

С лета 1873 до конца 1874 г. в турецкой политической периодике наблюдался временный спад. В 1873 г. после закрытия газет «новых османов» в Турции была основана только одна новая политическая газета — «Хулясат уль-эфкяр» («Сущность идей»). Она объявила, что хочет «служить прогрессу», но на деле была послушным орудием в руках пра-

---

² Ахмед Мидхат (1844—1912) — из семьи среднего достатка, рано потерял отца и в детстве познал нужду. Получил образование на средства брата. В бытность Мидхат-паши губернатором Дунайского, а затем Багдадского вилайетов служил при нем. Писал в газету «Туна» («Дунай») в Русуке (Русе), издавал газету «Зевра» в Багдаде; по возвращении в Стамбул весной 1871 г. был редактором «Джериде-и аскерие», писал в «Басирет».

вительства и не раз высказывалась в том смысле, что турецкое общество не созрело еще для свободы печати [266, стр. 63]. В 1874 г. появилась только одна новая газета — «Шарк» («Восток»), которая более всего интересовалась торгово-экономическими вопросами. Вместе с тем ее редактор Бордеану, ранее издававший «Ля Тюрки», печатал в этой газете статьи против Намыка Кемалю и его товарищей [151, стр. 375]. В ту пору даже «Басирет» испытала на себе немилость правительства. В. Д. Смирнов, побывавший в Турции летом 1875 г., отмечал, что обычно страницы этой газеты заполняли «сухие рассуждения, редко связываемые с текущими явлениями турецкой жизни». Но вот в августе 1874 г. она допустила «либеральную выходку» — «перепечатала из „Levant Herald“ заметку о дефиците оттоманского государственного казначейства, за что и была „капанмыш“ (закрыта) на несколько времени цензурою» [31, кн. 9, стр. 9].

Напротив, в области неполитической журналистики отмечалось некоторое оживление. В 1873—1874 гг. в Турции появилось 18 новых журналов, судя по названиям — главным образом для школьников и подростков, а также развлекательных [266, стр. 91]. Увеличение числа школьных и педагогических изданий объяснялось определенными сдвигами в развитии просвещения после принятия закона 1869 г. о народном образовании, первыми попытками наладить преподавание в Стамбульском университете, открытом в 1870 г., некоторым развитием специальных учебных заведений и частных школ. Но и это оживление было внешним, так как из множества журналов ни один не удержался в течение длительного времени, большинство исчезало бесследно после выхода нескольких номеров.

В обстановке нарастания ближневосточного кризиса середины 70-х годов турецкая печать вновь начинает активизироваться. В 1875—1876 гг. в Турции возникает ряд газет, которые приобрели известность в решающий период борьбы за конституцию 1876 г. Весной 1875 г. стала выходить «Садакат» («Верность») — «ежедневная турецкая газета, служащая особой пользе всех мусульман, коллективной пользе всех османцев, всеобщей пользе всех людей», как значилось в ее подзаголовке [266, клише]. В эту газету после своего возвращения из ссылки писал Намык Кемаль, она имела до 3 тыс. подписчиков [266, стр. 69]. В июне 1875 г. появилась газета «Вакут» («Время»). Ее издавал Филип-эфенди, а главным редактором был Мехмед Саид-бей.

В августе 1875 г. Теодор Касаб начал издавать политическую газету «Истикбаль» («будущее»). В марте 1876 г. Шемседдин Сами-бей, автор известных турецких словарей, основал газету «Сабах» («Утро»). Он считал, что «газета может стать общественно полезной, только если она написана простым

языком и стоит недорого» [266, стр. 70—71]. Как уроженец Янины, главный редактор очень большое внимание уделял положению на Балканах и «восточному кризису», оценивая все события в Боснии, Герцеговине, Болгарии и в других балканских странах с точки зрения истого османца. Кроме того, в 1875 г. возникло несколько юмористических газет, в том числе «Меддах» («Народный рассказчик») и «Гевезе» («Балагур»). Порою возобновлялось издание многократно закрывавшихся «Лятифе» («Шутка»), «Кахкаха» («Смех»), «Тиятро», «Хаяль» и др. Появились и тут же угасли два-три журнала, детская газета «Этфаль» («Дети»).

Приведенные выше факты свидетельствуют о некотором росте числа периодических изданий в последний год правления султана Абдул Азиза. Однако в целом положение турецкой прессы в то время продолжало оставаться довольно неустойчивым.

В. Д. Смирнов писал, что «в Константинополе выходит немало таких газет, существование которых ограничивается лишь несколькими днями... Такова в особенности участь сатирических листков с карикатурами» [31, кн. 8, стр. 529].

Среди турецких газет, высмеивавших нравы, порядки или отдельные люди, преобладали более или менее безобидные юмористические листки. Но появлялись и сатирические издания, вызывавшие большое неудовольствие властей. Особенно зорко они следили за «Хаяль»; острый язык этой газеты не нравился не только правительственным ведомствам, но и газетчикам из официозных органов. Вот, например, объявление, опубликованное однажды в «Хаяль»: «Имеются в продаже: для заворачивания башмаков — „Ля Тюрки“, 100 номеров за 20 пара³; для бакалейных товаров — „Шарк“, 50 номеров за 10 пара; для скобяных товаров — „Басирет“, 100 номеров за 16 пара; для изготовления бумажных змеев малышам — „Рузнаме-и джериде-и хавадис“, 150 номеров за 15 пара; для чистки ламп — „Фар дю Босфор“ („Маяк Босфора“), 100 номеров за 10 пара; для чтения — „Хаяль“, 100 номеров за 100 курушей» [307, стр. 376]. Таким образом, «Хаяль» едко высмеивала все основные официозные и проправительственные местные газеты, получавшие от Порты большие дотации. Не удивительно, что газету «Хаяль» часто закрывали. В марте 1875 г. она опубликовала заметку о катастрофическом финансовом положении Порты и была закрыта за «отступление от долга», «разрушение нравов» и «лживые утверждения» [250, стр. 38].

По мере активизации сторонников конституции Порты усилила репрессии против печати. Помимо того что угрозы и предупреждения в адрес газет и журналов содержались во

---

³ Газет дешевле 10 пара (четверть куруша) за номер не было.

всех циркулярах о приостановке или запрещении издания какого-либо печатного органа, в 1875 — первой половине 1876 г. был издан ряд специальных постановлений, которые усиливали контроль над печатными изданиями всех видов. 16 июня 1875 г. всем ведомствам и вилайетским властям Османской империи было разослано распоряжение, требовавшее установления цензуры над изданием любых, а особенно политических переводных книг и брошюр с целью воспрепятствовать «разрушительной пропаганде извне». Этот циркуляр устанавливал детальный и жесткий порядок рассмотрения всех иностранных изданий, намеченных для перевода как с восточных, так и с западных языков, определял перечень инстанций и лиц, ответственных за отбор, проверку и перепроверку, публикацию и распространение таких изданий, и специально оговаривал, что новые условия публикации иностранных переводов распространяются и на периодическую печать [250, стр. 38—41].

С лета 1875 г., откликаясь на злободневные политические события, редакции некоторых газет стали прибегать к выпуску приложений. Нередко они имели вид листовок. Хотя сам выпуск приложений был в Турции делом не новым — они появились еще в годы Крымской войны, когда «Джериде-и хавадис» печатала в виде приложений сводки о ходе военных действий, — турецкие законодатели не учли их. Чтобы заполнить эту лагуну, 11 сентября 1875 г. к закону о печати 1864 г. была добавлена статья, разрешавшая издавать приложения при условии, что в них будут публиковаться только официальные правительственные уведомления. За публикацию любой другой информации в приложениях газеты могли быть закрыты сроком до трех месяцев, если они не попадали при этом под действие других статей закона за печатание «ложных известий и смущающих умы статей» [88, стр. 697].

В 1876 г. правительство Махмуда Недим-паши открыто встало на путь постепенного введения предварительной цензуры прессы. 13 января 1876 г. в газете «Вақыт» было опубликовано постановление о введении цензуры на все юмористические и сатирические издания, включая рисунки и карикатуры. Высочайший указ от 17 апреля 1876 г. вводил новые, более жесткие правила цензуры над переводами и контроль над всеми печатными изданиями, ввозимыми из-за границы [250, стр. 41—45]. Первой жертвой этих преследований пала газета «Истикбаль». 18 апреля 1876 г. в специальном приложении Теодор Касаб сообщил, что обвиненная в печатании «вредных статей, касающихся священных прав высокого государства», его газета закрывается сроком на четыре месяца. Квалифицируя решение правительства как необоснованное и незаконное, Теодор Касаб писал, что временные или окончательные запрещения его газет — «Диожен», «Чынгыраклы

татар», «Хаяль» и теперь «Истикбаль» — довели его до полного разорения, что он вынужден теперь продать типографию и все оборудование [223, стр. 62—65].

В мае 1876 г. (незадолго до свержения Абдул Азиза с престола), когда события стремительно развивались и печать все меньше оглядывалась на Порту, запретительные постановления следовали одно за другим. 7 мая в газете «Сабах» правительство опубликовало предупреждение, чтобы газеты воздержались «печатать неверные мысли относительно нынешнего положения и действий и намерений султанских», так как они «не осведомлены о высоких принципах (?) османского государства и о ходе событий в мире». 8 мая правительство со стороны той же газеты призвало издателей не печатать газетных приложений. 9 мая оно уже подписывало продавцам газет не кричать об их содержании, поскольку это-де может стать причиной «некоторых заблуждений и слухов» [250, стр. 46—48]. Наконец, 11 мая 1876 г. в газете «Басирет» было опубликовано постановление о введении на всей территории Османской империи предварительной цензуры на все периодические органы независимо от языка, на котором они издаются [88, стр. 698]. Хотя это распоряжение было объявлено временным, оно вызвало протесты даже самых верноподданных газет. Напечатавшая его «Басирет» в том же номере сообщила читателям, что в течение некоторого времени она не будет выходить «по причине поломки машины». В знак протеста редакция «Сабах» выпустила очередной номер с лакунами. В отдельных случаях эти лакуны составляли половину и даже три четверти площади газет. Это решение только еще больше настроило газетчиков против султана, и 13 мая 1876 г. новый великий везир, Мютерджим Рюшту-паша, отменил его [250, стр. 50—51].

30 мая 1876 г. султан Абдул Азиз был свергнут и на престол возведен Мурад V. Все считали, что с воцарением нового султана в Турции наступит «эра свободы». Уже на следующий день, 31 мая, «Басирет» сообщала, что «пострадавшие в прошлую эпоху» Намык Кемаль, Ахмед Мидхат, Нури-бей, Эбуззия Тевфик и Хильми Хаккы (сотрудничавший в «Ибрет») возвращаются в Стамбул. «Какая великая справедливость!» — восклицала газета, которая в свое время не подала голоса в их защиту. В таком же тоне писала об этом 5 июня и «Сабах». Газетчикам казалось, что отныне все старые постановления и циркуляры, ограничивавшие свободу печати, автоматически отменяются. Уже в июне Теодор Касаб возобновил издание «Истикбаль» и «Хаяль». Ахмед Мидхат вскоре основал свою газету «Иттихад» («Единение»). Вновь получило права гражданства слово «хюрриет» («свобода»), употребленное в первом же рескрипте Мурада V [255, т. II, ч. 1, стр. 709, 720]. Вскоре после возвращения Намык Кемаль

вместе с Зия-беем был включен в состав Государственного совета, а позднее — в комиссию по подготовке проекта конституции [230, стр. 9]. В начале июня сторонники Мидхат-паши устраивали массовые демонстрации в честь нового султана и конституции.

Все эти события благоприятно сказались на развитии турецкой печати, способствовали ее оживлению. Как отмечал осведомленный очевидец, Мурад V и окружавшие его лица «старались заручиться содействием прессы» [32, стр. 64].

Однако в целом влияние печати на происходившие тогда события было недостаточным, и причиной тому были как объективные факторы, так и политика людей, оказавшихся у кормила власти. Либерально-конституционное движение 60—70-х годов XIX в. имело ограниченную социальную базу. Сторонники конституции и сам Мидхат-паша были далеки от того, чтобы привлечь на свою сторону широкие народные массы. Как и их противники, они нередко предпочитали открытым действиям и гласности закулисные переговоры и групповую борьбу, т. е. принимали методы, более выгодные консервативным группировкам, двору и другим врагам конституции. В соответствии с этой тактикой изоляции от поддержки улицы они нередко держали прессу в неведении о своих действиях и намерениях; а главное — сознательно ограничивали ее вмешательство в происходившие события. Поэтому, несмотря на то что общественное мнение было на стороне конституционалистов, оно не могло оказать им действительной и своевременной поддержки. Положение печати, далекое от полной свободы и в летние месяцы 1876 г., стало ухудшаться с воцарением Абдул Хамида II (31 августа 1876 г.).

Но в первые недели после переворота турецкая журналистика испытала большое облегчение. Большинство издателей и журналистов горячо поддержало идею учреждения парламента [199, стр. 31]. Газета «Сабах» уже 31 мая 1876 г. с надеждой писала, что, по имеющимся у нее сведениям, султан и министры обсуждают вопрос о формировании «совета общины» и что вскоре будет принята конституция. 19 июля, ссылаясь на австрийскую газету «Нейе фрейе прессе», «Сабах» сообщала, что хотя турецкий парламент не будет полностью таким, как европейские, но «во всяком случае, будучисообразным с желанием народа и страны, он положит конец режиму деспотизма» [255, т. II, ч. 1, стр. 721, 747]. Вопрос о предстоящем провозглашении конституции и созыве парламента горячо обсуждала вся стамбульская печать [198, стр. 177].

Многие газеты приветствовали конституцию и парламента как необходимое условие сохранения единой и неделимой Османской империи и скорейшего разрешения «восточного кризиса» середины 70-х годов. Они надеялись, что конституция станет залогом торжества доктрины османизма. С этих

позиций выступала, например, «Сабах». Приветствуя перемену власти, она 31 мая 1876 г. писала: «Сегодня день, когда все османы достигли своего желания, день, когда основа государства обновляется по воле нации, это день пробуждения и прогресса османов. Это день, когда все османы, единодушно и солидарно, должны начать трудиться ради сохранения их священных прав, их общего прогресса и цивилизации». 29 июня «Сабах» призывала как можно скорее задавить «злоумышленный мятеж славян против османов, и особенно против мусульман». 30 августа она объявляла поддерживавших восстания в Боснии и Герцеговине и отражавших атаки турецких войск сербов и черногорцев «разбойниками» и, конечно, обрушивалась на Россию. Не раз газета подчеркивала, что конституция не должна давать никаких автономных прав христианам, тем более славянам [см. 219, стр. 228—258]. Враждебная пропаганда, которую «Сабах» вела против балканских христиан, особенно в период войны Турции с Сербией и Черногорией (июль—ноябрь 1876 г.) и антитурецких восстаний в Болгарии (весна 1876 г.), помогла этой газете в 1876 г. значительно увеличить тираж.

На примере газеты «Сабах» можно видеть, как прогрессивное в принципе требование конституции в самый разгар борьбы за нее сочеталось в турецкой журналистике с реакционными призывами в национальном вопросе. Пропаганда османизма по прямому указанию Мидхат-паши развертывалась почти во всех турецких газетах [198, стр. 203—206]. При этом дело не ограничивалось словесным провозглашением идей османского единства: Ахмед Мидхат на выручку от продажи своей «Иттихад» экипировал батальон, воевавший против сербов; турецким солдатам в Сербии и Черногории отправлялись сборы с театральных постановок пьесы Намыка Кемалю «Родина, или Силистрия», которая за три года ставилась на подмостках Стамбула, Салоник и Измира около 600 раз [255, т. II, ч. 1, стр. 726; 290, стр. 490].

Из крупных газет либерального направления необходимость конституционных преобразований в Турции систематически поддерживала «Вақыт». Материалы, которые публиковались в ней в период борьбы за конституцию и работы первого турецкого парламента, давали возможность турецкому читателю следить за подготовкой к открытию парламента, знакомили с официальными документами о порядке выдвижения и выборов депутатов, внутренним регламентом палаты депутатов и т. д. Все эти конкретные сведения имели немаловажное значение для гражданского и политического воспитания населения. Некоторые статьи «Вақыт» по общим вопросам парламента представляли более широкий интерес, поскольку они проливают свет на то, как идеи «новых османов» трансформировались в конкретной пропаганде турецкой

печати в ходе борьбы за конституцию. Так, 25 сентября 1876 г. «Вақыт» (№ 328) рассматривала вопрос о том, какая конституционная монархия нужна Османской империи и каким путем должен быть учрежден в ней парламентский строй. Автор статьи обнаруживает хорошее знание того, что писалось по этому вопросу в «Мухбир», «Хюрриет» и «Ибрет». Он согласен с тем, что потребность в конституционной реформе есть «очевиднейшая необходимость». Первая цель тех, кто стремится к прогрессу на современной основе и пробуждению народа, писала газета, — это устранение вредного воздействия деспотизма. Таким препятствием деспотизму и самоуправству является парламент. Однако в Турции введение парламентской системы должно покоиться не на желании подражать Европе, а на османизме. «Принципы и сила османизма опираются на положение и совершенство шариата. Докматы шариата — гарантия против политических осложнений», свойственных деспотизму. Конечно, продолжала газета, положительный опыт парламентарных стран Европы должен быть учтен. «Сила, которая поддерживает цивилизованный порядок в Европе, — политика, опирающаяся на общественное мнение». Хорошо, если министры способны управлять этой силой. Но очень плохо, если, как это имело место в Англии, кабинет министров может быть «унижен толпой рабочих» или, как это было недавно во Франции, побежден «теми, кто лел „Марсельезу“». Основные идеи этой статьи в «Вақыт» — неприязнь к революции, умеренность в ограничении власти падишаха и доктрина османизма в качестве одной из важнейших целей парламентаризма [82, стр. 75—82].

В большой статье «Конституционное управление» в «Вақыт» от 27 октября 1876 г. было определено сказано, что необходимость введения конституции диктуется как внутренним, так и международным положением Турции. В ней повторялись доводы приверженцев доктрины османизма как средства цементации Османской империи, однако основное внимание уделено религиозным аргументам в пользу конституции. Газета старалась доказать, что деспотический режим «не соответствует» шариату и что шариат — это не только «божественный закон для всех мусульман», но и лучший «гражданский кодекс» для христиан. Газета убеждала читателей в том, что шариат обеспечивает наилучшую форму участия христиан в парламенте, не приводя, однако, никаких юридических или фактических доказательств [82, стр. 99—110].

После того как 23 декабря 1876 г. была обнародована конституция, во всех турецких газетах печатались статьи, восхвалявшие ее как «источник счастья для всех османов» [82, стр. 125—140]. Материалы о режиме конституционной монархии и парламенте занимали видное место на страницах «Басирет» [82, стр. 31—33, 45—63]; обычно газета очень

подробно пересказывала содержание официальных материалов, связанных с подготовкой к созыву парламента и работой последнего. В качестве одного из примеров можно указать номер от 12 октября 1876 г., где была опубликована обстоятельная статья об устройстве парламента, функциях сената и палаты депутатов, о порядке выдвижения кандидатов и голосования [82, стр. 83—87]. И хотя известно, что этот порядок сплошь и рядом нарушался, детальные разъяснения газеты по этому вопросу имели значение в плане политико-просветительском. 3 мая 1877 г. «Басирет» в статье «Советательный принцип» писала о том, сколь важно «для страны и народа» сохранить его во время войны. В обоснование выдвинутого тезиса, что не погибнет лишь такое общество, которое руководствуется этим принципом, газета ссылалась на изречения, приписываемые Мухаммеду и Али. Доказательством того, что парламентаризм более совершенная система, чем деспотизм, писала газета, являются также сила и богатство конституционных монархий Европы [82, стр. 159—165].

В период обострения восточного кризиса 70-х годов «Басирет», как и «Вақыт» и другие газеты, регулярно печатала сводки и статьи о событиях на Балканах. Многие материалы по этому вопросу перепечатывались из европейских («Таймс», «Нёйе фрейе прессе», «Эндепанданс», «Сьекль») и местных газет на европейских языках, особенно из «Ля Тюрки» и «Левант Геральд» («Левантійский вестник»). При этом переводные материалы были преимущественно антирусскими, а редакционные также и антиславянскими. В своей пропаганде против России «Басирет» использовала помимо стереотипных аргументов факт провозглашения в Турции конституции и создание парламента, чтобы заставить османских подданных поверить, как далеко ушла вперед Турция по сравнению с Россией [82, стр. 31; 255, т. II, ч. 3, стр. 62]. «Басирет» постоянно агитировала также за создание и экипировку добровольческих отрядов для подавления балканских повстанцев и для войны против Сербии и Черногории.

После свержения Абдул Азиза сложилась более благоприятная обстановка и для сатирико-юмористической печати. Самым ярким органом сатирической турецкой прессы 1876—1877 гг. была газета Теодора Касаба «Хаяль». Хорошо известная и раньше, она приобрела особую популярность благодаря незначительному событию, которое произошло летом 1876 г. Султан Мурад V поручил Касабу перевести с французского языка пьесу Мольера «Скупой», а стамбульскому театру Акопа—поставить ее на своих подмостках. Касаб адаптировал произведение Мольера в расчете на турецкого зрителя, дав ему название «Пинти Хамид» («Скряга Хамид»), которое было популярным в Турции наименованием скупца вообще. Однако принц Абдул Хамид, отличавшийся крайней скупой-

стью, усмотрел — и не без основания — в этой омонимии критику персональную. Пьеса, персонажи которой попали на страницы «Хаяль», была сыграна, и Абдул Хамид «затаил дикую злобу к переводчику, которому он отомстил, как только оказался на троне, бесчисленными гонениями» [308, стр. 127].

Когда 23 декабря 1876 г. был обнародован акт о введении конституции, «Хаяль» явилась первой газетой, которая увидела, что конституция не гарантирует действительной свободы печати, и опубликовала карикатуру, изображавшую человека, закованного в цепи. Под ней был помещен текст ст. 12 конституции: «Печать свободна в рамках закона» [296, стр. 37—38]. «Хаяль» заявила тем самым, что существующие законы и постановления о печати не вяжутся с конституцией. В обстановке официальной шумихи по случаю объявления «эры свободы» правительство не решилось сразу прикрыть газету. Против «Хаяль» был начат судебный процесс, который тянулся около двух месяцев, но незадолго до открытия парламента газета была окончательно запрещена, а Теодор Касаб осужден на три года тюремного заключения [250, стр. 69]. В последнем номере, обращаясь к своим читателям, «Хаяль» писала: «Полученное нами постановление требует, чтобы мы попросились с бранным миром. Вы скажете: „Она была хорошим человеком, пусть будет милостив к ней Аллах“. Но погодите. Не плачьте! Смейтесь! В этом мире никто не вечен!» [цит. по: 266, стр. 60—61].

Все основные органы турецкой периодики после свержения Абдул Азиза открыто высказывались в пользу конституционной реформы османской монархии, но турецкая пресса того ответственного исторического периода обращалась не к народу, а к узкому кругу либерально настроенной публики, и это снижало ее политическую значимость. Переход борьбы за конституцию в русло более близкое к конфликтам между дворцовыми группировками, чем к народному движению, породил обстановку, в которой роль печати в утверждении конституционного правления ослаблялась. В том же направлении на печать воздействовала и политика правящих кругов, оказавшихся у власти после 31 мая 1876 г. В сущности, после верхушечного государственного переворота Порты стремилась проводить в отношении печати старую политику. Ослабление преследований печати после свержения Абдул Азиза было временным и объяснялось слабостью правительства в условиях политической неустойчивости и неопределенности лета и осени 1876 г. Порте пришлось пойти на уступку, и скороспелое решение Махмуда Недим-паши об учреждении цензуры в отношении прессы было отменено официально. Но все другие постановления и ограничительные меры сохраняли свою юридическую силу, и журналистам периодически напоминали об этом.

Так, уже 9 июня 1876 г. все редакции газет были предупреждены о том, что они будут подвергаться суровым наказаниям за выпуск приложений, не санкционированных Департаментом печати [250, стр. 51]. Поводом для принятия этой меры послужила публикация приложений, выпущенных «Басирет» 4 июня и «Вақыт» 5 июня 1876 г., в которых они, каждая по-своему, сообщали об обстоятельствах кончины Абдул Азиза [223, стр. 57—58]; расхождение их версий с официальной дало первый толчок молве об убийстве (а не самоубийстве) султана.

Вскоре новое правительство заговорило с прессой на старом языке. 20 июня 1876 г. в правительственной газете «Таквим-и векаи» было напечатано «Предупреждение», которое содержало ряд предписаний в духе «временного постановления» о печати от 1867 г. Этот документ, адресованный издателям газет, показывает, каким было истинное положение турецкой прессы в период, который буржуазные турецкие и европейские авторы называют «эрой свободы». В нем говорилось: «Информационные листки, обязанность которых состоит в том, чтобы сообщать народу известия, касающиеся принципов и действий султаната и пользы страны, не выполняют этого своего долга и, напротив, в течение некоторого времени печатают смущающие умы статьи; и, несмотря на то что правительство, пытаясь наставить их на путь истины, не раз прибегало к суровым мерам в отношении многих из них, некоторые местные газеты, действуя во вред пользе страны, продолжают идти по недостойному пути; а потому с целью оградить их от суровых наказаний владельцам этих листов предписывается: 1) всячески воздерживаться от публикации пустых слухов и нездоровых мыслей, которые могут возникнуть относительно предметов, обсуждаемых в высоких правительственных советах, и ожидать официальных известий о предметах, о которых они не могут знать истины; 2) при всех обстоятельствах сообщать только о событиях, действительность которых они могут доказать; 3) в освещении разнообразных тем... использовать умеренные выражения и избегать возмущения умов; 4) заботиться в своих газетах о всеобщей пользе империи». В заключение подчеркивалось, что если газеты будут следовать этим советам, то они избавят правительство от необходимости прибегать к суровым мерам, осуществляя которые оно преисполнено решимости [250, стр. 51—52].

Совершенно очевидно, что это постановление имело целью поставить всю местную прессу под жесткий контроль властей, возрождало прежний произвол администрации. В августе 1876 г. давление на прессу в этом направлении еще более возросло. 3 августа 1876 г. в «Сабах» было опубликовано

официальное объявление великого везира, запрещавшее газетам касаться «основ и способа управления государством» до тех пор, пока не будет окончена война с Сербией и Черногорией. 12 августа было объявлено, что «до устранения настоящего положения» правительство не будет выдавать разрешений на издание новых газет [255, т. II, ч. 1, стр. 745—746]. В последних числах августа 1876 г. «Вақыт» уведомила все газеты о том, что Порта не будет впредь давать разрешения на выпуск сатирических газет, а число существующих органов периодики будет лимитировано. Это постановление предписывало газетам воздерживаться от политических комментариев, ограничившись информационными сообщениями [250, стр. 52—55]. Правительство не только угрожало, но и действовало. Так, еще при Мураде V за слишком вольное обсуждение вопросов конституционной реформы было временно приостановлено издание «Вақыт» [198, стр. 177].

Такая политика ослабляла воздействие печати на ход политических событий в стране, но не подавила ее. После успешного окончания военных действий в Сербии и Черногории (конец августа 1876 г.) нажим властей на печать несколько ослаб, и обсуждение проблем парламентской реформы в газетах возобновилось с еще большей активностью. Кроме того, в августе 1876 г. на пост директора Департамента печати был назначен сын основателя первого турецкого офицоза, либерал и сторонник Мидхат-паши — Эдуард Блак, который смотрел на нарушение журналистами постановлений о печати более чем снисходительно.

31 августа 1876 г. Мурад V был низложен, и султаном стал Абдул Хамид II, правитель, считавший удушение печати одной из своих главных задач. Однако этот его курс обнаружился не сразу. В первые месяцы после воцарения, по замечанию П. Феша, «он стремился привлечь, приблизить к себе главных журналистов, хозяев общественного мнения, проявляя известную уступчивость к их либеральным идеям» [296, стр. 38]. Принцип свободы печати был официально признан и провозглашен и конституцией 1876 г. В обстановке официальных торжеств лишь немногие журналисты поняли, что объявление «свободы печати в рамках закона» юридически подтверждало сохранение в силе изданных ранее законов, постановлений и циркуляров о печати, которые эту свободу сильно урезывали.

Однако и это конституционное положение Абдул Хамид рассматривал лишь как временную и вынужденную уступку. Уже 6 декабря 1876 г., т. е. за полмесяца до подписания указа о введении конституции, Абдул Хамид направил великому везиру письмо, в котором требовал от него пресечь «распушенность печати». Поводом для этого султан избрал заметку в «Басирет» за тот же день, где говорилось, что-

принцы крови будут введены в сенат. Поскольку состав сената по конституции определялся султаном, Абдул Хамид посчитал это сообщение вмешательством в его дела и предписал внушить владельцам газет, которые печатают статьи, «склоняющие и подстрекающие общественное мнение к действиям, последствия которых трудно себе представить», и «разрушительные для умов», что к ним будут применены суровые меры [250, стр. 64]. В конце декабря он направил Мидхат-паше требование подыскать нового человека на пост главы Департамента печати, обвиняя Эдуарда Блака в «равнодушии». Тогда же он начал преследование газеты «Истикбаль» за заметку, выражавшую сомнение в лояльности падишаха к конституции. А поскольку эта заметка была написана по совету Зия-бея, султан решил удалить его из столицы, назначив послом в Берлин. По ходатайству Мидхат-паши это назначение не состоялось, но султан не разрешил избрать в парламент Зия-бея, хотя тот был выдвинут кандидатом в палату депутатов от одного из округов Стамбула. Жертвой этой стычки Мидхат-паши с султаном стала «Истикбаль», которая была закрыта в январе 1877 г. [296, стр. 39—42]. В том же месяце был начат судебный процесс против «Хаяль».

Накануне 1877 г. Абдул Хамид потребовал закрытия «Вакыт», опубликовавшей статью, в которой говорилось, что для свержения любого падишаха с трона достаточно фетвы шейх-уль-ислама. Султан писал великому везиру, что, поскольку в статье этот тезис выдвинут как бы между прочим, а законные причины и условия издания такой фетвы обойдены молчанием, статья внушает людям мысль, что шейх-уль-ислам может сместить правителя по своей воле, а это есть «своего рода подстрекательство неискушенных людей к бунту... Если терпеть подобные предположения,— продолжал султан,— пресса не преминет использовать во зло свободу, которая ей дана» [296, стр. 42—43]. Мидхат-паша ответил, что не считает статью в «Вакыт» мятежной, и предотвратил ее закрытие, как того требовал султан, чем еще больше настроил его против себя.

В ираде от 31 декабря 1876 г. Абдул Хамид II приказывал великому везиру представить проект закона о печати, имея в виду следующее: «Если пресса злоупотребляет свободами и, поддерживая конституцию, публикует всевозможные, но неизменно опасные статьи, необходимо наложить ограничение на это право газет». Как писала в одном из последних номеров «Истикбаль», султан уже в декабре 1876 г. твердо решил положить конец изданию газет, «которые по неведению или преднамеренно будут следовать линии поведения, находящейся в противоречии со взглядами и намерениями его величества» [296, стр. 43—44].

В январе 1877 г. была создана комиссия для выработки проекта нового закона о печати. К тому времени разногласия между султаном и великим везиром еще более обострились. 18 февраля 1877 г. на основании ст. 113 конституции Мидхат-паша был арестован и выслан из Стамбула. Через десять дней был смещен со своего поста и Э. Блак. После ареста Мидхат-паши⁴ султан начал преследования его сторонников и всех либералов, оппозиционно настроенных к самодержавию. В числе многих был арестован и Намык Кемаль, принимавший деятельное участие в составлении конституции⁵.

Османский парламент, торжественно открытый 19 марта 1877 г., оказался не в состоянии оградить печать от административного произвола. По распоряжению султана корреспонденты местной прессы допускались на заседания парламента лишь с ведома полиции в ограниченном количестве и при условии обязательства с их стороны не публиковать никаких материалов без проверки цензуры, неофициально осуществлявшейся Департаментом печати. Речи депутатов газеты печатали в сокращенном виде, искаженными и с большим опозданием. «Таким образом,— писал Ахмед Саиб,— большинство населения Стамбула не имело никакого представления о том, что происходило в палате и какие речи произносили депутаты» [199, стр. 128].

Абдул Хамид II внимательно следил за ходом подготовки нового законопроекта о печати. В день открытия парламента по повелению султана было опубликовано официальное «Объявление», специально приуроченное к дню открытия меджлиса. В этом любопытном документе излагалась краткая история «антиправительственных слухов и сплетен» в Турции и говорилось о том, как обстояло дело со «сплетнями» до и после появления местных газет. В нем явно отразилась тоска правительства по тем ушедшим в прошлое временам, когда газет не было, антиправительственная пропаганда велась лишь устно и не имела такой широкой аудитории. «В те времена,— читаем в „Объявлении“,— в Стамбуле не было ни одной газеты и вредоносные, бессмысленные пересуды передавались лишь из уст в уста. Ныне же в газетах на самых разных языках печатается как некая истина всякое, что взбредет кому-нибудь в голову, и только потому, что это помещено в газете и рассматривается всеми как некая истина; смута и заблуждение, возникающие по этой причине в умах людей, гораздо серьезнее того, что были

---

⁴ В 1884 г. Мидхат-паша был убит в Таифе по тайному приказу Абдул Хамида.

⁵ Несмотря на оправданье по суду, Намык Кемаль до осени 1877 г. содержался в тюрьме, затем его выслали сначала на Митилену, затем на о-в Родос, позднее на о-в Хиос, где он и умер в 1888 г.

прежде» [250, стр. 70]. Далее в «Объявлении» говорилось, что, поскольку теперь открывается меджлис, народу надлежит обращаться с жалобами к депутатам, а не в газеты, журналисты же предупреждали, что «за применение слов против действий правительства» они будут привлекаться к строгой ответственности. Таким образом, Абдул Хамид хотел, чтобы новое законодательство сделало прессу и журналистов марионетками Порты.

Когда в апреле 1877 г. началась война с Россией, контроль за печатью был еще более усилен. Неудачи турецких войск вызвали недовольство населения правительством. Как сообщала «Вақыт» 25 мая 1877 г., после взятия русскими войсками Ардагана от 3 тыс. до 5 тыс. демонстрантов пришли к зданию парламента и заявили о своем недовольстве ведением государственных дел. [72, стр. 170—173]. В ответ на это в столице и ее окрестностях было объявлено осадное положение, что в соответствии со ст. 113 конституции лишило печать всех остатков правовой основы ее существования.

Проект закона о печати, обсуждавшийся на шести заседаниях нижней палаты в мае 1877 г., предусматривал регламентацию правового положения типографий, книгопечатания и периодических изданий. Он содержал ряд положений, резко ограничивавших свободу печати: усложнял процедуру открытия типографий; повышал полицейские требования к издателям газет и журналистам; предусматривал внесение большого денежного залога лицами, которые ходатайствовали о получении права на выпуск газеты; объявлял о запрещении издания любых юмористических или сатирических газет и журналов; вводил множество ограничений на публикацию критических материалов и содержал пространный перечень тяжелых наказаний даже за самые незначительные нарушения закона. Даже после того как нижняя палата сократила число наказаний, в 40 из 51 статьи законопроекта прямо предусматривались разные меры административного или судебного воздействия на печать [88, стр. 699—706]. Многие депутаты, получив текст законопроекта, были поражены обилием и тяжестью наказаний. Депутат от Стамбула грек Васибеки, взявший слово одним из первых, заявил: «Закон о печати должен предоставить ей свободу. Там, где печать свободна, там прогресс. А этот законопроект, каким он дошел до нас, напоминает нам не закон о печати, а уголовный кодекс. В нем нет ничего, кроме денежных штрафов и тюремного заключения. Уголовный кодекс у нас есть. Пусть к нему и прибегают, если кто-то напишет плохое. Печать должна быть свободной» [88, стр. 131].

В первый день обсуждения законопроекта наиболее жаркие споры развернулись вокруг ст. 1, выдвигавшей условием открытия типографии разрешение властей: министерства

внутренних дел — в Стамбуле, вали — в провинции. Не согласные с этим депутаты считали, что для открытия типографии достаточно уведомить местную администрацию. Мотивируя свою позицию, большинство из них жаловалось на произвол и заявляло, что контролировать надо не типографии, как таковые, а то, что в них печатается. Приводились случаи, когда местные власти без всяких мотивов тянули с выдачей разрешения. Депутат от Халеба Нафи-эфенди рассказал, что один его земляк ждал ответа на свое заявление три с половиной года. Два других депутата усматривали в требовании законопроекта нарушение ст. 12 конституции о свободе печати. Выступая против предложенной редакции, депутат Сулейман-бей заявил: «Все полезное в нашей стране произошло от типографий». Однако ряд депутатов выступил против пересмотра статьи. Особенно активно ее защищал Хаджи Ахмед Енишехирли, который сказал: «В нашей стране дела, связанные с печатью, даже важнее, чем изготовление пороха» [88, стр. 135—137]. Большинство проголосовало за сохранение статьи в том виде, как она была представлена, но, чтобы добиться этого решения, председатель палаты Ахмед Вефик-паша несколько раз прибегал к помощи директора Департамента печати Маджид-бея, защищавшего проект в меджлисе от имени правительства.

Первоначальный проект закона предлагал запретить газетам критиковать государственных чиновников и вводил суровые наказания редакторов и журналистов за ошибки, допущенные при перепечатке речей, произнесенных в парламенте. Проект требовал также, чтобы владельцы газет были людьми образованными и компетентными в политике. Все эти положения были отвергнуты большинством палаты депутатов. Депутаты-немусульмане особенно настаивали на том, что газеты должны иметь возможность не только пересказывать речи депутатов, но и интерпретировать их, что пресса также имеет право говорить от лица общественного мнения и депутат, не согласный с ней, должен с ней спорить публично. Если же искажения носят злостный характер, для наказания за них имеется суд. Палата отвергла также статью о внесении залога за право издания газет и журналов.

Однако самые бурные прения в палате депутатов развернулись вокруг статьи законопроекта, требовавшей запрещения юмористических и сатирических газет. Имея прямые указания Абдул Хамида, который не любил юмора и считал его запрещение в печати делом личного престижа, Маджид-бей несколько раз брал слово, пытаясь убедить депутатов проголосовать за эту статью. «Эфенди, — говорил директор Департамента печати, обращаясь к депутатам, — юмористические газеты не являются необходимыми и полезными, более того — они вредны. Сейчас я вам это докажу. Как из-

вестно, задача газет должна быть двойкой: первая — защита прав, вторая — воспитание... В области столь важных проблем нет никакой необходимости в пустой болтовне и шутовстве... Ссылаются иногда на то, что в Европе юмористические газеты существуют. Но мы не обязаны ей подражать... Юмористические газеты не бывают без рисунков. Но нужно посмотреть, что они изображают. Если рисунок призывает к смирению и добродетели, он успокаивает чувства, он толкает к действию на основе высшего разума. Если такие рисунки выражают высокие качества божьих тварей, от них только польза». Но, продолжал Маджид-бей, есть и противоположные рисунки, которые возбуждают чувства. «Это возбуждение человека оборачивается мятежом. Власть ума оказывается побежденной. Млад и стар становятся невменяемыми». И далее он намекал на то, что в последней войне с Германией французы не сумели устоять якобы из-за того, что их сила была подорвана юмористическими и сатирическими изданиями. Поскольку в это время шла война с Россией, выходило, что запрещение таких изданий — патриотический долг депутатов и благородное дело. Во втором своем выступлении Маджид-бей требовал от газет «серьезности», называл юмористические издания «вредными» и «гнусными», а их издателей — корыстолюбцами [88, стр. 142—145].

Но ни один депутат не поддержал Маджид-бея. Все выступавшие, а их было более десяти, говорили о полезности юмористических изданий. Наиболее яркую речь в их защиту произнес стамбульский адвокат Хасан Фехми. «Если бы даже юмористических газет не существовало в других странах, — сказал он, — мы должны были бы сами их изобрести... Не должно быть никакого сомнения в том, что, чем более свободна печать, тем больше пользы она принесет. Если сравнить наше теперешнее положение с тем, что было двадцать лет назад, очевидно, что нынешнее лучше. Правда, мы сильно отстаем от Европы. Однако по сравнению с тем, что было раньше, мы заметно продвинулись. И это достигнуто благодаря печати. Поэтому я не вижу никакого вреда в юмористических газетах» [88, стр. 143]. Эта статья была отклонена палатой.

Утвержденный меджлисом законопроект сохранял за иностранцами право открывать типографии при условии подчинения турецким законам. Но депутаты понимали, что, пока сохраняется режим капитуляций, иностранные издатели и журналисты останутся ненаказуемыми. «Если бы у нас не было несчастья, именуемого капитуляциями, — заявил Хасан Фехми, — то каждый, кто бы он ни был, подчинялся бы законам страны. И мы могли бы делать то, что хотим. Однако что поделаешь: пока это несчастье стоит у нашей

головы — да устранил его аллах! — избавиться от затруднений невозможно, так как иностранцы постоянно будут пользоваться льготами» [88, стр. 148]. Этим заявлением Хасана Фехми другой депутат воспользовался для того, чтобы выразить протест против предоставления иностранцам права владения недвижимостью, их неподчинения турецким судам и т. д.

14 мая 1877 г. проект закона о печати был принят палатой депутатов, а 24 мая его одобрил и сенат [88, стр. 690]. Однако султан, недовольный тем, что требование о запрещении юмористических газет не прошло, отказался утвердить его. Проект был передан на пересмотр меджлису второго созыва (13 декабря 1877 — 18 февраля 1878 г.), но в нем до обсуждения его очередь не дошла. В сущности, это был маневр. Султан явно утратил интерес к закону, готовясь к расправе с самим меджлисом. Разгон османского парламента в феврале 1878 г., открывший путь для установления тиранического режима личной власти Абдул Хамида, окончательно снял вопрос об этом законе.

Печать Турции, поддерживавшая конституционное движение, не стала действенным орудием в защите конституции и парламентского строя, так как она находилась в руках узкой прослойки буржуазно-либеральной интеллигенции, далекой от народных масс. Однако не подлежит сомнению, что книгопечатание и особенно журналистика 60—70-х годов XIX в. внесли новую струю в общественно-политическую и культурную жизнь Турции, пробили серьезную брешь в традиционном укладе жизни турецкого общества и подталкивали его к осознанию необходимости борьбы против феодально-деспотического режима. Идеи «новых османов», изложенные в прессе 60—70-х годов, были восприняты, конкретизированы и превращены в лозунги политической борьбы их преемниками — младотурками.

Глава VI

ПОЛОЖЕНИЕ ПЕЧАТИ В «ЭПОХУ ЗУЛЮМА» (1878—1908 гг.)

В последней четверти XIX в. завершился процесс превращения Османской империи в полуколониию империалистических держав, и она перешла в разряд стран «политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости» [16, стр. 383]. К началу XX в. монополии и финансовый капитал таких ведущих капиталистических держав, как Англия, Франция и Германия, подчинили себе все важнейшие отрасли турецкой экономики, установили над Турцией прямой финансовый контроль. Начало эпохи империализма ознаменовалось для турецкого государства также новыми территориальными потерями: в 1881 г. Франция захватила Тунис, в 1882 г. Англия завладела Египтом. Финансовый капитал использовал все имевшиеся в его распоряжении средства и методы для того, чтобы, говоря словами В. И. Ленина, бороться в Османской империи «за источники сырья, за вывоз капитала, за „сферы влияния“ — т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр.— наконец за хозяйственную территорию вообще» [16, стр. 422]. Соперничество между великими державами дало Турции возможность сохранить внешнюю самостоятельность. Но в действительности страна находилась в полной экономической и дипломатической зависимости. К тому же за иностранцами сохранялся также и юридический иммунитет. Экспансия финансового капитала, развернувшаяся с 70-х годов XIX в., стала главным тормозом экономического и общественного развития Турции, основной причиной нищеты и отсталости ее народов.

Другими препятствиями на пути прогресса страны были ее социально-экономический и политический строй, а именно господство феодальных и полуфеодальных порядков в сельском хозяйстве, опиравшийся на светских и духовных феодалов самодержавный режим, власть реакционной религиозной идеологии, которые в совокупности обеспечивали

жестокое угнетение всех народов Османской империи, особенно нетурецких. Поскольку превращение империи в полуконию приводило к консервации этих феодальных пережитков, которые В. И. Ленин называл могучими остатками средневековья [13, стр. 155], феодально-теократический абсолютистский режим и его реакционная идеология стали помощниками и союзниками иностранного финансового капитала в порабощении и эксплуатации народных масс Османской империи.

Такое сотрудничество архиреакционных международных и внутренних сил породило ту разрушительную политическую систему, которая вошла в историю под названием «зулюм» (гнет, тирания). Хронологически и органически «эпоха зулюма» совпадает с тем 30-летним периодом в истории Турции, который начался после разгона османского парламента в 1878 г. Мрачным символом той эпохи был султан Абдул Хамид II, личные качества которого придали времени его царствования особенно зловещую окраску. Утвердив при помощи террора режим неограниченного самодержавия и деспотизма, он сделал опорой своей власти реакционных феодалов, вождей кочевых племен, высшее мусульманское духовенство и элиту придворной бюрократии. Важнейшим инструментом управления государством стали при нем полиция, тайные агенты («хафие») и доносчики («журналджи») [см. 87; 92], которые контролировали все ведомства и учреждения как в столице, так и в провинциях, держали под неусыпным наблюдением служебную деятельность и личную жизнь тысяч и тысяч людей, чье поведение или образ мыслей вызывали у них подозрение. Личный секретарь двора Абдул Хамида Тахсин-паша позднее писал в своих воспоминаниях, что составление доносов на имя султана стало характернейшей чертой жизни Турции и родом занятия для целого слоя людей. «Донositельство достигло таких пределов,— отмечал он,— что в форме доносов падишаху сообщалась любая низость, которая совершенно не укладывалась в рамки здравого смысла; ничтожные подонки общества подавали султану доносы для того, чтобы угодить ему или путем лжи добиться выгоды для себя...» [90, стр. 143]. Современный турецкий историк Э. З. Карал называет процветавший в ту пору шпионаж «духом деспотического режима» и продолжает: «Официальная агентура была подчинена министерству полиции... Однако помимо нее каждый волен был заниматься шпионажем. Каждый человек и всякое дело были предметом шпионажа. Ими были также семейные встречи и праздничные сборища, поминки усопшего и ночные визиты... Большая часть доносов была продуктом ненависти, зависти и лжи» [253, т. VIII, стр. 265—266].

Подозрительный и страдавший манией преследования

султан лично прочитывал все доносы и на их основании творил расправу. Число казненных, заключенных в тюрьмы или сосланных по его приказам людей до сих пор не установлено. Как сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» 20 мая (2 июня) 1900 г., «в Константинополе аресты и ссылки в Йемен „подозрительных“ лиц принимают ужасающие размеры. Не проходит ночи, чтобы в разных предместьях Константинополя не были арестованы и не пропали без вести 10—15 интеллигентных турок. В разных министерствах недосчитываются многих чиновников. Об их исчезновении никто из сослуживцев не смеет промолвить слова». Первый драгоман российского посольства в Стамбуле в годы «зулюма» писал, что «тысячи турок, в особенности молодых офицеров, поплатились жизнью за приписываемые им либеральные убеждения. Другие тысячи гнили в тюрьмах или томились в ссылке, притом в большинстве случаев по ложным доносам» [169, стр. 3].

При отсутствии правовых гарантий жизни и имущества, административном произволе и неуверенности в завтрашнем дне неизбежно возникали и процветали коррупция государственного аппарата, взяточничество, казнокрадство и приспособленчество. К управлению страной пробирались временщики и люди без принципов, чести и совести, одержимые жадной личной обогащения. «Вся страна от вилайетов до уездов,— писал Халид Зия,— разъедалась червями изнутри и снаружи. Здесь из изменников вербовались слуги, из воров — министры... негодяям, упавшим в пропасть, давались высокие посты...» [цит. по: 143, стр. 17].

Аппарат насилия, чрезвычайно разросшийся в годы абдулхамидовского режима, использовался для борьбы против любых проявлений политической или идейной оппозиции, против свободолюбия и прогресса. Общественно-политическая и культурная жизнь Турции оказалась в тисках самой жестокой за всю историю страны реакции. История турецкой печати того периода дает, пожалуй, наиболее яркое представление о том, какой регресс произошел тогда в жизни турецкого общества.

Султан Абдул Хамид II начал наступление на печать вскоре после того, как утвердился на троне. После провала попытки правительства протащить через парламент законопроект о печати, который дал бы властям возможность расправляться с ней на «законных» основаниях, оно изменило тактику. 2 октября 1877 г. в Стамбуле было введено осадное положение. Статья 6 этого распоряжения давала властям право в любое время суток устраивать обыски, арестовывать подозреваемых лиц, а также «немедленно прекращать издания газет, публикующих материалы, чреватые смущением умов, и запрещать деятельность любых обществ»

[250, стр. 78]. Это постановление официально останавливало действие ст. 12 конституции и было использовано для расправы с печатью.

Важнейшим средством подавления печати при Абдул Хамиде стала цензура. В книгоиздательском деле она осуществлялась в соответствии с законом 1857 г. о типографиях двумя организациями, подчиненными министерству просвещения: Ведомством типографий и Обществом сочинения и перевода. В 1881 г. они были слиты в Комитет инспекции и контроля (Энджумен-и тефтиш ве муаене), которому были подчинены как инспекторы типографий, так и собственно книжные цензоры. Этот комитет должен был изучать содержание всех намеченных к печати оригинальных и переведенных с иностранных языков книг и трактатов по вопросам религии, самых разнообразных естественнонаучных и технических трудов, литературно-художественных и иных сочинений, а также всех неполитических периодических изданий. Только с его разрешения могли быть изданы рисунки и плакаты, отчеканены медали, отпечатаны гербы и знаки. Комитет инспекции и контроля организовывал также проверку на турецких таможнях и в почтовых отделениях всех привезенных или присланных из-за границы книг и журналов, контролировал деятельность их чиновников, инспектировал библиотеки, читальни, книжные магазины и типографии, а также давал справки и заключения по требованиям официальных инстанций. В 1897 г. по прямому указанию султана была создана особая Комиссия по изучению сочинений (Теткик-и мюэлефат комисьону), которая повторно рассматривала и окончательно утверждала или отвергала решения комитета об издании книг на арабском, персидском и турецком языках, а также о допуске к постановке турецких пьес. Эта комиссия, состоявшая из шестисеми особо доверенных лиц, собиралась два раза в неделю и докладывала о своих решениях непосредственно султану. С 1903 г. начала действовать Комиссия по изучению книг религиозных и шариятских (Кютуб-у диние ве шерие теткик хэети), которая занималась перепроверкой решений Комитета инспекции и контроля по своей части [250, стр. 116—117].

Следуя практике своих предшественников, Абдул Хамид II использовал для усиления контроля над печатью законодательство о типографиях и книготорговле. 24 марта 1888 г. был опубликован новый закон о типографиях. Существенной его особенностью было то, что он не только регламентировал работу всех печатен на территории империи — местных и иностранных, но и определял также правила публикации и распространения книг и других печатных изданий, исключая газеты. Новый закон обязывал всех желающих открыть типографию (или литографию) получить

разрешение на это в министерстве внутренних дел или у вали (в провинциях) и дать полицейским властям расписку в том, что они будут «избегать печатать произведения, затрагивающие священные права падишаха и интересы государства» (ст. 5). Эти правила распространялись также и на иностранных подданных (ст. 2, 5). Закон категорически запрещал запирасть в рабочее время двери типографий на замок или задвижку. Помещение типографии не должно было иметь никаких ходов в смежные здания, в том числе и внутренних окон (ст. 15). Цензорам и полицейским давалось право в любое время провести ревизию типографии (ст. 16).

Основным предписанием закона 1888 г. было запрещение печатать в типографиях книги без официального на то разрешения министерства просвещения. Важное место в законе отводилось правилам ввоза, транспортировки, продажи и распространения печатных изданий. В отличие от закона 1857 г. новый закон устанавливал цензуру над всеми книгами и публикациями, ввозимыми из-за границы в пределы империи, включая и ее «автономные» территории. Досмотру в таможенных подлежало также типографское оборудование, причем получатель должен был представить объяснение, как он собирается его использовать.

Закон 1888 г. предписывал всем владельцам книжных лавок, уличным и бродячим книготорговцам, лицам, занятым транспортировкой книг внутри страны, а также наборщикам типографий иметь разрешение полиции на занятие своей профессией. Закон оговаривал право цензуры и полиции провести ревизию книжных магазинов и складов в любое время суток. Торговец запрещенной литературой и расклейщик не прошедших цензуру объявлений рассматривались соучастниками преступления автора или издателя. Дополнение к закону, принятое в 1892 г., зачислило в разряд преступных лиц также тех, кто хранил у себя запрещенную литературу. Хорошая половина статей закона 1888 г. предусматривала штрафы, арест и тюремное заключение; любое повторное нарушение могло караться вдвойне [88, стр. 849—856].

Однако этот закон показался султану недостаточно суровым, и 29 декабря 1894 г. был опубликован новый, еще более жесткий «Закон о типографиях, книгоиздателях и книготорговцах и относящихся к ним делах». Принятие в 1894 г. нового закона спустя всего шесть с половиной лет после предыдущего имело свои причины.

Начало 90-х годов XIX в. в истории Турции знаменуется возрождением движения, имевшего своей основной целью восстановление конституции 1876 г. Деятельность организаций, выступавших против феодально-деспотического режи-

ма, становилась все более активной не только за границей, но и в пределах Османской империи. За рубежом, а также в Египте возникли важные центры издания антиправительственной литературы, которая сразу же стала оказывать большое влияние на общественное мнение в Турции. Кроме того, как раз в 1895 г. в Стамбуле появились первые антиправительственные листовки общества «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки» джемиети).

В основных своих положениях, касающихся порядка открытия и работы печатен и цензуры изданий, новый закон повторял предыдущий. Вместе с тем он вводил более строгий порядок выдачи разрешений на литье шрифтов и изготовление приспособлений для печати (ст. 13), давал право турецким чиновникам проверять и обыскивать иностранные типографии в отсутствие представителей консульств (ст. 16, 28). Поскольку уже в 80-х годах многие напечатанные ранее книги были объявлены запрещенными, новый закон требовал от издателей, чтобы они обращались за повторным разрешением на публикацию любой книги, вышедшей в свет более пяти лет назад. Контроль над ввозом в страну зарубежных изданий стал более строгим; он был распространен и на литературу, прибывающую из «автономных областей» (ст. 26). В таможенных и почтовых отделениях подлежали конфискации: 1) любые сатирические произведения на политическую или религиозную тему, содержащие выпады против падишаха, Порты, ее ведомств и официально признанных религий и вероисповеданий; 2) печатные произведения, «призывающие к беззаконию и преступлению»; 3) «безнравственные» рисунки; 4) произведения, ввоз которых официально запрещен (ст. 27). Любопытно, что задержанные книги отсылались отправителю за счет адресата. В сущности, на основании этой статьи цензура получила право задерживать любые книги, которые казались ей подозрительными. Под страхом конфискации и других наказаний запрещалась также торговля перечисленными выше изданиями (ст. 30). Особые статьи закона 1894 г. предусматривали также порядок проведения обыска в типографиях и книжных лавках. О том, что при Абдул Хамиде они прочно вошли в практику повседневной деятельности следственных органов и судов, свидетельствует изданный годом позже юридический справочник «Сам себе адвокат», который приводит для данного случая необходимые статьи уголовного кодекса, образцы протоколов обыска и пр. [204, стр. 836—837]. Новым в законе 1894 г. было и то, что во всех случаях, когда за его нарушение назначался штраф, типографии, литографии и книжные магазины немедленно закрывались вплоть до его погашения (ст. 44) [см. 88, стр. 857, 865].

В развитие этого закона был издан ряд постановлений и дополнений, которые вводили новые и ужесточали старые правила изданий и торговли книгами. Так, ираде от 24 августа 1898 г. предусматривало постоянный полицейский надзор за всеми типографиями, а ираде от 29 мая 1900 г. предписывало министерствам просвещения и внутренних дел более строго инспектировать типографии и книжные лавки, чтобы не допускать распространения «некоторых вредных книг и трактатов». Указ от 1 сентября 1901 г. еще более усложнял процедуру представления в печать авторских рукописей; даже хвалебные сочинения, написанные или переведенные в честь султана, последний приказал не принимать во дворец, а отправлять сначала на изучение и заключение в цензурные комиссии [88, стр. 866—867, 876—877].

Таким образом, в области книжного дела цензурные ограничения были, как правило, открытыми и неоднократно подтверждались законодательными положениями. В соответствии с официальными актами власти осуществляли жесткий контроль над всеми стадиями подготовки, издания и распространения книг. Как отмечал уже в ноябре 1884 г. сотрудник французского посольства в Стамбуле К. Юар, свирепая цензура «мешает османской литературе развиваться, парализует превосходные начинания и уничтожает многие усилия частной инициативы» [126, стр. 4].

Султан не жалел денег на цензуру. Точное число чиновников книжной цензуры в ту эпоху не установлено. Несомненно, однако, что оно постоянно и заметно росло. Так, Комитет инспекции и контроля в 1881 г. насчитывал всего семь сотрудников, включая председателя комитета. В 1907 г. в нем состояло 74 человека, в том числе председатель, 45 цензоров, 5 контролеров турецких изданий и 15 контролеров для проверки изданий на различных языках. Кроме того, в составе комитета имелся специальный отдел из восьми человек для организации досмотра и проверки содержания книг в таможенных и почтовых отделениях [249, стр. 129]. В Комиссии по исследованию сочинений в начале XX в. было 18 старших цензоров [253, т. VIII, стр. 412]. Многие десятки чиновников были заняты цензурой периодики в департаментах внутренней и иностранной печати. К концу царствования Абдул Хамида цензоры появились также во всех губернских управлениях. В иерархии и аппарате османского государства цензор стал важной фигурой. Главы цензурных органов входили в число виднейших сановников империи и доверенных лиц падишаха. Именно поэтому они «очень часто получали повышения по службе и награды» [250, стр. 114]. Расширение состава цензурных органов и их привилегированное положение в системе управления государством отражали распространение правитель-

ственного контроля над печатью с целью полного ее подчинения интересам феодально-деспотического режима Абдул Хамида.

Важнейшим продуктом творчества султана и его клевретов в цензуре были запретительные списки. Они начали появляться с первых лет правления Абдул Хамида, постепенно разрастаясь и захватывая все новые и новые имена, названия, термины, темы. Прежде всего эти запреты были направлены на то, чтобы лишить турецких читателей возможности знакомиться с такими произведениями мировой политической и философской мысли и художественной литературы, которые могли раскрыть перед ними недостатки и пороки экономической и политической системы, господствовавшей в Османской империи. Поэтому были запрещены как в переводе на местные языки, так и в подлиннике сочинения Монтескье, Вольтера, Руссо, Расина, Корнеля, некоторые произведения Шекспира и Байрона, Гюго и Золя, Шиллера и Л. Толстого. На подмостках турецких театров не разрешалось ставить ряд пьес классической драматургии, в частности «Гамлет», «Сирано де Бержерак», «Венецианский купец». В 90-х годах под строгим запретом оказались многие художественные и публицистические сочинения Намыка Кемаля, Зия-бея, Али Суави, позднее — Абдульхака Хамида. Едва до султана дошел слух, что турецкий посол в Лондоне перевел и собираются издать «Божественную комедию» Данте (вероятно, в отрывках), как он немедленно запретил это [см. 253, т. VIII, стр. 413—414; 93, стр. 107; 249, стр. 129; 215, стр. 27—28].

В 80-х годах под запрет попал также ряд исторических сочинений, в том числе труды по истории Турции Ламартина и Хаммера, распространенные в то время учебные пособия турецких авторов Ахмеда Вефика¹ и Селима Сабита. В 1888 г. было запрещено переиздавать «Историю Османской империи» Намыка Кемаля. Такая же судьба постигла труд Ахмеда Мидхата «Основы революции», написанный по заказу Абдул Хамида и опубликованный в 1878 г., а также и другие сочинения, в которых рассказывалось о событиях 1876 г., работе парламента, конституции. Из политических соображений был запрещен «Краткий очерк международного права» Хасана Фехми [см. 147, стр. 34; 253, т. VIII, стр. 413—414; 258, стр. 135].

Турецкие писатели и журналисты не могли без разрешения цензуры сообщать о самых важных политических событиях в Османской империи, если Порта хотела о них умолчать. Особенно это касалось таких тем, как автономия Крита

---

¹ С 1870 по 1885 г. его «Краткая османская история» («Фезлеке-и тарих-и османи») издавалась 11 раз [293, стр. 374].

(1898 г.), восстания против турецкого ига в Македонии (1902—1908 гг.), резня в Турецкой Армении (1894—1896 гг.). В начале XX в. газетам было запрещено упоминать даже названия этих провинций империи.

Усилиями турецких цензоров, чутко воспринимавших малейшее пожелание болезненно подозрительного, трусливого и злобного самодержца, был составлен обширный список слов, которые надлежало безоговорочно вычеркивать. Это были прежде всего имена людей, которых султан считал своими злейшими врагами,—Мидхат-паши и Намыка Кемаля. В список запрещенных слов входили: революция, забастовка, интернационализм, социализм, анархизм, смута, свержение, свобода, равенство, отечество, республика, тирания, депутат, сенатор, выборы, права народа. Далее по ассоциации с этими «бунтарскими» понятиями запрещались слова: убийство, покушение, отравление, взрыв, бомба, динамит и — по созвучию — динамо. Соответственно запрещались и все производные от них слова: революционер, социалист, забастовщик и т. д. [см. 296, стр. 54, 80, стр. 30; 250, стр. 100].

Деспотическому режиму Абдул Хамида очень хотелось изобразить всех подданных империи довольными и даже богатыми. Разумеется, это проще всего было достигнуть путем введения табу на «плохие» слова и замены их «хорошими». Примеры из практики цензуры носят порой анекдотический характер. Так, немец С. Бек, автор школьных «Немецких грамматик для турок», не раз имевший дело с турецкими цензорами, рассказывает, как они заставляли его переделывать грамматические примеры самого невинного свойства. Например, во фразе «Насекомые вредны для растений» слово «вредный» («музыр») вычеркивалось, так как оно применялось в цензуре к книгам или газетам, которые объявлялись антиправительственными. В школьные учебники запрещалось вставлять фразы типа: «я беден», «мы недовольны» или слова «невежественный», «несправедливый» и т. п., как якобы содержащие дурной намек [см. 96, стр. 2; 80, стр. 30—32].

Встав на путь запрещений, лишенных всякого здравого смысла, цензура боялась остановиться, тем более что новые названия, имена, слова появлялись в запретительных списках нередко из страха самих цензоров перед доносчиками, из желания особым рвением доказать свою преданность начальству, а то и просто по невежеству. Цензорам было приказано, например, не пропускать через таможенную книгу с описанием производства взрывчатых веществ: Абдул Хамид боялся покушения. Во имя безопасности повелителя правоверных ретивый и невежественный цензор конфисковал в таможене книгу «Термодинамика», полагая, что в ней речь идет о динамите. По инициативе другого, видимо особенно

угодливого, в запретительные списки попало слово «бурун» (нос), так как султан был обладателем большого и кривого носа. Некий цензор не пропустил в печать газетную статью, в которой говорилось о том, что при определенных химических реакциях из молекулы воды выделяется атом «свободного водорода»,— ему не понравилось слово «свободный» [см. 250, стр. 107; 296, стр. 58; 80, стр. 26]. Тот же С. Бек писал, что турецкий цензор всегда руководствовался правилом: «Раз я этого не понимаю, лучше вычеркнуть» [96, стр. 3—4].

Несмотря на постоянный и жесткий контроль цензурных организаций и полиции, как отмечали многие современники событий той эпохи, среди читающей публики в постоянном ходу были запрещенные печатные издания. Их можно было достать и у книготорговцев, которые с большим риском для себя держали нелегальную литературу в укромных местах своих лавок. Ими обменивались между собой сами читатели [см. 80, стр. 28; 296, стр. 58; 258, стр. 134—135; 93, стр. 51].

Не касаясь пока заграничных изданий младотурок, всю запрещенную литературу, имевшую тогда хождение в Турции, можно разделить на три основные категории: 1) издания, которые и прежде находились под запретом; 2) местные легальные публикации прошлых лет, попавшие под запрет после 1878 г.; 3) самая разнообразная иностранная литература — художественная, научная, политическая, которую запрещено было ввозить в пределы страны.

Для контроля за легальными каналами поступления печатных изданий из-за границы на турецких таможнях и в почтовых отделениях сидели специальные чиновники, снабженные необходимыми списками. Пополнением этих списков занимались также турецкие посольства и консульства за рубежом. Не позднее начала 90-х годов в их штате появился чиновник, в обязанности которого входило немедленно телеграфировать о всех изданных в стране его пребывания «вредных» книгах и даже газетных публикациях. Материалы с самыми незначительными критическими замечаниями в адрес султана или Порты, а равно книги и статьи, проникнутые революционными или либеральными идеями, сразу включались в запретительные списки. Кстати сказать, эти перечни запрещенных изданий служили для либерально настроенной интеллигенции своеобразными справочниками рекомендуемой для первоочередного чтения литературы. По ним заинтересованные лица заказывали нужную им литературу [215, стр. 49—50; 250, стр. 106].

Однако через турецкую службу получить запрещенные издания было практически невозможно. Чиновники цензуры нередко просматривали страницу за страницей даже многотомные энциклопедические словари. Как сообщает совре-

менник, книги, попадавшие в руки турецких цензоров в таможнях и на почте, выходили оттуда, если вообще выходили, как кружева — в сплошных вырезках [296, стр. 58]. Поэтому турки, заказывавшие книги за границей, старались, если это было возможно, пользоваться услугами европейцев или иностранных почтовых отделений. Турецкие власти знали об этом, и Порта не раз обращалась к правительствам Европы с требованиями и просьбами запретить своим почтовым отделениям в Турции обслуживать местных подданных. Однако эти увещевания не дали никакого результата. Тогда у дверей иностранных почтовых отделений были поставлены полицейские и соглядатаи, которые вырывали из рук выходящих оттуда турок полученные ими бумаги [296, стр. 57]. Кроме того, таких людей брали на заметку. Поэтому безопаснее было пользоваться в таких случаях услугами иностранцев, но, конечно, это мог не каждый. Тем не менее через иностранную почту в Турцию попадало значительное количество запрещенной литературы. Как писал в своих мемуарах один из основателей первого младотурецкого кружка Ибрагим Темо, он и его товарищи в Стамбуле получали таким путем произведения Намыка Кемалья, Зия-бея, изданные за границей турецкие и иностранные книги и газеты [91, стр. 11—12]. Правда, при этом приходилось прибегать к различным уловкам, чтобы ввести в заблуждение поджидавших на улице шпионов. Поль Феш замечал, что «образованные турки, которые хотят раздобыть книги о Европе, вынуждены прибегать к всяческим ухищрениям. Я знаю одного человека, который переправил (в Турцию.— А. Ж.) в виде писем всего иллюстрированного Ларусса. В противном случае он никогда не имел бы его целиком» [296, стр. 58]. Другой современник событий тех лет, виднейший турецкий прозаик Хюсейн Рахми (Гюрпынар), писал: «Несмотря на строгий досмотр таможен и чиновников министерства просвещения, иностранные книги попадали на полки библиотек интеллигенции... Я заметил одну вещь: в то время как магазины, продававшие проверенную правительством турецкую литературу, несмотря на их разукрашенные витрины, были пусты, магазины, продававшие иностранные книги, процветали» [цит. по: 294, стр. 291].

Уже с 80-х годов, когда появились первые запретительные списки, цензура и полиция приняли некоторые меры для того, чтобы изъять из обращения издания, причисленные к разряду «вредных». Такая работа не могла проводиться ни повсеместно, ни систематически, так как требовала грамотных людей в количестве, превышавшем возможности турецкой административной машины. Но время от времени, чаще по доносам, чиновники и полицейские ревизовали книжные лавки, и их хозяевам не всегда удавалось из-

бежать конфискации какой-то части книг. Случалось, что цензура запрещала уже набранную и отпечатанную книгу. Продолжали накапливаться книги, задержанные в таможенных и почтовых отделениях.

В 1902 г. правительство отдало распоряжение сжигать все эти произведения. Сначала «книги и бумаги», отнесенные цензурой к разряду «вредных», сжигались в пригороде Стамбула Кягытхане или во дворе министерства просвещения. Затем их стали жечь в печи бани Чемберлиташ, примыкавшей к зданию министерства. Для обеспечения скрытности в смежной стене был сделан пролом, а руководство делом было поручено председателю Комитета инспекции и контроля Абдуллаху Хасиб-эфенди. В том же году была построена специальная печь в главной правительственной типографии «Матбаа-и амире», которая, как пишет С. Искит, стала выполнять функции «лобного места для священных произведений турецкой культуры» [250, стр. 103]. Он же приводит тексты подлинных протоколов о сожжении книг в бане Чемберлиташ. Из них видно, например, что 20—25 мая 1902 г. было сожжено 165 мешков «вредных бумаг». Участники этой акции сообщают, что они лично проследили за сожжением книг, залили пепел водой и закопали его в ямы в саду министерства. Из протоколов видно также, что книги, подлежащие уничтожению, отбирались цензурным комитетом, который имел на то прямое указание султана. «Вредные» рукописи и книги в печи типографии «Матбаа-и амире» сжигались в течение ряда лет [250, стр. 135—136].

Стремясь заглушить всякую вольную мысль, цензурно-полицейский аппарат Абдул Хамида обрушивал свои удары не только на литературные произведения и печатные органы, но и на авторов и издателей. «Вместе с отцом конституции Мидхат-пашой,— писал С. Искит,— были высланы многие депутаты и журналисты. Они умерли или были убиты в тюрьмах» [250, стр. 77]. В числе первых за Мидхат-пашой был отправлен в ссылку на о-в Митилена Намык Кемаль. Многие написанные им в то время произведения увидели свет только после младотурецкой революции 1908 г. В 1877 г. был арестован за переписку с Намыком Кемалем Махмуд Экрем. С 1878 по 1881 г. за литературную деятельность находился в опале Абдульхак Хамид; позднее он вынужден был дать султану письменное заверение, что не будет заниматься литературным творчеством [147, стр. 45—46, 55]. Халида Зию в 90-х годах не раз вызывали в полицию и предъявляли обвинение в «пропаганде материализма». «Ему советовали бросить литературную деятельность, предупреждали о возможных неприятностях, если он не послушается этого совета» [143, стр. 49]. Спасаясь от пресле-

дований, десятки прогрессивных писателей, журналистов, общественных деятелей бежали за границу.

На многих литераторов политические гонения оказали деморализующее воздействие, и они отошли от борьбы за те идеалы, которым посвятили свою молодость. Пожалуй, наиболее ярким примером перелома во взглядах может служить литературное творчество и общественно-политическая деятельность Ахмеда Мидхата. Сподвижник «новых османов», в прошлом свято веривший в возможность переустройства общества при помощи пропаганды просветительства, он уже в 1878 г. высказал сомнение в том, что идейный и литературный прогресс в стране достиг уровня, позволяющего ей иметь свободную печать [201, стр. 238]. В дальнейшем Ахмед Мидхат своим творчеством заслужил особую благосклонность султана. Часть бывших активистов пришла к полному примирению с феодально-деспотическим режимом. Зия-бей получил титул паши и пост губернатора Аданы. Решад-бей стал каймакамом Мерсины, Нури-бей занимал пост секретаря султанского дворца, назначался уполномоченным Порты при французской табачной монополии «Режи», получил два ордена. Агях-эфенди стал послом в Афинах. Рифат-бей заседал в Высшем военном совете. Совершенно отошел от политической деятельности Махмуд Экрем и т. д. [255, т. I, стр. 381—465; 290, стр. 479].

В обстановке разгула реакции и деспотизма, когда законные гарантии жизни, чести и имущества явно попирались самой властью, в условиях полуфеодального и полукOLONиального государства с его низким уровнем развития производительных сил произошла деформация в представлениях общества о гражданских достоинствах и человеческой добродетели: в Турции «эпохи зулума» особую значимость и престиж приобрели бюрократ-чиновник и мусульманский святоша. Поэтому, пишет Н. Беркес, «молодежь не стремилась к профессии инженера или делового человека, а старалась попасть в Императорскую школу гражданских чиновников... Корпус гражданских чиновников — их взгляды, привычки, поведение, иерархия ценностей — воплощали в себе дух режима. Лучшими добродетелями стали считаться повиновение и угодливость, а подозрение в нелояльности рассматривалось как преступление против религии и государства» [294, стр. 257—258]. Н. Беркес, возможно, забывает добавить, что не меньшей популярностью у молодых турок, желавших сделать светскую карьеру, пользовались военно-учебные заведения. Кроме того, абдулхамидовский режим с особым рвением поощрял служителей мусульманского культа как высокого, так и низшего ранга. В большом почете у султана были всевозможные шерифы, сейиды, накыбы, главы ряда религиозных орденов, в частности

накшбенди, а также видные мудеррисы. Постоянное присутствие этих людей при дворе должно было символизировать связь халифа с мусульманской общиной и способствовать пропаганде панисламизма. Полиции были даны особые полномочия следить за исполнением народом шариата. Религиозное ханжество и лицемерие стало нормой морали для верхушки господствующего сословия. Как писал позднее шейх-уль-ислам Муса Кязым, хорошо знакомый с обстановкой и атмосферой при дворе Абдул Хамида, «люди, известные своим развратом, обычно предавались богослужению, чтобы замолить свои грехи, и таскали с собой молитвенные коврики повсюду, даже на службу... Чтобы попасть в фавориты двора и правительств, достаточно было числиться среди членов какого-либо религиозного ордена» [цит. по: 294, стр. 258—259].

Среди факторов, которые оказали большое влияние на издательскую деятельность и печать, были изменения, происшедшие в «эпоху зулюма» в области просвещения. К концу царствования Абдул Хамида в империи насчитывалось свыше 36 тыс. школ. Только в 500 рюштие обучалось до 40 тыс. мальчиков и девочек, т. е. в два раза больше, чем в 1876 г. Столь же скромными были количественные сдвиги и в других звеньях просвещения: к 1908 г. на весь Стамбул было лишь шесть средних школ II ступени (идадие) и по-прежнему лишь два лица. За 30 лет «зулюма» в стране появилось менее десятка новых специальных школ (юридическая, чиновничья, ветеринарная, торговая, инженерная). Правда, некоторые специальные учебные заведения (Военно-медицинское училище, Галатасарайский лицей) значительно увеличили свой контингент [161, стр. 64—100]. Все же некоторые сдвиги в просвещении, особенно рост учащихся рюштие, несколько подтолкнули развитие книгопечатания [126, стр. 1—2].

В целом, однако, в результате действий реакции просвещение, как и другие сферы культурной и общественной жизни страны, переживало застой, и оно отошло от тех прогрессивных тенденций, которые зародились в период подъема просветительства и нашли отражение в законе о народном образовании 1869 г. Министр просвещения республиканской Турции Х. А. Юджель писал, что преподавание гуманитарных и естественных наук в общеобразовательных школах той поры было сведено к минимуму, а «вместо них все большее значение придавалось арабскому и персидскому языкам, основам религии. Корану и прочим схоластическим предметам». С 80-х годов XIX в. в школах стали происходить изменения, которые «служили не на пользу просвещению, а исключительно во вред ему. В то время, когда необходимо было расширять занятия по литературе, фило-

софии, математике и естествознанию, они, наоборот, уменьшались...» [287, стр. 12]. Из программ школ и специальных учебных заведений изымались все предметы, которые могли способствовать пробуждению политической мысли, чувств патриотизма или гражданского достоинства [233, т. III, стр. 1001]. Не желая, чтобы молодые турки получали образование за границей, Абдул Хамид согласился в 1900 г. открыть в Стамбуле университет, однако засилье цензоров, инспекторов и в не меньшей степени духовенства встало непреодолимой преградой на пути его превращения в настоящий центр науки и просвещения. Достаточно сказать, что Ахмед Мидхат, читавший в этом университете курс всеобщей истории, говорил о возможности сотворения мира за шесть дней и «обосновывал» это ссылками на достижения геологической науки. Один из министров просвещения Османской империи, Хашим-паша, заявил однажды, что его министерство прекрасно справлялось бы со своими обязанностями, если бы вообще не было никаких школ [294, стр. 274]. Эти слова вполне отражают отношение абдулхамидовского режима к светскому образованию. В то же время огромное количество юношей и мужчин продолжало заниматься зубрежкой религиозно-схоластических дисциплин: в империи в начале XX в. насчитывалось более 3 тыс. медресе, где обучалось не менее 100 тыс. человек.

Таким образом, социально-экономические, политические и культурные условия развития издательского дела, книгопечатания и прессы в Турции конца XIX—начала XX в. были весьма сложными и противоречивыми. Втягивание Турции в мировую империалистическую систему порождало внутри страны ряд процессов, увеличивавших потребность в образованных специалистах. Как правильно заметил А. Ф. Миллер, «султан и его окружение, исходя из собственных интересов, были вынуждены терпеть кое-какую „европеизацию“, так как без нее представлялось невозможным создавать квалифицированные кадры, необходимые для поддержания самодержавного строя» [174, стр. 68]. Кроме того, несмотря на многочисленные преграды «эпохи зулума», то общественное и культурное пробуждение, которое началось в Турции в годы реформ и конституционного движения, не остановилось полностью. Оно продолжалось, и скромные количественные сдвиги в области просвещения были подкреплены тягой к чтению литературных произведений и научных сочинений. В турецком обществе конца XIX—начала XX в. возникло новое явление: чтение книг вслух в кругу семьи или друзей [168, стр. 113]. Как отмечал один очевидец, в конце XIX в. среди образованных и просто грамотных турок стало обыкновением охотиться за книжными новинками; у книжных издательств, у книготорговцев

на базарах появилась своя постоянная клиентура читателей [128, стр. 1]. Все это способствовало дальнейшему, хотя и ограниченному культурной отсталостью населения, росту числа читателей. Другой стороной этого единого процесса развития грамотности, образования, культуры было увеличение спроса на книги и периодические издания, что в свою очередь стимулировало работу печатен.

Основным центром книгопечатания по-прежнему оставался Стамбул. В 1882—1883 гг. в столице насчитывалось 38 типографий и 28 литографий, но 12 из них находились под одной крышей с типографиями, так что число всех печатен составляло 54. В приводимом списке только одна типография, «Матбаа-и амире», обозначена как правительственная; остальными владельцами отдельные лица или товарищества на паях. Из частных владельцев печатен, судя по фамилиям и именам, 18 были турками (мусульманами), 18 армянами, остальные греки (5), евреи (2), валах, француз, немец и др. Одна печатня (типография и литография) принадлежала «Товариществу иранских подданных» [249, стр. 97—99]. Кроме того, в начале 80-х годов типографии имелись практически во всех вилайетских центрах [125, стр. 9].

Наиболее крупные частные издательства и книготорговые дома располагались в старой части Стамбула на Бабиали. Многие из них были основаны армянами. Так, Гаспар родом из Кайсери за 10 лет (1885—1894) издал около 500 книг под рубрикой «Библиотека просвещения». Аракел из Афьон-карахисара издавал «Книги для чтения», Михран печатал как книги, так и периодические издания. Книги по исламу, военному делу и школьные учебники издавал и продавал на Бабиали Ибрагим Хильми, до 500 научных и специальных сочинений издал Хюсейн (оба турки). Большой известностью в Турции пользовались издательство «Османье» (названное так по имени его владельца Осман-бея) и издательство Эбуззии Тевфика в Галате. Кроме того, до 1908 г. были основаны издательства Общества наборщиков (1883 г.), Общества османских букинистов (1888 г.), газетные издательства «Терджюман-и хакикат» (1878 г.), «Икдам» (1894 г.), «Асыр» (1896 г.), которые выпустили много книг, а также книжно-журнальные издательства «Сервет-и фюнун» (1891 г.) и «Джихан» (1903 г.) [249, стр. 114, 117—122].

В 80—90-х годах XIX в. на смену старым методам книготорговли, монополизированной торговцами табаком, пришли новые, более соответствующие изменившимся условиям общественной и культурной жизни Турции. В январе 1889 г. непосредственный наблюдатель жизни Стамбула тех лет К. Юар писал: «Мало-помалу османское книжное дело заимствует у Европы ее обычаи... Книжные магазины стара-

ются стать доступными для публики; старые букинисты еще занимают свои места в тени сводов большого базара, но новое течение отныне — не здесь — оно обосновалось подле зданий Блистательной Порты. На Диванйолу, главной улице, которая поднимается от Сиркеджи-искеlesi к Западным воротам большой казармы, где с грехом пополам разместились резиденция великого везира, министерство иностранных дел, Государственный совет, множатся магазины *alla İrapsa*, за витринами которых выставлены последние публикации года» [128, стр. 1—2].

Переходя к более подробной характеристике книжных изданий в Турции в эпоху ее превращения в полуколонию, необходимо оговориться, что, как и в предыдущие десятилетия, в Османской империи публикация регулярных библиографий не практиковалась. Однако содержащиеся в источниках, научной и справочной литературе сведения, хотя они не полны и не всегда детальны, позволяют составить достаточное представление об основных тенденциях развития книгопечатания в Турции в тот период.

В 1891 г. в Стамбуле вышел библиографический справочник под названием «Произведения эпохи Хамида», составленный Мизанджи Мурадом. Согласно этой библиографии, в типографиях Стамбула с 1876 по 1890 г. было издано на турецком языке около 4 тыс. оригинальных и переводных книг, из них 200 книг было посвящено вопросам мусульманской религии, около 500 — школьные учебники, до 1 тыс. — книги по военному делу, медицине, прикладной и общей математике, космографии, географии, истории, экономике, сельскому хозяйству, промышленности, спорту, а также календари, ежегодники, справочники, энциклопедии; свыше 1 тыс. — романы, сборники рассказов и стихов, пьесы, а также библиотечные каталоги; свыше 1,2 тыс. — законы, постановления, ведомственные распоряжения и циркуляры [249, стр. 101—102]. Из этих данных следует, что в стране ежегодно издавалось в тот период не менее 260 книг на турецком языке. Более детальное представление о тематике и характере изданий в те годы дают обзоры, которые составлял для Азиатского общества сотрудник французского посольства в Стамбуле К. Юар. В его списках изданий стамбульских типографий и литографий за 1877—1890 гг. значится около 1,6 тыс. книг на турецком языке². Составитель не включал в них, как правило, официальные публикации раз-

---

² Всего в списках К. Юара 1726 позиций по разделам: религия и законы — 266, литература — 598, история — 134, «разные науки» — 402, филология — 309 и 17 выделенных в отдельную графу бейрутских изданий. Около сотни из них — книги, изданные в Стамбуле, Бейруте и Каире на арабском языке, а также небольшое число персоязычных публикаций [см. 124—129].

личных ведомств, а также, к сожалению, очень многие переводы художественных произведений европейской литературы, упоминание о которых, с его точки зрения, не представляло интереса для читателей «Журналь азиатик».

Излишне говорить, что, как и прежде, значительная часть объема всех книжных изданий шла на удовлетворение потребностей школ. Сопоставление программ общеобразовательных и специальных учебных заведений с разнообразными списками книжных изданий и даже наличными фондами востоковедных библиотек нашей страны показывает, что в тот период были созданы, адаптированы или переведены на турецкий язык учебники и учебные пособия по всем основным дисциплинам. Однако главными были те изменения, которые происходили в содержании учебной и вспомогательной литературы, в первую очередь по гуманитарным предметам.

Под ударами цензуры и давлением религиозной реакции книги по всеобщей и османской истории, политической и физической географии, а также пособия, где открыто опровергались религиозные представления об окружающем мире, претерпели серьезную эволюцию. Многие школьные учебники выглядели убого, в них не давалось никаких сведений о самом существенном. Так, в типовом (утвержденном министерством просвещения) учебнике географии для первых лет обучения в школах рюштие, изданном в 1905 г., в части Турции содержался лишь перечень названий географических объектов и наименований единиц административного деления, а каждой из стран Европы отводилось несколько строк [207]. Многие школьные учебники по истории Османской империи для школ рюштие только повторяли то, что было сказано о деяниях турецких султанов в официальных «Салнаме» [211; 81, стр. 21—33; 78, стр. 16—169]. Аналогичными по структуре были учебные пособия по истории для средних школ и специальных учебных заведений. Так, учебник по всеобщей истории, написанный Мурадом Мизанджи для школ идадие в начале 90-х годов, когда этот курс еще не был исключен из их программы, вообще не рассматривал события новой истории и обходил стороной народные восстания и революции [209]. Халид Зия (Ушаклыгиль), вспоминая о том, какие учебные пособия по истории использовались в специальных медицинской, военной, морской школах, в Галатасарайском лицее, писал: «В книгах по всемирной истории не упоминалось не только о французской революции, но и вообще ни о какой другой революции. Таким образом, молодежь росла в тюрьме, за черной стеной» [цит. по: 143, стр. 33].

Умалчивание о важных фактах и явлениях, о кардинальных научных открытиях, которые могли бы пробудить умы

молодежи, было одной из форм фальсификации науки и дезинформации общества, к которым прибегали султанские держиморды и мракобесы, контролировавшие печать. Другой формой было прямое их извращение. Так, если Ахмед Мидхат «доказывал» сотворение мира ссылками на открытия геологической науки, то один его коллега по университету в учебнике по общей зоологии на том же уровне «опровергал» учение Дарвина об эволюции видов. За отсутствием научных аргументов автор этого труда, налегая больше на эмоции, писал: «По его (Дарвина.—А. Ж.) мнению, ничтожный червяк, живущий в воде, со временем якобы становится рыбой, а та, по прошествии некоторого времени, крокодилом!!! А еще некоторое время спустя — обезьяной!!! А уже от обезьяны будто бы происходит человек!!! О, горе!!!» [217, стр. 410]. Резкое увеличение места религии в школьном обучении и воспитании в конце XIX — начале XX в. прямо отразилось на содержании учебной литературы по гуманитарным, а косвенно и по естественным наукам, поскольку на изучение последних в должном объеме не осталось времени. В целом удовлетворительными учебными пособиями были обеспечены только военно-учебные заведения³.

Очень большое место в книгопечатной продукции занимали казенные, официальные издания: кодексы, указы, циркуляры, «Ежегодники», в том числе ведомственные и провинциальные и т. п. В 80-х годах XIX в. не только центральное правительство, но и вилайетские власти свои распоряжения доводили до сведения населения через печать. На смену прежним глашатаям со свитком в руках пришли расклейщики разных указов и распоряжений. Из наиболее важных официальных публикаций, которые появлялись регулярно, необходимо отметить прежде всего «Дююстуры» — многотомные собрания государственных актов, многотомное «Собрание договоров» Порты с иностранными государствами, серию кодексов (уголовного, административного, земельного, торгового и др.).

Как это ни парадоксально, из всех официальных документов чаще других публиковалась турецкая конституция 1876 г. Ее полный текст (непрерывно с предпосланным ему хаттом Абдул Хамида II) печатался каждый раз в правительственном «Салнаме», чем султан и Порты хотели убедить общественность в том, что конституция не отменена, а лишь временно приостановлена. Они даже делали вид, что уважают этот документ, и однажды продемонстрировали это в весьма своеобразной форме. В нескольких экземплярах «Салнаме» за 1902 г., по недосмотру переплетчика

---

³ Общую оценку учебной литературы в «эпоху зулюма» см.: [161, стр. 96—100].

«Матбаа-и амире», текст конституции оказался склеенным в обратной последовательности статей. «В этом,— пишет С. Искит,— тут же усмотрели желание свергнуть падишаха, и старая типография, которая имела самые большие заслуги перед нашей культурой, была закрыта, а ее двери опечатаны» [250, стр. 105].

Учитывая тот факт, что в феодально-теократическом османском государстве исполнение законов объявлялось не только гражданской, но и религиозной обязанностью мусульман, а догматы ислама имели силу законодательных установлений, к разряду официальных изданий нужно отнести и всю литературу по мусульманскому праву. Своды законов, основанных на фикхе, издавались неоднократно, как и обширнейшие комментарии к ним. Для государственного аппарата Османской империи, прежде всего для шариатских судов, которые рассматривали все основные тяжбы между мусульманами по гражданским делам, эти издания были руководством в их повседневной практике.

Помимо того, в «эпоху зулюма» появилось большое число религиозных книг, предназначенных для широкого круга читателей. Выпуск религиозной литературы увеличился и потому, что расширялось религиозное обучение в школах, и в связи с усиленным развертыванием пропаганды панисламизма. Основное место в изданиях по мусульманской религии занимали Коран и обширнейшие комментарии его знатоков— в большинстве своем средневековых арабских и турецких богословов, старые трактаты по основам мусульманского вероучения, собрания фетв, хадисов, сказания о знаменитых шейхах, сейидах и т. п.

Наряду с сочинениями, трактующими основы мусульманского вероучения, немало было написано и издано трактатов в защиту ислама как образа жизни, особой формы культуры и наиболее совершенной системы политических взглядов. Идеологи религиозно-политической доктрины панисламизма конца XIX в. (Джемальеддин Афгани, его последователи— Мухаммед Абдо и др.) видели в нем средство политического объединения всех мусульман, чтобы противостоять экспансии империалистических держав на Востоке и сохранить независимые мусульманские монархии, предполагая необходимость конституционных реформ. Призывая мусульман к отпору империализму «стран креста», идеологи панисламизма вместе с тем выступали с проповедью социальной гармонии мусульманских обществ. Указывая на эту особенность панисламизма, В. И. Ленин характеризовал его как течение, пытающееся «соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиций ханов, помещиков, мулл и т. п.» [18, стр. 166]. Мусульманским реформаторам

были абсолютно чужды идеи классовой борьбы, и в достижении своих политических целей они уповали на «доброе правителя».

По стопам идеологов панисламизма и мусульманской реформации пошли и некоторые деятели общественной и культурной жизни Турции, непосредственно с мусульманским культом не связанные. Идеализация мусульманской религии как наиболее совершенной формы общественно-политического и культурного развития Турции была в определенной мере присуща и конституционалистам 60—70-х годов XIX в. Однако те не в последнюю очередь использовали ислам для доказательства необходимости прогрессивных буржуазных преобразований. Для литераторов и деятелей культуры конца XIX—начала XX в. уход в ислам был реакцией на крах просветительских иллюзий. Будучи неспособными принять революционные материалистические взгляды, дающие ключ к пониманию закономерностей общественных явлений, они начали пропагандировать идейно-политическую доктрину панисламизма как средство цементации Османской империи на чисто религиозной основе.

Из среды светской турецкой интеллигенции активным поборником религиозности и ярким апологетом ислама выступил Ахмед Мидхат. В 80—90-х годах он напечатал пять объемистых книг [см. 202—203], в которых выступил в защиту ислама от нападок западных ученых и христианских миссионеров. Опираясь фактами, относящимися главным образом к истории мусульманских государств раннего средневековья, к эпохе их политического и культурного расцвета, Ахмед Мидхат в конечном счете стремился в радужном свете представить положение и состояние современной ему Османской империи, доказать преимущества ее общественно-политического устройства и особенно «моральных ценностей» ислама перед цивилизацией буржуазного Запада. Сторонниками консервации традиционной мусульманской образованности объявили себя поэт Муаллим Наджи и некоторые его ученики [147, стр. 64—69]. По форме многие работы, написанные апологетами ислама из числа турок, были ответом на изданную в начале 80-х годов брошюру французского историка и философа-идеалиста Ж. Э. Ренана, который утверждал, что ортодоксальный ислам — враг прогресса, что мусульмане не способны к прогрессу. В десятках трактатов турецкие авторы, отвечая Ж. Э. Ренану, стремились доказать, что, напротив, всеми своими достижениями в науке и технике, даже своей конституционной системой Западная Европа обязана арабам и другим мусульманским народам [294, стр. 262—263].

Совершенно очевидно, что мусульманская религия продолжала играть огромную роль в жизни турецкого общест-

ва конца XIX — начала XX в. Ислам регулировал правовые и семейные отношения, определял быт и привычки, психологию и сознание большинства турок с рождения до смерти. Целая армия штатных и добровольных пропагандистов распространяла его как устно, так и посредством печатного слова. Однако анализ печатных изданий того периода показывает, что параллельно, и с не меньшим успехом, в турецком обществе шел процесс накопления светских знаний и представлений. Не менее двух третей всей книжной продукции (по числу названий) турецких типографий относилось к категории научной или художественной литературы.

Оставляя в стороне школьные учебники, о которых говорилось выше, необходимо отметить, что в изданиях по естественным наукам и технике преобладали книги по математике, медицине и ветеринарии, географии, навигации, архитектуре и строительству. Более редкими были публикации по физике и химии. Оценка достоинств подобных изданий под силу только специалистам в этих областях знаний. Здесь можно лишь констатировать, что в отличие от первой половины XIX в., когда печатались преимущественно или в значительной части переложения средневековых авторов, в конце XIX в. добрую половину изданий на эти темы составляли переводы отобранных комиссиями специалистов сочинений с французского, немецкого и английского языков. В частности, переведенными с европейских языков были издания по таким основным профилям медицины, как эмбриология, детские болезни (ранее таких книг на турецком не существовало), принципы диагностики, внутренние болезни, патология внутренних органов, терапия, военная хирургия, первая помощь больным и раненым. Ряд медицинских изданий был рассчитан на широкого читателя, например популярная серия Бесима Омера о гигиене ребенка, женщины, семьи, брака.

Собственно техническая литература, изданная в конце XIX — начале XX в., была представлена преимущественно трактатами по инженерно-строительному делу, навигационным и астрономическим инструментам, кораблевождению, технике телеграфной и телефонной связи, геодезии и топографии, некоторым областям механики (паровые двигатели, насосы, подъемные устройства), фотографии и технике печати. В конце XIX в. на турецком языке были выпущены первые справочники для инженеров и техников-строителей, специалистов по ремонту судов, железнодорожному транспорту. Литература в этих областях профессиональных знаний еще очень немногочисленна. Но появление подобных изданий в полуфеодальной и полукOLONиальной стране, какой была тогда Турция, отражало прогрессивные тенденции в ее культурном развитии.

Единичными были книги по политической экономии. Одной из них был изданный в 1889 г. перевод «Очерка науки о богатстве» французского историка А. Рамбо, соавтора Э. Лависса по известной «Всемирной истории». Издания тех лет по конкретной экономике представлены почти исключительно книгами и брошюрами по банковскому делу, бухгалтерии, счетоводству, которые были явно предназначены для многочисленного аппарата служащих иностранных финансовых, торговых и иных учреждений.

Из изданий по гуманитарным наукам преобладающее место принадлежало историческим сочинениям, грамматикам и словарям. Цензура практически исключала издание исторических работ, в которых давался бы объективный анализ фактов и событий отечественной или всемирной истории, если их можно было истолковать как критику существующего режима. Поэтому все то, что вышло из-под пера турецких историков, или, вернее, то, что было ими напечатано на территории Турции, начиная с 80-х годов XIX в. до 1908 г., носило описательный или официозный характер. Тем не менее работа, проделанная турецкими историками в ту эпоху, не была напрасной. Исторические труды современников событий, издания и переиздания исторических сочинений прошлых десятилетий и веков способствовали накоплению в турецком обществе знаний по истории, являющихся важнейшим фактором развития культуры и общественного сознания. В свою очередь этот процесс культурно-политического созревания турецкого общества оказал воздействие на турецкую историческую науку. К началу XX в. традиция составления стереотипных хроник окончательно себя изживает.

В 1885 г. было закончено первое издание 12-томной «Истории» Ахмеда Джевдета (ум. в 1895 г.), которое продолжалось 30 лет и охватило период истории Османской империи с 1774 по 1825 г. До 1892 г. этот труд дважды переиздавался полностью и в отдельных извлечениях. От начала до конца он написан в манере старой хроники, но в последних томах Ахмед Джевдет несколько упростил язык изложения. Одновременно с этим писал и издавал свою «Историю» Ахмед Лютфи (ум. в 1907 г.). Семь томов его труда были опубликованы к 1889 г. (они охватили период османской истории с 1825 по 1868 г.), последний, восьмой том напечатал в 1910 г. его преемник Абдурахман Шереф, который, несмотря на свое официальное положение придворного историографа (при Мехмеде V), уже не составлял хроник. Но еще в 1897—1900 гг. он издал свою двухтомную «Историю османского государства», которую некоторые ученые считают «первой научной историей Турции, подготовленной и изданной турком» [293, стр. 405].

Из других исторических изданий того тридцатилетнего

периода наиболее значительными были: «Итоги события» («Негаидж уль-вакуат») Мустафы Нури — многотомный труд по истории османского государства от основания до начала танзимата; давно известный у нас «Трактат Кочибея» («Рисале-и Кочибей», 1886 г.); «Османская военная история» («Тарих-и аскери османи», 1882 г.) Ахмеда Джевада; классические историко-биографические и библиографические собрания Хаджи Хальфы («Кешф уз-зюну», 2 тома, 1893—1894 гг.) и Мехмеда Сюрейи («Сиджил-и османи», 4 тома, 1890—1898 гг.). В конце XIX в. вышли в свет первые шесть томов «Книги путешествия» Эвлии Челеби [163]. Для знакомства турок с исторической географией немаловажное значение имели семитомный «Историко-географический словарь» («Люгат-и тарихе ве джографие», 1882—1883 гг.) Ахмеда Рифата и «Историко-географический словарь османских владений» («Мемалик-и османиенин тарих ве джографья люгаты», 1895—1900 гг.) Али Джевада в четырех частях с картами и иллюстрациями [293, стр. 363—398]. Более многочисленной была литература по всеобщей истории и истории отдельных стран, вышедшая в свет в 1878—1908 гг. В этой части исторических публикаций было немало переводов с западноевропейских языков, были и компиляции. К числу последних относится, в частности, и наиболее обширное сочинение этого рода — шеститомная «Всеобщая история» Мурада Мизанджи, изданная в Стамбуле в 1880—1886 гг. Она излагала историю от сотворения мира до Третьей республики и была единственным в то время изданием, которое давало турецкому читателю на современном уровне исторических знаний общие сведения по древней, средневековой и новой истории основных стран Запада и Востока. Через некоторое время после выхода труд Мизанджи, в котором упоминалось и о революциях против монархов в европейских странах, был запрещен.

В остальном публикация исторических работ по всеобщей истории носила случайный характер. Поскольку выпуск подобных книг никем не направлялся и издавать исторические сочинения, особенно по современности, было делом небезопасным, важнейшие события из истории человечества часто оставались вне поля зрения как авторов, так и издателей. Издания о России были крайне односторонними и изображали ее только как страну агрессивной внешней политики (были выпущены книги о русско-турецких войнах 1828—1829 и 1877—1878 гг. и о русско-японской войне 1904—1905 гг.). Среди книг о Франции преобладали повествования о военных походах Наполеона. Из немецкой истории были переведены трактаты о военных реформах в Пруссии, о франко-прусской войне 1870—1871 гг. В книжных новинках по истории Западного полушария издатели конца XIX в.

предлагали турецкому читателю ту же тему, что и Ибрагим Мутеферрика: в 1881 г. была выпущена книга Османа Халима «Открытие Америки», в 1884 г.—серия брошюр Хафиза Саида о Канаде. Было также издано до десятка книг по истории Финикии, Вавилона, древнего Рима, о скифах и многие десятки книг по истории мусульманского Востока в эпоху средневековья. Таким образом, на родном языке турецкий читатель был лишен возможности приобрести достаточные знания по всемирной истории.

Гораздо меньше цензурные ограничения стесняли издателей в выпуске лингвистической литературы. В последнюю четверть XIX в. в Турции ежегодно издавалось по 20—30 различных грамматик, словарей, самоучителей, разговорников, предназначенных для самообразования, переводческой работы, школьного обучения. Разнообразие изданий в этой области показывает, что попытки реакционного режима ограничить интересы интеллигенции кругом проблем мусульманской культуры и религии встречали сопротивление: новое поколение интеллигентов не представляло себе образованности без знания западноевропейских языков [93, стр. 26]. В изданиях лингвистической литературы в конце XIX—начале XX в. просматриваются одновременно и это подспудное стремление образованного турецкого общества к усвоению буржуазной западной культуры и его тесная связь с традициями и представлениями культуры феодально-мусульманской, которая в Турции всегда была соединена со знанием арабского и персидского языков.

Увеличение числа часов на религиозные предметы в общеобразовательных школах, введение религиозного обучения в специальных учебных заведениях, включая университет, активная поддержка религиозной пропаганды «режимом зулюма» способствовали искусственному повышению спроса на пособия по «языку религии» — арабскому. Хотя главными центрами арабского книгопечатания оставались Каир и Бейрут, литература по арабскому языку для турок издавалась преимущественно в Стамбуле (типографии «Матбаа-и амире», Махмуда, Аракела, Карапета). Среди изданий этой категории преобладали арабские грамматики, арабо-турецкие и турецко-арабские, а также арабские толковые словари. Поскольку в литературном и особенно канцелярском турецком языке той эпохи преобладала арабская и персидская лексика, выпускались также лексиконы, содержавшие наиболее употребительные в турецком языке арабские и персидские слова и обороты с грамматическим комментарием к ним. Судя по изданиям, в большом ходу были арабские письмовники, книги по риторике, языковые комментарии к Корану и наставления по его чтению. В большей своей части эти издания носили служебно-канцелярский характер и не обогаща-

ли турецкую культуру новыми знаниями. В этой отрасли книгопечатания добрую половину публикаций составляли средневековые грамматические трактаты и словари, ходившие до того в списках или уже печатавшиеся ранее. Аналогичными по содержанию были издания по персидскому языку, но их было гораздо меньше. Немалая часть стамбульских изданий на персидском языке предназначалась для самих персов и переправлялась в Иран, где книгопечатание начало развиваться гораздо позже, чем в Турции.

С начала 80-х годов в Турции резко увеличилось число изданий по западноевропейским языкам, в первую очередь французскому, в меньшей мере — английскому и немецкому. Главной причиной этого явления, несомненно, была потребность в учебных пособиях для учащихся частных турецких, инонациональных (христианских) и иностранных школ и коллежей, число которых росло очень заметными темпами [161, стр. 131—147]. Внедрению западных языков в жизнь страны немало способствовали политические факторы, а также культурные симпатии значительной части образованных турок к Европе. В подавляющем большинстве публикации по западноевропейским языкам представляли собой переводы или адаптации учебников, которые использовались для обучения родному языку в учебных заведениях стран Европы. Распространение их в Турции способствовало внедрению более современных методов языкового обучения, которых искали тогда новые турецкие педагоги. Ближе познакомились с развитием лингвистической мысли на Западе и турецкие грамматисты и лексикографы. В отдельные годы издавалось до десяти и более одних только французских языковых пособий. Изучение французского языка было поставлено особенно серьезно. Помимо школьных учебников по французскому языку были опубликованы теоретическая и практическая грамматика Ларусса и Жерара, книги по французскому глаголу, стилистике, омонимии, риторике, специальные пособия для переводчиков, а также разговорники и разнообразные словари. В 80-х годах впервые были напечатаны неоднократно переиздававшиеся турецко-французские и французско-турецкие словари Сами-бея, которые и поныне служат каждому, кто связан с изучением и чтением арабописьменных турецких текстов. На средства американских миссионеров в Турции не раз издавались известные словари Редхауза. С конца 90-х годов несколько увеличилось число публикаций по немецкому языку. В 1890 г. инспектор военных училищ Мехмед Садык-бей напечатал свой учебник русского языка («Русча кыраат муаллими») [129, стр. 47—48].

Известно, что с начала 80-х годов XIX в. в турецкой печати происходил спор между сторонниками ориентации на западную культуру («западниками») и приверженцами куль-

туры восточной («восточниками»). Отголоски этого спора можно видеть и в публикациях по языкам, даже в полемичности их названий, как бы призывающих читателей на свою сторону. «Товарищ, научи меня французскому!» («Аркадаш, бана франсызджа огрет!») — так назвал свой самоучитель французского языка, изданный в 1886 г., Неджиб Асым, преподаватель военных рюштие [127, стр. 56]. «Читай и пиши!» («Оку-йаз!») — приказывало наименование дидактической поэмы в 400 стихах Абу Насра Феррахи, призывавшего к изучению арабского и персидского языков [128, стр. 50].

С 80-х годов XIX в. заметно увеличивается число изданий по турецкому языку. В подавляющем большинстве это были пособия для школ: буквари, грамматики, словари, орфографические справочники и т. п. При всем ограниченном научном значении этих изданий в них отразились попытки турецких грамматистов найти наиболее совершенные формы изложения языкового материала и новые методы обучения родному языку. Несомненно также, что более близкое знакомство турецких педагогов и просветителей с переведенными на турецкий язык грамматиками западных языков давало дополнительный стимул развитию турецкого языкознания. Кроме того, повышение интереса к изучению родного языка подталкивало процесс формирования национального самосознания. В большинстве изданий тех лет родной язык продолжал именоваться османским. Но не менее десятка книг (по библиографии Юара), напечатанных только в 1877—1890 гг., несли на своей обложке название турецкого языка (тюркче, лисан-и тюрки, кавайд-и тюркие, сарф-и тюрки). Такое название дал двум своим школьным грамматикам известный писатель и просветитель Ахмед Расим, так же назвал свое «построенное на принципах европейских грамматик» учебное пособие по турецкому языку Халид Зия [128, стр. 56, 59; 127, стр. 62]. Грамматическая и переводческая работа немало способствовала также совершенствованию и обогащению самого турецкого языка. Среди изданий конца XIX — начала XX в. есть уже не только общие, но и специализированные словари, в частности терминологические, по литературе, технике, математике, праву, медицине, естественной истории и т. д.

Области книгопечатания, о которых говорилось выше, имели очень важное значение в общественно-политической и культурной жизни Турции. Однако наиболее многочисленных читателей имели, конечно, публикации художественной литературы. Турецкая литература последней четверти XIX — начала XX в. представлена немалым числом писателей — прозаиков, поэтов, драматургов, публицистов, имена которых были известны каждому грамотному турку. Некоторые из них продолжали создавать значительные произведения и в

пору мрачной абдулхамидовской реакции⁴. Но далеко не все из того, что было написано турецкими литераторами до и во время «эпохи зулума», издавалось и становилось доступным читателям Турции. Общественная и художественная значимость того или иного произведения и его место среди книжных изданий оказывались нередко даже в обратной зависимости. Так, за 30 лет правления Абдул Хамида ни разу не публиковались пьеса Ибрагима Шинаси «Женитьба поэта»; полная пафоса антифеодальной борьбы, протеста против тирании пьеса Намыка Кемалея «Гюльнихаль»; написанные им в 1873—1874 гг. драмы «Несчастное дитя», «Черная беда», «Акиф-бей», а после 1892 г.—его известная патриотическая пьеса «Родина, или Силистрия». Ни разу не переиздавались также пьесы Абдульхака Хамида, написанные им в 1873—1875 гг., а равно и более поздние: «Нестерен», в которой автор выступил против деспотического режима, была запрещена сразу после выхода в 1877 г.; «Тарик, или завоевание Андалузии» (1879 г.) была переиздана только в 1910 г., «Эшбер» (1880 г.) — в 1922 г. Лишь в 1908 г. вторично увидела свет изданная в 1874 г. патриотическая пьеса Рифата Манастырлы (1851—1907 гг.) «Или победитель, или павший». Эти и многие другие пьесы, пробуждавшие чувства патриотизма, гражданского достоинства и протеста против деспотизма, были исключены из репертуара театров или вообще не допущены к постановке. Много подобных примеров можно привести и из области издания художественных произведений других жанров. Ни разу, например, не были выпущены сборники стихов Намыка Кемалея, в которых он развивал темы свободы, патриотизма, права и законности, а его историко-патриотический роман «Джезми», выдержавший в 1881—1888 гг. три издания, не публиковался затем в течение 30 лет. В 90-х годах XIX в. и в начале XX в. в списках турецких литераторов, произведения которых было запрещено издавать или переиздавать, периодически оказывались Эбуззия Тевфик (высланный в 1900 г. в Конию), Самипашазаде Сезаи, Хюсейн Сийрет, Сулейман Назиф (все трое бежали за границу в 1901 г.), Тевфик Фикрет (его лучшие стихотворения, написанные в 1902—1908 гг., были опубликованы в 1910 г.) и другие писатели из круга «Сервет-и фюнун» [290, стр. 478, 487—493, 501—502, 516, 521, 523].

Характеризуя общее состояние художественной литературы Турции того времени, советские исследователи пишут: «Правящие круги Турции обрушили свой гнев на прогрессивных писателей-публицистов, на писателей-реформистов...

---

⁴ Подробную характеристику литературных процессов и творчества отдельных писателей той эпохи дают труды советских литературоведов: [141; 143; 144; 147; 151].

Придирчивая цензура стала допускать к печати лишь «безобидную» художественную литературу и панегирические выступления, в которых прославлялись султан и его политика. Об истинном положении внутри страны и за ее пределами писать было невозможно» [144, стр. 45]. «Нет больше литературной полемики на грани открытой политической борьбы времен просветительства. В 80-е годы она затухает, в 90-е — сходит на нет. Литература перестала вмешиваться в жизнь, отошла от общественных проблем. Мир замкнулся для писателей кругом чисто литературных интересов» [141, стр. 51—52]. На смену призывам к борьбе за права человека и свободу пришла философия фанатизма и конформизма. Запрещая лучшие художественные произведения, дворец потворствовал изданию и распространению бульварной и даже порнографической литературы [143, стр. 33].

Среди изданий художественной литературы в Турции последней четверти XIX — начала XX в. первые места занимали бытовые, любовные, авантюрно-приключенческие и фантастические романы и повести. И более всего их вышло из-под пера Ахмеда Мидхата, который за свою литературную плодovitость получил прозвище «пишущая машина» («язык машины»). Тематика, которой он себя посвятил, «исключительный политический консерватизм» [294, стр. 282] и, конечно, литературный талант позволили ему быть не только самым плодовитым, но и самым издаваемым автором; по количеству изданий Турция не знает другого такого писателя. В библиографии Мурада Мизанджи за 1876—1890 гг. имя Ахмеда Мидхата встречается 140 раз [249, стр. 102—103]. В списке его печатных произведений насчитывается 51 название научных и популярных книг и очерков (под некоторыми названиями — до 20 отдельных брошюр и выпусков), 68 романов, из которых 29 — переводные, шесть театральных пьес; в разное время он издавал семь газет и журналов и писал во многие другие [218, стр. 15—37]. Только с 1877 по 1891 г. Ахмед Мидхат опубликовал 15 сборников своих новелл в серии «Развлекательные рассказы», а кроме того, до 1899 г. напечатал 33 романа [290, стр. 496—497].

Оценка роли Ахмеда Мидхата в культурной и общественной жизни Турции не может быть однозначной. В среде прогрессивной интеллигенции, активно боровшейся против феодально-деспотического самодержавия, Ахмед Мидхат с каждым годом вызывал все большие недоверие и антипатию. Но у многих читателей он был популярен, они извлекали из сочинений Ахмеда Мидхата сведения и истины, отличные от тех, что могли предложить Коран, рассказы о сорока везирах или приключениях Ходжи Насреддина. Ахмед Мидхат не очень затруднялся в придумывании сюжета, переделывая на свой вкус то, что вышло из-под пера его французских коллег

[290, стр. 496]. Вместе с тем он умел писать занимательно и просто.

Обогащению культурной жизни Турции много способствовали также издания тех турецких литераторов, которые в последней четверти XIX — начале XX в. находились или вступали в пору своей творческой зрелости. Наиболее крупными из них были поэты и прозаики Абдулхак Хамид, Реджаизаде Махмуд Экрем, Муаллим Наджи, Исмаил Сафа, Тевфик Фикрет, Дженаб Шехабеддин, Али Экрем, Мехмед Эмин, Халид Зия, Мехмед Рауф, Хюсейн Рахми, Самипашазаде Сезаи, писатели-очеркисты и журналисты Эбуззия Тевфик и Ахмед Расим. Писательская и издательская деятельность большинства из них не раз испытывала на себе тяжелую руку Абдул Хамида и его присных. Однако она открывала перед турецким обществом новые горизонты знаний, приучала его к чтению нерелигиозной литературы [294, стр. 278]. Она поддерживала подспудное существование тех прогрессивных идей, которые открыто провозглашали Ибрагим Шинаси, Намык Кемаль и их сподвижники по 60—70-м годам и которые на рубеже XIX и XX вв. вновь стали овладевать умами турецкой интеллигенции и звать ее к действию.

В изданиях той эпохи значительное место занимали переводы художественных произведений европейских прозаиков и драматургов. Видя отставание и бедственное положение собственной страны, турецкая интеллигенция стремилась как можно больше узнать о том, что представляют собой буржуазные общества Запада с их более высоким уровнем экономического развития и культуры. В условиях, когда публикация и распространение исторических и научных исследований по этим вопросам были запрещены, а поездки в Европу для обучения и иных целей резко сократились, чтение художественных произведений европейских писателей оставалось для многих турок единственным каналом информации. Увлечение западной литературой было своеобразной реакцией турецкой интеллигенции на тиранию феодально-теократического, деспотического режима. «Никогда Запад так не идеализировался,— пишет турецкий историк Н. Беркес,— как в сознании интеллигенции хамидовской эпохи. В глазах (турецких.— А. Ж.) интеллектуалов Запад был миром свободы, благополучия, личного достоинства граждан, миром разума, порядка, красоты и искусства... Молодое поколение чувствовало отвращение к окружающей его действительности и к прошлому; молодежь видела свою Утопию в „стране огней“ — Европе... Угнетенное поколение читало европейскую литературу без разбору, глотало ее как голодные дети хлеб. Без сомнения, там было много неудобоваримого, но в то же время подготавливало почву для мятежа» [294, стр. 292].

До конца 70-х годов на турецкий язык было переведено

едва ли более десяти романов (в том числе «Отверженные» Гюго) и некоторые комедии Мольера. Но в целом образованные турки периода либерально-конституционного движения и читали и переводили больше философские и политические трактаты европейских просветителей, у которых они искали ответа на злободневные политические вопросы. После поражения конституционного движения, напротив, резко возросло число публикаций переведенных на турецкий язык художественных произведений европейских писателей. Среди изданий 80—90-х годов наиболее значительными были: «Илиада» Гомера («Песнь первая», 1886 г.), «Зимняя сказка» (1882 г.), «Венецианский купец» (1884 г.), «Ромео и Джульетта» (1885 г.) и «Комедия ошибок» (1885 г.) Шекспира; «Досада от любви» (1881 г.) и «Проделки Скапена» (1882 г.) Мольера; роман «Жизнь холостяка» (1881 г.) и драма «Мачеха» (1886 г.) Бальзака; романы «Последний день приговоренного» (1888 г.), «Нищий Клод» (1886 г.) и драма «Бургграфы» (турецкое название «Феодалы», 1881 г.) Гюго; «Манон Леско» (1880 г.) Прево; отрывки из произведений Флобера, Золя, Байрона, Гёте, Шиллера [124—129]. В 90-х годах были напечатаны переводы из прозы Пушкина (в частности, «Метель»), Тургенева, несколько рассказов Льва Толстого [см. 175]. В целом, однако, число изданий литературных произведений такого масштаба было невелико. Новая турецкая культура была слишком молода, чтобы турецкий читатель мог по достоинству оценить их. Не лучшим образом сказывались на достоинствах литературных творений великих мастеров неопытность, малая культура или бесцеремонность переводчиков и издателей. Часто случалось, что они перекраивали произведения по своему вкусу: «Зимняя сказка» Шекспира была превращена в роман; в виде занимательных новелл издавались комедии Мольера. Кроме того, лучшие произведения мировой литературы нередко запрещались турецкой цензурой.

Очень большой популярностью у турецких читателей пользовалась беллетристика обоих Дюма. Частные издательства печатали в виде серий (по одному выпуску в неделю) «Адмирала Бинга», «Трех мушкетеров», «Двадцать лет спустя», «1001 привидение», «Войну женщин», «Даму с камелиями», «Графа Монте-Кристо», «Пакет писем», «Цезарину», «Ящик серебра» и многие другие. Столь же ходко шли научно-фантастические и приключенческие романы Жюль Верна — «Приключения капитана Гаттераса», «80 тысяч километров под водой» (турецкое название «Наутилус»), «Из пушки на Луну» и т. д.

В октябре 1890 г. К. Юар писал, что публикация переводных романов, особенно французских, занимает первое место в изданиях турецкой печати и книжный рынок забит ими

так, что уже невозможно уследить за всем, что выходит в свет [129, стр. 2]. По его же данным, в 1889—1890 гг. число таких изданий составило не менее 76, в то время как за десять лет до этого выходило не более десятка переводных романов ежегодно. В своем подавляющем большинстве это была сентиментально-мещанская или авантюрно-приключенческая литература, вышедшая из-под бойкого пера модных европейских писателей: Эжена Сю, Поля де Кока, Эмиля Ришбурга, Ксавье де Монтепена, Ф. Сули, Жоржа Оне, Эмиля Габорио, Эдмона Тарбе, Гектора Мало, Октава Фёйе и т. д. Из известных турецких литераторов переводом и изданием книг этих авторов больше всех занимались Ахмед Мидхат, Шемседдин Сами-бей, Ахмед Расим, Хюсейн Рахми [290, стр. 499; 294, стр. 279]. Как видно из воспоминаний современника, французские «чувственные» и приключенческие романы пользовались большим спросом на книжном рынке Турции вплоть до революции 1908 г., и их переводами зарабатывали себе на жизнь многие молодые турки [93, стр. 30].

Публикация переводных произведений европейской литературы разных жанров и направлений, несмотря на все различия в их художественных достоинствах, несомненно способствовала расширению круга читателей и их кругозора, хотя в Турцию далеко не всегда проникало лучшее из того, чем располагала культура буржуазного Запада.

Важным новым явлением в книгопечатании Турции, возникшим в 80-х годах XIX в., было издание тематических или энциклопедических серий [см. 107; 124—129], предназначенных для самого широкого круга читателей. Такие серии обычно носили название «Библиотек», и чаще всего их составляли литераторы, журналисты и историки. Наиболее известными составителями и издателями «Библиотек» были Эбуззия Тевфик, Шемседдин Сами-бей, Ахмед Мидхат, Хамид Вехби, Ахмед Расим, а также печатники и книготорговцы Аракел и Михран.

Первым и вместе с тем весьма значительным изданием подобного рода была «Карманная библиотека» («Джеб кютюпханеси»). Ее основали около 1880 г. Шемседдин Сами-бей и Эбуззия Тевфик; к ним вскоре присоединились известный своими прогрессивными взглядами врач и литератор Бешир Фауд (ум. в 1887 г.) и его менее известный коллега Бесим Омер. В 80-х годах они напечатали в издательстве «Михран» около 30 брошюр (по 100 страниц каждая, цена 4—5 курушей), в том числе «Мусульманская цивилизация», «Мифы», «Женщины», «Небо», «Земля», «Человек», «Язык», «Пословицы» и «Рассказы» — все Шемседдина Сами-бея; четыре выпуска хрестоматии по турецкой литературе XIX в. Эбуззии Тевфика, очерк о творчестве Гюго и брошюру «Род человеческий» Бешира Фуада.

Иной характер и назначение имела серия «Знаменитые люди ислама» («Мешахир-и ислам»), которую издавал с 1883 г. Михран. Она была задумана в 100 выпусках (по 2 куруша за каждый), но вышла лишь половина из них. В небольших брошюрках (30—50 страниц), написанных главным редактором газеты «Тарик» («Путь») Хамидом Вехби, были изложены биографические очерки правителей разных мусульманских стран и династий, крупнейших ученых, поэтов, полководцев.

На более зрелого читателя была рассчитана «Османская библиотека» («Османлы кютюпханеси») Аракела, издававшаяся во второй половине 80-х годов. В ней были напечатаны очерк Бешира Фуада «Вольтер», двухтомник «Нравы разных народов» Саид-бея и Ахмеда Расима, очерк последнего «Прогресс арабской цивилизации», сборник поэзии Саади и более десятка других. В «Новой библиотеке» («Ени кютюпханеси») в 1885—1886 гг. была напечатана серия популярных историко-географических очерков по странам. В 80—90-х годах издавались «Библиотеки» для школьников, «Детская библиотека» и «Библиотека земледельца» («Кютюпхане-и зюрра»).

В пропаганде популярной книги в Турции последних двух десятилетий XIX в. наибольшая заслуга принадлежит Эбуззие Тевфику. «Этот человек, прекрасно понимавший трудность приобретения культурных знаний, в тот, самый суровый период думал о том, чтобы каждому — сначала понемногу, по зернышку — привить вкус к чтению, к знакомству с цивилизацией, он хотел, чтобы у каждого возникло желание стать владельцем маленькой библиотечки» [222, стр. 72]. О составлении и издании такой библиотеки Эбуззия Тевфик начал думать еще в родосской тюрьме, где он провел последние три года царствования Абдул Азиза. После он работал в комиссии по составлению конституции, был начальником почтовой службы в Боснии. Возвратившись в Стамбул, Эбуззия Тевфик начал 10 августа 1880 г. издавать свой журнал «Меджмуа-и Эбуззия» («Журнал Эбуззии»), в котором печатал материалы о жизни и творчестве крупнейших турецких писателей и общественных деятелей. Этот журнал, имевший некоторый философский уклон, с перерывами в 1888—1896 гг. выходил до конца века [259, стр. 29, 68—69].

Но основным изданием Эбуззии Тевфика в эти годы были его популярные «Библиотеки». В 1882 г. он предпринял издание «Библиотеки знаменитых людей» («Кютюпхане-и мешахир»), которое продолжалось несколько лет. В этой серии брошюр (по 60 пара за каждую) были напечатаны биографические очерки Ибн Сины, Бенджамина Франклина, Наполеона, Диогена, Галилея, Хасана ибн Саббаха, Гутенберга, Эзопа, Харун ар-Рашида и др. [126, стр. 52]. На смену ей

в 1886 г. пришла «Библиотека Эбуззии» («Кютюпхане-и Эбуззия»). В этой серии, выходящей до 1894 г., было опубликовано 108 брошюр. Часть из них была написана или адаптирована самим издателем, остальные подготовлены или переведены по его заказам другими лицами. Среди авторов его изданий были Намык Кемаль, Муаллим Наджи, Ахмед Расим, Махмуд Экрем. В «Библиотеке Эбуззии» были напечатаны пять сборников статей из «Тасвир-и эфкяр» того периода, когда ею руководили Ибрагим Шинаси и Намык Кемаль; очерки жизни и творчества виднейших классиков мусульманской поэзии; публицистические и исторические сочинения Намыка Кемалья, в частности «Разрушение руин» («Тахриб-и харабат»), где он выступал против Зия-бея и преклонения перед диванной литературой; очерки из истории отношений Турции с европейскими государствами в новое время; беседы на темы науки и техники. Из сочинений французских просветителей и писателей вновь был переиздан фенелоновский «Телемак», напечатаны отрывки из Руссо, «Тартюф» Мольера (два издания). Некоторые из уже называвшихся выше изданий европейской художественной литературы (в том числе «Комедия ошибок», «Нищий Клод») появились впервые именно в «Библиотеке Эбуззии». Две брошюры были посвящены истории иезуитов (одна — перевод из Лео Таксила) и две — истории инквизиции. В этой серии был напечатан также ряд биографических очерков, частично уже публиковавшихся в «Библиотеке знаменитых людей» [222, стр. 71—76].

«Библиотека Эбуззии» не была политическим изданием. Однако многие ее брошюры напоминали об именах и событиях, которые в 90-х годах XIX в. стали в Турции одиозными. Не критикуя положение в стране, Эбуззия Тевфик вместе с тем воздерживался и от публикации панегириков режиму, а это в глазах властей было непростительной дерзостью. 15 апреля 1900 г. по ложному доносу он был выслан в Конию. Там его дом стал литературным клубом, но возобновить свою издательскую деятельность Эбуззия Тевфик смог только после младотурецкой революции 1908 г.

Ожесточение полицейских и цензурных преследований в начале XX в. привело к упадку книгопечатания в Турции. Если в середине 80-х годов ежегодно издавалось не менее 250 новых книг, то в 1900 г. книжная цензура дала разрешение на публикацию 150 книг, а в 1903 г.— 126. Фактически же, как отмечает С. Искит, печаталось не более двух третей этого количества, да и то большую часть изданий составляли тогда календари [249, стр. 126—127].

Сокращение книгопечатания внутри страны, закрытие ряда издательств, фактическое запрещение провоза через границу любых иностранных публикаций, сожжение «вред-

ной» литературы в печах, аресты и высылки писателей и издателей — все это было закономерным следствием политики реакционного самодержавно-деспотического режима, который всеми средствами пытался остановить надвигающуюся революцию.

* * *

Переходя к характеристике турецкой периодической печати, необходимо прежде всего обрисовать ту систему управления ею, которая была порождена «режимом зулюма». Очевидно, что многие цензурные ограничения (запретительные списки, правила распространения, ограничения на провоз и пересылку из-за границы), действовавшие в отношении книгопечатания, автоматически распространялись и на прессу. Вместе с тем режим управления прессой имел свои особенности, как юридические, так и фактические.

Официальных законоположений о предварительной цензуре политической прессы за 30 лет «зулюма» опубликовано не было. Формально сохранял свою силу закон о печати 1864 г., но в нем о цензуре прямо не говорилось. Постановление 1867 г. считалось «временным». Время от времени появлялись постановления, стеснявшие свободу прессы, но они имели всегда ограниченное значение. В 1881 г. Порта опубликовала «Напоминание» о том, что в газетах не могут быть опубликованы письма и документы без подписи или под псевдонимом [76, 10.VIII.1881]. В сентябре 1885 г. она напомнила редакциям газет, что газетные приложения могут содержать только официальный материал [101, стр. 327]. В законах 1888 и 1894 гг. о типографиях непосредственное отношение к периодике имело лишь требование к уличным торговцам не выкрикивать при продаже газет их содержание.

В действительности еще в 1878 г. был установлен полный контроль над политической прессой, а в 1882 г. он был распространен на все научные и литературные периодические издания [250, стр. 98]. По указанию султана в мае 1884 г. Департамент печати был реорганизован, и на его основе было создано два учреждения. Главным из них был Департамент по делам внутренней печати, который занимался всей местной периодикой на языках народов Османской империи и осуществлял общий надзор и руководство всеми делами по печати в стране. Его директор имел несколько заместителей и главных цензоров по изданиям на турецком, арабском, персидском, греческом, армянском, болгарском и сербском языках, а также для инспекции театров и типографий [250, стр. 108—114].

Вторым учреждением был Департамент по делам иностранной печати. Как сообщала 14 мая 1884 г. «Ля Тюрки»,

этот департамент был создан для того, чтобы «поставлять серьезную информацию корреспондентам иностранных газет в Константинополе», «руководить местной прессой, предоставляя в ее распоряжение политические и иные сведения, в которых она будет нуждаться», в частности «указывать ей статьи в европейской прессе, перепечатка которых могла бы оказать зловредное влияние на умы, а также рекомендовать ее вниманию статьи, публикация которых в Константинополе послужила бы на пользу стране». Венская газета «Политише корреспондентц» 19 мая 1884 г. писала, что редакторы турецких газет были предупреждены о личной ответственности за публикацию любых переводов из иностранной прессы без разрешения этого департамента.

В повседневной деятельности турецкие журналисты обязаны были руководствоваться теми конкретными инструкциями и указаниями, которые им сообщали в устной форме министр просвещения, главы департаментов печати и начальник канцелярии Йылдыз-киоска (султанского дворца). Со временем эти инструкции приобрели вид неких «Правил», которые имели силу закона как для журналистов, так и для цензоров. Эти «Правила» предписывали владельцам и редакторам газет:

«1. Отдавать предпочтение новостям о драгоценном здоровье султана, о состоянии урожая, развитии торговли и промышленности имперских областей.

2. Не публиковать никаких статей и литературных материалов, пока министр просвещения не подтвердит, что они не представляют вреда с точки зрения морали.

3. Не помещать слишком длинных литературных или научных статей, которые не могут быть напечатаны в одном номере, и избегать слов „продолжение следует“ или „продолжение завтра“».

4. Особенно избегать пропусков или многоточий в пределах одной статьи, потому что такой способ набора вызывает досадные подозрения и нарушает спокойствие в умах.

5. Самым тщательным образом избегать любых персональных вопросов, и, если вам вдруг скажут, что такой-то губернатор или мутесарриф обвиняется в хищении, взяточничестве, убийстве или другом заслуживающем осуждения действии, заявите, что достоверность этого не может быть доказана, и ни в коем случае не разрешайте печатать это.

6. Категорически запрещается печатать петиции частных лиц или провинциальных общин с жалобами на имя султана о злоупотреблениях властей.

7. Запрещается упоминать некоторые названия, относящиеся к области истории и географии.

8. Ни под каким видом не могут быть помещены публи-

кации о покушениях на иностранных правителей с целью их убийства, в какой бы форме ни предпринимались такие попытки, как и о мятежах и бунтах, которые могут случиться в зарубежных странах; потому что нашему лояльному и мирному населению знать о них ни к чему.

9. Не упоминать об этих правилах на страницах газет, поскольку это могло бы спровоцировать критику или неуместные возражения со стороны некоторых испорченных умов» [250, стр. 131—132].

Воспроизводя этот документ, П. Феш замечает, что «он прекрасно синтезирует мысль Абдул Хамида и его шпионов, которую они ретиво применяли на практике» [294, стр. 54]. Подписавший его начальник канцелярии Йылдыз-киоска Тахсин-паша подчеркивал, что отступление газет от «высочайших пожеланий» грозило им закрытием [20, стр. 118].

Современник П. Феша и Тахсин-паши русский исследователь И. И. Голобородько, писавший свои очерки по горячим следам событий тех лет, отмечал, что турецкая цензура «не ограничивалась недопущением к печати противозаконных, или оппозиционных, или даже просто „не согласных с видами правительства“ статей и заметок... Она давала газетам постоянные инструкции о том, какого им направления держаться в данном вопросе, запрещала печатать одни статьи и предписывала печатать другие, хотя бы они принципиально расходились со взглядами редакции» [150, стр. 115]. От том же пишет в своем исследовании и С. Искит: «Местные и иностранные газеты прочитывали в высочайшем совете при султানে, каждый день владельцы газет получали через Департамент печати директивы, переданные из Йылдыз-киоска, и действовали в полном соответствии с ними. Статьи, написанные в рамках этих директив, и отпечатанные колонки информационных сообщений отсылались в Департамент печати, где цензор изучал, вычеркивал, изымал, изменял и, подписав, отправлял их в редакции. Эти материалы надлежало печатать слово в слово, буква в букву. Порой случалось, что чиновники считали необходимым держать цензуру дважды» [250, стр. 99]. Оказавшись под контролем цензуры, турецкая пресса времен Абдул Хамида, как отмечал русский драгоман в Стамбуле, «совершенно не могла касаться ни внутренней, ни внешней политики правительства; ей предоставлялось только в самых униженных выражениях пресмыкаться перед султаном» [169, стр. 4].

Наряду с насилием, жестоким, продуманным и систематическим террором в отношении печати правительство Абдул Хамида широко практиковало также подкуп писателей, журналистов, издателей и печатных агентств как внутри империи, так и за ее пределами. Естественно, что политика пряника чаще применялась тогда, когда меры устрашения

были недействительны, а именно: для подкупа иностранных журналистов и издателей иностранных газет, выходивших на территории Турции, для того, чтобы склонить в пользу Порты журналистов и газеты за рубежом, наконец, для того, чтобы заставить отказаться от антиправительственных и особенно от антисултанских выступлений тех турецких журналистов, которые находились в эмиграции. Вместе с тем регулярное содержание от правительства получал и ряд местных турецких (и нетурецких) периодических органов, и суммы этих ассигнований дозировались в зависимости от степени их угодливости и «пользы».

Ассигнования на подкуп местной и иностранной печати при Абдул Хамиде II составляли весьма значительные суммы. Субсидии, предназначенные для подкупа печати, выдавались из разных источников. Из личной казны султана ежемесячно выделялось 2,6 тыс. золотых лир только на подкуп европейских газет и оплату тайных агентов. Некоторые иностранные газеты получали в год до 40 тыс. фр. (1 лира = 23 фр.). Согласно одному документу от 24 сентября 1890 г., из бюджета министерства иностранных дел было выделено свыше 6,7 тыс. золотых лир единовременных ассигнований на подкуп газет и журналистов. В соответствии с прилагаемой платежной росписью 221 027 курушей (100 курушей = 1 лире) было переведено через Османский банк на счета зарубежных газет, в том числе французским газетам «Либерте» — 750 фр., «Вольтер» — 1 тыс. фр., «Републик» — 1 тыс. фр. и т. д. [216, стр. 149]. Чтобы привлечь на свою сторону иностранную прессу, султан делал большие заказы на подписку некоторых ведущих газет Европы (отнюдь не для их распространения), приобретал их акции [250, стр. 106].

Абдул Хамид II крайне болезненно реагировал на любую критику в иностранной прессе. Когда в ней появлялись неудобные ему материалы, он приходил в неистовство и нередко требовал от своих посольств, чтобы они добивались привлечения критиков к ответственности «за клевету». Зная об этой особенности повелителя, посольства переставали посылать Порте подробные обзоры материалов иностранной печати, ограничиваясь краткими аннотациями [216, стр. 151]. «Важнейшей обязанностью османских послов,— пишет Э. Карал,— было заставить прессу тех стран, где они находились, отказаться писать против султана и добиться ее расположения к нему» [253, т. VIII, стр. 414]. Если же это не удавалось, посольства должны были скупать «вредные» издания и уничтожать их на месте. Для этого им также выделялись соответствующие суммы. Об этой «деятельности» турецких посольств знала не только продажная пишущая братия. Ее превращали в источник дохода и заведомые проходимцы. «Некоторые авантюристы,— пишет Н. Баноглу,— знавшие о бо-

лезненной подозрительности султана, выпускали брошюру и газету размером в ладонь, писали статьи против Абдул Хамида и затем ждали представителей турецкого министерства иностранных дел, и те должны были им кланяться и отваливать кошельки золотых монет, чтобы заставить их молчать, и добивались своего» [216, стр. 150]. Иные же не ждали и сами являлись в турецкие посольства, чтобы потребовать денег за свои сочинения, в которых они критиковали султана [250, стр. 106]. Шантаж турецких представительств иностранными сочинителями с целью вымогательства стал в конце XIX — начале XX в. явлением весьма распространенным [215, стр. 59 и сл.]. Помимо звонкой монеты султан щедро осыпал иностранных издателей и журналистов османскими орденами [296, стр. 70].

Но если зарубежные газеты получали от султана взятки эпизодически, то местная пресса находилась у него на постоянном содержании. Эта система распространялась на газеты как османских, так и иностранных подданных. Согласно уже упоминавшейся расчетной ведомости от 24 сентября 1890 г., начальник протокольного отдела министерства иностранных дел Мюнир-бей вручил издателю выходившей в Стамбуле французской газеты «Левант Геральд» (печаталась на французском и английском языках) 100 тыс. курушей, французской же «Истанбул» — 24 тыс. курушей и, кроме того, 3,9 тыс. курушей роздал проживавшим в Стамбуле корреспондентам иностранных газет. Местной газете греческого патриарха «Бизантис», по тем же данным, было выделено 30 тыс. курушей [216, стр. 149]. Конечно, издателей местных иностранных газет не обходили и при раздаче орденов.

Из турецких газет наибольшей благосклонностью султана и казны пользовались официозы, а из частных — «Саадет» («Счастье») Мехмед-эфенди и «Терджюман-и хакикат» («Толкователь истины») Ахмеда Мидхата. По тому же списку правительственная газета «Ля Тюрки» (на французском языке) получила 84 160 курушей, «Саадет» — 36 тыс., а газета Ахмеда Мидхата — 120 тыс. курушей. Эта же сумма была выделена «Терджюман-и хакикат» по распоряжению султана министром внутренних дел от 9 февраля 1908 г. и, видимо, была постоянной. 10 тыс. курушей получил в 1884 г. из султанской казны издатель «Тарик» Филип-эфенди. Примерно столько же «благодаря монаршей милости» получал журнал «Мусаввер джихан» («Мир в иллюстрациях»). Получение правительственных дотаций вошло у владельцев частных газет в привычку. Так, например, в январе 1905 г. издатель «Саадет» напомнил великому везиру Мехмеду Ферид-паше, что газета еще не получила причитающейся ей очередной суммы [215, стр. 7; 216, стр. 147—149].

Независимо от того, применял ли Абдул Хамид в отно-

шении периодической печати политику кнута или пряника, цель у него была одна: сделать все газеты и журналы Турции официально-рабочими органами. В обстановке разгрома феодально-деспотической реакции и посприятия всех норм законности прогрессивное общественное мнение Турции на многие годы было задавлено, передовые силы турецкого общества лишились возможности иметь свою печать. Как отмечал Селим Нюзхет, «эпоха зулюма» была в истории турецкой прессы «самой тусклой и безжизненной», выходившие тогда газеты являлись жалкими листками [266, стр. 77].

Поскольку турецкие газеты, как правило, совершенно не высказывались о внешней и внутренней политике Порты, а печатали лишь то, что было им велено, султанские власти, казалось бы, не могли иметь даже поводов для репрессий. На деле, однако, никакое угодничество турецкой прессы и журналистов не застраховывало их от преследований. Мотивы закрытия периодических изданий в «эпоху зулюма» обычно были самыми мелочными, они свидетельствуют о том, сколь далекой от какого-либо политического протеста была турецкая пресса того времени.

Правда, в самом начале 80-х годов XIX в. отдельные газеты еще пытались выражать недовольство, но не режимом, а чиновниками султанской администрации. Например, в начале 1884 г. «Вақыт» высказала несколько неслестных слов в адрес начальника стамбульской полиции Бахри-паши. За это, как сообщала 25 февраля 1884 г. «Нёйе фрейе прессе», она была закрыта. Тогда же великий везир Мехмед Саид-паша предупредил печать, что ей не будет позволено «выступать с необоснованными жалобами на чиновников». Но если «Вақыт» была запрещена за критику, то во многих других случаях властям достаточно было только ее призрака.

В начале 1883 г. бывший министр просвещения Мюниф-паша возобновил издание своего журнала «Меджмуа-и фюнун». В его первом номере был напечатан невинный рассказ «Светлячок и путник». По-турецки светлячок — «йылдыз-бёджеги», что в буквальном переводе значит «звезда-букашка». Нашлись доброхоты, усмотревшие в этом сочетании желание унижить хозяина Йылдыз-киоска. Журнал был немедленно закрыт, а министр просвещения и цензура — строго предупреждены [250, стр. 100—101]. Слово «йылдыз» после этого случая попало в запретительные списки, и печати разрешалось им пользоваться только для обозначения резиденции султана. Видимо, по аналогии было запрещено писать и о другом насекомом — кобылке, по-турецки «агустос бёджеги», что значит «августовская булашка», так как время ее вылета приходится на август, когда (в 1876 г.) вступил на трон Абдул Хамид [307, стр. 380].

Среди турецких газет, закрытых при разгоне османского

парламента в марте 1878 г., был и правительственный офицероз «Таквим-и векаи». Прошло 13 лет. В марте 1891 г. по рекомендации специальной комиссии Департамента печати и министерства внутренних дел и под строгим их наблюдением выпуск «Таквим-и векаи» возобновился. В мае 1892 г. в газете была напечатана информация о награждении 12-летней голландской принцессы турецким орденом. При этом вместо слова «ита» (вручение) было напечатано «хата» (ошибка). Опечатку заметил мелкий чиновник из министерства внутренних дел и написал «джурнал» о том, что газета считает «ошибкой награждение 12-летнего ребенка орденом». Газету тут же закрыли (она возобновилась только 1 сентября 1908 г.), начальник Департамента печати лишился поста, а доносчик был вскоре назначен губернатором Кастамону [250, стр. 85, 104—105].

При наборе арабским шрифтом сходные опечатки не были редкостью. Так, в газете «Сабах» выражение «величественный (шевкетлю) падишах» из-за выпадения буквы «лям» читалось как «тот скверный (шу кётю) падишах». Ее приостановили. Газета «Икдам» («Упорство») была приостановлена однажды за то, что в описании фейерверка, устроенного по случаю годовщины восшествия Абдул Хамида II на престол, допустила аналогичную погрешность в наборе: словосочетание «счастливая ночь» (лейле-и мес'уде) из-за отсутствия буквы «айн» превратилось в «темную ночь» (лейле-и месуде) [93, стр. 103—105]. Между тем, как пишет С. Искит, «в дни рождения или восшествия на престол, а равно в дни пятничных молитв газеты в самом начале первой полосы печатали панегирики султану, писали о процветании и прогрессе страны, о счастье народа, вставляли длиннейшие молитвы за здравие падишаха, а имя его превозносило, сопровождаемое такими эпитетами, как „величественный“, „наместник пророка“, „султан султанов“, „тень аллаха над миром“, „эмир правоверных“ и т. п.» [250, стр. 101]. Ошибки в титулатуре, неточности в таких статьях могли стоить журналисту свободы, если не головы. Практика суровых преследований за опечатки, особенно в официальных материалах, заставила издателей заготовить целый набор штампов, которые по мере надобности печатались без изменений из номера в номер. Тем самым издатели старались уберечь себя и свои газеты от неминуемой кары. Газета, однажды закрытая или приостановленная, могла появиться вновь только с личного разрешения султана. В условиях, когда существование газеты зависело от ничтожной технической ошибки, газетный корректор стал второй после главного редактора фигурой в издательстве. Опытный корректор в газете получал самое высокое жалованье [289, стр. 81—82].

Случалось, что не только для изъятия статьи, но и запре-

щения газеты достаточно было невежества цензора. Однажды издававшаяся в Стамбуле персидская газета «Ахтар» напечатала панегирик султану Абдул Хамиду II, употребив при этом выражение, которое цензор понял как «конец дома Османова», в то время как в действительности это означало «величие дома Османова». Газета была тут же закрыта. Для ее возобновления понадобилось вмешательство персидского посла и заключение министра юстиции Риза-паши — знатока персидского языка [215, стр. 43—44].

Много хлопот издателям газет и журналов доставляли запретительные списки. Число слов и тем, которые нельзя было упоминать, все время росло. От журналистов требовалось не только умение писать, но и искусство перефразировать. Иногда эта перефразировка была внешне безобидной. Так, в 1904 г. по турецким газетам прошло сообщение, что в Бурсе отремонтирована «священная мечеть, пристанище рая отца султана Мехмеда Фатиха» [266, стр. 77]. Проще было написать, что отремонтирована мечеть Мурада II, но это имя находилось под запретом. Кроме того, журналисты выдумывали обороты, способные заставить читателя читать между строк. Нередко это делалось, когда газеты хотели дать понять, что пишут заведомую ложь. Одним из таких кодовых выражений были слова «естественная смерть», которые особенно настойчиво употреблялись в отношении видных особ, ставших жертвой мести или политического покушения. Убийство сербского короля Александра Обреновича и королевы Драги (29 мая 1903 г.), организованное сербской радикальной партией, турецкие газеты объявили «естественной смертью» от «несварения желудка». Они утверждали, что убитый анархистом Казерио французский президент Карно (24 июня 1894 г.) скончался от апоплексии, а застреленный другим анархистом президент США Мак-Кинли (14 сентября 1901 г.) умер от карбункула и т. п. [266, стр. 77; 289, стр. 82; 296, стр. 54].

В равной мере лжеинформация распространялась и на внутренние дела. Как отмечает свидетель тех лет, турецкие читатели по опыту знали, что, если газеты упорно сообщали о благополучии в каком-нибудь городе или местности империи, значит, дела там плохи [289, стр. 81]. Известно, что в конце своего царствования Абдул Хамид впал в психическое расстройство, которое было усилено постоянным страхом перед политической оппозицией и террористами, боязнью расплаты за те кровавые преступления, которые он совершил. Когда в народ просочились слухи о том, что султан болен и к нему приехал личный врач германского императора Вильгельма II — Бергман, турецкой прессе было приказано писать, что падишах здоров, а Бергмана изображать туристом, прибывшим полюбоваться Босфором [296, стр. 54].

Таковы были режим и условия существования прессы при «зулюме». Обратимся теперь к характеристике важнейших изданий внутренней турецкой периодики в период с весны 1878 до лета 1908 г.

После разгона парламента правительство и султан повели курс на резкое сокращение числа газет и журналов. В 1878 г. в Турции было дано разрешение на издание шести новых турецких газет [в том числе «Терджюман-и Шарк» («Толкователь Востока»), «Терджюман-и хакикат», «Меджмуа-и Шарк» («Восточный журнал»), «Селямет» («Благополучие»), «Умран» («Процветание»)], в 1879 г.— трех и в 1880 г.— одной. С 1878 по 1881 г. появилось около 20 журналов — литературных, научно-популярных, прикладных [266, стр. 88—92]. Однако в 80-х годах многие органы периодики прекратили свое существование. По данным Ахмеда Эмина, к 1891 г. в Стамбуле осталось 15 газет и журналов на турецком языке и 28 — на других языках, в том числе на армянском — 9 (во время резни 1895—1896 гг. почти все они были закрыты), на греческом — 8, на болгарском — 1, на еврейском — 3, остальные — на западноевропейских языках [289, стр. 75]. Важнейшими газетами, выходившими тогда в Турции, были «Терджюман-и хакикат», «Тарик», «Саадет» и «Сабах». На начало 1907 г. в Стамбуле, по списку П. Феша, публиковалось 48 периодических изданий (включая бюллетени торговых палат), в том числе 10 иностранных, а из местных — 12 турецких, 11 греческих, 13 на армянском языке, 2 на испаньольском [296, стр. 62—68]. Наиболее крупными ежедневными газетами на турецком языке были тогда «Икдам», «Сабах» и «Терджюман-и хакикат». Вообще же число выходивших газет по отдельным годам сильно колебалось. Бывали годы (1895—1897), когда правительство не выдавало ни одного разрешения на издание новой газеты. За 30 лет «зулюма» не было выдано ни одного разрешения на издание юмористических и сатирических газет и журналов [248, стр. 56—57]. Под запретом находилось даже чтение сатирико-юмористических изданий прошлых лет, особенно газеты «Хаяль». «В настоящее время сохранение в доме экземпляра этой отважной газеты,— писал в 1907 г. П. Феш,— рассматривается как преступление. Очень редкие ее коллекции, которые еще существуют, заботливо хранятся в старых семейных сундуках» [296, стр. 38].

Газетно-журнальные фонды советских, главным образом ленинградских, библиотек, а также турецкие публикации (справочники и исследования) предоставляют возможность дать характеристику материалов основных периодических изданий «эпохи зулюма», к которым, на наш взгляд, следует отнести газеты «Вақыт», «Тарик», «Терджюман-и хакикат», «Саадет», «Сабах», «Икдам» и журнал «Сервет-и фюнун».

Даже беглый просмотр главных органов турецкой периодики тех лет убеждает в том, что она делала успехи в форме подачи материала и манере его изложения. Постепенно исчезали статьи без заголовков. Информация стала группироваться более строго, и каждая рубрика получила свое определенное место. Улучшилось качество печати и бумаги, вместо слепых прежде рисунков на страницах газет появились фотографии, и число иллюстрированных изданий заметно возросло. Постепенно уходили в прошлое заумные, тягучие фразы, столь характерные для турецкой печати еще недавнего прошлого. Язык прессы определенно упрощался, становился более доступным.

Внешнее влияние европейской прессы турецкая печать тех лет испытала на себе и в части содержания. Как справедливо заметил советский исследователь печати современной Турции А. Х. Ибрагимов, в некоторых газетах той поры были «ясно видны зачатки той самой „объективности“, которой так любит похвастаться современная буржуазная, так называемая „независимая“ печать» [164, стр. 10]. Главным признаком этой «объективности» было, пожалуй, отсутствие собственного мнения при перепечатке статей и телеграмм из иностранных газет. В этом вопросе, как и в «объективном», протокольном изложении продиктованной Департаментом печати информации по внутренним делам, турецкая пресса была на редкость единодушна.

Определенную «европеизацию» турецкой прессы той эпохи можно усмотреть и в том, что наиболее крупные газеты стали обзаводиться постоянным штатом лиц, пишущих статьи по определенной тематике. Они не являлись в полном смысле слова журналистами-профессионалами, часто продолжали служить в государственных учреждениях, занимались переводами или преподавали языки. Однако прежняя практика, когда писание статей в газету вменялось какому-нибудь чиновнику в его служебную обязанность, себя изжила. Газета, по выражению С. Искита, превратилась в «капиталистическое предприятие» [250, стр. 95], в ней можно было подработать на жизнь. За «удачный» панегирик султану можно было получить до 5 лир, за обычную статью — 2—3 меджидие (40—60 курушей). В конце XIX — начале XX в. газетный репортер получал в месяц от 10 до 30 долл. (1 долл. = 25 курушей) [224, стр. 17; 289, стр. 83].

На рубеже XIX—XX вв. более совершенной стала сама техника газетного дела в Турции. Большая часть газет печаталась тиражом до тысячи экземпляров. Более крупные, как, например, «Икдам», располагавшие современными ротационными машинами, издавались тиражом до 15 тыс., а порой до 30 тыс. экземпляров [307, стр. 379; 296, стр. 63; 224, стр. 17]. Это, конечно, немного, учитывая общую численность населения

империи, но все же свидетельствует о некотором росте. Не вызывающее сомнений совершенствование технических достоинств турецкой печати лишь подчеркивало ее деградацию в главном — содержании.

Преобразование политической периодики Турции в официальную печать не произошло, разумеется, на следующий день после разгона османского парламента. Во времени этот процесс можно разделить на три основных этапа: 1) 1878—1885 гг., когда система бюрократического контроля над прессой приобретала свой окончательный вид, а печать по инерции еще продолжала обсуждать некоторые вопросы, имевшие политическую окраску; 2) 1886—1894 гг., когда репрессии против прессы постепенно выхолостили ее содержание; 3) 1894—1907 гг., когда вследствие жестоких политических преследований лучшие силы турецкой журналистики покинули пределы страны и турецкая печать внутри страны политически окончательно деградировала.

Одной из наиболее значительных газет, которую абдулхамидовский режим получил от периода конституционного движения, была «Вақыт» [76]. Ее издателем и главным редактором оставались Филип-эфенди и Мехмед Саид-бей. В 1878 г. «Вақыт» сохраняла еще свой прежний подзаголовок: «Газета, рассказывающая о самых разнообразных событиях». Рядом с ним стояли слова: «Наши страницы постоянно открыты для материалов, касающихся общественной пользы, просвещения и литературы». В 1878 г. в рубрике «Обзор событий», которая открывала газету, еще печатались материалы, имевшие прямое отношение к делам империи (события в Египте, Берлинская конференция, восточный вопрос, финансовое положение страны). Но их содержание стало информационным. Большое место в газете занимали телеграммы из-за рубежа и перепечатки корреспонденций из иностранных (в том числе местных иностранных) газет. Более всего они касались положения в Европе, на Ближнем Востоке и на Балканах (особенно в Болгарии, Боснии и Герцеговине). О политике России читатель «Вақыт» узнавал только из переводов информации, почерпнутой из английских, французских и реже других европейских газет. В разделе внутренних событий львиную долю занимала официальная информация. Однако тогда все же появлялись в газете редакционные статьи, письма с мест и заметки на важные темы политики и культуры. Так, 11 сентября 1878 г. было опубликовано письмо «группы османских патриотов», обвинявшее бывшего великого везира Махмуда Недима в неспособности урегулировать «балканский кризис» середины 70-х годов. 3 сентября 1878 г. «Вақыт» поместила статью, в которой критиковались недостатки преподавания в медресе; молодые люди, говорилось в ней, тратят 20—25 лет жизни на изучение арабского языка

и богословских трактатов, но не получают многих других полезных знаний. Она писала о первостепенной важности мер по урегулированию денежного обращения в империи [76, 2.X.1878]. В 1878—1879 гг. между газетами «Вақыт» и «Терджюман-и хакикат» шли споры о путях развития турецкой литературы. 9 мая 1879 г. их приказано было прекратить, «поскольку развернувшийся диалог с некоторых пор вышел за допустимые рамки» [216, стр. 146]. Однако полемика на литературные темы, то вспыхивая, то замирая, продолжалась еще несколько лет.

В 80-х годах политический отдел «Вақыт» становится все более безжизненным. По важнейшим политическим вопросам она стала давать только официозную информацию или протокольные изложения иностранных сообщений, совершенно уклоняясь от высказывания собственного мнения. Особенно явно эта индифферентность газеты видна в статьях о Египте: в них нет ни слова о том, что в этой стране идет освободительная борьба против английских империалистов. В академических тонах «Вақыт» сообщала 13 сентября 1882 г. о поражении арабов при Тель эль-Кебире. В передовой статье газеты «Вақыт» за 16 сентября сказано, что, ввиду того что английские войска вступили в Каир, «волнения будут теперь невозможны» и «в стране опять наступит спокойствие».

Поскольку вскоре после разгона парламента прямая критика политического курса и даже деятельности отдельных ведомств и их руководителей стала невозможной, в «Вақыт» одно время получили распространение материалы из истории и современного положения других стран, откровенно дававшие читателю повод сравнивать турецкие дела с тем, что происходило или происходит за рубежом. Так, 30 сентября 1878 г. газета напоминала, что «во время Великой французской революции многие аристократы были вынуждены бежать, а их имущество было конфисковано революционным правительством». И хотя газета делает оговорку, что среди аристократов тоже имелись патриоты, но в большинстве они были «людьми морально испорченными». 6 марта 1880 г. «Вақыт», не раз выступавшая в защиту простого турецкого языка («тюркче»), рассказывала об успехах начального образования в Японии в 70-х годах XIX в., подчеркивая, что японцы уделяют очень большое внимание изучению «родного языка» («лисан-и мадерзаде»). На первой странице «Вақыт» от 8 августа 1880 г. привлекает внимание заголовок «Сравнительное положение и будущее печати» (в то время 90% материалов шло еще без заголовков). В статье говорилось, однако, о развитии печати в Англии. В какой-то мере прежние политические симпатии редакции «Вақыт» проглядывают и в опубликованной 24 мая 1880 г. статье о швейцарском

правоведе Блюнчли (1808—1881), политическим идеалом которого была конституционная монархия.

Подобные намеки на некую политическую линию были лишь жалкой и обреченной на поражение фрондой редакции. Под давлением цензуры она уже в 1881 г. вынуждена была сменить свой девиз «писать обо всем» на более осторожный подзаголовок, в котором говорилось, что газета открыта для статей и материалов, «не содержащих злых целей» [76, 25.V.1881]. Австрийская газета «Нёйе фрейе прессе» в номере за 25 февраля 1884 г. характеризовала «Вақыт» как «турецкий листок дворцовой камарильи», который лишь изредка помещал статьи, затрагивающие некоторых министров. За одно из таких выступлений газета и была закрыта в феврале 1884 г. Не исключено, однако, что действительной причиной запрещения «Вақыт» послужили ходившие по рукам эпиграммы Мехмеда Саида, в которых он зло высмеивал султанских сановников [296, стр. 46].

После закрытия «Вақыт» Мехмед Саид, тешивший султана своими эпиграммами против вставших в немилость сановников, добился для Филип-эфенди разрешения на издание газеты «Тарик». Она сохранила подзаголовок и внешний вид своей предшественницы, но была гораздо более консервативной. Полемический запал ее руководителя нередко служил пропаганде ислама. В 1886 г., например, в «Тарик» появилась серия статей «Цивилизация ислама», цель которых состояла в том, чтобы не только показать достижения арабов в науке, технике, литературе, историографии, но и доказать, что все эти достижения были заимствованы у них европейцами [294, стр. 263]. Пока ее редактором был Мехмед Саид, газета пользовалась определенным успехом [259, стр. 28]. Однако в 1889 г. Мехмед Саид, тогда уже член Государственного совета, написал эпиграмму на Абдул Хамида⁵, за что он был немедленно сослан в Сану, где пробыл до 1908 г. Главным редактором газеты «Тарик» стал близкий к религиозным кругам Хамид Вехби, составитель серии «Знаменитые люди ислама». Получая разрешение на издание «Тарик», Филип-эфенди дал подписку, что в его газете «никогда не будет напечатано такое, что может не понравится высокому султанату». Сохранилась расписка в получении издателем из личной кассы Абдул Хамида 100 золотых лир в качестве очередного платежа [216, стр. 147].

В 90-х годах «Тарик» заполняла свои страницы малозначащей информацией о внутренних делах (происшествия, уголовная хроника, перемещения чиновников, визиты) и перепечаткой материалов из европейской прессы, среди которых

---

⁵ Написанная от имени султана, она перечисляла его преступления и провозглашала о его самоотречении от трона [296, стр. 47].

преобладали официозные заметки в несколько строк. Обзоры политических событий, неизменно очень краткие, почти всегда касались европейских дел: отношениям Швеции и Норвегии (собственно шведов и норвежцев в рамках единого тогда государства) или Франции и Италии и т. п. [58, 26—30. II. 1892], причем и эти «обзоры» представляли собой, как правило, наборы цитат из ведущих европейских газет. Литературный отдел газеты чаще всего заполнялся переводами авантюрных французских романов писателей вроде Ксавье де Монтепена [58, 10. IV. 1892 и сл.] или новеллами и романами Ахмеда Мидхата [58, 27. XI. 1898 и сл.]. Всю четвертую полосу занимали объявления и торговая реклама с многочисленными иллюстрациями (обуви, одежды, часов, этикеток пивных бутылок с христианскими коронами и крестами и т. д.). От предыдущего издания газета «Тарик» весьма отличалась и общим тоном своих материалов, сверхпочтительным, даже угодливым, когда речь шла о представителях власти. В мелких сообщениях перечисление титулов и званий «их превосходительств, милостивых, благосклонных, благоденствующих» господ сановников занимало порой две трети текста. Впрочем, в 90-х годах такой тон вынуждены были усвоить все периодические издания, однако это их не спасало от уничтожения. В 1899 г. была закрыта и «Тарик» [290, стр. 546].

Наиболее живучим органом турецкой периодики той эпохи была газета «Терджюман-и хакикат». Ее издателем был торговец табаком Ахмед Джебдет, а главным редактором — Ахмед Мидхат. С 27 июня 1878 г., когда вышел первый номер газеты, и до 1890 г. она ни разу даже не приостанавливалась. Газета просуществовала с перерывами вплоть до революции 1908 г.

С самого начала «Терджюман-и хакикат» зарекомендовала себя как газета, интересующаяся литературными вопросами не меньше, чем общественными и политическими. С 1878 по 1882 г. Ахмед Мидхат, «пишущая машина мощностью в 40 лошадиных сил» [275, стр. 8], заполнял газету своими романами, новеллами, притчами, беседами, а также переводами и адаптациями. Некоторые литературные материалы газеты тех лет имели характер политического памфлета. Так, в ней публиковалась серия фельетонов Ахмеда Мидхата, в которых был описан губернатор Галаты, ведший разгульный образ жизни [307, стр. 375—376].

В 1882—1885 гг., когда в «Терджюман-и хакикат» сотрудничал зять Ахмеда Мидхата, поэт Муаллим Наджи, литературный уклон газеты еще более усилился. Турецкие литературоведы считают этот период самым активным и плодотворным в истории газеты [259, стр. 28; 218, стр. 7]. В эти годы на страницах «Терджюман-и хакикат» развернулась дискус-

сия между сторонниками нового направления в литературе, которое поддерживал Ахмед Мидхат, и приверженцами традиционной «диванной литературы», которых возглавлял Муаллим Наджи.

В 1884—1885 г. Ахмед Мидхат выступил против тех сторонников старой литературы, которые избрали своей трибуной «Тарик». Между нею и «Терджюман-и хакикат» развернулась полемика, приведшая к размежеванию даже среди школьников [77, стр. 62]. Поскольку эта дискуссия имела политический привкус и приобретала порой очень острые формы, Порта не раз прерывала ее под угрозой приостановки издания газеты «Тарик». В конце концов дело закончилось разрывом между двумя писателями, и Муаллим Наджи ушел в «Саадет». После 1885 г. «Терджюман-и хакикат» стала, в сущности, личным органом Ахмеда Мидхата. Ее страницы еще больше, чем прежде, заполнялись его сочинениями на разнообразные темы. Именно в это время Ахмед Мидхат, окончательно растерявший свои либерально-конституционные взгляды, приобрел особую благосклонность султана как писатель и журналист. «Одним из журналистов,—вспоминает Тахсин-паша,— которого султан Хамид ценил более всего, был Мидхат-эфенди... Ахмед Мидхат не раз получал от султана награды и личное одобрение» [90, стр. 118—119].

Политический консерватизм Ахмеда Мидхата, который привел его к отмежеванию от прогрессивных деятелей турецкой культуры, проявил себя и на страницах «Терджюман-и хакикат». 3 января 1888 г. на первой полосе газеты был напечатан анонс о его брошюре, посвященной умершему в 1886 г. Беширу Фуаду. В нем говорилось, что сочинение Ахмеда Мидхата «является очень важным трудом, демонстрирующим окончательное ниспровержение разрушительной и вредной философии, именующей себя материализмом, с одновременным выявлением ряда ложных философских концепций, а также того, как следует оценивать сущность философских взглядов людей, разрушающих мир сущий и мир вечный». Этот анонс, не оставляющий сомнения в том, что газета не одобряла Бешира Фуада за его увлечение натурфилософией и позитивистской теорией Огюста Конта, печатался в «Терджюман-и хакикат» в течение многих месяцев как символ веры и расписка в благонадежности [40, 18, 20.VI, 30.VIII.1888].

В конце 80-х годов «Терджюман-и хакикат» стала скорее общественно-литературным, чем политическим органом. Правда, она давала значительную информацию о политической жизни за рубежом (телеграммы европейских агентств и газет). Однако никаких политических вопросов газета не ставила и не обсуждала. Симпатии или антипатии газеты к зарубежным делам еще можно угадать по тому, какие иностранные

ранные газеты она избирала в качестве источника для цитирования. Исключение из этого правила представляют, пожалуй, только статьи о мусульманах России, написанные на основе собственной информации и пронизанные, как правило, духом панисламизма [40, 25.VI.1891]. По вопросам же османской политики она печатала материалы, присланные из Департамента печати, а от себя добавляла лишь пышную титулатуру министров да восхваления «мудрости» и «справедливости» султана.

В то же время для изучения общественно-политической и культурной жизни Османской империи в «Терджюман-и хакикат» можно найти немало интересного материала. Совершенно очевидно, что эту газету знали чиновники едва ли не всех османских провинций и писали в нее (рубрика «Вилайетские события») о прокладке дороги, о водоснабжении, об открытии местной школы, об эпидемии холеры или оспы, о местных происшествиях и т. д. Для изучения экономики, быта, вкусов турецкого населения немало может дать отдел объявлений и рекламы, более обширный, чем в других газетах той поры.

Но самым значительным в «Терджюман-и хакикат» всегда оставался литературный отдел. С 18 июня 1888 г. литературный уклон газеты резко усилился. Ее формат несколько уменьшился, но она стала выходить не на четырех полосах, а на восьми, причем цена ее (1 куруш) осталась прежней. Начиная с этого дня вся политическая информация публиковалась на внутренних полосах газеты. На первых полосах печатались сведения о всех имеющихся в продаже сочинениях Ахмеда Мидхата, краткие книжные аннотации. Литературный отдел этой газеты дает возможность наглядно проследить путь, который обычно проделывало оригинальное или переводное художественное сочинение от типографского станка к читателю: сначала оно появлялось в газете в литературном «подвале» («тефрика»); затем три-четыре «подвала» брошюровались в «выпуски» («джуз»), которые продавались под определенным номером; из «выпусков» складывалась целая книга. Так были опубликованы в газете роман Хюсейна Рахми «Шик» [40, 28.II.1888 и сл.], «Краткая история нового времени» (в действительности только средневековой Европы) [40, 3.II.1888 и сл.], роман «Ахмед Метин и Ширзаде» Ахмеда Мидхата [40, 19.II.1892 и сл.] и др. С 17 февраля 1892 г. в «Терджюман-и хакикат» в переводе Гюльнар-ханым (О. С. Лебедевой) начало печататься «Семейное счастье» Льва Толстого. В числе ряда других газет «Терджюман-и хакикат» в 80—90-х годах выступала со статьями о необходимости распространять преподавание в турецких школах арабского языка прежде всего потому, что на нем написан Коран [233, т. III, стр. 798—799]. В некоторых номерах она

давала подробные методические разработки по изучению арабского языка и правописанию [40, 29—31.XII.1888].

В середине 90-х годов «Терджюман-и хакикат» вновь стала выходить на четырех полосах, а политическая информация перекечевала из середины газеты на ее первую полосу. Повышение внимания к освещению политических вопросов было следствием того давления, которое стала оказывать на турецкое общество проникавшая в страну младотурецкая печать. Политическая информация занимала теперь не менее половины газеты «Терджюман-и хакикат», однако по-прежнему в части внутренних турецких дел она оставалась официальной, в отделе зарубежном продолжала пересказывать сообщения иностранной прессы [40, I.I.1896 и сл.]. «Терджюман-и хакикат» издавалась вплоть до младотурецкой революции. Тираж ее в 1906 г. составлял 2 тыс. экземпляров [296, стр. 64].

В 1885 г. в Турции появилась одна новая газета, название для которой — «Саадет» («Счастье») [93, стр. 113] — дал сам султан. Естественно, она была взята на его обеспечение и пользовалась какое-то время его особым покровительством. Первым главным редактором этой газеты был порвавший с «Терджюман-и хакикат» Муаллим Наджи. На страницах «Саадет» он выступил со статьями, в которых критиковал все «новшества», введенные в литературу Намыком Кемалем и особенно [Махмудом] Экремом, резко выступал против «западников» и при этом «даже заявлял, что делает это, желая помочь правительству расправиться с вредным настроением умов» [147, стр. 65]. Вокруг «Саадет» сгруппировались все самые реакционные не только литературные, но и общественные силы, выступавшие против любых нововведений, за консервацию феодально-мусульманских устоев и норм общественной жизни и культуры. Газета выступала за упрочение позиций арабского и персидского языков в школьном обучении и приветствовала изменения в программах школ в сторону увеличения числа часов на изучение Корана и религиозных дисциплин [54, 30.V, 1892 и сл.].

В подзаголовке «Саадет» называла себя «ежедневной турецкой газетой», которая «с благодарностью принимает материалы и научные сочинения, имеющие отношение к общественной пользе». Она действительно публиковала порой длинные «беседы» на темы школьного обучения, в частности по математике, сельскому хозяйству [54, 11—17.IV, 28.V.1892]. В номере за 20 апреля 1892 г. была помещена статья о садоводстве в России, об успехах «одедского садовода» Худякова⁶. Политический отдел «Саадет» строился по обычному

---

⁶ Не исключено, что имеется в виду Н. Н. Худяков (1866—1927) — профессор Московского сельскохозяйственного института (с 1896 г.).

и уже сложившемуся ко времени ее появления стандарту: передовая статья предпочтительно на тему, не имеющую прямого отношения к турецким делам; перемещения чиновников, награды; краткая хроника, телеграммы из Европы. Литературный отдел газеты состоял главным образом из французских авантюрных романов, которые переводили по заказам редакции начинающие литераторы, нуждавшиеся в заработке [93, стр. 114—116]. «Саадет» особенно раболепно демонстрировала свою преданность Абдул Хамиду, публикуя длинные панегирики как в прозе, так и в стихах. Накануне особо торжественных дат «Саадет», пожалуй, единственная печатала первую полосу красной краской. По собственному заявлению газеты «Саадет», к сотрудничеству в ее редакции привлекались исключительно журналисты-мусульмане [54, 1.V., 4.VII.1892].

В 90-х годах XIX — начале XX в. известной газетой вновь стала «Сабах». В 1906 г. ее тираж достигал 12 тыс. экземпляров [296, стр. 63]. Владельцем газеты был известный издатель и книготорговец Михран-эфенди, а редактором — Абдуллах Зюхтю [93, стр. 96—98]. Но своей популярностью газета на сей раз была во многом обязана Хюсейну Джахиду, который публиковал в ней полемические статьи против «Икдам». По известным обстоятельствам той эпохи полемика в газетах не затрагивала политических вопросов. Она вертелась вокруг литературных проблем, и «Сабах» выступила в защиту «западничества» и «новой литературы» [245, стр. 371]. Всю политическую информацию «Сабах», по свидетельству Хюсейна Джахида, заимствовала у «Левант Геральд» и «Монитор орьянталь» («Восточный наставник»). Так же поступали и другие турецкие газеты [93, стр. 100].

Среди ежедневных газет второй половины царствования Абдул Хамида II несколько особняком стоит газета «Икдам». Ее основателем, издателем и главным редактором был ушедший из «Терджюман-и хакикат» Ахмед Дживдет. Будучи формально частной газетой, «Икдам» являлась наиболее официозной из всех органов турецкой периодики на рубеже XIX и XX вв. Ее первый номер вышел 6 июня 1894 г. Вскоре в «Икдам» начали печатать встреченные с большим интересом романы Хюсейна Рахми, что позволило поднять тираж газеты до 30 тыс. экземпляров [224, стр. 17]. В 1906 г. он составлял 15 тыс. экземпляров и продолжал оставаться самым высоким в турецкой прессе тех лет [296, стр. 63]. Однако основным профилем газеты «Икдам» была не литература, а политико-административные дела, культура, отчасти экономика.

В области политической информации «Икдам» была, пожалуй, самой осведомленной турецкой газетой. Этому немало способствовало то обстоятельство, что в «Икдам» много пи-

сдел из Парижа Али Кемаль⁷. Кроме того, «Икдам» имела свою телеграфную службу. Она называла себя «политической и научной турецкой газетой», печатающей материалы, которые «принесут материальную и духовную пользу общине ислама и османской нации» [35, 5.VI.1897].

Газета «Икдам» появилась и выходила в то время, когда в турецкой печати давно уже отшумели все дискуссии, кроме разве литературных, которые ее мало интересовали. Если не считать одной-двух колонок собственно официального материала (производство в чинах, награды и т. п.), литературного «подвала» на второй полосе и объявлений на четвертой, почти вся газета была заполнена внутри- и внешнеполитической информацией, причем на 90% это была перепечатка из иностранной прессы без каких-либо комментариев. Порой внешнеполитические события занимали до половины и даже более всей площади газетных полос. Так, например, «Икдам» очень подробно излагала захват американскими войсками Филиппин [35, 12.II.1899 и сл.], Венесуэльский кризис 1902—1903 г. (перепечатки из европейских газет по проблеме в целом и позиции Англии, Германии, Италии и США в отдельности) [35, 15—17.I.1903]. С весны 1904 до лета 1905 г. со страниц «Икдам» ни на один день не сходила рубрика «Россия и Япония». Все перипетии русско-японской войны на суше и на море газета излагала весьма дотошно, отводя им порой две-три полосы из четырех. Во время русско-японской войны «Икдам» подробно освещала не только ход военных действий, но и экономическое, особенно финансовое, положение воюющих сторон [35, 4—27.VI.1904; 5.VI.1905].

Значительное место в «Икдам» занимала информация о внутренних делах Османской империи: торговле, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте. В некоторые сообщения просачивалась информация об экономических трудностях населения: о повышении цен на мясо в Стамбуле зимой 1902/1903 г. [35, 21.I.1903], о простоях хлопкопрядильных фабрик в Измирском районе [35, 16.I.1905], о «плохом использовании земли» в вилайетах Кония, Трабзон, Кастамону и Анкара [35, 27.IV.1904]. 21 мая 1905 г. «Икдам», ссылаясь на «Левант Геральд», писала о крайней технической отсталости турецкого сельского хозяйства, о бедности большинства крестьянского населения Анатолии. В этой статье (случай редкий) высказано отдающее критикой пожелание: Анатолия может стать хлебным амбаром, если «обновить способ ведения сельского хозяйства». Изредка в «Икдам» появлялись обзоры о состоянии отдельных отраслей мирового хозяйства (сталь и железо, хлопок, сахар, зерновой рынок), еще реже —

⁷ Во время оккупации Стамбула (1918—1923 гг.) Али Кемаль издавал газету «Пеями Сабах», выступая в ней против национально-освободительного движения и Мустафы Кемаля (Ататюрка).

об отраслях турецкой экономики [35, 11.III.1903; 16.II, 4.III.1904; 19, 31.I, 2.II, 25.V.1905]. Периодически печатались сведения о курсе ценных бумаг на Галатской бирже и разные объявления о купле-продаже, сдаче в аренду и т. п. Не вызывает сомнения, что вся эта информация публиковалась для постепенно крепнущей местной буржуазии, а ее появление в предназначенной для широкого распространения газете свидетельствовало о пробуждении интереса турецкой публики к вопросам экономики.

Материалы по культуре, появлявшиеся в газете, чаще всего относились к делам общеобразовательных и специальных школ. В номере от 29 ноября 1901 г. газета в благожелательных тонах рассказала о «Русском институте памятников античности» («Рус асар-и атика энститюсю») в Стамбуле, поместив сообщение его директора Ф. И. Успенского об открытиях археологов на Ближнем Востоке. В «Икдам» регулярно появлялись сообщения о распространении эпидемических болезней (чумы, холеры, оспы). Она первой стала публиковать сводки о состоянии погоды.

Из всего сказанного не следует, однако, делать вывод, будто «Икдам» была газетой, которая, хотя и не имела собственного мнения, давала полную и объективную информацию о событиях в стране и в мире. Напрасно бы было искать на ее страницах не только информацию, но и простое упоминание о дне 9(22) января 1905 г., о революциях в России и Иране, о подъеме национально-освободительного движения в Египте, о революционном брожении в самой Турции.

Среди периодических изданий Стамбула, выходивших на рубеже 80—90-х годов, заслуживает упоминания газета «Сервет» («Богатство»). Ее основал в 1888 г. стамбульский грек Д. Николаидис, представлявший те круги своих единомышленников, которые, по словам Ахмеда Ихсана, хотели наладить самые тесные отношения с дворцом. Поначалу «Сервет» привлекла внимание читающей публики тем, что являлась первой вечерней газетой в Стамбуле на турецком языке. Издатель, едва читавший на этом языке, пригласил к сотрудничеству в ней самых разных людей — от поэта Муаллима Наджи до авантюриста Баба Тахира. Ахмед Ихсан, переводивший для этой газеты телеграфные сообщения агентства Гавас, писал, что редакция газеты напоминала одновременно и Вавилонскую башню и контору константинопольского патриарха, так много в ней толкалось разного народа. Газета не завоевала популярности у публики и не получила денежной поддержки от Порты [86, стр. 59—60]. С конца 1891 г. Д. Николаидис стал выпускать журнал-газету под тем же названием. Она выходила два раза в неделю на 16 страницах. Это издание носило одновременно и официальный и развлекательный характер. Почти половину его объема занимали сообщения о присвое-

нии чинов и званий, раздаче орденов и медалей, назначениях и увольнении чиновников, а также информационные заметки из-за рубежа; остальное — приключенческие романы Жюль Верна, происшествия, объявления и реклама. Изредка в нем печатались популярные статьи на экономические темы [см. 43, 3.III — 4.VIII.1892]. 24 апреля 1892 г., например, был опубликован отчет о заседании акционерного общества стамбульской конки; в нем даны интересные сведения о его делах и «подвижном составе» (619 лошадей и несколько десятков вагонов).

Наиболее значительным журналом конца XIX в. был «Сервет-и фюнун» («Богатство наук») ⁸. Своим возникновением он обязан Д. Николаидису, который в начале 1891 г. добился разрешения на издание приложения к своей газете. Это приложение, получившее название «Сервет-и фюнун», он поручил вести, а затем переуступил Ахмеду Ихсану. Первые годы этот журнал был научно-популярным. В нем публиковались краткие очерки о жизни замечательных людей, статьи и заметки о достижениях науки и техники на Западе, биографии государственных деятелей современной Европы и Азии, переводы из французских приключенческих романов (в частности, Жюль Верна) и т. п. Но главное, чем «Сервет-и фюнун» сразу обратил на себя внимание публики, — это иллюстрации, изготовленные (впервые в Турции) методом гальванографии. Этот журнал заметили и во дворце. Первый номер «Сервет-и фюнун» вышел 27 марта 1891 г., а летом того же года его издатель Ахмед Ихсан был вызван в Йылдыз-киоск, где ему объявили, что по приказу султана на издание журнала будет впредь ассигновываться 3240 курушей ежемесячно [86, стр. 59—71].

«Сервет-и фюнун» того периода регулярно просматривал султан, который стремился сделать его витриной Турции и вместе с тем аргументом своеобразного «диалога» с западными странами, имевшего политическую подоплеку. По указанию Абдул Хамида в журнале был помещен ряд иллюстраций, которые должны были, по его мнению, доказать приверженность Турции старым традициям и устоям, покоящимся на исламе: фотографии памятников средневековой архитектуры, мечетей, медресе, гробниц святых и т. п. Вместе с тем по его же указанию были напечатаны иллюстративные «ответы» на фотографии и статьи, напечатанные в 1892—1893 гг. в ряде европейских газет. Так на страницы «Сервет-и фюнун» попали иллюстрации «Линчевание негра в Америке» («ответ на обошедшее западные газеты фото черного внуха, повешенного по приказу Абдул Хамида»), «Убийство анархистом

---

⁸ О его месте и роли в истории турецкой литературы см.: [143, стр. 24—41; 188, стр. 35—47; 147, стр. 71—109].

полицейского в Париже» («ответ» на статьи в европейских газетах о случаях вооруженного ограбления в Стамбуле), фото папы римского — «ватиканского узника» («ответ» газетам католических стран, писавшим о том, что султан не выходит из своего дворца) и другие подобные «ответы» [86, стр. 78—80]. Одновременно с фотографиями издатель получал текст к ним и указание не печатать ни слова сверх того. «Публикация иллюстрации со словом „анархист“, — вспоминал Ахмед Ихсан, — когда его не только печатать, но и держать на языке было чрезвычайно опасно, потрясла Порту и придворных» [86, стр. 80].

В 1896 г. в «Сервет-и фюнун» пришел крупный поэт, патриот и гражданин Тевфик Фикрет, ставший вскоре его главным редактором. Под руководством Тевфика Фикрета и при участии ряда молодых поэтов, прозаиков и критиков «Сервет-и фюнун» «превратился не только в наиболее значительное художественно-литературное обозрение страны, но также в орган борьбы, который оказал наибольшую услугу модернизации турецкой литературы» [290, стр. 510]. Хотя основатели нового литературного направления стояли в стороне от политики, на страницах «Сервет-и фюнун» пропагандировались идеи буржуазной и буржуазно-демократической культуры Запада в противовес идеологии и традициям турецкого феодального общества. В журнале нашли также некоторое отражение марксистские идеи. Литературный критик и правовед Ахмед Шуайб, регулярно выступавший в «Сервет-и фюнун» со статьями и рецензиями по вопросам литературы, права, экономики, истории в духе, близком к марксизму, критиковал мальтузианство и называл «Капитал» Карла Маркса «бессмертным творением» [149, стр. 148].

В своих литературных произведениях писатели круга «Сервет-и фюнун» критиковали пошлость, фанатизм, невежество, моральные и социальные пороки турецкого общества. В целом они сыграли важную роль в становлении новой турецкой литературы, хотя, как пишет Л. О. Алькаева, и «не избежали механического подражания Западу в сюжетах, в образах и нередко приносили в свою литературу элементы чуждого, искусственного» [143а, стр. 10].

Однако, оставляя в стороне характеристику творчества литераторов, сгруппировавшихся вокруг «Сервет-и фюнун» (исследование его — задача советских литературоведов), необходимо обратить внимание на то, что против журнала выступили все наиболее реакционные органы турецкой печати, а также журналисты, реакционная политическая физиономия которых в конце 90-х годов проявилась совершенно отчетливо. Наиболее активно нападали на журнал «Сервет-и фюнун» и его сторонников Ахмед Мидхат [290, стр. 511], а также Баба Тахир.

О последнем стоит сказать особо. Фаворит султана Баба Тахир в 90-х годах стал одной из самых заметных фигур в турецкой журналистике. Его называют иногда первым монополистом в турецкой прессе, поскольку ему принадлежали четыре ежедневные газеты (две на турецком, одна на арабском, одна на французском) и пять еженедельных изданий. Считается также, что он первым в турецкой журналистике ввел методы желтой прессы, отступив от традиционно сдержанного тона турецких газет [289, стр. 76—77]. Наиболее крупными изданиями Баба Тахира были газета (выходила и как журнал) «Малюмат» («Знания», 1893 г.) и ее иллюстрированное продолжение «Мусаввер малюмат» («Знания в иллюстрациях» (1895—1903 гг.)). Обе они резко выступали против «Сервет-и фюнун» за его защиту новой литературы и «западничества» [290, стр. 545]. Конец этой полемики положили обстоятельства не совсем обычные. Пользуясь связями при дворе, Баба Тахир за взятки добивался орденов и медалей для иностранцев, как одержимых тщеславием, так и темных дельцов, которые прикрывались этими знаками монаршей милости для маскировки своих махинаций. Поскольку получение султанских указов и орденов было делом хлопотным и не бесплатным, Баба Тахир «упростил» его, сговорившись с одним гравером-итальянцем, который изготовлял для него турецкие ордена. Рескрипты же он печатал в своей типографии и продавал их вместе с орденами с большой выгодой. Наконец он попался, был отдан под суд и отправлен в ссылку. Все его газеты также были закрыты [307, стр. 383; 86, стр. 126—127; 224, стр. 10—11].

Однако нападки на прогрессивный общественно-литературный журнал, каким являлся «Сервет-и фюнун», продолжались. Реакцию пугала его популярность: тираж журнала доходил до внушительной по тем временам цифры — 4 тыс. экземпляров [296, стр. 64]. Кроме того, в издательстве было напечатано несколько десятков книг, авторами или переводчиками которых являлись литераторы круга «Сервет-и фюнун». 16 октября 1901 г. в журнале (№ 553) появилась переведенная с французского языка статья «Литература и право». В ней была фраза: «Однако настало время, когда во Франции, с установлением режима 1789 г., стал разрешен развод» [246, стр. 4]. Нашелся доносчик, который вырезал эти строки и отправил их во дворец с «пояснением»: «в проклятой статье для всеобщего ознакомления напечатаны материалы о казни короля и королевы Франции, о Великой революции, что является подстрекательством к злему умыслу против священной особы падишаха» [86, стр. 109]. Несмотря на большую «вольность» интерпретации, великий везир распорядился закрыть журнал. Благодаря большим связям при дворе Ахмеду Ихсану удалось добиться помилования. Выпуск «Сервет-и

фюнун» возобновился. Но издателю пришлось дать подписку, что впредь в его журнале не появится что-либо не соответствующее «высочайшему желанию», что он будет блюсти «верность и покорность» [86, стр. 120]. Прежняя редакция «Сервет-и фюнун» распалась (одни были сосланы, другие ушли сами), под старым названием возобновилось издание ничем не выделяющегося научно-популярного журнала [290, стр. 512].

Кроме «Сервет-и фюнун» и «Меджмуа-и Эбуззия» в Турции тех лет издавалось значительное число других, менее известных научно-популярных и литературных журналов. В конце 80-х годов Киркор и Мехмед Рамиз выпускали журнал «Манзара» («Панорама»), девизом которого были слова: «Совершенствование нравов, распространение знаний». В этом иллюстрированном издании, выходившем два раза в месяц, печатались статьи о нравах и обычаях жителей разных континентов, о городах мира, памятниках древней архитектуры, популярные заметки по естествознанию, назидательные рассказы и т. п. [73, № 1—16]. В начале 90-х годов известный книгоиздатель Карапет выпускал «Ресимли газете» («Иллюстрированную газету») — популярный журнал, рассчитанный на учащуюся молодежь, курсантов военных училищ, на светскую интеллигенцию; помимо других вопросов в нем уделялось внимание спорту [53, № 1—103]. К числу научно-популярных журналов можно отнести и «Малюмат» Баба Тахира, но этот еженедельник носил рекламный и официозный характер. Многие его статьи написаны в ура-патриотических тонах, проникнуты панисламистскими идеями, а в подзаголовке к французскому (было и арабское) приложению указывалось, что журнал «поддерживает интересы империи» [70, № 20—46].

В конце 80-х — начале 90-х годов издавалось несколько общественно-литературных журналов. В 1887 г. Муаллим Наджи начал выпускать свой «Меджмуа-и Муаллим» («Журнал Муаллима») [65, № 1—58]. Его ученик и последователь Исмаил Сафа редактировал некоторое время основанный в 1891 г. журнал «Маариф» («Просвещение») [69, № 1—35]. В 1891—1893 гг. под руководством известного просветителя Исмаила Хаккы выходил журнал «Мектеб» («Школа») [71, № 1—13]. Эти и некоторые другие повременные издания притягивали к себе литературную молодежь и внесли свою лепту в турецкую культуру.

Процесс накопления и популяризации специальных научных знаний и культурной эволюции в турецком обществе конца XIX — начала XX в. отражало также появление ряда периодических изданий, имевших определенную специализацию и связанных с соответствующими учебными заведениями или ведомствами. Некоторые из этих изданий носили официальный характер: «Джериде-и аскерие» («Военный вестник»),

«Джериде-и бахрие» («Морской вестник»), «Джериде-и на-фия» («Вестник министерства общественных работ»), «Джериде-и мехаким» («Судебный вестник»), «Вака-и тыб-бие» («Медицинские события»). Помимо того, выходил ряд частных периодических изданий по медицине и фармакологии, сельскому хозяйству, торговле, лесному и горному делу. Некоторые из них печатались на двух-трех языках (турецком, французском, испаньольском) [296, стр. 64; 273, стр. 199—220; 227, стр. 241—242].

Движение за эмансипацию женщин приобрело в Турции отчетливые формы только после младотурецкой революции 1908 г., но его контуры видны уже в творчестве писателей последней четверти XIX в. В журнале «Сервет-и фюнун» сотрудничали прозаик Фатма Алие (1864—1924) и поэтесса Нигяр-ханым (1856—1916). С 80-х годов в турецкой журналистике начинают выступать женщины. В 1883—1884 гг. в Стамбуле появился женский журнал «Шюкюфезар» («Цветник»), издателем которого была Арифеханым. В пространном «Вступлении» к своему журналу Арифеханым писала о том, как меняются условия жизни общества и его права под влиянием научных открытий, убеждала женщин в том, что все жизненные успехи могут быть достигнуты только через грамотность, образование и приобщение к культуре — основе всякого прогресса, что женщины должны служить развитию общества наравне с мужчинами. Кредо журнала было выражено в таких словах: «Мы, являющиеся объектом иронических насмешек мужчин, поскольку-де волосы у нас длинные, а ум короткий, мы должны стараться доказать обратное. Мы должны твердо встать на путь труда и совершенствования и не отдавать предпочтения достоинствам мужчины перед достоинством женщины» [224, стр. 31—32]. В этом журнале сотрудничали только женщины знатных фамилий.

В 1892 г. два журналиста, Ибнульхаккы Тахир и Шадлаханым, муж и жена, начали выпускать с иллюстрациями еженедельную «Ханымлара махсус газете» («Газета для женщин»). В подзаголовке разъяснялось, что газета будет служить распространению образования среди женщин, публиковать произведения, написанные женщинами, и рассказывать о прогрессе турецких женщин. Большую часть газеты занимали учебные материалы для женских школ, а также небольшие рассказы и очерки о женщинах-мусульманках. В расчете на женщин и с целью подчеркнуть их роль в обществе составлялись и отделы иностранной и внутренней хроники. Газета публиковала также анонсы о книгах, посвященных женщинам. На ее последней, восьмой полосе помещались фотографии женщин, чаще немусульманок, ставших известными благодаря своему участию в политической,

общественной или культурной жизни [51]. Этот еженедельник просуществовал вплоть до революции 1908 г., и его тираж доходил до 2,5 тыс. экземпляров [296, стр. 64]. Одновременно те же журналисты тиражом до 1,5 тыс. экземпляров выпускали «Чоджуклара махсус газете» («Газету для детей») — еженедельное издание, рассчитанное на учащихся юношества и подростков [46].

На переломе XIX и XX вв. в Турции появляется также ряд иллюстрированных газет. Наиболее известными среди них были еженедельник «Мусаввер фен ве эдеб» («Наука и добрые нравы в иллюстрациях»), имевший религиозный уклон, и «Мусаввер теракки» («Прогресс в иллюстрациях»), по своему содержанию стоявший ближе к научно-популярному журналу [67; 68].

* * *

Диспропорция в развитии книгопечатания и прессы на турецком языке между столицей и провинциями была огромной. На протяжении всего XIX в. Стамбул был не только главным, но и почти единственным в турецких вилайетах империи центром издания турецких книг и газет. Это утверждение не находится в противоречии с упоминанием о типографиях в вилайетских центрах Малой Азии и европейской части Турции. Если не считать Салоник и Измира, прошедших в развитии книгопечатания и прессы те же этапы, что и Стамбул (сначала печать инонациональная, затем иностранная, потом турецкая), можно сказать, что в провинциальной Турции своей печати в настоящем смысле этого слова не было. Такой осведомленный автор, как Поль Феш, имея в виду турецкую печать начала XX в., пишет: «За пределами Константинополя нет ничего». В качестве исключения он называет лишь Измир, Салоники, а на востоке и за пределами Малой Азии — Бейрут, отмечая, что «в других местах нет почти ничего, кроме официальной газеты вилайета» [296, стр. 69].

В Измире турецкая журналистика обязана своим возникновением крупнейшему прозаику Халиду Зие (Ушаклыгиллю). В марте 1884 г. молодой Халид Зия основал здесь культурно-просветительный и литературный листок «Невруз» («Новый год»), который выходил два раза в месяц и через год закрылся. В 1885 г. Халид Зия и его друг Тевфик Невзад начали издавать в Измире первую турецкую ежедневную газету — «Хизмет» («Служение»). «Статьи и заметки, помещавшиеся в «Хизмет»... представляли собой пусть слабую, но несомненную пропаганду и популяризацию современных научных знаний...» [143, стр. 45]. Газета сохранилась до 1907 г. Другой, неофициозный орган, издававшийся перед

революцией 1908 г. в Измире,— «Ахенк» («Гармония»), по характеристике советского журналиста К. Юста, был «тускло-оппортунистической газеткой» [196, стр. 8]. В июне 1907 г. Хюсейн Хильми, будущий председатель Османской социалистической партии, начал издавать еженедельник «Измир», который после революции 1908 г. был переименован в «Сербест Измир» («Свободный Измир»). Вокруг этой газеты сформировалась группа лиц (в том числе Баха Тевфик), которые в 1910 г. приступили к изданию социалистической газеты «Иштирак» («Участие») [225, стр. 52—53, 92]. Единственной частной газетой Салоник была «Асыр» («Век»), основанная в середине 90-х годов; ее тираж достигал 4 тыс. экземпляров [296, стр. 69]. Высылка прогрессивных писателей и журналистов из столицы в провинциальные города — Измир, Бурсу, Конюю, Адану — способствовала пробуждению общественной и культурной жизни последних, но полицейский террор и цензура скоро пришли и туда.

В духовной жизни турецкой провинции той поры почти безраздельно господствовали ислам, религиозные представления и интересы. Печать, будь то книга или газета, еще с трудом находила дорогу к жителям глубинных районов Турции. Хорошо знавший их жизнь и быт К. Юст писал в 1922 г. о том времени: «Влияния на значительную массу населения константинопольская печать не оказывала, отчасти вследствие неграмотности подавляющего большинства, отчасти потому, что турки под нажимом духовенства смотрели *и в крестьянском большинстве продолжают смотреть* на печатное издание как на „неудобное Аллаху“ и „ненастоящее“ (курсив наш.— А. Ж.)» [196, стр. 6]. За десять лет до него И. И. Голобородько отмечал, что «в деревнях приходили в ужас при виде книги» (имеется в виду печатная книга.— А. Ж.) и что главным виновником этого было мусульманское духовенство, которое «распространяло в простонародье недоверие к печатному слову» [150, стр. 117].

Типографии вилайетских центров (а в крупных городах было по несколько типографий) имели обычно примитивное оборудование, но располагали шрифтами для печатания на турецком и местных языках (арабском, армянском, греческом, болгарском и т. д.). Из книг в них печатались вилайетские «Салнаме» («Ежегодники»; в 1881 г. их было 19), и лишь изредка из этих типографий «выходили книжки, написанные высшими чиновниками местных органов власти, и притом в очень незначительном количестве» [126, стр. 2]. Уже в 80-х годах все вилайеты имели свои официальные листки, носившие или то же название, что и вилайет: «Анкара», «Кастамону», «Трабзон», «Конюя», «Диарбекир», «Айдын», «Сивас»,— или другое: «Шарк йылдызы» («Восточная звезда» — в Восточной Румелии), «Энвар-и шаркие» («Во-

сточные лучи» — в Эрзуруме) и др. Газета, выходившая в Бурсе, называлась «Худавендигяр» (по названию вилайета того времени) [125, стр. 9]. Они издавались от имени губернатора под контролем назначенного им чиновника. В них печатались почти исключительно правительственные распоряжения, судебные решения, сведения об увольнениях и назначениях, о наградах и т. п.

Лучшим свидетельством того, что представляли собой вилайетские газеты в начале XX в., является постановление Государственного совета о состоянии провинциальной печати, принятое в мае 1903 г. и опубликованное в газете «Икдам» [35, 16.V.1903]. Этот высокий правительственный орган констатировал, что абсолютное большинство газет, выходивших тогда в провинции, совершенно не освещало вопросов, связанных с развитием земледелия и природных ресурсов своего края, и не способствовало росту культуры и профессиональных знаний местного населения. Государственный совет предписывал губернаторам вилайетов привлекать к сотрудничеству в местных газетах тех служащих, которые имеют специальные знания в области сельского хозяйства, общественных работ, ветеринарии и торговли. Всем вилайетским газетам предписывалось иметь три отдела: сельского хозяйства, торговли, промышленности и ремесел. Совет выговаривал губернаторам, что находящиеся в их распоряжении газеты не печатают даже тех сведений, которые легко могли бы получить в вестниках торговых палат и «таким образом посылно способствовать развитию в вилайетских центрах торговой деятельности», что, по его мнению, было первостепенной задачей. В постановлении говорилось, что местные газеты должны учитывать обычаи населения края, и особо подчеркивалась необходимость писать простым языком. И в заключение Государственный совет высказывал пожелание, чтобы староста каждой деревни стал подписчиком местной газеты и даже «агитатором»: «Если старосты могут немного читать и писать и в состоянии понять простые выражения, они могут рассказывать о содержании газеты крестьянам».

Действительность оставалась далекой от этих пожеланий. Незадолго до революции 1908 г. лишь в немногих провинциальных газетах (аданской, измирской, трабзонской) «стали изредка помещать литературный материал... религиозно-нравственные поучения, а равно нерегулярные сведения о наиболее важных событиях в Европе» и «мелкие заметки из местной жизни, касавшиеся исключительно действий власти и составлявшие в тенденциозно-любивых тонах» [196, стр. 7]. На провинциальные официозы не существовало никакого абонемента, вилайеты должны были пересылать их друг другу «для сведения», а для местных жителей их на-

клеивали на стену губернского конака. Тираж этих изданий не превышал 100—150 экземпляров. Их тиража, замечал П. Феш, было «едва достаточно для чиновников и для обмена на официальные листки других вилайетов» [296, стр. 60].

В целом провинциальная пресса, не говоря уже о книгопечатании, не играла сколько-нибудь существенной роли ни в общественно-политической, ни в культурной жизни Турции. К. Юст, характеризуя состояние провинциальной турецкой печати начала XX в. как ублюдочное, писал, что только «Константинополь и Смирна являлись центрами, будиrowавшими общественную мысль как столицы, так и всей провинции, и источником той покуда потенциальной силы, которая к 1908 году смогла себя вывить» [196, стр. 12].

* * *

Заканчивая анализ турецкой печати в тридцатилетний период «зулюма», следует прежде всего подчеркнуть, что в ней отразились сложные противоречия общественно-политического и культурного развития отсталой страны, оказавшейся под двойным гнетом — империализма и феодально-деспотического режима. Анализ книжной продукции и прессы Турции тех лет свидетельствует, что, с одной стороны, в турецком обществе продолжали накапливаться и развиваться те конкретные знания науки, техники, культуры, которые способствовали распространению буржуазных взглядов, упрочению, выражаясь словами К. Юста, «потенциальной силы», положившей конец феодальному самодержавию; с другой — жестокий деспотизм Абдул Хамида II в политическом отношении низвел печать до роли своей покорной служанки. Именно это имел в виду П. Феш, когда писал (в ноябре 1907 г.): «Вот уже 30 лет, как печать в Турции не существует. Имеется немало газет, они даже многочисленны; но ножицы цензуры их режут и калечат и так выхолощивают, что они не имеют более никакой силы... это газеты-мерины или, сохраняя восточный колорит, лучше сказать, газеты-евнухи... Они предпочитают эту ничтожную жизнь тотальной смерти...» Печать Турции, продолжал он, «связанная, с кляпом во рту, не имеет никакого иного права, кроме как петь вечные дифирамбы падишаху. А когда казалось, что может зазвучать иная нота, кляп и цепи делали покрепче — и все!» [296, стр. 50—52]. О турецких газетах кануна революции 1908 г. В. А. Гордлевский писал, что они превратились в «заведенные машины, выделявшие определенные движения; это были куклы, которые стоило дернуть за веревочку — и они принимали требуемое положение» [151, стр. 433].

С началом первой русской революции все внимание сул-

тана, полиции, властей, ведавших печатью, было сосредоточено на том, чтобы не допустить проникновения в Турцию сведений о том могучем революционном процессе, который В. И. Ленин назвал пробуждением Азии [см. 15]. Одно из средств остановить распространение этого потока на Турцию султан и его клеветы видели в том, чтобы замолчать его. По свидетельству секретаря султана Тахсин-паши, Абдул Хамида бросало в дрожь от одной мысли, что стамбульское население может узнать о революционном «Потемкине» [90, стр. 174].

Крутые меры в этом направлении были приняты сразу после январских событий 1905 г. в России. Ссылаясь на сообщение из Стамбула, газета «Санкт-Петербургские ведомости» 9 февраля 1905 г. писала, что специальное ираде султана «запрещает чтение европейских книг и газет; и наряду с этим строго запрещается всем турецким газетам печатать даже вкратце или в извлечениях статьи и известия из европейских периодических изданий. Несколько газет, нарушивших это запрещение, были закрыты». На какое-то время стамбульским газетам предписывалось не употреблять даже слово «рус» («русский») [192, стр. 17]. Турецкие власти запретили ввоз из России бакинской газеты «Иршад» и издававшейся в Тифлисе (Тбилиси) на азербайджанском языке газеты «Шарк-и рус» («Русский Восток»), поскольку в них освещались революционные события в России и в Иране. Турецкие газеты, по свидетельству П. Феша, «не знали даже ни Думы, ни новой персидской конституции» [296, стр. 54].

В обстановке жесточайшего феодально-деспотического гнета, который царил в стране 30 лет и особенно усилился в последние годы царствования «кровавого султана», печать Турции не имела возможности открыто стать глашатаем прогрессивных сил, стремившихся восстановить конституцию 1876 г. В возрождении конституционного движения, которое под руководством буржуазно-революционных организаций младотурок завершилось июльским переворотом 1908 г. и положило конец самодержавию в Турции, важную роль сыграла турецкая вольная пресса 90-х годов XIX — начала XX в.

Глава VII

ВОЛЬНАЯ ПРЕССА МЛАДОТУРОК В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНО-ДЕСПОТИЧЕСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ (1895—1908 гг.)

До начала 90-х годов XIX в. казалось, что султану Абдул Хамиду и его сподручным удалось заглушить или уничтожить все то здоровое и прогрессивное, что вызревало в общественно-политической и культурной жизни Турции со времен Ибрагима Шинаси и Намыка Кемалья. Однако семена борьбы против самодержавного режима, посеянные «новыми османами», не пропали даром. В 1892 г. в Стамбуле была раскрыта возникшая тремя годами раньше тайная политическая организация «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки»), которую создали курсанты Военно-медицинского училища для борьбы за восстановление конституционной монархии. К тому времени эта организация имела связи с рядом групп в других военных и гражданских учебных заведениях столицы. И хотя местная печать молчала о раскрытии антиправительственной организации, слухи об этом дошли до населения столицы и провинций. Несмотря на аресты отдельных членов, общество «Единение и прогресс» не было ликвидировано и вскоре даже расширило свою деятельность [306, стр. 17—20]. По-видимому, первым его печатным изданием была листовка, распространенная в 1894 г., которая призывала всех османов к единению для борьбы против «гнета, тирании и дурного управления» [91, стр. 48]¹.

В конце 90-х годов XIX в. и особенно в начале XX в. число младотурецких групп и ячеек, а также различных других тайных антиправительственных организаций, не связанных непосредственно с обществом «Единение и прогресс»,

---

¹ Поводом для распространения этой листовки послужил налет небольшой группы армян на здание Порты и захват Оттоманского банка. Целью этой акции было привлечь международное общественное мнение к начавшейся резне армян востока Малой Азии. Не одобряя налет армян, авторы листовки, однако, главную ответственность за случившееся возлагали на господствующий режим.

значительно увеличилось². Несколько оживилась и их собственная издательская деятельность. Случалось даже, что им удавалось выпускать кроме листовок и небольших брошюр свои периодические издания. Так, созданное в сентябре 1904 г. «Революционное общество», в которое входили учащиеся одной стамбульской средней школы, выпускало «Меджмуа-и инкилябие» («Революционный журнал»); его тираж составлял несколько сот экземпляров. Примерно тогда же тайная организация в Военной академии при участии Мустафы Кемалея выпускала рукописную газету [174, стр. 70]. Но в основном младотурецкие группы, действовавшие внутри страны, занимались распространением изданий зарубежных младотурецких центров.

Возникновение младотурецкой вольной прессы имело в принципе те же причины, которые в 60-х годах привели к появлению вольных изданий «новых османов»: преследования оппозиции и отсутствие свободы слова и печати на родине. Однако и сами младотурецкие организации и их печатные органы в большинстве своем оказались более дееспособными и активными. Это и понятно: за прошедшие четверть века значительно выросла численно и приобрела опыт политической борьбы турецкая буржуазная интеллигенция. Она жила и действовала в новой исторической обстановке, когда окончательно прояснилась пагубность для страны феодально-деспотического правления и завершился процесс превращения Турции в полуколонию империалистических держав. На глазах младотурецких деятелей конца XIX — начала XX в. в Османской империи резко обострились национальные и социальные противоречия. Они были свидетелями первой буржуазно-демократической революции в России и политического пробуждения народов Азии. Поэтому в вольной прессе младотурок, хотя их программа действий до 1907 г. во многом повторяла требования «новых османов», проблемы политического, экономического и культурного развития страны были сформулированы более отчетливо. Изучение материалов основных органов зарубежной периодики младотурок позволяет вместе с тем получить более детальное представление об общественно-политических взглядах лидеров младотурецкого движения, о сходстве и различиях в подходе к коренным вопросам, в решении которых нуждалась, по их мнению, страна.

По нашим подсчетам, в период царствования Абдул Хамида (точнее, с 1879 по 1907 г.) за пределами Турции вышло около 120 эмигрантских газет и журналов, издатели которых находились в оппозиции к Порте. Некоторые из этих

---

² Деятельности младотурецких организаций мы будем здесь касаться лишь в степени, необходимой для данной темы; подробнее см. [186, стр. 165—216].

изданий существовали в течение многих лет подряд, в большинстве же они были сравнительно недолговечными. Основными центрами вольной прессы младотурок были Париж, Женева, Лондон, Фолкстон и Каир. Кроме того, газеты издавались в Афинах, Пирее, Софии, Пловдиве и Бухаресте. Отдельные издания появлялись в Лионе, Неаполе, Брюсселе и некоторых других городах Европы [106; 296, стр. 157—159; 240, стр. 119—121; 272, стр. 160—169].

Оппозиционная печать эмигрантов, бежавших от преследований режима Абдул Хамида, возникла задолго до начала организованного политического движения младотурок. Первым органом вольной печати, выступившим против этого султана, была газета «Истикбаль», которую 26 октября 1879 г. начал выпускать в Неаполе Али Шефкати, один из видных участников заговора Клеанти Скальери³. В 1880—1881 гг. Али Шефкати продолжал свое издание в Женеве [260, стр. 11]. Его газета переправлялась в Турцию и, возможно, подсказала Ибрагиму Темо идею организации общества «Единение и прогресс». Во всяком случае, члены этого тайного кружка знали об этой газете и читали ее [91, стр. 68]. Другой участник заговора, Хильми Хаккы, в 1879 г. в Женеве издавал газету «Генджине-и хаяль» («Сокровищница мечты»), а в 1880 г. в Париже — газету «Теессюф» («Сожаление»). Судя по содержанию имеющегося в нашем распоряжении одного номера (96), «Теессюф» пользовалась поддержкой сына Мухаммеда Али — египетского принца Халим-паши [39], которого весной 1882 г. французское правительство прочило на пост хедива в противовес Тауфику, ставленнику Англии.

С начала 90-х годов политическая эмиграция из Турции приняла более широкие размеры, что дало новый толчок развитию турецкой вольной печати. В 1891 г. стамбульский грек Д. Георгиадис начал выпускать в Париже газету «Ля Тюрки контанпорэн», которая имела подзаголовок «Орган молодой Турции». Эта газета выходила лишь два месяца. Султан обратился к французскому правительству с просьбой закрыть эту газету, что и было сделано. Представление о направлении газеты «Ля Тюрки контанпорэн» дает программная статья, опубликованная в № 1 от 20 апреля 1891 г. «Наша цель, — говорилось в ней, — состоит в том, чтобы раздавить червя, который подтачивает все институты и административный механизм наиболее прекрасной страны древнего мира... Мы призываем всех просвещенных людей Османской империи, без различия расы и вероисповедания,

---

³ После провала заговора (летом 1878 г.), ставившего своей целью возвращение Мурада V на трон, а Мидхат-паши на пост великого везира, Клеанти Скальери, Али Шефкати и некоторым другим заговорщикам удалось бежать за границу.

объединиться и образовать могучий союз, чтобы помочь мужественному и трудолюбивому населению выйти из состояния одряхления...» [296, стр. 336]. В своей газете Д. Георгиадис писал также о необходимости реформ, которые избавили бы народы империи от «османского ига» (11 мая 1891 г.). В 1892—1893 гг. он издавал в Париже газету «Йылдыз — Этуаль д'Орьян» («Звезда — Звезда Востока») на турецком и французском языках [260, стр. 13].

В 1892 г. вместе с Эмруллах-эфенди (министром просвещения после революции 1908 г.) бежал из Измира в Женеву издатель газеты «Хизмет» и друг Халида Зии — Тевфик Невзад. Там он продолжил издание газеты, но в 1893 г. возвратился в Турцию, был арестован и умер в тюрьме. Его брат Рефик Невзад бежал в 1895 г. в Париж и издавал там газету «Сосьялист» («Социалист») [260, стр. 14]⁴.

Годом раньше эмигрировал из Турции в Лондон Селим Фарис, сын Ахмеда Фариса Шидьяка, основателя арабской газеты «Эль-джеваиб» («Ответы»), выходившей в Стамбуле в 60-х годах. Под псевдонимом Дживанпир он начал издавать здесь газету «Хюрриет». Первый номер этой так называемой второй газеты «Хюрриет» вышел 1 февраля 1894 г.; ее периодичность (два-четыре раза в месяц), размеры, способ издания (часть номеров литографирована) неоднократно менялись [279, стр. 75]. «Эта газета, — говорилось в ее подзаголовке, — требует основных законных прав для всех османских подданных и является выразителем мнений всех честных и любящих свободу людей» [47, 1.1.1897]. «Хюрриет» объявляла себя «органом конституционной партии Турции», но в сущности выдвигала только программу умеренных либеральных реформ в том смысле, как их понимали в некоторых официальных политических кругах Стамбула [260, стр. 16]. Однако в ней печаталось достаточно материалов, вызывавших раздражение Порты. То «в почтительных, но решительных выражениях» газета писала о необходимости восстановления конституции 1876 г., то цитировала стихи Намыка Кемала о свободе, а в № 57 от 1 сентября 1896 г., посвященном дню восшествия Абдул Хамида на престол, поместила портрет султана в черной рамке [279, стр. 75, 77]. «Хюрриет» пыталась также убедить английское общественное мнение в том, что «обладающий качествами деспота падишах не заслуживает благорасположения и поддержки английского государства, которое опирается на незыблемые [?!] конституционные свободы» [240, стр. 48]. В конце 1897 г. или начале следующего года агенты султана уговорили Селима Фариса прекратить выпуск его газеты.

⁴ Ш. Мардин отмечает, что ни одного номера этой газеты до сих пор не обнаружено, что не мешает ему утверждать, будто она была «младотурецким социалистическим органом».

Среди других газет, основанных в первой половине 90-х годов, следует упомянуть женевскую «Хиляль» («Полумсяц», 1893 г.) и лондонскую «Хаяль» («Фантазия»). Последнюю с 27 мая по 15 сентября 1895 г. издавал Али Шефкати. Вышло только шесть номеров этой газеты. Это было первое юмористическое издание за рубежом, в котором политические дела обсуждали традиционные персонажи турецкого теневого театра Карагёз и Хадживат. Здесь же тяжелобольной Али Шефкати выпустил пять номеров своей «Истикбаль», издание которой прервалось в Женеве в феврале 1881 г. [279, стр. 81]. Наконец, в марте 1895 г. бывший депутат османского парламента от Сирии Халиль Ганем и ливанец Эмир Арслан основали в Париже арабскую газету «Кешф ун-никаб» («Открытие покрывала»), которая выступила с требованием восстановления конституции 1876 г. «для всех народов Османской империи, независимо от расы и вероисповедания» [260, стр. 18].

Таким образом, за период от разгона парламента (1878 г.) до середины 90-х годов в Европе появилось не менее десяти газет турецких эмигрантов. Но эти предшественники младотурецкой вольной прессы были недолговечны или создавались людьми, не связанными с младотурецкими организациями. Неизвестно, все ли эти издания попадали в Турцию, и во всяком случае их влияние на общественное мнение страны не могло быть сколько-нибудь значительным⁵.

Одним из зачинателей вольной прессы младотурок был уже упоминавшийся Мурад Мизанджи (Гаджи-Мурад Амиров). Гаджи-Мурад Амиров, которого И. Абдуллаев называет «человеком удивительной судьбы», родился в 1853 г. в дагестанском селении Урахи и окончил Ставропольскую гимназию, проявив склонности к изучению фольклора, этнографии и истории. В 19-летнем возрасте он уехал для продолжения образования в Цюрих; но уже в феврале 1873 г. молодой Мурад оказался в Турции. Причиной его эмиграции была, вероятно, колониальная политика царизма в отношении горцев Дагестана [140, стр. 43]. Мурад приехал в Стамбул как раз в то время, когда еще не была закрыта

---

⁵ Ш. Мардин в своем исследовании о политических идеях младотурок [260, стр. 20] заявляет, что на возрождение конституционного движения в Турции существенное влияние оказала туркоязычная пресса Болгарии, в частности газета «Тарла» («Нива»), которую с июня 1882 г. выпускал в Софии болгарский турок Менизаде Юсуф. По его словам, некоторые статьи этой газеты были проникнуты духом народничества. Оба этих вопроса нуждаются, однако, в специальном изучении. «Тарла», именовавшая себя «специальной газетой, служащей пользе подданных Болгарии», давала обширную информацию о положении в Турции, критически освещала политику Порты (комплект «Тарла» за 1882 г. обнаружен нами в АВПР) [см. 20].

«Ибрет», готовилась к постановке пьеса Намыка Кемаля «Родина, или Силистрия» и конституционное движение находилось на подъеме. Хотя Мурада интересовали в то время больше не политические вопросы, а культура и наука, он пришел искать поддержки у Мидхат-паши, являвшегося тогда министром юстиции, а в 1876 г. сблизился с «новыми османами». Популярность в среде молодой турецкой интеллигенции пришла к Мураду после 1878 г., когда он начал преподавать всеобщую и османскую историю в одном из самых привилегированных учебных заведений Стамбула — Школе гражданских чиновников и особенно после выхода в свет его исторических трудов, которые, как пишет Ш. Мардин, «раскрыли для османских интеллигентов совершенно новые горизонты» [260, стр. 50].

Журналистская деятельность Мурада началась задолго до того, как он оказался в эмиграции. Еще в 1886 г. он начал издавать в Стамбуле газету «Мизан» («Весы»), от названия которой и произошло его прозвище Мизанджи. Газета выходила с 18 октября 1886 до начала 1890 г., т. е. в тот период, когда цензурные преследования печати усилились. Тем не менее Мизанджи Мурад высказал на страницах своей газеты некоторые взгляды, которые явились отголосками идей османских либералов-конституционалистов 60—70-х годов XIX в. и позднее получили развитие в эмигрантской печати младотурок⁶.

В редакционной статье первого номера «Мизан» объявляла, что она будет обращаться к населению не только столицы, но и провинций. Во многих номерах она писала о необходимости устранить вмешательство европейских политиков в турецкие дела, выступала против капитуляций и других привилегий иностранцев в Турции. Иногда «Мизан» критиковала отдельных министров, косвенно выражала неудовольствие отсутствием какого-либо контроля за деятель-

---

⁶ В наших хранилищах стамбульское издание «Мизан» разыскать не удалось. Ш. Мардин утверждает, что в «Мизан» проявились народнические взгляды, с которыми Мурад мог познакомиться как до эмиграции, так и позднее, поскольку он продолжал читать русскую прессу [260, стр. 72]. Очевидно, что этот вопрос заслуживает специального исследования. Здесь можно только напомнить, что народничество, которое В. И. Ленин характеризовал как идеологию крестьянской демократии в России [14, стр. 304], получило распространение и среди народов Кавказа. Но, начавшись как революционно-освободительное движение, народничество в 80-х годах XIX в. превратилось в мелкобуржуазное реформаторское течение, программа которого была рассчитана на то, чтобы «заштопать», «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества...* [9, стр. 272]. Политические взгляды Мурада дают основание считать, что и в конце 80-х годов, и в период своей наиболее активной борьбы против феодально-самодержавного режима в Турции он мог питать определенные симпатии к либеральному, но не революционному народничеству.

ностью Порты. Так, в статье «Английские дела», напечатанной 6 сентября 1888 г., Мурад писал, что правительство Англии «более чем где бы то ни было находится под контролем и воздействием общественного мнения». В статьях по вопросам культуры «Мизан» высказывалась против слепой приверженности к старым формам в литературе. Можно сказать, пожалуй, что в ней прозвучали призывы к национальному пробуждению. «Давайте обсуждать всякие философские доктрины и нововведения у арабов, но не будем забывать... что мы — турки», — писала «Мизан» 11 ноября 1886 г. [260, стр. 72—76]. В остальном «Мизан» не отличалась от других газет, выходивших в то время в Турции. Позволяя себе умеренную критику правительства, она в то же время взяла за правило «хвалить падишаха даже больше, чем это делали все другие газеты... Однако ни тактика, избранная „Мизан“, ни горячие пропадишахские чувства Мурада не смогли помешать прекращению издания газеты в 1890 г.» [260, стр. 50—51].

В 1891 г. Абдул Хамид назначил Мурада правительственным комиссаром в Управление османского публичного долга. Через два года Мурад установил связи с обществом «Единение и прогресс», но, по собственным словам, советовал «молодым» придерживаться умеренности, и сам еще питал «большие надежды, что султан изменит свою линию действий» [260, стр. 53]. Только в октябре 1895 г. Мурад отправил султану докладную записку о необходимости реформы органов управления. Не получив на нее ответа, он в конце 1895 г. уехал в Париж, а оттуда в Каир, где в начале января 1896 г. возобновил издание «Мизан».

В Каире «Мизан» выходила до лета 1896 г. В № 160 за 23 января 1896 г.⁷ Мурад писал: «Наша цель состоит не в том, чтобы распространять революционную идею: в делах государства наш принцип — быть умеренным настолько, что в цивилизованном мире нас посчитали бы консерваторами» [цит. по: 83, стр. 28]. Этим принципом была проникнута и программная статья «Обращение к султану Абдул Хамиду», опубликованная в «Мизан» 13 февраля 1896 г. Мурад писал в ней, что в прошедшие эпохи не раз бывало, когда государственные дела в империи находились в упадке, «однако до настоящего времени существование ее не подвергалось опасности». Теперь положение изменилось. Османская империя потеряла Болгарию, Боснию, Герцеговину, Тунис, Египет и многие другие территории; в тех землях «образованы независимые правительства». Более всего заслуживает внимания то, продолжал Мурад, что во всех немусульманских стра-

---

⁷ Нумерация «Мизан» каирского периода продолжала прежнюю, стамбульскую нумерацию.

нах, освободившихся от Турции, осуществляются гарантии собственности, жизни, чести, отменены капитуляции, ликвидируется бандитизм. «Напротив, в землях, оставшихся под османским управлением, по причине отсутствия безопасности в торговле наступил застой. Люди, из опасения угодить в руки разбойников, не могут попасть в свои чифтлики... перемены в правилах таможенных и торговых операций уничтожили богатство страны. Каждый жалуется на существующее положение и отсутствие порядка в управлении. В стране нет спокойствия» [цит. по: 83, стр. 277—279]. Нарисовав такую картину положения в Османской империи, автор «Обращения» писал, что причина всех бед — отсутствие ответственного правительства. В почтительных и верноподданнических тонах призывал он падишаха обратиться свое «благоклонное внимание» на то, что в европейских странах именно система государственного управления содействует прогрессу земледелия, промышленности, торговли, их силы и мощи, и указывал на необходимость создания некоего совещательного органа и «ответственного правительства», действующего под надзором сената [цит. по: 83, стр. 283, 288].

Через все политические статьи каирского издания «Мизан» проходят две основные темы: 1) обязанности и ответственность правительства и 2) альтернатива — реформы и спасение государства или отказ от реформ и его гибель. Изучение материалов этих статей дает основание считать, что Мурад не имел достаточно ясной концепции реформы государственного строя Османской империи. Тем более не было у него тогда сколько-нибудь четкой программы действий. Очевидно только, что Мурад был приверженцем монархического принципа правления. Теоретически он признавал достоинства буржуазного парламентаризма и ответственность правителя перед избравшим его народом (от 31 января 1896 г.), однако не считал, что турецкое общество уже созрело для парламентского управления [83, стр. 9 и сл.]. В его интерпретации требование ответственного правительства имело ограниченное значение. Так, в упомянутом «Обращении» он писал: «Падишахи не являются ответственными, но только в том случае, если поручили дело ответственному комитету». Объявляя сенат гарантом ответственности правительства («комитета»), Мурад ничего не говорил о способе его формирования, составе, правах и т. д.

В первой половине 1896 г. Мурад продолжал верить, что султана можно уговорить создать ответственное правительство, и пытался только получше растолковать Абдул Хамиду его обязанности. Этому, в частности, была посвящена большая статья «Сон» («Рюйя»), напечатанная в «Мизан» 3 апреля 1896 г. Любопытно, что в этом «Сне» Мурад вкла-

дывал в уста султана-деспота слова, которые должны оправдать его действия: «Ты называешь меня тираном,— говорит Абдул Хамид своему воображаемому собеседнику.— Ну что же, пусть будет так. Однако с чьей помощью творю я тиранство?.. Исполнители моей тирании—это министры, улемы, военачальники, т. е. люди общины (эфрад-ы миллет). И разве все эти тайные агенты, в чинах и без оных, которые включены в списки по их требованиям и просьбам, не являются также детьми общины? И разве хоть один из них колебался в осуществлении самого жестокого приказа? Когда я поручаю сыну арестовать и заключить в тюрьму отца, я вижу, что сын проявляет гораздо больше усердия в выполнении моего приказа, чем чужой» [цит. по: 83, стр. 236]. Отталкиваясь от этого рассуждения, Мурад делал вывод, что Турция нуждается прежде всего в образованном правящем слое, состоящем из знающих и «совестливых» людей [83, стр. 238—239]. Основное острие критики «Мизан» поворачивалось не против султана, а против Порты и ее «плохих» министров.

С темой ответственности правительства теснейшим образом связана и выдвигавшаяся на страницах «Мизан» альтернатива—проводить реформу государственного управления или нет. Она была сформулирована впервые в письме, которое Мурад отправил Абдул Хамиду через турецкого посла в Вене Галиб-бея в объяснение причины своей эмиграции. Письмо, датированное 11 декабря 1895 г., было напечатано в «Мизан» 16 января 1896 г. Отметив, что положение в стране чревато мятежом, и предупредив, что опасности подвергается не только «государство и народ», но и «жизнь императорской особы», Мурад писал Абдул Хамиду, что у того есть лишь два выхода: «или успокоить общественное мнение путем введения совещательного принципа управления... или отречение от трона. Третьего пути, чтобы выправить положение, нет» [цит. по: 83, стр. 124]. С аналогичным «или—или» «Мизан» выступила также 6 февраля 1896 г. 13 марта того же года эта формула в «Мизан» приобрела вид двустишия:

Ya kabul-ü meşveret-i şeriye
Yahut terk-i hükümet-i müstebide

(«Или принятие основанного на шариате
принципа совещательности,
Или отставка деспотического правительства»)

[цит. по: 83, стр. 157].

27 февраля 1896 г. «Мизан» уверяла султана, что введение «совещательного принципа» «возвратит уверенность и доверие друзьям и недругам, заставив их забыть прошлое».

Выдвигая эту излюбленную формулу почти в каждом номере каирского издания своей газеты, Мурад Мизанджи одновременно и уговаривал султана и пугал его призраком бунта. Однако идея насилия над личностью правителя была абсолютно чужда Мураду. 7 мая 1896 г. в «Мизан» была напечатана статья по поводу убийства шаха Ирана Насреддина: «Мы испытываем отвращение к преступлению. Мы проклинаем преступника. Мы докладываем его величеству султану Абдул Хамиду, что наше отвращение и проклятие являются искренними» [цит. по: 83, стр. 191].

Можно предположить, что, говоря о «совещательном принципе», Мурад имел в виду парламентскую форму правления. Однако в «Мизан» каирского периода о конституции Мидхат-паши и первом османском парламенте или ничего не говорилось, или упоминалось мимоходом [74, 27.II.1896]. Ни по содержанию, ни по тону материалов, публиковавшихся в «Мизан» в первом полугодии 1896 г., нельзя сделать вывода, что ее издатель хотел восстановления парламентского режима 1876 г. Но и умеренная прогрессивность Мурада была нетерпима для Абдул Хамида. Во многих своих статьях «Мизан» вскрывала язвы и пороки феодально-деспотического режима: преследования всех инакомыслящих, отсутствие свободы печати, самоуправство чиновников, административный произвол, несправедливости в судах; она часто критиковала министров Порты. Материалы «Мизан» были проникнуты духом протеста против неограниченного самодержавия. К тому же издание «Мизан» усилило приток турецких эмигрантов в Каир, сделало его важным центром политической оппозиции султану. Абдул Хамид, к которому не раз обращался со своими письмами и призывами издатель «Мизан», рассматривал газету как враждебную лично ему. В результате нажима на хедива и переговоров Порты с английским колониальным наместником лордом Кромером Мурад летом 1896 г. вынужден был покинуть Египет. Позже он продолжил издание «Мизан» сначала в Париже, а затем в Женеве.

В середине 90-х годов численный состав турецкой политической эмиграции в Европе значительно вырос. Волна арестов прогрессивных турецких интеллигентов заставила многих искать пристанища за пределами Турции. Бежали из мест ссылки в Париж создатели первой младотурецкой организации «Единение и прогресс» Исхак Сюкути, Ахмед-бей и Мехмед Решид [306, стр. 26]. Эмигрировал в Румынию Ибрагим Темо. Многие молодые турки и нетурки, преисполненные решимости бороться против самодержавия Абдул Хамида II, на долгие годы осели в Париже, Женеве, Брюсселе, Лондоне, а также в Болгарии. К ним присоединялись многие из тех, кто был послан на обучение в Европу.

некоторые чиновники турецких посольств и т. д. С 1895 г. основным местом деятельности младотурок в эмиграции стал Париж. Здесь же начала издаваться и первая газета, объявившая себя официальным органом младотурецкого движения и получившая название «Мешверет» («Обсуждение»).

Своим появлением «Мешверет» обязана одному из видных идеологов и руководителей младотурок — Ахмеду Ризе (1859—1930). Его мать была австрийкой, а отец, Али-бей, получивший за симпатии к Западу прозвище «Ингилиз» («Англичанин»), — сенатором первого османского парламента. В юношеские годы Ахмед Риза обучался в лучшем учебном заведении Стамбула — Галатасарайском лицее и тогда же имел случай близко увидеть ужасающую отсталость и бедность турецкой деревни и анатолийских крестьян⁸. Как он сам писал позднее, эта поездка внушила ему мысль, что «необходимо найти выход в усовершенствовании методов ведения сельского хозяйства» [294, стр. 305]. После окончания сельскохозяйственной школы во Франции Ахмед Риза служил сначала в министерстве земледелия, затем в ведомстве просвещения Бурсы. Засилье бюрократов и стяжательство чиновников убедили его в том, что, состоя на службе в департаментах Порты, он не сможет помочь своей стране. В 1889 г. Ахмед Риза вышел в отставку и уехал в Париж.

Свою общественно-политическую деятельность Ахмед Риза начал с составления традиционных «ляиха» — докладных записок султану, в которых пытался убедить его в необходимости изменить политику, восстановить конституцию, доказывая, что она не противоречит шариату [294, стр. 306—307]. Одна из таких записок была опубликована в газете Али Шефкати «Истикбаль» 15 июля 1895 г. [260, стр. 125].

Одновременно Ахмед Риза систематически расширял свои знания. Его политические взгляды формировались под сильным влиянием философии позитивизма, родоначальником которой был Огюст Конт (1798—1857). Идеалистическая философская система позитивизма, стремившаяся доказать, что законы общественного развития могут быть познаны с помощью точных наук, подобно законам физики, утверждала вместе с тем веру в безграничный прогресс общества, в определяющую роль науки и техники в развитии человечества. Особенно близкой Ахмеду Ризе была социология Конта, проповедовавшая гармонию между классами. Не случайным девизом позитивистов были слова: «Порядок и прогресс». Ахмед Риза усвоил учение французских позитивистов, объективно отражавшее классовые интересы бур-

---

⁸ Он ездил в Конию к отцу, сосланному туда после 1876 г. за связь с низложенным султаном Мурадом V.

жуазии развитых капиталистических государств Запада эпохи империализма, когда этот класс уже исчерпал свои революционные возможности. В приложении к турецким условиям учение позитивистов могло означать лишь возрождение программы либерально-конституционного движения с присущим ему отказом от подготовки массовых народных выступлений. Оговоримся, кстати, что эта черта была свойственна не только Ахмеду Ризе, но и другим младотурецким лидерам, пока начавшийся в Турции революционный подъем, получивший толчок от русского 1905 г., не заставил их изменить тактику. Однако до той поры — не без влияния позитивизма — группа Ахмеда Ризы отказывалась от подготовки любых акций для насильственного свержения Абдул Хамида, которые планировались иногда в других младотурецких ячейках, хотя основной формой их деятельности также была антиправительственная пропаганда через печать. В конце 1895 г., когда Ахмед Риза решил начать издание своей газеты, он был уже достаточно известен не только турецким интеллигентам, оказавшимся в Европе, но и благодаря обществу позитивистов⁹ — некоторым влиятельным кругам французской общественности. Вместе с ним в издании газеты принимали участие Селяникли Назым, Исхак Сюкути и Халиль Ганем.

Первый номер «Мешверет» на турецком языке вышел 3 декабря 1895 г. Тогда же редакция по настоянию Ахмеда Ризы стала выпускать французское приложение к газете, которое сразу получило известность на Западе (на него часто ссылалась европейская пресса). Турецкое и французское издания имели в подзаголовках указание на то, что являются органом «Молодой Турции», и девиз позитивистов: «Порядок и прогресс». В начале 1897 г. этот девиз был снят, дабы не дискредитировать издание как «безбожное» в глазах истых мусульман [296, стр. 337]. В конце 1898 г., когда выходило только французское издание, девиз был восстановлен и сохранился по крайней мере до 1 ноября 1907 г.¹⁰. Из тех же соображений очень скоро была снята и датировка газеты по календарю позитивистов. На турецком языке «Мешверет» выходила, по-видимому, немногим более года, позднее появлялись лишь отдельные номера, которые до сих пор нигде не обнаружены [260, стр. 135]. Таким образом, это издание Ахмеда Ризы в сущности было предназначено для политических эмигрантов и той тонкой прослойки турецкой интеллигенции, которая владела французским языком.

---

⁹ С 90-х годов Ахмед Риза печатал статьи в органе позитивистов «Ревю оксиденталь».

¹⁰ Номер 193 за 1 ноября 1907 г. — последний из имеющихся в нашем распоряжении.

Турецкий и французский варианты «Мешверет» были неравнозначны. По существу, как отмечает Ш. Мардин, это были разные издания: во французском издании чаще появлялись статьи в духе теории Огюста Конта, в турецком — больше уделялось внимания теме спасения империи от раздела, больше места отводилось критике политики Порты и господствующего в стране режима [206, стр. 134]. Материалы и статьи турецкого издания больше соответствовали директивам общества «Единение и прогресс», французский вариант чаще отражал личную точку зрения Ахмеда Ризы и его ближайшего сподвижника Халиля Ганема. Не имея возможности проводить здесь детальное сопоставление материалов обоих изданий, отметим лишь некоторые, наиболее важные факты.

В первом номере французского приложения «Мешверет» на месте политической передовой статьи была опубликована статья «Наша программа». В ней говорилось, что общество «Единение и прогресс», ставящее своей задачей мирный прогресс Османской империи, решило начать издание газеты в Париже, поскольку на родине свобода печати ликвидирована. «Мы стремимся,— продолжала газета,— работать не для свержения правящей династии, существование которой мы рассматриваем как необходимое условие порядка, но для распространения прогресса и достижения его успеха мирным путем. Наш девиз — „Порядок и прогресс“, и нам чужды решения, достигнутые силой. Мы требуем реформ для всей империи, а не для какой-то ее провинции и не для какой-либо одной национальности, а для всех подданных империи, будь то евреи, христиане или мусульмане. Мы хотим идти по пути цивилизации и мы заявляем, что пойдем этим путем, укрепляя османский элемент, сохраняя свойственные ему условия существования. Мы намерены сохранить особенности нашей восточной цивилизации, заимствовав у Европы только основные достижения науки, лишь то, что совершенно необходимо, чтобы повести народ по пути свободы... Мы против вмешательства иностранных держав в дела Османской империи» [цит. по: 306, стр. 25].

Таким образом (и это главное), во французском издании «Мешверет» в полном соответствии с философией позитивизма открыто отвергались насильственные методы преобразования государственного строя империи. Эта мысль проводилась во французском издании постоянно. Так, в номере от 15 мая 1899 г. Халиль Ганем писал, что «кровавая революция» не только не принесла бы никакой пользы стране, но имела бы своим результатом вмешательство держав [260, стр. 145]. В статье «Пять лет спустя», посвященной пятой годовщине издания «Мешверет», Ахмед Риза продолжал выступать за «мирную эволюцию прогресса». Обращаясь к сул-

тану, он писал: «В этот день, когда законы будут полностью и лояльно применяться, мы будем счастливы поддержать правительство» [98, I.XII.1900].

В «Предисловии» первого номера «Мешверет» на турецком языке цели общества «Единение и прогресс» были изложены иначе. «Османское общество „Единение и прогресс“, — говорилось в нем, — призывает всех османов, независимо от религии и национальности, к единству и союзу... Цель общества состоит в том, чтобы разъяснить населению опасность положения, в которое оно ввергнуто по причине пороков нынешнего правительства, нужды страны и необходимость революции, а также готовить людей к единству и обсуждать пути реформ государственного управления.

Если у народа нет способности понять значение согласия в мыслях и прогресса цивилизации, то слова о единении, свободе и правах — не более как поэтические фантазии и химера. Только от изменения способа управления пользы не бывает. Подобно тому как некогда во Франции невежество народа оставило безрезультатными многие завоевания Великой революции, так и мы не смогли воспользоваться конституцией и потеряли этот документ на владение свободой, которую мы смогли добыть с таким трудом... Одно время народ всего ждал от судьбы... Права он привык ждать от правительства. Эти надежды, ожидания — все от лени. Человек должен ждать счастья и благополучия от своих собственных трудов и усилий, должен сам стараться стать человеком. Только понимание этой необходимости может обеспечить народу свободу и независимость. Народ, который благодаря наукам и просвещению обладает свободой совести и мысли, — свободен, даже если неблагоприятен закон. Однако, если люди, подчиняющиеся самым свободным законам, невежественны, они не отличаются от рабов. Османец, связанный с отечеством и государством не сокрушающей силой, а умственной и сердечной связью и чувствующий в себе потребность служить стране и свои силы, не видит необходимости в разрешении и фермане даже падишаха для того, чтобы защищать честь и национальные права (хукук-умиллие). И никакая могущественная сила не может запретить ему трудиться ради счастья отечества и всеобщей пользы... Такие чувства пробуждаются в нации только с помощью обучения и воспитания» [цит. по: 260, стр. 136—137].

Ш. Мардин, воспроизводящий в своем труде эту программную статью, подписанную Ахмедом Ризой, не замечает того, что она крайне противоречива. Ее первый абзац утверждает необходимость революции, переворота, для того чтобы изменить существующую систему управления, вто-

рой — говорит о том, что для политического и общественного прогресса государства достаточно самоусовершенствования народа через образование. В этом «Предисловии» эклектически соединены две программы или две тактики, взаимно друг друга исключаящие. Без риска впасть в ошибку можно считать, что авторами первой части «Предисловия» были Абдуллах Джевдет и Исхак Сюкути, второй — Ахмед Риза и Халиль Ганем. Молодым подпольщикам Военно-медицинского училища, только что вырвавшимся из лап султанской охранки, был больше по душе заговор, они хотели практического действия для немедленного восстановления конституции. Ахмед Риза считал, что военный путч или убийство султана ничего не дадут, так как темный и отсталый народ не созрел для конституционного управления.

В противоречивости тезисов «Предисловия» отразились те различия во взглядах между отдельными членами группы Ахмеда Ризы, которые год спустя привели некоторых из них к временному отходу от своего лидера и явились, возможно, причиной самоликвидации турецкого издания «Мешверет». Разногласия, которые наметились внутри группы Ахмеда Ризы и редакции обоих изданий «Мешверет», более всего затрагивали вопрос о методах восстановления конституционно-парламентского режима. В отношении целей движения в обществе «Единение и прогресс» в тот период существенных расхождений не было: все члены общества стояли на том, что восстановление конституции 1876 г. поможет предотвратить дальнейший распад и раздел Османской империи, устранил вмешательство иностранных держав в турецкие дела, обеспечит экономический и культурный прогресс.

В отличие от «Хюрриет» Намыка Кемаля, которая очень много писала о том, какой должна быть структура конституционной монархии в Турции, «Мешверет» редко касалась этой темы, подчеркивая лишь, что конституция и парламент 1876 г. вполне соответствуют Корану и шариату. Ахмед Риза не выдвинул новой программы реформы государственного строя империи. Правда, в 1891 г. он писал в позитивистском издании «Ревю оксиденталь», что ислам «ни в какой мере не является врагом республиканского режима. Напротив, он признает лидером только того, кто избран национальным собранием» [260, стр. 132]. Но на страницы «Мешверет» такие заявления не попадали. Там тема республиканского строя для Османской империи, насколько известно, никогда не затрагивалась. «Мешверет» не раз подтверждала незыблемость принципов султаната и халифата. В номере от 1 апреля 1896 г. Ахмед Риза называл османский халифат «законным достоянием, не подлежащим никакой дискуссии» [цит. по: 260, стр. 143].

В турецком издании «Мешверет» основное место занимали материалы о слабости Османской империи, о бедствиях и несчастьях, которые терпит народ по вине деспота-султана, его министров и губернаторов. В № 7 «Мешверет» в следующих словах рисовала общую картину положения в стране: «Целью и намерением деспотического режима является грабеж и издевательство над народом. Крестьяне, будто они являются невольниками в помещичьих хозяйствах, отдают правительству плоды своего труда за целый год. Как будто им все было предоставлено взаймы. Они ухаживают за коровами, но им не дано пить молоко, они делают сыр и масло, но не могут его попробовать. Они выращивают кур, но не едят яиц. Все это, нагрузив на себя, они несут на базар. Теперешние сельские жители голым голами. Их еда — черный хлеб и тюря. Для запашки поля они запрягают в соху с одной стороны арендованную корову, с другой — осла». Газета писала, что нередко крестьян даже в армию посылают босыми, а резервистам для уплаты недоимок приходится распродавать свое имущество [см. 253, т. VIII, стр. 525—526].

Начало издания «Мешверет» совпало по времени с трагедией, разыгравшейся в середине 90-х годов в Восточной Анатолии. Ахмед Риза резко выступал против избиения армян. Вместе с тем события 1895—1896 гг. в Восточной Анатолии, как и позднее греко-турецкая война 1897 г., дали новый толчок пропаганде доктрины османизма. К единству всех народов империи в рамках общего отечества призывал Халиль Ганем уже в первом номере «Мешверет». Ахмед Риза 28 июня 1896 г. протестовал против любых требований предоставить турецким армянам особый статут, обвиняя Европу в попытке возродить эпоху «крестовых походов» [260, стр. 138—141]. Опасаясь, что события 1895—1896 гг. могут послужить поводом для интервенции и откроют дорогу разделу империи, «Мешверет» призывала всех ее подданных к единению и старалась пробудить в них общеосманские патриотические чувства. 1 апреля 1896 г. газета писала: «Мы считаем позором для национальной чести и достоинства не только засилье иностранцев в нашей стране, но даже их вмешательство в наши дела» [цит. по: 260, стр. 140]. Ссылки на то, что введение парламентского управления в Османской империи могло бы разрешить национальные проблемы, в сущности отражали нежелание младотурок и их руководителей признать право угнетенных народов на независимое развитие.

Выше уже говорилось об основных различиях турецкого и французского изданий «Мешверет». Добавим, что во французском варианте Ахмед Риза и Халиль Ганем более резко возражали против любого вмешательства держав в

турецкие дела, особенно в связи с армянскими событиями, греко-турецкой войной из-за Крита, волнениями в Курдистане и антитурецкими выступлениями в Македонии. Исходявшие от политических деятелей Запада или лидеров национального движения нетурецких народов империи требования реформ для отдельных провинций газета расценивала как средство расчленения османского государства. Требования эти, писала «Мешверет» 15 июня 1896 г., европейские державы используют в своих корыстных целях. С еще большей определенностью во французском издании «Мешверет» говорилось о вреде насильственных методов борьбы и революции [260, стр. 144—146].

Таким образом, «Мешверет», не будучи органом революционной организации, шла в своих конкретных требованиях восстановления парламентского режима 1876 г. дальше, чем «Мизан», писавшая о необходимости создания некоего «ответственного правительства». К тому же, в отличие от Мизанджи Мурада, Ахмед Риза не сдерживал себя в оценках личности Абдул Хамида. «Мне стыдно,— писал он в марте 1896 г.,— называть султаном человека, который не думает ни о чем, кроме собственной персоны, и который ради собственного удовольствия и благополучия жертвует всем — славой и честью султана, правами нации» [цит. по: 253, т. VIII, стр. 524]. В одной из статей Ахмед Риза назвал Абдул Хамида «кровавым султаном» (кызыл султан) [250, стр. 90], и это прозвище вошло в историю.

Поэтому, когда до султана дошли сведения о появлении еще одного органа антиправительственной пропаганды, он, по выражению Феша, «взбесился». По его указанию турецкое посольство в Париже стало добиваться у французского правительства закрытия «Мешверет» и высылки ее издателя. Французская пресса сразу же выступила в защиту Ахмеда Ризы¹¹. Оказавшись между двух огней, французское правительство приняло половинчатое решение, запретив 12 апреля 1896 г. «распространение во Франции газеты „Мешверет“, выходящей в Париже на турецком языке». Этого оказалось достаточно, чтобы вынудить Ахмеда Ризу перебазироваться в Швейцарию. Там агенты султана подкупили издателя «Мешверет» и скупили у него весь турецкий шрифт. Тогда Ахмед Риза попытался выпускать свою газету в одной бельгийской литографии и одновременно возобновил в Париже издание газеты на французском языке. В Бельгии регулярное издание «Мешверет» наладить не удалось, так как оно сначала встретило сопротивление властей, а в конце 1897 г.

---

¹¹ 15 апреля 1896 г. в «Мешверет» была напечатана на восьми полосах подборка материалов из французских газет в защиту Ахмеда Ризы и свободы печати.

было запрещено королем. Во Франции дела сложились иначе. В июле 1897 г. турецкое посольство добилося возбуждения судебного процесса над Ахмедом Ризой, Халилем Ганемом и двумя другими членами редакции. Однако под давлением французского общественного мнения, возмущенного расправой над армянами, суд решил учесть «хорошую репутацию обвиняемых», простить им «некоторую вольность пера» и приговорил каждого из них к 16 франкам штрафа, что практически соответствовало оправданию [296, стр. 336—337; 306, стр. 37].

Через месяц после окончания судебного процесса, 15 августа 1897 г., в «Мешверт» была опубликована «Программа Молодой Турции». Хотя эта программа по-прежнему отвергала обращение к силе, «Мешверет» впервые в качестве главной задачи движения выдвинула требование о восстановлении мидхатовской конституции, указав на необходимость «ее постепенного изменения в соответствии с требованиями времени» [260, стр. 147]. Общие задачи «Молодой Турции» газета формулировала так: единство, целостность и неделимость империи, сохранение османской династии, равенство всех перед законом, независимость судов, свобода совести, участие выборных представителей страны в выработке законов, особенно в утверждении бюджета, строгое соблюдение всех законов [220, стр. 258—260]. Однако в то время, когда публиковалась эта программа, «Мешверет» была лишь одной из газет младотурецкой эмиграции. К тому же она уже много месяцев не издавалась на турецком языке.

Разногласия в среде младотурецкой эмиграции в Европе, наметившиеся в самом начале издания «Мешверет», усилились, когда в середине 1896 г. в Париж приехал Мизанджи Мурад, который, по мнению Аб. Алимова, принадлежал к правому крылу турецкого либерального лагеря и отражал в своих выступлениях «настроения турецких купцов и помещиков восточной части Малой Азии», открыто поддерживал абдулхамидовскую политику в национальном вопросе, в частности оправдывал резню армян [142, стр. 18]. С прибытием Мурада усилились позиции тех членов младотурецкой эмиграции, которые с подозрением относились к позитивистским увлечениям Ахмеда Ризы. Кроме того, у определенной части младотурок вызвал недовольство отказ Ахмеда Ризы поддержать намеченный на август 1896 г. правительственный переворот в Стамбуле с целью низложения Абдул Хамида [296, стр. 331—334]. Мало того, что Ахмед Риза не одобрял армянской резни, он не считал необходимым подкреплять все свои рассуждения ссылками на догматы мусульманской веры. Поэтому за ним, совершенно обоснованно, поползла репутация «интернационалиста», «лаици-

ста» и «космополита» [260, стр. 65—66]¹². По этим причинам, имевшим совершенно различное происхождение, в кругу младотурок в Европе в конце 1896—1897 г. произошел раскол [см. 186, стр. 189—194]. Его результатом было появление новых органов турецкой вольной прессы.

В декабре 1896 г. Мурад возобновил в Париже издание «Мизан». Объясняя причины этого шага, он писал 21 июня 1897 г., что это было вызвано отказом Ахмеда Ризы подчиниться воле большинства парижского центра общества «Единение и прогресс» и передать «Мешверет» в распоряжение общества. Первые 18 номеров газеты «Мизан» (с 18 января 1896 по 2 мая 1897 г.) выходили в Париже, с 10 мая до конца июля 1897 г. (№ 19—29) — в Женеве. Газета именовала себя «органом „Молодой Турции“» (по-французски) и «изданием Османского общества „Единение и прогресс“» (по-турецки). Ее девизом были слова: «Единение и прогресс, безопасность и равновесие, совещательный принцип, суверенитет нации, равенство в обязанностях и в ответственности». В сущности, газета «Мизан» стала органом нового центра младотурок, во главе которого оказался Мизанджи Мурад. Какое-то время его поддерживали Исхак Сюкути, Шерефеддин Магмуми, Чюрюксулу Ахмед и полковник Шефик. Эта группа очень разных людей, сложившаяся на основе общего недовольства Ахмедом Ризой, претендовала на то, чтобы выражать мнение всей младотурецкой эмиграции в Европе, чему и должна была служить газета «Мизан».

Поскольку Ахмед Риза отказался признать Мурада лидером парижского бюро общества, в номерах «Мизан» за 3 и 31 мая и 21 июня 1897 г. были напечатаны статьи «Разъяснение истины», в которых вся вина за раскол возлагалась на издателя «Мешверет». Обвинения против Ахмеда Ризы сводились к тому, что он не признает решения большинства, придерживается своего взгляда на состояние национального вопроса в Османской империи и, главное, «хочет превратить нашу организацию в турецкую секцию общества позитивистов» [74, 21.VI.1897]. Газета «Мизан», обращаясь к Порте, писала, что «Общество „Единение и прогресс“ сумеет преодолеть эти разногласия. «Однако,— заканчивала она,— постоянным остается конфликт между угнетенной нацией и дворцом Йылдыз, и он может быть ликвидирован только с падением дворцовой банды» [74, 21.VI.1897].

---

¹² Отмечая, что Ахмед Риза был одним из тех младотурецких лидеров, во взглядах которых ислам играл наименьшую роль, Ш. Мардин высказывает мнение, что только атеизм теории научного социализма помешал Ахмеду Ризе присоединиться к марксизму [260, стр. 131—132]. Думается, однако, что главным препятствием было отрицание Ахмедом Ризой классовой борьбы.

Многие статьи, напечатанные в парижской и женеvской «Мизан», были направлены лично против Абдул Хамида. Газета называла его «узурпатором халифата», который творит «злое дело против отечества, нации, османизма и человечества в целом» [74, 19.VII.1897], и даже «новым Езидом» [74, 29.III.1897], т. е. в данном случае исчадием ада, сатаной. Главной виной султана «Мизан» считала то, что он допустил ослабление власти и потерю имперских областей на Балканах, в Африке и Азии [74, 19.VII.1897].

В этом издании «Мизан» Мурад совершенно определенно высказался за восстановление конституции 1876 г. без всяких изменений. Это требование, опубликованное впервые 4 января 1897 г., было затем повторено в статье о Намыке Кемале (26 апреля 1897 г.), которого газета называла истинным творцом конституции и парламента, родоначальником борьбы за свободу и великим османским патриотом. 12 июня 1897 г. большую статью газета посвятила Мустафе Фазыл-паше — «шейху обновителей», а 28 июня — Али Суави. О последнем газета писала как о мятежнике, восставшем против падишаха и положившем начало той борьбе, в которой постоянно участвовали две силы: «падишах и народ», «правитель и нация», «Хамид и османы». Османы, писал Мурад 4 января 1897 г., никогда не останавливались перед тем, чтобы сбрасывать с трона падишахов, которые подвергают государство опасности, и — в подкрепление требования конституции — пугал Абдул Хамида тем, что «младотурки начнут готовиться к всеобщему восстанию, которого они до сих пор избегали» [цит. по: 260, стр. 68].

В антиправительственной пропаганде, которую вела вольная печать младотурок в середине 90-х годов, подобные призывы встречались не так уж часто. Не отрицая их значения для подъема духа сопротивления деспотизму, следует помнить, что никаких реальных шагов к организации восстания младотурки в то время не предпринимали, да едва ли даже и думали о нем всерьез. Сама же «Мизан», недавно грозившая султану «всеобщим восстанием», в конце июля 1897 г. прекратила свое существование в результате раскола в женеvской группе младотурок и распада ее редакции. Такой поворот событий был ускорен вмешательством извне.

Султан и Порты внимательно следили за деятельностью младотуреvской эмиграции в европейских странах и принимали все меры, чтобы ослабить ее. Попытки добиться от европейских правительств решений о закрытии изданий младотурок за редким исключением терпели неудачу и только увеличивали известность последних. Не дало никакого результата и издание на деньги Порты сначала в Париже, а затем в Брюсселе газеты «Орьян» («Восток»), которой ру-

ководил бывший владелец стамбульского «Сервет» Д. Николаидис. Этот листок, по замечанию П. Феша, воспевал мнимые добродетели Абдул Хамида в столь неумеренных выражениях, что вызывал тошноту даже у наиболее ревностных клеветотворцев султана [296, стр. 69]. Поэтому, едва стало известно о разногласиях в лагере младотурок и о переезде группы Мурада в Женеву (апрель 1897 г.), туда был направлен Ахмед Джелильбедин-паша («главный шпион» Абдул Хамида). Его задачей было убедить Мурада отказаться от борьбы против султана, и он добился своего. Мурад возвратился в Стамбул, рассчитывая, видимо, стать приближенным султана¹³. Осенью 1897 г. приняли назначение на пост военного атташе Чюрюксулу Ахмед (в Белград) и полковник Шефик (в Вену) — ближайшие сподвижники Мурада по изданию «Мизан».

Отъезд Мурада был значительным ударом реакции по младотурецкому движению. Однако основные силы младотурок в Европе и в Египте сохранились. В 1898—1902 гг., несмотря на раздробленность движения, вольная турецкая пресса переживала заметный подъем. Основными ее центрами в те годы были Женева, Фолкстон и Каир. В Париже продолжалось издание «Мешверет» на французском языке.

До начала 1900 г. наиболее активной была женевская группа младотурок. Она сохраняла название и права комитета «Единение и прогресс». С осени 1897 г. в эту группу входили такие ветераны движения, как Абдуллах Джевет¹⁴, Исхак Сюкути, Туналы Хильми¹⁵, Нури Ахмед, Халиль Муваффах, Акыл Мухтар, Мехмед Решид и Рефик,

---

¹³ После отказа стать «своего рода тайным агентом» Абдул Хамида Мурад был определен в финансовую часть Государственного совета [260, стр. 71], но фактически до 1908 г. находился под надзором полиции [90, стр. 100]. Прямых указаний на причину, заставившую Мурада отойти от младотурок, нет. Статьи, которые он публиковал за несколько месяцев до того в «Мизан», также не вносят ясности в этот вопрос. Однако факты биографии Мурада дают основание предполагать, что он давно уже переживал жизненный и духовный кризис. Покинув Россию, он надеялся найти в Турции свою родину и поначалу был значительной фигурой в среде молодой, либерально настроенной интеллигенции. Однако с наступлением «зудюма» убедился, что правящая элита не нуждается в его услугах просветителя. Он бежал в Каир, откуда вскоре был выдворен. В Париже он не сошелся с Ахмедом Ризой и не сумел стать признанным лидером всей младотурецкой эмиграции. Разгром и аресты ряда организаций младотурок в Стамбуле (весной и летом 1897 г.) подорвали его веру в конечный успех движения, а переговоры с Ахмедом Джелильбедин-пашой возродили его прежние «царистские» иллюзии.

¹⁴ Он появился в Женеве, видимо, летом 1897 г., бежав из триполитанской ссылки [257, стр. 100].

¹⁵ В 1896 г. Туналы Хильми (1863—1928) создал в Женеве младотурецкую группу, именовавшую себя «Османской революционной партией», которая осенью 1897 г. вошла в женевский комитет. Короткое время группа Хильми выпускала в Женеве газету «Эзан» («Призыв на молитву»).

имевшие опыт подпольной работы в Турции. 1 декабря 1897 г. женевская группа младотурок по инициативе А. Джевдета, И. Сюкути и Т. Хильми начала издавать новую газету на турецком языке — «Османлы» («Османец»). Она выходила два раза в месяц. С декабря 1897 г. стали печататься ее приложения на французском, с июля 1898 г. — на английском, а с февраля 1900 г. — на немецком языке [279, стр. 88—89]. Однако все они выходили нерегулярно.

История издания «Османлы» сложнее, чем судьба других органов вольной прессы младотурок. За время своего существования — с 1897 по 1904 г. — она неоднократно переходила от одной группировки к другой, менялось место ее издания, ее значение в ряду прочих младотурецких газет. Этой газете, более чем другим, присущи отклонения, порой значительные, от ранее выбранной концепции. Разнообразие оттенков политической линии «Османлы» в ее антиправительственной пропаганде наглядно отражает пестроту политических взглядов и устремлений тех групп турецкой политической эмиграции, которые объединялись общим названием «Молодая Турция» и имели общую цель восстановления конституции 1876 г., но по-разному представляли себе методы ее достижения и конкретные очертания формы, в которую должно воплотиться в будущем государственное устройство империи.

В истории издания «Османлы» можно выделить четыре основных периода: 1) женевский (декабрь 1897 — июнь 1900 г.), когда газета была главным туркоязычным органом комитета «Единение и прогресс» в Европе; 2) английский (июнь 1900 — февраль 1903 г.), когда работу ее редакции направлял принц Сабахеддин, дававший средства на издание газеты; 3) каирский (лето 1903 — весна 1904 г.), когда газетой руководили Эдхем Рухи и Абдульхалим Мемдух¹⁶; 4) второй женевский период (лето 1904 г.), когда газета стала органом Общества османского единения и революции.

В редакцию «Османлы» вошли представители разных мусульманских народов империи: курд Абуллах Джевдет, турок Исхак Сюкути, черкес Мехмед Решид, араб Шерифеддин Магмуми. В нее писал также албанец Ибрагим Темо. Ядро редакции составляли люди, не имевшие отношения к османской бюрократии. Это были главным образом молодые военные врачи, сравнительно недавно вступившие на путь общественно-политической деятельности, не принадлежавшие к громким фамилиям; ни один из них не приобрел еще широкой известности у себя на родине. Их близость к армейской среде и участие в нелегальных кружках на

¹⁶ Эдхем Рухи бежал в Европу из триполитанской ссылки, куда был отправлен после судебного процесса 78-ми весной 1897 г.; Абдульхалим Мемдух до ссылки сотрудничал в газете Тевфика Невзада в Измире.

территории Турции в недавнем прошлом, наконец, знакомство некоторых из них с тюрьмой и ссылкой придали антиправительственной пропаганде «Османлы» большую боевистость. И не случайно в первые два года своего существования, т. е. в период, когда в руководстве газетой стояли названные люди, «Османлы» была тесно связана с младотурецкими ячейками и группами на Балканах, и многие материалы, публиковавшиеся в ней, были предназначены для турецкого населения Фракии, Македонии и других районов [260, стр. 97—98], где впоследствии зародилось массовое движение, положившее начало младотурецкой революции.

Другое немаловажное качество «Османлы» — простота ее языка, особенно в сравнении с «Мизан» и «Мешверет». Она явно была предназначена для более широкой аудитории, чем ее недолговременные предшественницы. Ш. Мардин сравнивает «Османлы» с немудрящим провинциальным пропагандистом, который сознательно игнорировал высокопоставленных и консервативных эфенди из Высокой Порты как «жалких и презренных тварей» [59, I.II.1898] и начинал понимать необходимость обращаться к «людям из народа», под которыми газета разумела «своего рода османский „средний слой“, сформировавшийся преимущественно в Румелии, более или менее грамотный и сравнительно зажиточный» [260, стр. 98—99]. Только в первом номере «Османлы» было напечатано традиционное «Обращение» к султану с призывом восстановить конституцию. Но очень скоро газета уже в самых резких тонах бичевала Абдул Хамида и называла его не иначе, как «преступником», «безбожником», «узурпатором престола халифата», «творцом зла и предательства», «кровавым» и «подлым Абдул Хамидом», «величайшим врагом исламского мира», «большим несчастьем османского султаната» и т. д. [59, I, 15.V, I.VII.1898]. Столь же резко «Османлы» писала и о султанских министрах. Более всего «Османлы» старалась убедить читателей, что Абдул Хамид не отвечает требованиям халифа правоверных и потому в Османской империи происходили и будут происходить различные несчастья, а народ будет страдать.

Ознакомление с комплектом женевского издания «Османлы» позволяет сделать вывод, что ее редакция не ставила перед собой задачу выработки какой-либо новой концепции государственного устройства Османской империи, довольствуясь ролью эпигона общественно-политических взглядов «новых османов». Теоретические проблемы вообще мало волновали газету. Даже политическая линия редакции «Османлы» в общем виде была сформулирована, насколько известно, лишь однажды и довольно поздно — 15 июня 1899 г. Она включала такие положения: «Единение османских наций (милел-и османие), территориальная целостность и не-

делимость нашего государства, сохранение власти османской династии, равенство перед законом без различия религии и национальности, организация независимых судов, свобода совести, участие депутатов в обсуждении законов и особенно в утверждении бюджета, неукоснительное исполнение конституции и существующих законов, соблюдение договоров» [цит. по: 260, стр. 105]. Как видно, в этой части она почти дословно совпадает с «Программой Молодой Турции», опубликованной 15 августа 1897 г. в «Мешверет»¹⁷. Главное внимание «Османлы» уделяла освещению и интерпретации текущих политических событий международной и внутренней жизни, особенно же положения на Балканах.

Больше всего места на страницах «Османлы» занимали статьи и материалы о разделе османских владений в недавнем прошлом, о вмешательстве великих держав в дела империи и угрозе новых территориальных потерь. 1 декабря 1898 г. газета выступила за безусловное сохранение всех территорий, которые, как она писала, «мы полили нашей кровью».

Главнейшее средство для сохранения целостности империи газета видела в единстве всех ее народов и с этой целью настойчиво пропагандировала доктрину османизма. Любые проявления национально-освободительного движения она расценивала как вредный сепаратизм, особенно нетерпимый, если он исходит от мусульманского населения [59, 1.1.1898]. Вместе с тем, делая шаг вперед от доктрины османизма к тюркизму, «Османлы» нередко подчеркивала особое положение турок как первооснователей империи и указывала на их главную ответственность за ее сохранение. Так, 15 ноября 1898 г. газета резко осуждала тех турок Крита, которые после предоставления острову автономии решили покинуть его. Она обвиняла уезжающих с острова турок в недостатке патриотизма, даже предательстве и призывала их оставаться там и укреплять свои позиции. Выделяя особую роль турок в сохранении империи, «Османлы» 15 декабря 1897 г. писала о них как о «благородном народе, который хочет быть похороненным там, где он проливал свою кровь». Таким образом, в проповеди единой родины и общеосманского патриотизма на страницах газеты проглядывало и пробуждение национального турецкого самосознания.

Выступления «Османлы» против вмешательства европейских держав в турецкие дела в большинстве случаев были продиктованы опасениями за турецкое владычество в балканских и иных областях империи. Но иногда на страницах газеты звучали и антиимпериалистические ноты. Так, в

¹⁷ Это не было простым совпадением — еще летом 1898 г. между жевневской группой и Ахмедом Ризой было достигнуто соглашение о сотрудничестве [260, стр. 118].

статье «Османское государство и Европа», опубликованной 1 февраля 1898 г., она призывала своих читателей понять, что, вмешавшись в турецко-греческую войну из-за Крита, державы менее всего думают о положении населения острова, а руководствуются лишь своими корыстными соображениями. В то же время она расценивала политику европейских держав в отношении Турции как прямое продолжение крестовых походов. Газета выражала неудовольствие условиями внешних займов, километрическими гарантиями, проникновением немецких советников в турецкую армию, что, впрочем, не мешало «Османлы» утверждать, будто английская оккупация плодотворно сказалась на положении Египта [59, 15.1.1898].

Материалы «Османлы» дают возможность убедиться в том, что прогрессивная мусульманская интеллигенция Турции 90-х годов сделала еще один шаг в освобождении от плена религиозной идеологии. Отдавая должную дань исламу и нападая на Абдул Хамида как на злейшего врага халифата и губителя мусульманского государства [59, 1.X.1899], «Османлы» и в содержании статей, и в формулировках политических требований, и в терминологии была газетой более светской, чем «Мизан». Иногда она подкрепляла какую-либо мысль ссылками на догматы ислама, но никогда не выводила из них своих политических требований. Для «Османлы» необходимость восстановления конституции и парламентского режима определялась не тем, что они соответствуют Корану и принципу иджма, а самим фактом существования этих институтов. Вместе с тем для «Османлы» было правилом обосновывать абсолютную непригодность Абдул Хамида как султана тем, что все его действия являются злостными нарушениями ислама.

В конце XIX в. «Османлы» была едва ли не единственным органом младотурецкой эмиграции, который не просто призывал народ к пробуждению, но попытался обосновать и утвердить его право на восстание против деспота-правителя. В статье «Восстание», опубликованной 1 февраля 1898 г., газета называла «восстание против угнетателей» «средством освобождения от опасной болезни, грозящей участи нации». «Восстание,— говорилось в статье,— это единственное средство, которое позволяет слабой и больной нации обрести новую жизнь. Давайте обратимся раз к исторической науке, являющейся зеркалом всех прошедших событий. Тогда мы увидим, что нация, которая под жестокой десницей деспота, тирана, порой ни жива ни мертва, забыла о своем человеческом достоинстве, впала в невежество, почти дошла до скотского состояния, [такая нация] может выбраться из этой пропасти, в которую она упала, только благодаря живительной силе восстания». Мысль о необхо-

димости насильственных действий — и в этом принципиальное отличие «Османлы» от газеты Ахмеда Ризы — повторялась в этом издании неоднократно. «Османлы» прямо писала о том, что Абдул Хамид должен быть свергнут с престола и что в редакции уже заготовлены фетвы на этот случай [260, стр. 114, 117]. В отвлеченной форме газета рассказывала также о достоинствах и недостатках республиканского строя, не имея в виду возможность его установления в Османской империи, но определенно противопоставляя самодержавному правлению [59, 1.IX.1899].

Резкая антиправительственная и антисултанская пропаганда, с самого начала развернувшаяся на страницах «Османлы», вызвала тем большее беспокойство Абдул Хамида, что в Женеве обучалась большая группа молодых турок. Весной 1898 г. сюда из Парижа приезжали инспектор турецкого посольства Неджиб Мельхаме и «нештатный корреспондент», «Икдам», исполнявший «по совместительству» агентурные поручения, Али Кемаль; однако ни уговорить, ни подкупить издателей им не удалось. В апреле 1899 г. другой эмиссар Порты сумел (за 3 тыс. фр. и стипендию) сманить корректора газетной типографии, после чего корректуру «Османлы» пришлось вести самим членам женеvского комитета [257, стр. 107—108]. К началу 1900 г. в среде женеvского руководства младотурок, испытывавших материальные затруднения и подвергавшихся воздействию султанских агентов, вновь определился раскол. Исхак Сюкути принял назначение на должность врача турецкого посольства в Риме, Туналы Хильми уехал секретарем посольства в Мадрид, Абдуллах Джевдет — врачом сначала в Париж, затем в Вену. С их отъездом из Женевы над «Османлы» нависла угроза самоликвидации. Однако весной 1900 г. совершенно неожиданно газета получила мощную финансовую поддержку и новое руководство.

В декабре 1899 г. из Турции в Париж эмигрировали один из видных в прошлом государственных сановников, зять султана (муж его сестры) и сторонник восстановления конституции 1876 г. Дамад Махмуд-паша, и его сыновья Мехмед Сабихеддин и Ахмед Лютфуллах. Здесь они сразу же установили связи с Ахмедом Ризой и другими младотурками¹⁸, возможности и влияние которых с приездом этих членов императорской фамилии значительно возросли. Вскоре после этих событий Исхак Сюкути, оставшийся юридическим владельцем «Османлы», встретился с Дамадом Махмуд-пашой, и тот принял его предложение взять на себя все расходы, права и ответственность за издание этой

¹⁸ Подробнее о побеге Махмуд-паши, о его письме султану с требованием восстановить конституцию и контактах с Ахмедом Ризой см. [296, стр. 351—358].

газеты [256, стр. 92]. С 1 июня 1900 г. газета начала выходить в Лондоне (№ 61—67), а с 15 сентября того же года — в Фолкстоне.

После перевода «Османлы» в Англию газетой руководил сблизившийся с младотурками молодой принц Сабахеддин, а собственно издательскими и типографскими делами занимались Эджем Рухи (юридический владелец) и поэт Хюсейн Сийрет¹⁹. «Османлы» продолжала называть себя органом «Молодой Турции», руководимым комитетом «Единение и прогресс», прежними остались ее внешний вид, объем и периодичность (два раза в месяц). Однако она стала публиковать материалы несколько другого содержания. Уже в конце 1900 г. в «Османлы» были высказаны те взгляды Сабахеддина о желательности организации Османской империи на началах федерации («децентрализации»), которые привели к открытому расколу на парижском съезде в феврале 1902 г. и задолго до того сделали невозможным для большинства младотурок признание этой газеты в качестве официального органа комитета.

В своей первой редакции эта мысль Сабахеддина, за которой стояло понимание необходимости привлечь на свою сторону сильную инонациональную буржуазию империи, звучала очень глухо. Он писал о том, что люди, претендующие в настоящее время на звание лидеров движения, не видят «внутри османских наций» никого, кто мог бы с успехом служить им. Сабахеддин намекал, таким образом, на необходимость тесных контактов, причем на началах равенства, с теми антиправительственными организациями, которые были созданы в нетурецкой и немусульманской среде. Не случайно эта статья, посвященная началу четвертого года издания «Османлы», начиналась и кончалась напоминанием о том, что первую младотурецкую организацию создали представители «пяти национальностей» [59, I.XII.1900].

Более обстоятельная программа Сабахеддина, определившая отличие политической линии газеты «Османлы» английского периода ее издания от первого женевского, была напечатана 1 апреля 1901 г. В статье «Ко всем соотечественникам-османам» Мехмед Сабахеддин и Ахмед Лютфуллах писали о бедственном положении страны и народа, изнывающего под гнетом деспотизма Абдул Хамида, и призывали «всех османов» к решительной борьбе против него²⁰. Мысль о необходимости единства всех народов империи для

¹⁹ Хюсейн Сийрет (Озсевер) (1872—1959), поэт круга «Сервет-и фю-нун», в 1901 г. после провала заговора бежал в Европу и был заочно приговорен к смертной казни.

²⁰ Этот важный документ был опубликован и в виде брошюры в Каире в 1900—1901 гг. См. о нем: [182, стр. 187—188].

борьбы за конституцию провозглашала еще в 1867—1868 гг. газета Али Суави «Мухбир». Однако «Обращение» «Османлы» прозвучало по-новому, так как оно было адресовано не османам вообще, а «соотечественникам — туркам, арабам, албанцам, армянам, македонцам, грекам, курдам, евреям и другим», а в сущности — представителям нетурецких национальных организаций, возглавлявших сопротивление режиму. Эта перестановка акцентов не означала, что «Османлы» перестала выступать против права нетурецких народов империи на самоопределение. Как и раньше, для нее любые проявления стремления к самоопределению были сепаратизмом. Но она предлагала не закрывать на это глаза, писала об оживлении деятельности национальных организаций в Курдистане, Албании [59, 15.1, 1.III.1901], не говоря уже о Македонии. В упомянутом «Обращении» газета призывала провести конгресс с участием представителей всех антиправительственных партий и групп.

«Османлы» продолжала играть очень важную роль в антиправительственной пропаганде. После перевода в Англию, как и прежде, в ней ежедневно публиковались резкие статьи против Абдул Хамида²¹, изобличались пороки политики Порты и действия ее сановников. Кульминационным пунктом этой пропаганды, развернувшейся летом 1900 г.²², была публикация 1 января 1901 г. фетвы, дающей разрешение на свержение Абдул Хамида с престола. Юридически фетва не была действительной, так как подписал ее некий марокканский шейх Мухаммед Мараккеша, но сам факт ее появления в «Османлы» говорит о большом накале страстей и ненависти к стамбульскому деспоту.

Большую часть газеты «Османлы» продолжали занимать информация и комментарии на темы политики европейских держав в отношении Турции и политики Порты. Экономических вопросов газета касалась редко. Иногда в ней печатались статьи на культурные темы. Она писала, в частности, о том, что образование на современном уровне необходимо и для женщин, высказывалась за привлечение турецких женщин к общественной деятельности [59, 15.IX.1901]. Незначительный по объему литературный материал обычно был представлен патриотическими стихами. Периодически появлялись очерки из биографий первых турецких конституционалистов, а также деятелей младотурецкого движения,

---

²¹ Кроме № 62 за 1 июня 1900 г., в котором было помещено краткое и сдержанное по тону «Обращение к Абдул Хамиду», призывавшее его дать стране «разумное правительство и конституционное управление».

²² См. в особенности статьи в № 64 за 15 июля 1900 г. и № 67 за 1 сентября 1900 г., приуроченные к 25-летию царствования Абдул Ха-мида II.

в частности умерших в эмиграции Али Шефкати (1895 г.) и Исхака Сюкути (1902 г.).

На I всеосманском конгрессе всех оппозиционных партий, организаций и групп в Париже (4—9 февраля 1902 г.) большинство делегатов высказалось в поддержку принца Сабахеддина и его тезиса о том, что для успеха революции в Турции необходимо заручиться поддержкой какого-либо «свободного и демократического» правительства Европы. Большинство присутствующих, особенно представители нетурецких национальных меньшинств, высказалось также за расширение прав местной администрации. Ахмед Риза и ряд других видных младотурецких деятелей, отражавших интересы турецкой национальной буржуазии и ее стремление стать преемницей турецких феодалов и бюрократии в управлении Османской империей в существующих границах, не согласились с этими решениями [см. 186, стр. 206—211]. В результате на конгрессе произошел раскол, который привел к серьезным переменам и в печатных изданиях младотурок.

Сразу после конгресса Сабахеддин вместе со своими сторонниками вышел из общества «Единение и прогресс» и основал Общество османских либералов, которое затем было переименовано в Общество личной инициативы и децентрализации²³. Начиная с № 104 (16 апреля 1902 г.) «Османлы» стала органом общества либералов и приобрела его девиз: «Единение — главная сила. Справедливость, равенство, свобода». После этого газета выходила нерегулярно, иногда с перерывами до полутора месяцев. Наконец, 15 марта 1903 г. владелец «Османлы» Эдхем Рухи, не согласный с идеями «децентрализации» и «вмешательства», отказался сотрудничать с Сабахеддином, прекратил издание в Фолкстоне и уехал в Египет.

Последствия раскола и раздробленности младотурецкого движения газета «Османлы» продолжала испытывать на себе и в дальнейшем. С № 120 (15 августа 1903 г.) Эдхем Рухи издавал свою газету в Каире. До марта 1904 г. «Османлы» была органом комитета «Единение и прогресс» в Египте. Здесь 1 декабря 1903 г. была напечатана статья, посвященная седьмой годовщине издания «Османлы», в которой отмечался большой рост младотурецкого движения за этот период. Газета призвала бороться за свободу и, обращаясь к султану, писала: «Для революции отмищения хватит одного дня». Из других материалов каирского издания «Османлы» привлекает внимание опубликованный

²³ В существующей литературе созданную Сабахеддином после съезда организацию обычно называют Обществом личной инициативы и децентрализации. Между тем «Османлы» в 1902—1903 гг. издавалась от имени Общества османских либералов.

20 февраля и 1 марта 1904 г. историко-политический очерк о Македонии, где газета старалась доказать незыблемость турецких прав на эту область.

Очень скоро, однако, редакция «Османлы» стала испытывать большие материальные трудности. Не раз она обращалась за помощью к частным лицам²⁴, поименно благодарила на своих страницах всех, кто внес на издание газеты хотя бы 2,5 фр. [59, 1.IX, 1.X.1903], но поправить свои финансовые дела не смогла. Видимо, поэтому после выпуска 16 номеров Эдхем Рухи прекратил издание газеты в Каире (март 1904 г.) и переехал в Женеву, где вместе с Абдуллахом Джевдетом и другими создал Общество османского единения и революции, которое готовило покушение на султана. «Османлы» стала органом этого общества. В № 136 (15 июля 1904 г.) в ней была напечатана его программа, которая призывала османов «всех наций и религий» к борьбе за восстановление конституции [276, стр. 145—148]. В Женеве было выпущено только семь номеров газеты, и в начале декабря 1904 г. «Османлы» прекратила свое существование [279, стр. 88].

Итак, до конгресса 1902 г. «Османлы» была важнейшим органом вольной прессы младотурок на турецком языке²⁵.

Заметным явлением в вольной прессе младотурок той поры была газета «Интикам» («Отмщение»). Она появилась в Женеве 26 ноября 1900 г., и в течение двух лет было выпущено около 50 номеров. Ее издатели именовали себя «новоосманскими мстителями». Фактически газетой руководил Туналы Хильми. Ш. Мардин пишет, что по сравнению с «Османлы» «Интикам» была более левой газетой, и даже называет ее «повстанческой» [260, стр. 117, 119]. Единственный имеющийся в нашем распоряжении номер 49 за 10 декабря 1902 г. [37] свидетельствует не столько о мятежном духе, сколько о резкости тона «Интикам» в критике Порты и султана. Так, автор статьи «Османский паразитизм» писал, что 90% всего правительственного аппарата Порты, военного, финансового и других министерств, управления вакуфами и управления шейх-уль-исламатом, — это «официальные шпионы или пособники шпионов», негодяи, готовые за жалованье, чины, ордена и награды продать кого угодно, даже отца и мать. Чем больший пост занимает сановник, отмечала газета, тем он больше взяточник, и самые большие жулики — это министры, маршалы, генералы и сановники высших рангов. Далее газета обвиняла Порту в том,

²⁴ Внутри номера 124 за 15 октября 1903 г. нами обнаружена отпечатанная на отдельном листке «Убедительная просьба» о переводе ей какой-либо суммы; на нем значится порядковый номер — 1388.

²⁵ Напомним, что «Мешверет» с 1897 г. издавалась только на французском.

что она раздувает штаты своих департаментов, дабы вышние чины имели прислугу в лице мелких служащих, между тем как не хватает денег на образование.

Другие турецкие политические газеты, издававшиеся в Европе на рубеже XIX и XX в., не получили большой известности ни в Турции, ни за ее пределами. В 1896—1897 гг. возникли и быстро угасли газеты «Харекет» («Действие») Ибрагима Темо в Бухаресте, «Шарк ве Гарб» («Восток и Запад») Ибрагима Эдхема в Париже и «Хакикат» («Истина») Тарсусизаде Мюнифа в Женеве. В 1898 г. небольшая группа младотурок во главе с Хильми Хаккы в Париже выпустила несколько номеров газеты «Джюрет» («Отвага»). Столь же недолговечной была появившаяся летом 1901 г. в Фолкстоне «Селямет» («Благополучие») ²⁶ Исмаила Кемалья ²⁷. Кроме того, с октября 1899 г. в Лондоне Турецко-арабское патриотическое общество в течение ряда лет издавало на турецком и арабском языках газету «Хиляфет» («Халифат») ²⁸. Она ратовала за создание халифата в составе Турции, Египта, Туниса, Алжира, Марокко, Индии, Занзибара и других стран и резко критиковала «злосчастного султана» Абдул Хамида [279, стр. 84—87].

Итак, города Европейского континента и Англии являлись центрами изданий весьма значительного числа вольных газет младотурок. Другим их важным центром в конце XIX—начале XX в. был Каир. Здесь условия возникновения и существования органов турецкой вольной печати были иными, чем на Западе. Каир был ближе, сюда было легче добраться из Турции. «Своей» была мусульманская среда города и страны. Не возникало особых проблем со шрифтами и наборщиками. Поэтому в Каир бежали часто те противники абдулхамидовского режима, у которых не было достаточных средств жить в Европе, а также те, кому Европа претила по религиозным соображениям. Для многих других Каир нередко служил перевалочной базой, откуда можно было легко и безопасно уехать в Европу. Все эти обстоятельства наложили свой отпечаток на младотурецкую прессу в Египте: газет там появлялось много, но они чаще, чем на Западе, оказывались недолговечными, в их содержании явственнее ощущалось влияние мусульманской религии.

Каирское отделение общества «Единение и прогресс» было создано в конце 1896 г. В первых числах января 1897 г. оно

---

²⁶ «Харекет» и «Селямет» не значатся в каталоге турецкой Национальной библиотеки [106].

²⁷ Исмаил Кемаль (1844—1918) прекратил издание своей газеты в Фолкстоне, как только сюда была переведена «Османлы». Позднее вступил в Общество личной инициативы и децентрализации Сабахеддина.

²⁸ Псевдоним ее редактора — Пирдживан — указывает на то, что издателем газеты был Селим Фарис или человек, близкий к нему.

приступило к изданию газеты «Канун-у эсаси» («Основной закон»), в руководстве которой стояли выходцы из духовного сословия, улемов, сначала Ходжа Мухиддин-эфенди, а затем Ходжа Кадри-эфенди (председатель отделения). Вначале на первой полосе газеты даже не указывалось, что она является органом младотурок. На том месте, где обычно печатались эти слова, значилось объявление: «Распространение нашего вестника, который освещает национальное общественное мнение и, во имя шариата и патриотизма, требует освобождения нашего отечества, является религиозной обязанностью для каждого мусульманина и османца». По обеим сторонам от названия газеты стояли слова девиза: «Возвышение веры — спасение родины», а над ним изречение из 42-й суры Корана: «И дело их есть совет меж ними» [63, 29.III.1897].

Такое оформление «Канун-у эсаси» было отнюдь не декорацией, а скорее символом газеты. И дело не только в том, что на ее страницах уделялось большое внимание собственно религиозным вопросам, воздавалась хвала деятелям ислама в прошлом и настоящем, — аргументация политических тезисов также носила религиозную окраску. В этом отношении политические статьи, печатавшиеся в «Канун-у эсаси», очень напоминают те, что публиковались в обоснование установления «принципа совещательности» в газете Али Суави «Мухбир», но только без малейшего намека на бунтарство. Напротив, поначалу «Канун-у эсаси» называла Абдул Хамида не иначе, как «его величество», а разгон первого османского парламента и отмену конституции «объясняла» тем, что султан стал жертвой обмана со стороны некоторых «злых сановников», испугавших его заверениями, будто Мидхат-паша является «сторонником республики». В самом отстранении Мидхат-паши от власти она видела только интригу России. Отдавая все же предпочтение Мураду V, газета выдвигала весьма неожиданные «аргументы», ссылаясь на то, что при Мурадах османы всегда побеждали, а при Хамидах терпели поражения от России. Так было при Абдул Хамиде I, подписавшем Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г., и при Абдул Хамиде II, подписавшем договор в Сан-Стефано [63, 29.III.1897]. «Канун-у эсаси» всю свою очень умеренную пропаганду в пользу «принципа совещательности» строила в расчете на то, что Абдул Хамид II добровольно согласится восстановить парламент. В таком же духе выступала и издававшаяся здесь с 1895 г. либеральная «политическая, литературная и земледельческая османская газета» «Басирет уш-Шарк» («Проницательность Востока»).

Тем не менее издание даже таких умеренных оппозиционных газет султан считал нежелательным. В июне 1897 г. в Каир приехал доверенный человек Ахмеда Джелальедина —

Решид-бей и предложил руководству каирского бюро общества «Единение и прогресс» 1 тыс. английских ф. ст. за прекращение издания обеих газет [257, стр. 106, 109]. Предложение было принято, и обе газеты перестали выходить. Произошло это одновременно с прекращением издания «Мизан». В августе 1897 г. для реорганизации каирского отделения общества «Единение и прогресс» приезжал из Женевы Исхак Сюкути [257, стр. 100—101], но возобновить издание «Канун-у эсаси» удалось только в январе 1898 г.

Новое издание газеты «Канун-у эсаси» отличалось от прежнего прежде всего тем, что она объявляла себя «пропагандистом идей Османского общества „Единение и прогресс“»; однако старый девиз газеты сохранился, как и изречение из Корана [63, 19.IV.1898]. Ш. Мардин характеризует и это издание «Канун-у эсаси» как более правое, чем женевская «Османлы», и подчеркивает ее недоброжелательное отношение к Ахмеду Ризе [260, стр. 117, 140]. Отношение «Канун-у эсаси» второго издания к конституционной реформе вполне выражено в статье «Единение», опубликованной 19 апреля 1898 г. Она показывает, насколько тесно в понимании редакции были связаны борьба за конституцию и религиозный долг. «Каждый мусульманин, — писала газета, — заслуживает уважения и возвеличения настолько, насколько он проявил себя в сопротивлении вредоносному способу [управления] Абдул Хамида... Не только сохранение Абдул Хамида на османском престоле, но и его оставление еще на какое-то время есть преступление против народа ислама». Для того чтобы положить конец самоуправству властей и спасти империю, необходимо ввести «заслуживающий похвалы совещательный принцип». Этой цели, полагала газета, можно достигнуть пропагандой.

Выпускалась «Канун-у эсаси» нерегулярно, и к началу 1899 г. ее издание совсем прекратилось. В то время между издателем газеты и отделением начался судебный процесс, причиной которого были материальные трудности общества. К тому же возникли разногласия с женевским руководством [257, стр. 110—114]. Весной 1899 г. для урегулирования отношений между Каиром и Женевой оттуда приезжал Туналы Хильми. В результате реорганизации отделения в Каире с августа 1899 г. начала выходить новая газета — «Хак» («Право»), которая прямо подчеркнула, однако, что является не «официальным органом», а «распространителем идей» каирского отделения [49, 31.VIII.1898]. До конца года вышло восемь номеров, и вскоре газета закрылась. Познакомившись с ее первыми выпусками, Исхак Сюкути писал, что «Хак» — религиозная газета [257, стр. 128]. В действительности, как нам представляется, она только выглядела таковой. Девизом газеты была избрана строка из Корана «Истина возвышает, но

да не возвысься над ней», а передовая статья первого номера газеты (31 августа 1899 г.) начиналась словами первой суры Корана: «Во имя аллаха, всемилостивого и всемилосердного». Эта статья называлась «Переложение хадиса о возмездии» и была построена по канонам религиозной проповеди, в которой по пунктам сначала декларировалось какое-либо положение («что есть зло», «что есть несчастье» и т. д.), а затем давался ответ с конкретными примерами о состоянии дел в империи. В сущности же она содержала горячий призыв к мусульманам не терпеть более тирании Абдул Хамида II. Приуроченный к дню его воцарения первый номер газеты объявлял 31 августа «днем дурного предзнаменования», «днем предательства», «днем преступления» и т. д. В статье, озаглавленной «Цель и метод», газета «Хак» объявляла о том, что ее цель — это цель общества «Единение и прогресс», т. е. восстановление конституции, а если конституция не будет дана по доброй воле, народ должен вернуть ее силой.

В статье «Правительство и народ», опубликованной 21 декабря 1899 г., «Хак» в очень упрощенной и не менее резкой форме старалась объяснить своим читателям некую «теорию» государства и права, навеянную идеями французских просветителей. Газета писала о том, как группа лиц, избранных общиной для ведения своих дел (она называет их «комитетом для урегулирования дел общества»), со временем превратилась в корпорацию хищников, которые присвоили «себе наши дома, виноградники, поля» и, наконец, сказали: «Вы — наши рабы, мы будем использовать вас так, как нам хочется. И заработок ваш принадлежит нам... Именно таково нынешнее правительство османского государства» [49, 21.XII.1899]. Далее газета называла Порту шайкой бандитов и негодяев, которые попирают права народа и грабят его. Пока народ будет терпеть такое правительство, он будет нищ, голоден и бесправен. Статья заканчивалась призывом к «любимым соотечественникам», «великой нации» не соглашаться с игом «предателя» и провозглашала лозунги: «Да здравствует отечество, да здравствует свобода!» Отсюда видно, что печатный орган каирских младотурок в этот период был близок к женеvской «Османлы». После некоторого перерыва каирское отделение младотурок летом 1900 г. начало издавать под сходным названием газету «Хакк-ы сарих» («Очевидное право») [50].

Помимо этих органов (или «распространителей идей») местного отделения общества «Единение и прогресс» в Каире появлялись и другие турецкие газеты либерально-оппозиционного направления. Одной из таких была газета «Османлы», возникшая в тот же самый день — 1 декабря 1897 г., что и одноименный орган женеvского отделения младотурок. Ее

издателем был Тарсусизаде Мюниф²⁹. Газета объявляла себя «толкователем мнений честных османцев, которые, следуя по пути справедливости и истины, будут добиваться возвращения похищенных у всех османцев прав» [60, 15.I.1898]. Она выходила раз в месяц, в некоторых номерах печатались материалы на арабском и резюме на английском языках. В первом номере было помещено традиционное: «Обращение к султану Хамиду» с просьбой отмежеваться от окружающего его «зловредных личностей», которыми автор послания объявлял приближенных из числа арабов, черкесов, крымских татар и дагестанцев, и, напротив, оказать покровительство «верным подданным». Общая «программа», следовать которой призывал султана автор, выражалась в таких словах: «Переломайте колени злым тиранам, которые ничем не отличаются от разбойничьих шаек. Освободите рваные воротники бедняков из рук этих проклятых. Пусть не будет ни арабского халифата, ни армянской независимости!» [цит. по: 240, стр. 127].

Важнейшей, пожалуй, особенностью «Османлы» Тарсусизаде Мюнифа было то, что она называла главными виновниками всех несчастий страны и народа не султана, а его министров и приближенных. Такое разделение в младотурецкой печати конца XIX — начала XX в. почти не встречается. Тарсусизаде Мюниф же, обрушиваясь на несправедливость правительства, местных властей, судей и других чиновников, обращался к Абдул Хамиду только со словами «великий халиф», «любимый халиф» [60, 15.I.1898]. Именно от правительства он требовал «справедливости, совещательности и свободы». Многие рассуждения на эти темы «Османлы» Мюнифа облекала в форму религиозно-дидактического рассказа.

С 1 февраля 1898 г. Тарсусизаде Мюниф, продолжая выпуск «Османлы», начал параллельно издавать газету «Йылдыз» («Звезда»), которая во всех отношениях была двойником первой. «Йылдыз» также призывала «повелителя правоверных» обратить свой взор на суды. «Вы узнаете,— писала она,— сколько совершили несправедливостей и погубили жизней назначенные вами паразиты, которые не боятся аллаха и не стыдятся пророка» [цит. по: 240, стр. 128]. Летом того же года издание обеих газет было прервано. «Османлы» Тарсусизаде Мюнифа издавалась еще некоторое время в 1901 г. К этому времени от былой угодливости и почтительности к султану на страницах газеты не осталось и следа. Она писала уже о «праве нации на суверенитет», которое может быть осуществлено только через посредство конституции и

²⁹ Тарсусизаде Мюниф (1873—1931) происходил из знатного феодального рода Южной Анатолии, сын муфтия Тарсуса. В 1894 г., будучи учащимся Школы гражданских чиновников, бежал в Европу. В 1896 г. издавал в Женеве газету «Хакикат».

парламента, и призывала османов по примеру народов Запада «построить дворец счастья» [60, 15.III.1901]. Весьма резко Тарсусизаде Мюниф выступал в своих газетах против иностранной экспансии в Турции и ограбления ее империалистическими странами. 15 декабря 1897 г. его «Османлы» назвала их «державами, которые ищут дохлого ишака, чтобы оторвать у него подковы» [цит. по: 240, стр. 129]. Летом 1901 г. «Османлы» Тарсусизаде Мюнифа освещала многие события в русле младотурецких изданий [60, 15.VI.1901].

Из других каирских младотурецких изданий того времени следует упомянуть еще газету «Санджак» («Знамя»). Ее выпускал с ноября 1899 г. известный турецкий историк Ахмед Саиб. Газета называла себя «распространителем идей османских либералов». Под ее названием были изображены два скрещенных знамени и две руки в рукопожатии. Первоначально Ахмед Саиб не хотел открыто присоединиться к местным организациям младотурок и, насколько известно, не сотрудничал в их печатных органах. Однако, будучи сторонником централизма, он сразу же заявил, что не одобряет фолкстонскую «Османлы» [56, 15.XII.1900], и после конгресса 1902 г. вошел в группу Ахмеда Ризы. «Санджак» носила на себе явную печать занятий и увлечений ее издателя. Большую часть объема в ней занимали его исторические произведения, посвященные периоду борьбы за конституцию 1876 г. и началу царствования Абдул Хамида. В 1900—1901 гг. в «Санджак» печатались разделы из известного труда Ахмеда Саиба «События времен султана Абдул Азиза», изданные в 1902 г. отдельной книгой [200]. Характер исторических очерков носили и публиковавшиеся в газете статьи в защиту конституции и парламентского строя, статьи по восточному вопросу [56, 15.XII.1900; 1.II.1901]. Зимой 1902 г. Ахмед Саиб уезжал на парижский конгресс; он возвратился в Каир уже представителем группы Ахмеда Ризы. Под его наблюдением как «директора каирского бюро» этой группы осуществлялись перепечатка и распространение «Шура-и уммет»³⁰.

Кроме перечисленных выше газет, издававшихся более или менее длительное время от имени каирского отделения комитета «Единение и прогресс» или людьми, которые были с ним так или иначе связаны, в Каире в конце XIX — начале XX в. возникали и некоторые другие периодические вольные издания на турецком языке. В 1899—1900 гг. в Каире появились: газета «Иттихад» («Единение»), которая именовала себя «слугою ислама ради пробуждения и прогресса черкесских переселенцев и всей османской нации»; арабо-туркоязы-

³⁰ В конце 1905 г. Ахмед Саиб отошел от Ахмеда Ризы и возобновил издание «Санджак», которая стала называть себя «сторонницей конституционного управления и всеобщих реформ в Османской империи» [56, 2.X.1906].

чная «Хаватыр» («Воспоминания»); турецко-румыноязычная «Интибах» («Пробуждение») — ее издавали Али Музаффер и Захраб Риза; «Умид» («Надежда»), владелец которой Мехмед Салих назвал ее «политической газетой, служащей тому, чтобы слушать стон нации». Каждая из них вышла лишь в нескольких номерах, и они очень редки [106]. Весной 1902 г. Сулейман Вахид издавал здесь «Анадолу» («Анатолия») — «турецкую газету, трактующую о причинах угнетения», как значилось в ее подзаголовке. Как видно, одной из этих причин она считала невежество турецких улемов, другой — личные качества Абдул Хамида [36, 2.VII.1902].

Таким образом, общая картина вольной турецкой прессы в Каире конца XIX — начала XX в. представляется довольно пестрой. Частые реорганизации каирского отделения общества «Единение и прогресс» и отсутствие авторитетного лидера младотурок в Египте не позволили каирским младотуркам наладить регулярный выпуск своего периодического органа. Тем не менее вольные турецкие издания Каира внесли заметный вклад в общее дело антиправительственной пропаганды, в борьбу против феодально-деспотического режима.

Большую роль в распространении идей сопротивления абдулхамидовскому режиму на рубеже XIX и XX вв. сыграла политическая сатира младотурок. Как уже отмечалось, Али Шефкати в 1895 г. издал в Лондоне несколько номеров своей юмористической газеты «Хаяль». Летом 1896 г. там же Дживанпир, издатель второй «Хюрриет», отпечатал в своей типографии в 5 тыс. экземпляров сатирического листка «Хамидие» («Посвященная султану Абдул Хамиду») [279, стр. 83—84]. Но наиболее значительными из сатирических изданий младотурок в эмиграции были газеты «Беберухи» (по имени персонажа турецкого теневого театра) и «Долаб» («Проделки») [см. 185]. Газета «Беберухи» издавалась в течение нескольких месяцев 1898 г. в Женеве, которая в то время была главной резиденцией общества «Единение и прогресс». С 13 ноября 1899 г. в Лондоне одна из групп младотурок также ряд месяцев издавала сатирическую газету «Долаб». Обе газеты остро критиковали султана Абдул Хамида и его администрацию, чему немало помогало наличие большого числа остроумных, порой очень едких карикатур. В декабре 1901 г. один из бывших чиновников министерства иностранных дел, Али Фуад, отпечатал литографским способом единственный номер сатирической газеты «Абдул Хамид» и бесплатно отправил ее в Турцию «ради пробуждения османов». В своей газете издатель писал, что во главе Турции стоит не законное правительство, а шайка жуликов, предводительствуемая Абдул Хамидом, которая грабит народ, и потому «вся Турция работает лишь на султанскую казну» [цит. по: 279, стр. 96—97]. Сатирическим изданиям младотурок были свойственны мно-

гие недостатки их крупных политических газет, в частности «сведение многих социальных и политических проблем страны к порокам царствующего монарха» [185, стр. 139]. Однако простой по языку и разговорный по форме текст, а также рисунки, карикатуры открывали им дорогу к более широкой, даже почти неграмотной аудитории. К сожалению, ни одна из младотурецких групп не уделила сатирическим газетам должного внимания, и все они оказались недолговечными.

Как уже отмечалось, раскол, происшедший на парижском конгрессе, имел немаловажные последствия для младотурецкой печати. Он привел к закату газету «Османлы», на какое-то время ослабил и дезорганизовал издательскую деятельность младотурецких групп в Женеве и Каире, фактически привел к полному свертыванию ее в Англии. Вместе с тем поражение, которое потерпела на конгрессе группа Ахмеда Ризы, внушило ему и его сторонникам мысль о необходимости активизировать издательскую деятельность. Политическое чутье подсказало им, что их стремление найти общий язык с «османской интеллигенцией» через франкоязычную «Мешверет» вообще начинает давать осечку, что их программа может получить прочную поддержку только в туркоязычной среде, к которой и надо прежде всего обращаться в своей пропаганде. Думается, что именно по этим соображениям группа Ахмеда Ризы вскоре после конгресса приступила к изданию газеты на турецком языке. Как показали события ближайших лет, это было правильное и дальновидное решение. Оставаясь с иноязычной «Мешверет», группа Ахмеда Ризы не смогла бы обеспечить себе видное место в истории движения, особенно когда под воздействием русской революции 1905 г. оно стало приобретать все более массовый характер. «Шура-и уммет» стала для Ахмеда Ризы и его группы трибуной, с которой они обращались к широкому кругу читателей прежде всего внутри империи — чиновникам, офицерам, учащимся, людям свободных профессий, к мелкому мусульманскому духовенству. Если «Мешверет» поддерживала репутацию группы в кругах интеллигенции, общественных деятелей Западной Европы, то «Шура-и уммет» стала газетой для пропаганды внутри империи.

Газета «Шура-и уммет» начала выходить с 10 апреля 1902 г. в Париже [57]. Во главе газеты был поставлен Самипашазаде Сезан (1859—1936) — видный турецкий просветитель, встречавшийся не раз с Намыком Кемалем, один из первых прозаиков-реалистов, писатель, который, по словам Ш. Мардина, первым из турок разъяснил, что рабство является социальным бедствием [260, стр. 210]. Он находился под надзором султанской охраны еще в то время, когда сотрудничал в «Сервет-и фюнун», и эмигрировал, как только журнал был закрыт. Оказавшись в 1901 г. во Франции, Се-

заи старался приобщиться к ее политической жизни. В Париже в начале 900-х годов он познакомился с В. И. Лениным [168, стр. 115].

«Шура-и уммет» выходила два раза в месяц. Она печаталась одновременно в Париже и Каире и называла себя «печатным органом сторонников конституционного управления и всеобщих реформ»; ее подзаголовком служили известные слова из 42-й суры Корана: «И дело их есть совет меж ними». В 1906 г. издателем газеты значилось Общество османского прогресса и единения.

Политическое направление, которого придерживалась газета, было определено в передовой статье первого номера, кратко излагавшей программу группы Ахмеда Ризы. В ней говорилось: «„Шура-и уммет“ является органом общества, основанного с целью освобождения отечества от нынешних несчастий, а также обеспечения свободы и счастья всех османов». Основные цели общества излагались в следующем порядке: защита политической независимости и территориальной целостности империи и устранение иностранного вмешательства; преобразование самодержавно-деспотического режима в парламентский и восстановление конституции 1876 г.; защита прав общины и воспитание общественного мнения в этом духе; пропаганда идей единства и османского патриотизма у всех мусульман и немусульман империи; разъяснение населению, какие реформы и меры должны быть осуществлены ради счастья и благополучия личности и всего народа, а также того факта, что османская община способна встать в один ряд с самыми цивилизованными нациями века; сохранение на троне членов османской династии и воспитание у них способности воспринимать достижения науки и культуры передовых народов. Газета «Шура-и уммет», заключала передовая статья, будет всеми силами содействовать «осуществлению этих священных целей».

В первые два-три года все материалы, опубликованные в «Шура-и уммет», были, в сущности, комментарием к этой программе, особенно же двум ее взаимосвязанным положениям — о неделимости империи и «едином отечестве» для «всех османов». Самипашазаде Сезаи, автор большинства статей по османизму, писал о том, что благополучие различных народов Османской империи всегда было связано с политикой общих реформ, что у всех народов империи родина только одна. «Они родились под одним небом, выросли в одном климате, дышат одним воздухом», — писал он в одном из номеров за 1902 г. [цит. по: 260, стр. 195]. Однако в пропаганде идеи османизма «Шура-и уммет» не ограничилась призывами к нетурецким, особенно немусульманским, народам отказаться от национально-освободительной борьбы под флагом «защиты отечества», «любви к родине», отпора «новому

крестовому походу» или даже, как это делал в своей газете Мурад, «защиты халифата», участвовать в которой он призвал и армян [260, стр. 92]. Ахмед Риза был, возможно, первым младотурецким лидером, который начал догадываться, что одной из важнейших причин роста центробежных сил в империи был более низкий уровень культурного и общественно-экономического развития турок по сравнению с другими народами страны. Поэтому «Шура-и уммет» во многих статьях, явно адресованных турецкой молодежи, призвала ее быстрее овладеть знаниями, которые накопили страны передовой техники, получать полезные профессии, особенно в области торговли, промышленности, транспорта, чтобы содействовать развитию экономики [260, стр. 191—192]. Газета призвала всех турок понять, что для удержания государства от распада недостаточно грубой силы, нужна еще «сила мысли» [57, 24.VIII.1903].

В поисках средств консолидации всех народов империи в «единую османскую нацию» «Шура-и уммет» пыталась объяснить причины ее распада, особенно в XIX в. В этом отношении показательна большая (почти на полгазеты) статья Сезаи «Османская Европа», напечатанная 9 августа 1903 г. Выражая удовлетворение спадом повстанческого движения в Македонии, он отмечал, что причины подобных движений кроются в ошибках, которые турки допустили повсюду в завоеванных ими христианских странах, а потому и потеряли Грецию, Румынию, Сербию, Черногорию, Боснию, Болгарию и Крит. Состоят эти ошибки, по мнению автора, в том, что «османы не покушались на религию, национальные особенности и языки народов завоеванных стран, предоставили им свободу совести и даже свободу управления». Кроме того, власть турецких пашей и чиновников в этих районах была «поверхностной», так как турецких переселенцев там было мало и к тому же они отличались от коренного населения по религии, языку, обычаям, были враждебны ему. Если турки хотят удерживать Румелию, они должны, во-первых, ввести там «справедливое управление», а во-вторых — провести школьную реформу, цель которой — заставить всех детей независимо от веры и национальности проходить обучение на турецком языке. «Цель, которую мы преследуем распространением языка,— писал Сезаи,— состоит в том, чтобы создать средство общения между детьми, братьями одной родины, которым необходимо жить вместе». Очевидно, что «справедливое управление», по «Шура-и уммет», имело своей конечной целью ассимиляцию нетурецких народов империи.

В 1902—1903 гг. почти половина площади газеты отводилась статьям и материалам по македонскому вопросу. Авторы, писавшие в «Шура-и уммет» на эту тему, не вникали в истинные экономические и социальные причины повстанче-

ского движения в Македонии, христианское население которой стремилось сбросить турецкое иго, и при каждом удобном случае обвиняли Россию в интригах, Порту — в бездарности, а четников — в жестокости [57, 7, IX, 6. X. 1903]. Лейтмотивом этих статей было опасение, что с утратой Македонии турки будут окончательно вытеснены из Европы. Так, в статье «Османская нация», напечатанной 7 ноября 1903 г., Сезан писал: «Да, похоже, что Румелия уплывает из рук, а османцы уходят из Европы... Османцы, которые под руководством падишахов-полководцев прошли путь от Мавераннахра до Вены, ныне, имея во главе себя Абдул Хамида, возвращаются в разоренную и стонущую Азию. Жалкая и страшная участь!» Газета призывала турок не уходить из тех мест, где они поселились, даже если там установилась новая власть, в частности из Болгарии и с Крита [57, 6. VIII. 1902, 27. VI. 1903].

Не вызывает сомнения, что события в Македонии действительно сильно беспокоили издателей «Шура-и уммет», не без оснований опасавшихся, что они могут быть использованы великими державами как повод для очередного раздела Османской империи. Вместе с тем во многих статьях на эту тему видно явное стремление группы Ахмеда Ризы еще раз заявить о своем непризнании тезиса Сабахеддина о расширении прерогатив местной власти, особенно в областях со значительным нетурецким населением.

Полемическую окраску имеют и те статьи в «Шура-и уммет», в которых издатели газеты, протестуя против иностранного вмешательства в турецкие дела, старались на фактах показать полную несостоятельность надежд Сабахеддина на помощь со стороны некоей «конституционной и демократической» державы. Напомнив турецкую поговорку о том, что упавший в море хватается за змею, газета 10 апреля 1902 г. с явным намеком именно на западноевропейских «друзей» Турции писала: «Временами появлялись желающие покровительствовать нашей стране с целью не допустить захвата или вторжения со стороны какой-либо другой державы, т. е. те, которые говорили: „сам не ем и тебе не дам“. Но никогда не было среди них таких, которые оказывали нам помощь из желания всеобщих реформ, которые хотели бы роста силы и славы османской. А если бы были, то эти мнимые друзья не захватывали бы у нас кто Египет и Кипр, кто Алжир и Тунис, кто Боснию и Герцеговину... Растащили половину государства... Теперь будущее и территориальная целостность Османской империи находятся под опекой и в закладе у великих держав». Свои корыстные интересы великие державы преследуют и тогда, когда под флагом заботы о развитии турецких областей внедряются в турецкую экономику, писала газета и показывала, сколь разорительными были, в

частности, концессии на строительство железных дорог [57, 27.VI.1903]. Уже в первом номере газета призывала всех османов извлечь уроки из этих исторических фактов.

Большое место на страницах «Шура-и уммет» занимала антиправительственная пропаганда и критика самодержавия. Избирая для этой критики обычные темы (неспособность Порты дать отпор вмешательству держав, волнения в провинциях, злоупотребления властей, лживость турецкой печати), «Шура-и уммет» старалась в более спокойных тонах изображать действительность, отдавая предпочтение очевидным фактам перед эмоциями. На конкретных примерах высокого уровня развития экономики, науки, техники, образования в буржуазных странах Запада она старалась показать преимущества конституционного управления по сравнению с феодально-деспотическим режимом Абдул Хамида, не сводя, однако, все причины отсталости империи к его личным качествам. Деспотический характер власти, писала «Шура-и уммет», не меняется в зависимости от того, является ли самодержец невежественным или просвещенным человеком. Она объявляла восстановление конституции 1876 г. «первейшей задачей» младотурок [57, 10.IV, 21.VI.1902]. В статье «Всесторонняя необходимость конституционного управления», опубликованной 7 сентября 1903 г., газета приводела три аргумента в пользу конституционной монархии: догматы мусульманской религии, «требования разума» и «политическую необходимость». Газета «Шура-и уммет» в отличие от «Мешверет» конца 90-х годов не настаивала на том, что восстановлению конституции должен предшествовать период самовоспитания народа. Однако никаких конкретных путей и методов борьбы за парламентскую реформу в первые годы своего существования «Шура-и уммет» не предлагала. Она ограничивалась общими призывами к пробуждению. Вот один из них: «Османы! Пробудимся! Положение трагично, будущее в опасности! Давайте трудиться! Давайте приложим все свои силы к тому, чтобы как можно скорее была дана конституция, являющаяся самой надежной гарантией нашего благополучия!» [57, 10.IV.1902].

Таким образом, «Шура-и уммет» в первые годы была органом буржуазно-либерального общества, которое надеялось на то, что восстановление парламентского управления в Турции удастся осуществить, внедрив идею его преимущества перед самодержавием в сознание возможно большего числа людей. Из всех младотурецких политических организаций за рубежом Общество османского прогресса и единения Ахмеда Ризы было наиболее авторитетным. Помимо парижского центра оно имело отделения в Женеве и в некоторых других европейских городах, а также в Каире, издавало две газеты. «Шура-и уммет» была самым влиятель-

ным периодическим изданием, отражавшим позицию большинства младотурецкой эмиграции по таким вопросам, как восстановление конституции, созыв парламента, сохранение Османской империи во главе с монархом.

* * *

Хотя у отдельных групп младотурок возникали порой планы изменить форму правления в Турции с помощью заговора или покушения, определяющим в их деятельности до начала 1905 г. были политическая пропаганда, распространение идей борьбы против феодально-деспотического режима. Важнейшей трибуной этой пропаганды была вольная младотурецкая пресса. Вольные газеты младотурок, будучи плодом творчества разных групп буржуазно-либеральной интеллигенции Турции, позволяют проследить перипетии идейного разброда, организационной неразберихи и разобщенности младотурецкого движения в 1889—1904 гг. Вместе с тем газеты, издававшиеся младотурками в эмиграции в течение 15 лет, предшествующих 1905 г., показывают, что они почти не интересовались положением трудящихся масс, не обращались к ним в своей пропаганде и не видели в них той решающей силы, с помощью которой можно было свергнуть самодержавие. Поворот в идеологии младотурок и, следовательно, их печатной пропаганде произошел под влиянием событий, начало которым положила первая русская революция.

Под влиянием русской революции 1905 г. во всех странах Востока начался подъем того могучего революционного и национально-освободительного движения, которое В. И. Ленин назвал «пробуждением Азии». «Мировой капитализм и русское движение 1905 года,— писал В. И. Ленин,— окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [15, стр. 146]. В Турции это движение вылилось в революцию 1908 г. [см. 172, 173].

Чтобы понять, какое влияние оказала русская революция 1905—1907 гг. на младотурок, в том числе на младотурецкую эмиграцию, необходимо учесть, что в России они видели до этого только страну агрессивной внешней политики, страну, где господствуют абсолютизм и николаевская реакция. Для младотурецких идеологов Россия была воплощением политической неподвижности, общественного и культурного застоя. Именно в таком духе всегда писала о России и вольная печать младотурок, которые были твердо убеждены, что идеи борьбы против самодержавия могут быть заимствованы ими только на Западе, что только под его влиянием, даже при его содействии (Сабахеддин) в Турции будут осуществлены

прогрессивные преобразования. Однако именно под воздействием революционных взрывов в России произошли обе турецкие революции XX в., первая из которых привела младотурок к власти, а вторая похоронила их.

Появление массовых выступлений в Турции, толчок которым дала революция в России, заставило младотурок перейти к более активным действиям, внести изменения в свою программу и тактику. В период с 1905 по 1908 г. общая, во многом еще расплывчатая идея борьбы с самодержавием постепенно приобретала конкретные формы программы революционных действий.

Подъем революционного движения в Османской империи в 1905—1908 гг. активизировал издательскую деятельность младотурок за границей. Ахмед Риза продолжал выпускать в Париже газеты «Мешверет» и «Шура-и уммет», но нередко они выходили не на четырех, а на восьми полосах. В этом же городе Общество личной инициативы и децентрализации в 1906 г. приступило к изданию своего органа — газеты «Теракки». В Каире Ахмед Саиб, продолжая перепечатывать «Шура-и уммет», возобновил в 1906 г. издание своей газеты «Санджак». В 1904 г. Абдуллах Джевдет перевел сюда из Женевы свой научно-политический журнал «Ичтихад» («Рвение»). В 1907 г. Общество сторонников конституции начало издавать в Каире на турецком и арабском языках газету «Шура-и османи» («Османский совет»). Эта газета имела и французское название — «Османская конституция». Некоторое время здесь выходила также газета «Тюрк» («Турок»). Мустафа Рагыб с 1905 г. издавал в Софии газету «Ферьяд» («Призыв»).

Реакция вольной печати младотурок на русскую революцию 1905 г. была неодинаковой и противоречивой. Более радикальные элементы приветствовали ее успех, умеренных пугал размах революционного движения рабочих и крестьян. Большинству лидеров младотурецкой эмиграции были больше по душе манифест Николая II от 17 октября 1905 г. и созыв Государственной думы, чем героический рейд «Потемкина» и декабрьское вооруженное восстание в Москве на Пресне. Вместе с тем они должны были постоянно учитывать тот горячий отклик, который получила русская революция у народов Турции. Для иллюстрации полярности откликов на революцию 1905 г. приведем два примера. Газета «Тюрк» в 1905 или начале 1906 г. призывала «братъ пример с велико-лепных идей русской революции», писала, что будущая Россия «станет хранителем свободы и защитником тех народов, у которых силой отнята их свобода» [цит. по: 192, стр. 23]. Напротив, газета «Мешверет» 1 мая 1906 г. писала: «Нам нечего радоваться той жалкой картине, которую являет собой Россия,— эти ужасы вооруженных схваток не представляют

ничего веселого. И еще более ужасны происходящие сейчас раздоры и гражданская война... Европейская цивилизация, дошедшая в настоящее время в России до предельной жестокости, ни в коем случае не может нас прельстить».

В «Шура-и уммет» материалы о русской революции проходили под рубрикой «Читай и бери пример» [260, стр. 211]. Следует иметь в виду, что к уличным схваткам, к баррикадным боям, к массовым революционным выступлениям трудящихся «Шура-и уммет», как и «Мешверет», относилась неодобрительно. Первым серьезным сдвигом, который произошел во взглядах руководства Общества османского прогресса и единения, было признание необходимости и полезности насильственных методов борьбы против тирании. Так, 30 ноября 1906 г. «Шура-и уммет» с одобрением писала о «священном негодовании населения Эрзурума», которое арестовало губернатора и убило нескольких офицеров и полицейских из его охраны за насилие, учиненное ими раньше над двумя лицами, требовавшими отмены непосильных налогов. В статье «Как они умирают», посвященной обзору некоторых событий революции в России за конец 1906 — начало 1907 г., говорилось о том, что русская революция по своему размаху и остроте борьбы значительно превосходит английскую и французскую [57, 1.III.1907]. Трон Людовика XVI, писала газета, охраняло всего несколько сот швейцарских наемников, а Николая II — сотни тысяч казаков. Из этого автор статьи делал вывод, что власть самодержавия в России нельзя опрокинуть только силой революционных идей, как это было, по его мнению, во Франции 1789 г. Воздавая хвалу стойкости русских революционеров, которых не страшат ни расстрелы, ни ссылки в Сибирь, и особо отметив, что среди них есть 17—18-летние девушки, автор восклицал: «О, древняя османская нация, бери пример с этих девушек!.. Нация, дети которой погибают таким образом, бессмертна!»

Таким образом, в марте 1907 г. издатели «Шура-и уммет» в принципе соглашались с мыслью о праве народа на насилие как средство борьбы против тиранического режима. Но было бы преждевременно делать отсюда вывод, что сторонники Ахмеда Ризы тогда уже приняли идею народного восстания. Вернее будет считать, что они примирились с необходимостью или неизбежностью террористических актов против отдельных представителей верховной власти; примечательно, что поводом для написания статьи «Как они умирают» избрано убийство эсером Ильиным графа А. П. Игнатьева (9 декабря 1906 г.).

В 1906—1908 гг. «Шура-и уммет» не раз писала также о революционных событиях в соседнем Иране и призывала турок следовать его примеру, передавала чувства уважения «исламскому иранскому государству, которое, отвергнув

абсолютистский режим, являющийся наследием дикости прошедших веков, приняв конституцию и учредив меджлис, вступило на путь, ведущий к полной гармонии с цивилизованными нациями в области прогресса». Вместе с тем «Шура-и уммет» воздавала хвалу шаху Мозафферэддину за его «доброе отношение к нации» [57, 30.XI, 15.VII.1906].

Во многом одинаковым было отношение к русской революции и со стороны Общества личной инициативы и децентрализации. 1 марта 1907 г. газета лиги «Теракки» называла события 1905—1907 гг. в России «ужасным революционным кризисом». Вместе с тем она писала о размахе революционного движения в России. В статье «Русская армия и революционеры», напечатанной в том же номере, говорилось: «Крестьяне, рабочие, солдаты, студенты, священники действуют вместе, без страха перед пулями, ссылкой или виселицей». Рассказывая о выступлениях населения восточных вилайетов Малой Азии против налогов, «Теракки» призывала людей разных религий и национальностей к совместным действиям. Газета эта печаталась частично на арабском языке.

Наиболее ярко линия на пропаганду идеи восстания против абдулхамидовского режима была выражена в газете «Ферьяд», выходившей с октября 1905 г. на территории Болгарии. «Ферьяд», печатавшаяся на турецком и болгарском языках, называла себя «газетой, изобличающей произвол хамидовского режима», и сообщала о том, что она «раздается бесплатно всем достойным людям, проживающим в Турции» [62, 21.X.1905]. На содержание этой газеты самое непосредственное воздействие оказывали революционные события в России. Так, в статье «Русская революция и [турецкие] придворные», напечатанной 21 декабря 1905 г., рассказывалось о том, что вот уже около года в России пылает огонь революции. За это время там погибли многие тысячи революционных борцов. Эта их кровь пролита не напрасно, она пролита за правое дело, за справедливость и свободу. Султан и его придворные, продолжала газета, следят за развитием этих событий в России, трепещут перед ними. «Посеем же панику в их умах!» — призывала газета.

Лейтмотивом большинства статей и материалов «Ферьяд» было обличение султана Абдул Хамида II. Газета не раз обвиняла его в попрании всех принципов законности, в разрушении «600-летнего османского братства», в терроре и т. д. Под одним из его карикатурных портретов, напечатанных в газете 16 марта 1906 г., стояли такие слова: «великий убийца», «кровавая скотина» (кырмызы хайван), «главная беда османов». 8 марта 1906 г. в «Ферьяд» была опубликована статья об Али Суави. Она характеризовала его как «глашатая революционных идей» и «великого борца за сво-

боду». Газета особо выделяла тот факт из биографии Суави, что он погиб, пытаясь низложить Абдул Хамида, и взывала: «Молодежь! Старики! Али Суави еще не отмщен!» Резко критикуя султана, «Ферьяд» неустанно призывала к борьбе против его тиранического режима. В этой борьбе, писала она 22 марта 1906 г., неизбежны кровь и убийства. 21 декабря 1905 г. на первой полосе был провозглашен лозунг: «Мусульмане! Или смерть, или свобода!» «Ферьяд» поддерживала антиправительственные выступления среди гражданского населения и в турецкой армии [62, 19.IV, 21.VI.1906]. «Ферьяд» — едва ли не единственная младотурецкая газета, содержащая значительный материал о выступлениях и неповиновении властям населения Турции, о волнениях в армии и флоте, происходивших в 1905—1906 гг.

Не приходится сомневаться, что пропаганда идеи восстания против деспотического режима, развертывавшаяся на страницах вольной прессы младотурок, способствовала общему подъему революционного движения в Османской империи в 1905—1907 гг. Этот подъем и особенно массовые манифестации в городах Восточной Анатолии, волнения в армии и на флоте, вооруженные выступления македонских четников заставили политические организации младотурок активизировать свою деятельность и перейти от пропаганды к практической подготовке восстания с целью восстановления конституции 1876 г. Центром этой практической организационной работы младотурок с лета 1906 г. становятся Салоники. Но предназначенная для распространения в Турции пропагандистская литература (газеты, брошюры, листовки) поступала сюда главным образом из Парижа, который вплоть до лета 1908 г. оставался местом пребывания и деятельности политических лидеров младотурок — Ахмеда Ризы и Сабихеддина. Здесь в последних числах декабря 1907 г. был созван объединительный съезд политических организаций, выступавших против режима Абдул Хамида [см. 186, стр. 245—255]. Под основными документами, которые были выработаны и приняты Парижским съездом 1907 г., стояли подписи руководителей Общества османского прогресса и единения, Общества личной инициативы и децентрализации, комитета «Дашнакцутюн», а также некоторых других антиправительственных организаций. Принятые 27—29 декабря 1907 г., они были полностью обнародованы только 1 февраля 1908 г. в газете «Шура-и уммет» (№ 128—129).

Материал этого двойного номера газеты имел большое пропагандистское и организационно-политическое значение. Впервые самая распространенная и солидная газета младотурок выступила не только с разоблачением господствующего в стране режима, но и с конкретной программой борьбы против него. По этим причинам номер «Шура-и уммет» за

1 февраля 1908 г. заслуживает более подробной характеристики.

На месте передовой статьи была опубликована статья «Первый шаг». Она обвиняла Абдул Хамида в том, что своей политикой он разрушил единство народов империи, и, восстанавливая его теперь на конгрессе, их представители делают важный первый шаг в борьбе против деспотизма и за спасение отечества, шаг, который оставит свой след в истории турецкой революции. Далее газета сообщала, что на первом заседании конгресса, который открыл Сезаи, были избраны три сопредседателя (Сабахеддин, Ахмед Риза и Малумян) и зачитан доклад подготовительного комитета. В этом докладе, являющемся одним из двух важнейших документов конгресса, прямо указывалось, что побудительными мотивами его созыва были «явная тенденция нации к совместному восстанию против общего врага и последние события в ряде анатолийских вилайетов, которые породили новые идеи в умах людей». Подчеркнув, что стороны заранее договорились не касаться программно-теоретических вопросов, обсуждение которых сделало бы невозможным единство действий, составители доклада предлагали в качестве основы совместной борьбы следующие три пункта: 1) ликвидацию существующего режима; 2) учреждение представительного режима (или палаты депутатов и сената); 3) поиски мирных или революционных способов для достижения этих целей. В кратком комментарии к ним говорилось, что детронация Абдул Хамида есть основная цель всех организаций, до достижения которой никто не должен складывать оружие. Доклад призывал избрать в качестве методов борьбы: 1) всеобщее восстание; 2) защиту прав (мюдафаа-и хукук) путем вооруженного и невооруженного сопротивления правительству (например, забастовки); 3) неуплата налогов нынешнему правительству; 4) пропаганда этих идей в армии с целью привлечения ее на свою сторону и отказа от применения оружия против тех, кто трудится ради спасения и благополучия родины. Доклад требовал, чтобы принятые решения были опубликованы в печатных органах участвующих в конгрессе обществ и групп и стали обязательной программой их действий.

Переходя к изложению выступлений делегатов конгресса, «Шура-и уммет» замечала, что она не может поместить речи Сабахеддина, так как «он не приготовил для нашего номера их турецкий перевод», из чего следует, что некоторые заседания происходили, по-видимому, на французском языке. Если верить А. Б. Курану, явному апологету принца Сабахеддина, дискуссия, развернувшаяся вокруг доклада подготовительного комитета, едва не привела к срыву работы конгресса. Причиной послужило якобы требование Ахмеда Ризы,

чтобы конгресс «признал права султаната и халифата»; оно было резко отклонено армянскими делегатами, и только вмешательство редактора «Теракки» Фазлы-бея помогло урегулировать конфликт [256, стр. 236—237]. Краткое изложение речей делегатов, опубликованное в «Шура-и уммет», не позволяет подтвердить или опровергнуть справедливость этого обвинения А. Б. Курана³¹. Согласно газете, Ахмед Риза посвятил свое выступление на конгрессе доказательству тезиса, что главнейшая причина несчастий «нации» (т. е. «османской нации») состоит в отсутствии единства между турками, армянами, курдами, греками, албанцами и т. д. Следуя общей договоренности не подчеркивать разногласий, «Шура-и уммет» оставила в речах выступавших на конгрессе и на заключительном банкете лишь те места, где выражалось удовлетворение достигнутым, наконец, согласием всех групп вести совместную борьбу за восстановление конституционного режима.

Вторым основным документом конгресса была «Декларация», подписанная представителями всех организаций, принимавших в нем участие. Большая часть «Декларации» содержит подробный перечень всех пороков феодально-деспотического режима, который ее составители отождествляют с личностью Абдул Хамида. Не будучи в состоянии дать классовый анализ социальной-экономической и политической обстановки в Османской империи, лидеры младотурок и в этом документе сделали главной мишенью для своих атак самого султана и его ближайшее окружение. В этой части «Декларация» ничем не отличается от обычной пропагандистской статьи во многих вольных изданиях младотурок. Новым в этом документе является то, что в нем были четко сформулированы ближайшие цели борьбы (отречение Абдул Хамида, радикальное изменение режима, учреждение парламента) и, что еще важнее, конкретные способы ее достижения: «1) Вооруженное сопротивление действиям правительства; 2) невооруженное сопротивление, например путем забастовок полицейских и чиновников; 3) неуплата налогов нынешнему правительству; 4) пропаганда в армейских частях: солдат призвут не выступать ни против населения, ни против участников восстаний; 5) всеобщее восстание; 6) прочие способы действий, сообразные с требованиями событий». «Декларация» заканчивалась словами: «Да здравствует единение наций, которые до сего времени были разобщены! Да здравствует единение революционных сил!» [57, 1. II. 1908].

Таким образом, в вольной печати младотурецких и иных оппозиционных организаций была провозглашена буржуазно-

³¹ Здесь одинаково подозрительно как то, что А. Б. Куран не касается в своих исследованиях речи Сабахеддина, так и то, что она не попала на страницы «Шура-и уммет».

революционная программа, требовавшая свержения феодально-абсолютистского режима. И хотя на развитие событий первой половины 1908 г., приведших к июльскому выступлению, оказывали влияние многие факторы внутреннего и международного положения Турции, пропаганда восстания в нелегальных изданиях младотурок, с особым размахом и целеустремленностью развернувшаяся после конгресса 1907 г., немало способствовала консолидации всех революционных политических сил страны. Вопрос о разворачивании пропаганды в печати был предметом специального обсуждения на конгрессе. В принятой по этому вопросу резолюции говорилось: «Принимая во внимание влияние и воздействие, которое оказывает революционная пропаганда на умы людей, конгресс принял постановление об издании серии брошюр на турецком, арабском, курдском, албанском, армянском, болгарском и греческом языках и о распространении их с помощью своих внутренних организаций. Особое внимание будет обращено на составление воззваний к крестьянам, чиновникам, солдатам и офицерам, улемам, представителям высших классов и женщинам».

Из других документов конгресса 1907 г., опубликованных в том же номере «Шура-и уммет», наиболее важным представляется приветствие, направленное иранскому меджлису. «Конгресс выражает надежду,— говорилось в нем,— что конституционный режим, который будет установлен в османском государстве, укрепит дружеские узы, соединяющие две соседние страны, и будет способствовать цивилизации Востока». Там же были опубликованы призыв к македонским четникам прекратить междоусобные стычки, «братское приветствие» политзаключенным и ссыльным борцам против абдулхамидовского режима и ряд других решений конгресса.

Решения конгресса 1907 г., отразив качественный сдвиг в младотурецком движении — его перерастание из буржуазно-либерального в буржуазно-революционное, имели принципиальное значение и для младотурецкой вольной прессы. После конгресса вся печатная пропаганда младотурецких и иных оппозиционных организаций и групп была еще более нацелена на подготовку всех революционных сил и общественного мнения страны к насильственному свержению султана и его министров, олицетворявших собой феодально-деспотический режим. Развертывание этой пропаганды имело целью укрепить единство всех сил сопротивления «режиму зулюма» и несомненно оказало значительное влияние на подготовку и развитие событий первой половины 1908 г., вылившихся в июльское восстание.

Обзор и анализ вольной печати младотурок конца XIX — начала XX в. показывают, что она сыграла исключительно важную роль в жизни Турции той эпохи. В условиях полной

задавленности и продажности турецких политических газет, выходивших внутри страны, вольная младотурецкая пресса была единственною трибуной прогрессивных общественных сил Турции, которые стремились к ликвидации феодально-султанского самодержавия. Вольные издания младотурок в Европе и в Египте явились одним из важнейших общественно-политических факторов, подготовивших младотурецкую революцию 1908 г. Благодаря этим изданиям в турецком обществе были поддержаны, развиты, укреплены те идеи переустройства османского государства на началах буржуазного парламентаризма, которые выдвинули либералы-конституционалисты 60—70-х годов XIX в. Материалы вольных младотурецких изданий дают неоспоримые доказательства того факта, что во всех важнейших вопросах политической борьбы и идеологии младотурки были преемниками «новых османов», что, в сущности, до 1905 г. младотурецкое движение было продолжением либерально-конституционного движения 60—70-х годов, что принципиальные черты, отличающие младотурок от их новоосманских предшественников, появились только в эпоху пробуждения азиатских народов, пришедших в движение под воздействием русской революции 1905 г.

Анализ периодических изданий младотурецких эмигрантских групп, действовавших в Европе и в Египте, дает весьма полное представление о младотурецком движении как сложном и многообразном явлении в политической, общественной и интеллектуальной жизни главным образом турецкого (но не только турецкого!) населения Османской империи. В отличие от всех других видов печатной пропаганды младотурок (книг, брошюр, листовок) вольные газеты были продуктом их коллективного творчества и потому с наибольшей степенью детализации отразили как письменные программы, так и общие устремления младотурецкого движения во внутренней и внешней политике, экономике, национальном вопросе, в области культуры и т. д.

Основной целью младотурецкого движения конца XIX — начала XX в. было восстановление конституционной монархии при сохранении империи в существующих границах. Таким образом, в самом главном, что определяло направление движения, младотурки были эпигонами идейно-политической программы «новых османов». Вместе с тем сравнение эмигрантских изданий «новых османов» и младотурок позволяет отметить некоторые важные различия в идейно-политической платформе тех и других. «Новые османы», воспитавшие себя на трудах великих мыслителей Франции XVIII в., вдохновленные идеями революций 1789, 1830 и 1848 гг., защитников Парижской Коммуны, главный упор в своей печатной пропаганде делали на провозглашение лозунгов буржуазных политических свобод. Они искренне верили, что эти свободы мо-

гут быть обретены в результате установления в Турции системы конституционной монархии. Не повторяя всех достоинств и недостатков политической программы «новых османов», следует подчеркнуть, что название, выбранное ими для своего основного издания — «Хюрриет» («Свобода»), было вовсе не случайным и наиболее полно отразило в себе дух и основную цель их движения. Здесь стоит напомнить, что близкие к кругу «новых османов» молодые турки принимали участие как в революции 1848 г., так и в обороне Парижской коммуны в 1871 г. Для младотурецких вольных изданий конца XIX — начала XX в., которые, повторяем, выступали за осуществление основной политической идеи, сформулированной «новыми османами», характерно некоторое смещение акцентов в их пропаганде. Они более всего были встревожены продолжающимся распадом Османской империи, но искали пути ее спасения не в союзе революционных сил, выступавших против деспотизма, а в усиленной пропаганде доктрины османизма, призванной лишить многочисленные угнетенные народы империи политической инициативы и самостоятельной роли в борьбе за освобождение от этого деспотизма. Вплоть до самой революции 1908 г., как, впрочем, и после нее, младотурки были яркими противниками признания за нетурецкими народами империи каких бы то ни было политических прав, кроме права и обязанности быть членами единой «османской нации» и защищать «общую родину», во главе которой по-прежнему будет стоять турецкий султан-халиф. Кроме того, не повторяя основных тезисов пропаганды османизма вольной прессой младотурок, следует признать не случайным тот факт, что их самая живучая газета периода 1897—1904 гг., которая до 1902 г. была и самым крупным их изданием на турецком языке, имела наименование «Османлы» («Османец»), звучавшее как призыв к нетурецкому населению империи отказаться от своих национальных чаяний и устремлений.

Другой важной особенностью печатной пропаганды младотурок было наметившееся под влиянием роста национально-освободительных движений угнетенных народов империи осознание исторической бесперспективности доктрины османизма. И хотя все издания вольной прессы младотурок продолжали стоять на позициях этой доктрины, в ряде статей в «Османлы» и «Шура-и уммет» отразилось дальнейшее пробуждение национального турецкого самосознания.

Важное место на страницах вольной прессы младотурок занимал ислам. Но если «новые османы» прибегали к нему главным образом для обоснования законности конституционно-парламентской реформы, то младотурки видели в нем прежде всего орудие в борьбе за политическую консолидацию всех мусульманских народов Османской империи под властью

турецкого султана. Определенной же части младотурок еще в период до революции 1908 г. были не чужды и панисламистские идеи и настроения. Правда, Сабахеддин, поддерживая панисламизм как доктрину, призывающую мусульман к единству для отпора империалистам Запада, считал необходимым отмежеваться от абдулхамидовского панисламизма как «враждебного свободе» [186, стр. 280].

На страницах своих эмигрантских изданий младотурки выступали с антиимпериалистическими лозунгами. Они протестовали против ограбления страны с помощью внешних займов и кабальных концессий, против капитуляционного режима и покушений империалистических держав на политическую самостоятельность османского государства, разоблачали корыстные мотивы политики западноевропейских держав, выступавших под флагом защиты Турции от России, хотя и считали последнюю своим главным врагом.

В области экономической младотурецкая вольная печать ограничивалась общими призывами и рассуждениями о необходимости развивать сельское хозяйство, применяя современные методы обработки земли, содействовать развитию промышленности и торговли путем предоставления льгот местным предпринимателям и через подготовку своих специалистов. Социальные аспекты экономики, в частности аграрных отношений, взаимоотношений между трудом и капиталом, зарубежная младотурецкая печать почти не касалась.

Напрасно было бы искать в вольных газетах младотурок выражения классовых интересов крестьян и рабочих многонациональной Османской империи. Младотурецкая вольная пресса была трибуной находившегося в процессе становления класса турецкой национальной буржуазии, ее орудием в борьбе за власть, за участие в управлении государством, в котором будет установлен правопорядок, гарантирующий ей более благоприятные условия существования и развития. На том этапе революционного движения эта борьба младотурок имела прогрессивный характер, поскольку свержение самодержавия было первым важным условием развития Турции по буржуазно-капиталистическому пути. Вместе с тем к вольной печати младотурок предреволюционного периода вполне приложима та характеристика, которую В. И. Ленин в октябре 1908 г. дал младотурецкой революции, указав, что она «не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс... что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов...» [12, стр. 223].

Таким образом, в младотурецкой вольной прессе отразились все основные тенденции и противоречия того важнейшего явления в политической истории Турции, каким было младотурецкое движение конца XIX — начала XX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вся история турецкой печати в рассматриваемую эпоху — от первых опубликованных книг до вольных изданий младотурок включительно — свидетельствует о постоянно возрастающей роли печатного слова в жизни турецкого общества, в формировании новых общественно-политических идеалов, в становлении новой, буржуазной культуры.

Исторический путь, пройденный турецким народом в эпоху нового времени, и процесс развития книгопечатания и прессы Турции находятся в постоянной, порой очень тесной и очевидной, порой отдаленной и трудноуловимой взаимосвязи. Будучи порождением определенной исторической эпохи, турецкая печать являлась одновременно отражением и стимулом процессов и тенденций, происходивших в общественно-политической и культурной жизни страны. Вместе с тем в ней нашли яркое выражение многие специфические особенности культурных и общественно-политических движений и течений в Турции исследуемой эпохи.

Когда К. Маркс назвал книгопечатание одной из необходимых предпосылок буржуазного развития [3, стр. 262], он определил тем самым важнейшую роль печати в социально-экономической, политической и культурной жизни любого народа, который становился на путь своего освобождения от оков феодального строя. В османской Турции процесс разложения феодального и созревания капиталистического способа производства и соответствующих ему общественных отношений был заторможен как внутренними факторами, так и внешней политической и экономической зависимостью страны, особенно возросшей во второй половине XIX в. Методологическая посылка К. Маркса, относящая печать к факторам, предшествующим развитию капитализма и органически с ним связанным, дает ключ к пониманию исторической закономерности возникновения турецкого книгопечатания в первой половине XVIII в. и его распространения и упрочения в XIX — начале XX в.

В отличие от стран Запада, где первые шаги печатного дела были связаны с распространением религиозной книги,

турецкое книгопечатание зародилось и на протяжении всего XVIII в. развивалось как инструмент светской культуры. Неоднократные перерывы в работе типографии Ибрагима Мутефферрики показывают, с каким трудом прокладывала себе путь эта культура в условиях феодально-теократического османского государства, в общественной и духовной жизни которого безраздельно господствовали ислам и основанные на нем традиции. Книги, изданные в XVIII в., поскольку они распространяли не религиозные, а светские знания и науки, дали первый серьезный толчок тому процессу, который позднее привел к качественным сдвигам в турецкой культуре. На этом начальном этапе книгопечатания Турция сделала только первую, робкую попытку выйти из культурной изоляции, из культурного застоя, в котором пребывало турецкое общество до того времени. Учитывая исключительно светский характер турецкого книгопечатания в XVIII в., можно сказать, что оно отразило начало перехода образованного слоя турецкого общества от средневековой мусульманской схоластики к изучению достижений народов Европы, вставших на рельсы капиталистического развития. В этом смысле книгопечатание открыло Турции «окно в Европу».

Экономические, социальные и культурные сдвиги, которые произошли в Турции с конца XVIII до середины XIX в., особенно реформы в области просвещения, сообщили новый стимул развитию книгопечатания, подвели под него прочную базу, исключаящую всякую опасность прекращения турецкого книгоиздательского дела, привели к зарождению первых (официозных) газет на турецком языке. Отныне существование и развитие турецкой печати обеспечивались не энтузиазмом отдельных лиц, хотя, разумеется, и это могло иметь значение, а постоянно действующими факторами и причинами экономического, социально-политического и культурного порядка. Печатная книга в этот период стала для грамотных турак основным передатчиком светской образованности, главным средством их ознакомления с государственным устройством, правопорядком, политическими и философскими системами буржуазной Европы, с ее наукой, техникой, литературой и искусством. К середине XIX в. печатная книга безусловно играла ведущую роль в пропаганде научных знаний и светской культуры в Турции.

Вместе с тем очевидные преимущества техники печати наборными литерами, а также литографированием привлекли к ней внимание мусульманского духовенства, которое до начала XIX в. допускало издание религиозных книг по исламу не иначе как путем переписки от руки. С этого времени турецкое книгопечатание стало служить не только делу прогресса Турции, но и ее реакционным силам, стремившимся сохранить старые порядки.

Логика политической борьбы между сторонниками и противниками реформ, проводившихся в Турции с конца XVIII в. по 50-е годы XIX в., способствовала росту внимания к книгопечатанию и ускорила выпуск первой турецкой частной газеты. Развитие турецкой печати в этот период в большой степени содействовало формированию той новой турецкой интеллигенции, издательская и журналистская деятельность которой во многом определила политическое и культурное пробуждение турецкого общества во второй половине XIX столетия.

В середине 40-х годов прошлого века К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Всякая новая производительная сила,— поскольку это не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил..,— влечёт за собой дальнейшее развитие разделения труда» [5, стр. 20]. В XIX в. процесс сложения капиталистической формации в Турции делал только свои первые шаги. Однако, сопровождаясь зарождением класса турецкой буржуазии, он разрушал традиционную замкнутость, внешнюю и межобластную изолированность феодального общества Османской империи и вызывал необходимость в более совершенных средствах общения. Поскольку в докапиталистических формациях ни пресса, ни публицистика не являются общественной необходимостью, само возникновение частных турецких газет в 60-х годах XIX в. означало, что в турецком обществе появилась новая социальная сила, находящаяся в оппозиции к господствующему классу феодалов. С выходом нарождающейся турецкой буржуазии на арену общественной деятельности турецкая печать, особенно пресса, приобретала качества не только основного средства распространения светской культуры, но и главного оружия в идейно-политической борьбе между реакционными и прогрессивными силами Турции.

Частные газеты турецких просветителей 60-х годов способствовали возникновению и развитию в Турции общественного мнения, формированию идейно-политической оппозиции, которая — при всей своей оторванности от народных масс — выражала не узкогрупповые устремления той или иной феодально-бюрократической клики, а интересы зарождающегося класса турецкой буржуазии. Эти газеты содействовали консолидации либерально настроенной турецкой интеллигенции и непосредственно подготовили создание Общества «новых османов», выступивших с идеей ограничения власти султана парламентом. Видя в либеральной прессе опасного противника господствующему режиму, Порта в 1867 г. издала указ, который поставил частные газеты под правительственный контроль.

Эмиграция наиболее прогрессивных турецких журналистов в Европу имела своим следствием возникновение бес-

цензурной турецкой прессы 1867—1870 гг. В вольных газетах «новых османов» были провозглашены и — в соответствии с политическими концепциями буржуазного Запада и догматами ислама — обоснованы все важнейшие аспекты парламентской реформы феодально-абсолютистского режима Османской империи, сформулирован ряд важных принципов ее внутренней и внешней политики. Развитые позднее в газете «Ибрет» и поддержанные либеральной прессой 70-х годов XIX в. программные установки и взгляды «новых османов» послужили политической платформой сил, выступавших против самодержавия и добившихся провозглашения конституции 1876 г. Либеральная турецкая пресса 60—70-х годов пропагандировала идею учреждения конституционной монархии, видя в ней не только необходимое условие экономического и культурного подъема страны, но и важнейшее средство сохранения империи. Эта пресса (в том числе и вольные газеты) обращалась со своих страниц главным образом к турецко-мусульманской интеллигенции. Вместе с тем периодика «новых османов», сочетавших в своей идеологии требование конституции с верой в «доброе и справедливое» монарха, служила и своеобразным «почтовым ящиком» для отправки корреспонденции, предназначенной для султана. Попытками выступить в качестве политических наставников членов османской династии были отмечены позднее и некоторые статьи в органах младотурецкой эмиграции.

После разгона османского парламента в 1878 г. турецкая печать в течение трех десятилетий была, говоря словами В. И. Ленина, относящимися к царской России, «испакощена» «крепостной», «азиатской цензурой» [10, стр. 102]. Книгопечатание и особенно пресса при Абдул Хамиде II были поставлены на службу интересам феодально-деспотического самодержавного режима, который душил в многонациональной Османской империи все проявления прогрессивной мысли и деятельности. В этот период в Турции было запрещено издание многих произведений классиков мировой литературы, трудов прогрессивных мыслителей, лучших сочинений отечественных авторов, выступавших против самодержавия. По приказу правительства многие «вредные» книги сжигались. Из периодики к началу XX в. сохранились только самые рабелепные органы.

Однако свирепствовавшему в стране «режиму зулюма» не удалось полностью остановить духовное развитие турецкого общества. Не имея возможности открыто участвовать в политической борьбе, либеральная турецкая интеллигенция проявила себя преимущественно в области культуры. Большую пользу в поддержании прогрессивных культурных тенденций в те годы принес литературно-общественный журнал «Сервет-и фюнун». Распространению научных и научно-по-

пулярных знаний содействовали специальные и школьные журналы.

В условиях жестокой расправы с политической оппозицией и ее прессой внутри страны роль трибуны прогрессивных общественных сил Турции играли эмигрантские издания младотурок. В младотурецкой вольной прессе, особенно в таких крупных газетах, как «Мешверет», «Османлы», «Шура-и уммет», с гораздо большим, чем прежде, размахом была развернута пропаганда идей борьбы против самодержавного режима, за восстановление конституции 1876 г. Вольные газеты младотурок дают возможность ближе увидеть, какое значительное влияние оказала на Турцию первая русская революция 1905 г. Далеко не все их газеты приветствовали революционные восстания трудящихся России. Однако материалы их показывают, что под могучим воздействием 1905 г. как в армии, так и среди гражданского населения Турции нарастали антиправительственные выступления и приобретала более конкретные формы идея восстания против «кровавого султана», как называли Абдул Хамида в газетах младотурецкой эмиграции. Революционный подъем в Османской империи в 1906—1907 гг. активизировал политическую деятельность и печатную пропаганду младотурок. Их вольная пресса позволяет проследить процесс перерастания либерально-конституционного движения в буржуазную революцию, знакомит с документами, которые нацеливали младотурецкие организации на вооруженное восстание.

Вместе с тем и в материалах, публиковавшихся в эмигрантской печати рубежа XIX и XX вв., и в политических выступлениях различных младотурецких групп со всей отчетливостью проявилась также буржуазная ограниченность младотурецкого движения. В октябре 1908 г. В. И. Ленин писал: «Младотурков хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов...» [12, стр. 223]. Позднее, в общей оценке младотурецкой революции В. И. Ленин подчеркивал, что большинство народа не выступало в ней заметно, «со своими собственными экономическими и политическими требованиями» [17, стр. 39]. Ленинские характеристики революции 1908 г. в Турции, помогая правильному пониманию младотурецкого движения конца XIX—начала XX в. как буржуазного и верхушечного, раскрывают одновременно причины того, почему эмигрантская пресса младотурок почти не обращалась в своей пропаганде к народным массам страны, не пробуждала их инициативы в борьбе против феодально-деспотического режима и засилья иностранных империалистов. Существенно важно также от-

метить, что, хотя требование восстановления конституции 1876 г., выдвинутое идеологами турецкой буржуазии и либеральных помещиков, объективно отвечало интересам всех народов Османской империи, в вольной младотурецкой прессе со всей очевидностью проявили себя и реакционные стороны идеологии младотурок, особенно в национальном вопросе. Со страниц их периодических изданий настойчиво пропагандировалась идейно-политическая доктрина османизма, отказывавшая всем угнетенным народам Османской империи в праве на самоопределение, на независимое политическое развитие. Кроме того, пропаганда идеи османизма сдерживала созревание национального самосознания самих турок.

Суммируя значение внутренней и особенно эмигрантской турецкой прессы второй половины XIX — начала XX в., необходимо подчеркнуть, что она ввела в политический и культурный обиход турецкого общества ряд новых понятий и идей, имевших принципиальное значение для преодоления старых, феодальных и клерикальных, и постепенного внедрения новых, буржуазных и светских, норм политической и культурной жизни Турции — в конечном счете для его развития по буржуазно-капиталистическому пути. Диапазон этой новой политической терминологии как бы охватывает хронологически всю историю Турции в эпоху нового времени: в 1732 г. Ибрагим Мутеферрика в своем трактате «Основы мудрости в устройстве народов» впервые употребил термин «низам-и джедид» (новое устройство, новый порядок), который дал название периоду реформ Селима III и Мустафа-паши Байрактара, реформ, знаменовавших вступление Турции в эпоху нового времени; в канун революции 1908 г. «Шура-и уммет» и другие эмигрантские газеты младотурок, призывая османское население к борьбе за восстановление конституции 1876 г., ввели в обиход понятие «мюдафаа-и хукук» (защита прав), которое составной частью вошло в название обществ защиты прав (мюдафаа-и хукук джемнет-лери), буржуазных патриотических организаций в буржуазно-национальной революции 1919—1923 гг. — важнейшего события новейшей истории этой страны.

Со страниц газет 60-х годов XIX в. впервые прозвучало обращение к турецким читателям как к нации (миллет), а не как к религиозной общине (уммет). Благодаря журналистско-публицистической деятельности «новых османов» приобрело права гражданства слово «ватан» (отечество), отгеснив на второй план понятие «мемлекет» (родной край). Тогда же стала формироваться идея османско-турецкого, а не общемусульманского патриотизма. В прессе второй половины XIX — начала XX в. отразилась зарождавшаяся в турецком обществе тенденция к сочетанию османизма с тюркизмом, к пробуждению турецкого национального самосознания.

В 90-х годах турецкая печать впервые заинтересовалась Анатolieй не как географической слабостью, а как средоточием турецкого населения и указала на турок (а не вообще мусульман или османцев) как на главную силу, обеспечивающую сохранение Османской империи.

Газеты 60—70-х годов XIX в. впервые серьезно ознакомили турецкую читающую публику с такими фундаментальными политическими понятиями и категориями, как право народа на суверенитет, личная и политическая свобода, разделение исполнительной и законодательной власти, парламентский режим, конституция, выборность депутатов, ответственное правительство и т. д. Многократно повторенные и развитые в вольной прессе младотурок, они оказали большое влияние на формирование политического сознания и деятельность турецкой либеральной интеллигенции и всех прогрессивных сил турецкого общества, выступавших против самодержавного режима. В этой прессе была предпринята также попытка обосновать право народа на восстание не с позиций исламского догмата, утверждающего формальное братство и равенство «всех мусульман», а исходя из принципов и опыта политической борьбы в странах буржуазного Запада.

В вольных газетах «новых османов» и младотурок был провозглашен протест против вмешательства великих держав Европы во внутренние дела Турции, а также против кабальных привилегий иностранцев — капитуляционного режима, грабительских займов, иностранного засилья в торговле и промышленности. Со страниц газет «Мухбир» и «Хюрриет» иностранным кредиторам было сделано предупреждение, что после свержения самодержавия Турция не признает старых долгов. Кстати, кемалистская революция не сделала этого, а младотурецкая даже не ставила этого вопроса.

Велика роль турецкой печати в пропаганде культурных знаний, распространении достижений современной науки. В либеральной турецкой прессе неизменно проводилась мысль, что просвещение народа — важнейшее условие прогресса страны. Изучение истории книгопечатания и прессы позволяет существенно расширить представление о том, как менялись культурные запросы и общественно-политический кругозор грамотного турка на протяжении XVIII — начала XX в.

Турецкие газеты, особенно эмигрантская пресса младотурок, обращались к местным дельцам с призывом овладевать знаниями и навыками, необходимыми для развития промышленности, торговли и земледелия, к активизации предпринимательской деятельности, чтобы успешнее противостоять натиску иностранных капиталистов и их внутренней агентуры.

Наконец, либеральная пресса 60—70-х годов XIX в., особенно вольные газеты «новых османов» и младотурок, систематически разоблачала пороки и недостатки самодержавного режима в Турции. Эта пропаганда сыграла большую роль в моральной, политической и организационной подготовке и объединении сил противников самодержавия.

На протяжении всего рассматриваемого периода развитие турецкой печати — книгоиздательского дела и особенно прессы — постоянно тормозили два основных фактора: во-первых, узость социальной базы новой, светской культуры, общая отсталость страны и позднее — ее зависимость от иностранного капитала, а также экономическая и политическая слабость турецкой национальной буржуазии; во-вторых, сопротивление сил феодально-клерикальной реакции, суровые репрессии, которым самодержавный режим подвергал прогрессивных издателей, писателей и журналистов.

Тем не менее турецкая печать в целом стала в это время важным инструментом борьбы против феодально-клерикального режима и, несмотря на многие препятствия и трудности, длительные спады, непоследовательность, а порой и серьезные идейно-политические недостатки, явилась школой и трибуной для тех прогрессивных сил, которые привели Турцию к первой буржуазной революции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Сокращения

КСИНА	— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР» (Москва)
НАА	— «Народы Азии и Африки» (Москва)
СВ	— «Советское востоковедение» (Москва)
IA	— «Islam ansiklopedisi» (Istanbul)
JA	— «Journal asiatique» (Paris)
LLZ	— «Liepziger Literaturzeitung» (Leipzig)
SB	— «Sitzungsberichte der k.-k. Akademie der Wissenschaften» (Wien)
TKDB	— «Türk kütüphaneciler derneği bulteni» (Ankara)
YGED	— «Yıllık Gazetecilik enstitüsü dergisi» (Istanbul)
ZDMG	— «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft» (Leipzig)

I. Классики марксизма-ленинизма *

1. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, т. 8.
2. Маркс К. Капитал, т. I, т. 23.
3. Маркс К. Письмо Маркса к Энгельсу (Лондон), 28 января 1863 г., т. 30.
4. Маркс — Энгельсу, 25 мая 1876 г., т. 34.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология, т. I, т. 3.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Британская политика. Дизраэли.— Эмигранты.— Мадзини в Лондоне.— Турция, т. 9.
7. Энгельс Ф. Турецкий вопрос, т. 9.
8. Энгельс Ф. Что будет с Европейской Турцией, т. 9.
9. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, т. 1.
10. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература, т. 12.
11. Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике, т. 17.
12. Ленин В. И. События на Балканах и в Персии, т. 17.
13. Ленин В. И. Новая глава всемирной истории, т. 22.
14. Ленин В. И. О народничестве, т. 22.
15. Ленин В. И. Пробуждение Азии, т. 23.
16. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма, т. 27.
17. Ленин В. И. Государство и революция, т. 33.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса указаны по «Сочинениям», изд. 2, В. И. Ленина — по «Полному собранию сочинений».

18. Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала, т. 41.
19. Ленин В. И. О работе Наркомпреса, т. 42.

II. Материалы Архива внешней политики России (АВПР)

20. Ф. Азиатский Департамент, «Пресса», д. 377, 1882 г.
21. Ф. Азиатский Департамент, «Пресса», д. 12, 1883 г.
22. Ф. Азиатский Департамент, «Пресса», д. 31, 1884—1886 гг.
23. Ф. Азиатский Департамент, «Пресса», д. 119, 1904—1906 гг.
24. Ф. Азиатский Департамент, «Пресса», д. 381, 1906 г.
25. Ф. Турецкий стол (старый), д. 2671, 1847 г.
26. Ф. Турецкий стол (старый), д. 2661, 1867 г.
27. Ф. Турецкий стол (новый), д. 6901, 1900 г.

III. Источники

на русском языке

28. [Вронченко М.] Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, ч. I, [б. м.], 1840.
29. «Изображение тактики или искусный образ войск установления, обнародованное в Константинополе на турецком языке Ибрагимом Эфендием Мутеферриком Порты Оттоманской в 1144 г. Эгиры, то есть год спустя после последнего возмущения и низвержения султана Ахмеда в 1730 г. приключившегося», СПб., 1777.
30. Рагозина Е. А. Из дневника русской в Турции перед войной 1877—78 гг., СПб., 1910.
31. [Смирнов В. Д.] Турецкая цивилизация, ее школы, софта, библиотеки, книжное дело. Из поездки в Константинополь летом 1875 г., — «Вестник Европы», кн. 8—9, 1876.
32. Теплов В. Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе (Записки очевидца), СПб., 1897.
33. Чихачев П. А. Письма о Турции, М., 1960.
34. Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос, М., 1970.

на турецком языке

а. пресса

35. ۱۹۰۶—۱۸۹۷/۱۳۲۳—۱۳۱۵، اقدام، استانبول
36. ۱۹۰۲/۱۳۲۰، اناطولى، مصر
37. ۱۹۰۲/۱۳۱۹، نكي عثمانيليرك ناشر افكاريدر، جنوره، ائتقمام
38. ۱۸۹۸/۱۳۱۵، يه به روحى، جنوره
39. ۱۸۸۲، تأسف، پارس
40. ۱۸۹۶—۱۸۸۷/۱۳۱۴ . ۱۳۰۵، ترجمان حقيقت، استانبول
41. ۱۸۸۲، ترلا، صوفيه
42. ۱۹۰۷، ترقى، فرانسه
43. ۱۸۹۲/۱۳۱۰—۱۳۰۹، ثروت، استانبول
44. ۱۸۵۵—۱۸۴۸/۱۲۷۱—۱۲۶۴، جريده حوادث، استانبول

45. خریدۀ عسكریه، استانبول، ۱۸۷۷/۱۲۹۴.
46. چوجوقلره مخصوص غزته، استانبول، ۱۸۹۹/۱۳۱۶.
47. حریت، محرری و ناشری جوانپیر، لوندره، ۱۸۹۷/۱۳۱۴.
48. یکی عثمانلیلر جمعیتی، لوندره، ۱۲۸۵-۱۲۸۶/۱۸۶۸-۱۸۶۹.
49. حق مصر، ۱۳۱۷، (۱۸۹۸-۱۸۹۹).
50. حق صریح، مصر، ۱۳۱۸/۱۹۰۰.
51. خانملره مخصوص غزته، استانبول، ۱۸۹۶/۱۳۱۴.
52. دولاب، لوندره، ۱۸۹۹/۱۳۱۵.
53. رسمی غزته، اکنجی طبعی، استانبول، ۱۳۰۷-۱۳۰۹/۱۸۹۰-۱۸۹۲.
54. سعادت، استانبول، ۱۳۰۹-۱۳۱۰/۱۸۹۲.
55. سلانیک، ۱۲۸۵-۱۲۸۶/۱۸۶۹.
56. سنجاق، مصر القاهره، ۱۳۱۸-۱۳۲۴/۱۹۰۰-۱۹۰۶.
57. شورای امت، پاریس، قاهره، ۱۳۲۰-۱۳۲۶/۱۹۰۲-۱۹۰۸.
58. طریق، استانبول، ۱۳۰۹-۱۳۱۵/۱۸۹۲-۱۸۹۷.
59. عثمانلی، جنوره- لوندره- فولقستون- قاهره، ۱۳۱۵-۱۳۲۱/۱۸۹۸-۱۹۰۳.
60. عثمانلی، طرسوسی زاده منیف، مصر، ۱۳۱۵-۱۳۱۹/۱۸۹۸-۱۹۰۱.
61. عمران، ادبیات، فنون، تراجم احوال، سیاحت، رومان و لطائفدن
باحپ عثمانلی رساله موقوتهدر، درسعادت، ۱۳۰۵/۱۸۸۸.
62. فریاد، صوفیه، ۱۹۰۵-۱۹۰۶.
63. قانون اساسی، مصر القاهره، ۱۳۱۴-۱۳۱۵/۱۸۹۸-۱۸۹۷.
64. مجموعه فنون، اثر جمعیت علمیه عثمانیه، استانبول، ۱۲۸۳/۱۸۶۶.
65. مجموعه معلم، استانبول، ۱۳۰۳-۱۳۰۶/۱۸۸۷-۱۸۸۹.
66. محبر، لوندره، ۱۲۸۴-۱۲۸۵/۱۸۶۸-۱۸۶۷.
67. مصور ترقی، درسعادت، ۱۳۲۳/۱۹۰۵.
68. مصور فن و ادب، استانبول، ۱۳۱۷/۱۸۹۹-۱۹۰۰.
69. معارف، فنی و ادبی رساله، استانبول، ۱۳۰۹-۱۳۱۴/۱۸۹۱-۱۸۹۶.
70. معلومات، مصور تورک غزته سیدر، استانبول، ۱۳۱۳/۱۸۹۵-۱۸۹۶.
71. مکتب: ادبی و فنی رساله، استانبول، ۱۳۱۱/۱۸۹۳-۱۸۹۴.
72. مکتب، فنی و ادبی هفتهک رساله‌سی، ۱۱۰۷-۱۳۹۸/۱۸۹۱-۱۸۹۲.
73. منظره، مصور عثمانلی مجموعه‌سی، استانبول، ۱۳۰۳.
74. میزان، مصر القاهره- پاریس- جنوره، ۱۳۱۳-۱۳۱۵/۱۸۰۶-۱۸۹۷.
75. وقایع طبیه، استانبول، ۱۲۹۷-۱۳۰۰/۱۸۷۹-۱۸۸۳.
76. وقت، استانبول، ۱۲۹۵-۱۳۰۰/۱۸۷۸-۱۸۸۳.

6. прочие источники

77. — احمد راسم، مطبوعات حافظه لرندن محرره، شاعر، اديب، استانبول، ۱۹۲۴ — ۱۳۴۲.
78. بغداد ولايت جليله سنه مخصوص سالنامه در، دفعه ۱۲، سنه قمريه ۱۳۱۳، و ۱۳۱۴.
79. تآليف و ترجمه نظامنامه سي، دستور، جزؤ ثاني، درسعدت، ۱۲۸۹.
80. تركياده سانسور اكلتجه لري، (مترجمي م. ق. ۰)، ۱۹۰۷.
81. سالنامه دولت عليه عثمانی، درسعدت، ۱۳۰۴.
82. م. ق. ۰، تركياده مجلس مبعوثان، برنجي جلد، مصر، ۱۹۰۷.
83. محمد مراد، تحري «ستقبال»، مصرده و اوروياده نشر اولنان «ميزان» دن مقتبسدري، برنجي جلد، مطبعه امدی، ۱۳۲۹.
84. مطبعه نظامنامه سي، دستور، جزؤ ثاني، درسعدت ۱۲۸۹.
85. مطبوعات نظامنامه سي، دستور، جزؤ ثاني، درسعدت، ۱۲۸۹.
86. Ahmet Ihsan. Matbuat hatıralarım, c. I, Meşrutiyetin ilânına kadar, 1888—1908, İstanbul, 1930.
87. Demiroğlu F. Abdülhamide verilen jurnaller, İstanbul, 1955.
88. İskit S. R. Türkiyede matbuat rejimleri, Ankara, 1938.
89. «Namık Kemalın hususî mektupları», c. I., İstanbul, Avrupa ve Magosa mektupları, Ankara, 1967.
90. Tahsin Paşa. Abdülhamit. Yıldız hatıraları, İstanbul, 1931.
91. Tem o I. İttihad ve Terakkî Cemiyetinin teşekkülü ve hidemat-ı vataniye ve inkilâb-ı milliye dair hatıratım, Romanya — Mecidiye, 1939.
92. Tugay A. İbret. Abdülhamide verilen jurnaller ve jurnalciler. İstanbul, 1961.
93. Yalçın H. C. Edebî hatıralar, İstanbul, 1935.
- на европейских языках*
94. Alric A. Un diplomate ottoman en 1836 (Affaire Churchill), Paris, 1892.
95. Aristarchi Bey. Legislation ottomane ou recueil des lois, réglemens, ordonnances, traités, capitulations et autres documents officiels de l'Empire Ottoman, publiés par D. Nicolaidès, IIIe partie, Constantinople, 1875.
96. Beck S. Die Wirkungen der Aufhebung der Zensur in der Türkei, — «Orientalische Literaturzeitung», Bd I, H. I, Leipzig, 1908.
97. «Circulaire du Ministre des Affaires étrangères au corps diplomatique, au sujet de l'introduction des livres et imprimés dans l'Empire», — «Archives diplomatiques, Recueil de diplomatie et d'histoire», t. 2, 3e année, Paris, 1863.
98. «Mechveret». Organe de la Jeune Turquie, Paris, 1899—1901, 1905—1907.
99. Michaud et Poujoulat. Correspondance d'Orient, 1830—1831, t. III, Paris, 1834.
100. [Mordtmann A. D.] Stambul und das moderne Türkenntum (politische, soziale und biographische Bilder), von einem Osmanen, Bd I, Leipzig, 1877.
101. Young G. Corps de droit ottoman, vol. II, Oxford, 1905.
102. Walsh R. A Residence at Constantinople, 2 ed., vol. II, London, 1836.

**IV. Библиографии, каталоги и списки турецких книг
и периодических изданий**

103. Рафиков А. X. Историческая литература на турецком языке, хранящаяся в библиотеках Ленинграда. Сводный аннотированный каталог, 1729—1963, Л., 1968.
104. Тверитинова А. Каталог книг по истории на турецком языке, находящихся в библиотеках Ленинграда,—«Библиография Востока», вып. 10, 1936.
105. ابو لفتوح، ضوان، تاريخ، مطبعة بولاق، قاهره، ١٩٥٣.
106. «Eski harfli türkçe süreli yayınlar toplu kataloğu», Millî kütüphane yayınları, Ankara, 1963.
107. K o r a y E. Türkiye tarih yayınları bibliyografyası, 1729—1955. 2. basım, İstanbul, 1959.
108. B e l i n. Bibliographie ottomane ou notice des livres turcs imprimés à Constantinople durant les années 1281, 1282 et 1283 de l'hégire,—JA, VI sér., t. 11, 1868.
109. B e l i n. Bibliographie ottomane... les années 1284 et 1285 de l'hégire,—JA, VI sér. t. 14, 1869.
110. B e l i n. Bibliographie ottomane... les années 1286 et 1287 de l'hégire,—JA, VI sér., t. 18, 1871.
111. B e l i n. Bibliographie ottomane... les années 1288 et 1289 de l'hégire,—JA, VII sér., t. 1, 1873.
112. B e l i n. Bibliographie ottomane... la periode 1290—1293 de l'hégire,—JA, VII sér., t. 9, 1877.
113. B i a n c h i. Bibliographie ottomane ou notices des ouvrages publiés dans les imprimerie turques de Constantinople et en partie dans celles de Boulac, en Egypte depuis les derniers mois de 1856 jusqu'à ce moment,—JA, V sér., t. 13, 1859.
114. B i a n c h i. Bibliographie ottomane... de 1856 jusqu'à ce moment,—JA, V sér., t. 14, 1859.
115. B i a n c h i. Bibliographie ottomane... de 1856 jusqu'à ce moment,—JA, VI sér., t. 16, 1860.
116. B i a n c h i. Bibliographie ottomane... de 1856 jusqu'à ce moment,—JA, VI sér., t. 2, 1863.
117. B i a n c h i. Catalogue générale des livres arabes, turcs et persans imprimés à Boulac,—JA, IV sér., t. 2, 1843.
118. H a m m e r-P u r g s t a l l. Übersicht der orientalischen Literatur was die zu Konstantinopel im Jahre 1728 errichtete Buchdruckerey in einem Jahrhundert geleistet hat,—Hammer J., Die Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd VII, Pesth, 1831.
119. H a m m e r-P u r g s t a l l. Liste des ouvrages imprimés à Constantinople dans le cours de l'année 1841,—JA, IV sér., t. 1, 1843.
120. H a m m e r-P u r g s t a l l. Liste des ouvrages... dans le cours de l'année 1842,—JA, IV sér., t. 3, 1844.
121. H a m m e r-P u r g s t a l l. Liste des ouvrages... dans le cours des années 1843 et 1844,—JA, IV sér., t. 8, 1846.
122. H a m m e r-P u r g s t a l l. Bericht über die in den letzten vier Jahren 1845, 46, 47 und 48 zu Konstantinopel gedruckten und lithographierten Werke,—SB, Bd V, 1850.
123. H a m m e r-P u r g s t a l l. Bericht über die seit dem Jahre 1848 zu Konstantinopel gedruckten und lithographierten Werke,—SB, Bd VI, 1851.
124. H u a r t Cl. Notice des livres turcs, arabes et persans, imprimées à Constantinople, durant la periode 1294—1296 de l'hégire (1877—1879), Paris, 1881.
125. H u a r t Cl. Notice des livres... (1880—1881), Paris, 1882.
126. H u a r t Cl. Notice des livres... (1882—1884), Paris, 1885.
127. H u a r t Cl. Notice des livres... (1885—1886), Paris, 1887.

128. Huart Cl. Notice des livres... (1887—1888), Paris, 1889.
129. Huart Cl. Notice des livres... (1889—1890), Paris, 1891.
130. Legrand E. Bibliographie hellenique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs, au XVII siècle, Paris, t. I, 1894; t. V, 1903.
131. Schlechta-Wssehrd O. Ausführlicher Bericht über die in Konstantinopel vom Oktober 1851 bis Oktober 1852 erschienenen orientalischen Werke,—SB, Bd XIII, 1853.
132. Schlechta-Wssehrd O. Ausführlicher Bericht... vom Oktober 1852 bis Oktober 1853...,—SB, Bd XIV, 1854.
133. Schlechta-Wssehrd O. Verzeichniss der in Konstantinopel letzterschienen orientalischen Drucke und Lithographien—ZDMG Bd VII, 1853.
134. Schlechta-Wssehrd O. Verzeichniss...,—ZDMG, Bd VIII, 1854.
135. Schlechta-Wssehrd O. Verzeichniss...,—ZDMG, Bd IX, 1855.
136. Schlechta-Wssehrd O. Bericht über die vom Oktober 1853 bis September 1854 zu Konstantinopel erschienenen orientalischen Werke,—SB, Bd XVII, 1855.
137. Schlechta-Wssehrd O. Bericht über die in Constantinopel erschienenen neuesten orientalischen Drückwerke,—ZDMG, Bd XX, 1866.
138. «Übersichte der in den drey letzten Jahren zu Konstantinopel erschienenen gedrückten türkischen und arabischen Bücher,—LLZ, № 298—300, 307—308, 1820.
139. «Übersicht der im Jahre 1820 in der Drückerei zu Skutari erschienenen Werke als Fortsetzung des Intelligenz Blattes № 308 des vorigen Jahres»,—LLZ, № 80—81, 1821.

V. Исследования

на русском языке

140. Абдуллаев И. Человек удивительной судьбы,—«Советский Дагестан», 1968, № 1.
141. Айзенштейн Н. А. Из истории турецкого реализма. Заметки о турецкой прозе (70-е годы XIX в.—30-е годы XX вв.), М., 1968.
142. Алимов А. А. Революция 1908 г. в Турции,—«Пробуждение Азии», М., 1935.
143. Алькаева Л. О. Творчество Халида Зин Ушаклыгыля. К вопросу о формировании турецкой прозы конца XIX века, М., 1956.
- 143а. Алькаева Л. О. Очерки по истории турецкой литературы, 1908—1939, М., 1959.
144. Алькаева Л., Бабаев А. Турецкая литература. Краткий очерк, М., 1967.
145. Бабян А. С. Армянская книга, Ереван, 1956.
146. Гарбузова В. С. Поэты средневековой Турции, Л., 1963.
147. Гарбузова В. С. Поэты Турции XIX века, Л., 1970.
148. Гасанова Э. Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914), Баку, 1966.
149. Гасанова Э. Ю. Из истории распространения марксистских идей в Турции (конец XIX — начало XX в.),—«Марксизм и страны Востока», М., 1970.
150. Голобородько Н. Н. Турция, М., 1912.
151. Гордлевский В. А. Очерки по новой османской литературе,—«Избранные сочинения», т. II, М., 1961.
152. Горталов Н. Возникновение первой славянской типографии и предстоящее празднование ее 400-летия, Казань, 1893.
153. Еремеев Д. Е. Турция,—«Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока», М., 1970.
- 153а. Еремеев Д. Е. Этногенез турок, М., 1971.

154. Желтяков А. Д. Из истории книгопечатания в Турции,— «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки», Л., 1967.
155. Желтяков А. Д. К вопросу о вестернизации Турции в новое время,— «Историография и источниковедение стран Азии и Африки», вып. II, Л., 1968.
156. Желтяков А. Д. Начальный этап книгопечатания в Турции,— «Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение)». М., 1968.
157. Желтяков А. Д. Дело Уильяма Черчилля,— «XXIII Герценовские чтения. Исторические науки», вып. II, Л., 1970.
158. Желтяков А. Д. История турецкого книгопечатания и периодики от реформ «низам-и джедид» до конституции 1876 г.— «Тюркологический сборник, 1970», М., 1970.
159. Желтяков А. Д. Правовое положение печати в Турции (конец XIX — начало XX в.),— «VII годичная научная сессия ЛО ИВАН (Краткие сообщения)», М., 1971.
160. Желтяков А. Д. Из истории турецкой вольной прессы XIX в.— «Вестник Ленинградского университета», 1971, № 14.
161. Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX в.). М., 1965.
162. Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. Младотурецкое движение в трудах турецких историков,— НАА, 1965, № 5.
163. Желтяков А. Д., Тверитинова А. С. Эвлия Челеби и его «Книга путешествия»,— «Эвлия Челеби, Книга путешествия (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Перевод и комментарии. Вып. I. Земли Молдавии и Украины», М., 1961.
164. Ибрагимов А. Х. Печать Турции, М., 1965.
165. Кацпржак Е. И. История книги, М., 1964.
166. Кононов А. Н. Реформа алфавита в Турции (к истории вопроса),— «Ученые записки ЛГУ», № 282, вып. II, 1959.
167. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература,— Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957.
168. Кямилев Х. У истоков современной турецкой литературы (турецкие писатели-просветители второй половины XIX в.), М., 1967.
169. Мандельштам А. Н. Младотурецкая держава (историко-политический очерк), М., 1915.
170. Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар, Османская империя в начале XIX века, М.—Л., 1947.
171. Миллер А. Ф. Краткая история Турции, М., 1948.
172. Миллер А. Ф. Буржуазная революция 1908 г. в Турции,— СВ, 1955, № 6.
173. Миллер А. Ф. 50-летие младотурецкой революции, М., 1958.
174. Миллер А. Ф. Формирование политических взглядов Кемаля Ататюрка,— НАА, 1963, № 5.
175. Михайлов М. С. Произведения Пушкина на турецком языке,— «Труды МИВ», вып. 6, 1951.
176. Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937.
177. Новичев А. Д. История Турции, т. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.), Л., 1963.
178. Новичев А. Д. Турция. Краткая история, М., 1957.
179. Новичев А. Д. История Турции, т. II. Новое время, ч. I (1792—1839), Л., 1968.
180. Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958.
181. Петросян Ю. А. К характеристике общественно-политических взглядов Намыка Кемаля,— КСИНА, XXX, 1961.
- 181а. Петросян Ю. А. Турецкие рукописные фонды библиотек и архивов Румынии и их изучение,— НАА, 1962, № 4.

182. Петросян Ю. А. Из истории пропагандистской деятельности младотурок в эмиграции.— НАА, 1963, № 4.
183. Петросян Ю. А. Из истории общественно-политической мысли в Турции в XIX в.,— КСИНА, 71, 1964.
184. Петросян Ю. А. К изучению идеологии младотурецкого движения.— «Тюркологический сборник», М., 1966.
185. Петросян Ю. А. Политическая сатира младотурок,— НАА, 1969, № 6.
186. Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX вв.), М., 1971.
187. Пигулевская Н. В., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., Л., 1958.
188. Салимзянова Ф. А., Журнал «Сервет-и фюнун» и творчество Тевфика Фикрета в 1896—1901 гг.,— КСИНА, 1962, вып. 60.
189. Смирнов В. Очерки истории турецкой литературы, СПб., 1891.
190. Стамбулов В. Намык Кемаль, М., 1935.
191. Убичини Ф. и де-Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи, пер. с фр., СПб., 1877.
192. Цовикян Х. М. Влияние русской революции 1905 г. на революционное движение в Турции,— СВ, III, 1945.
193. Цыбульский В. В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. Синхронистические таблицы и пояснения, М., 1964.
194. Шамсугдинов А. Печать Турции на службе американского империализма,— Труды МИВ, вып. № 6, 1951.
195. Шафарик П. И. О древнеславянских, именно кирилловских типографиях в южнославянских землях и прилежащих им краях, то есть в Сербии, Босне, Герцеговине, Черной Горе, Венеции, Валахии, Семиградье в XV, XVI, XVII столетиях (перевод с чешского),— «Чтения в имп. об-ве истории и древностей российских», № 3, 1846.
196. Юст К. Анатолийская печать, Тифлис, 1922.

на турецком языке

197. احمد راسيم، مطبوعات تاريخنه مدخل، ايلك بيوك محارلدن شناسي، استانبول، ۱۹۲۷.
198. احمد صائب، تاريخ سلطان مراد حامس، مصر القاهره.
199. احمد صائب، عبد للحميدك او اثن ساطنتي، مصر، ۱۳۲۶.
200. احمد صائب، وقعة سلطان عبد العزيز، مصر ۱۳۲۰.
201. احمد مدحت، اس انقلاب، قسم ۲، استانبول، ۱۲۹۵.
202. احمد مدحت، مدافعه، استانبول، ۱۳۰۰.
203. احمد مدحت، مدفعهيه مقابله و مقابلهيه مدافعه، استانبول، ۱۳۰۰.
204. ح. م. ضيا الدين، كندی كندینه اووقات، يا حود تسوير مستدعات عمومي، ايكنجي كتاب، درساعات، ۱۳۱۳.
205. رجائي زاده محمود اكرم تعليم ادبيات، استانبول، ۱۲۹۹.
206. سليم نزهت، تورك مطبعه جياغي، ايكي يوزنجي سننه دورينه سي مناسيتيله، استانبول، ۱۹۲۸.
207. عبدالرحمن شرف، جغرافيا درسلي، سنه ۱—۳، استانبول، ۱۳۲۳.

208. قاراجون، ابراهيم متفرقه، تاريخ عثمانى انجمنى مجموعەسى، جزؤ ۳، استانبول، ۱۳۲۶.
209. محمد مراد، مختصر تاريخ عمومى، استانبول، ۱۳۱۰.
210. محمود جواد ابن شيخ نافى، معارف عموميه نظارتى تاريخه تشکيلات و اجراءاتى، مطبعة عامره، ۱۳۳۸.
211. ملخص تاريخ عثمانى، ۱۳۱۷.
212. نجيب عاصم، كتاب، قسطنطينيه، ۱۳۱۱.
213. Adıvar A. A., Osmanlı türklerinde ilim, İstanbul, 1943.
214. Akyol I. H. Tanzimat devrinde bizde coğrafya ve jeoloji,— «Tanzimat», c. I, İstanbul, 1940.
215. Banoğlu N. A. Basın tarihimizin kara ve ak günleri, İstanbul, 1960.
216. Banoğlu N. A., Belgeler karşısında basın hürriyetinin hudutları,— YGED, 1961, № 2.
217. Başkut C. F., Gazetecilik dersleri, İstanbul, 1966.
218. Baydar M. Ahmet Mithat Efendi. Hayatı, sanatı, eserleri, İstanbul, 1954.
219. Baykal B. S., Şark buiranı ve Sabah gazetesi (1876),— «Ankara Üniversitesi dil ve tarih coğrafya fakültesi dergisi», c. VI, № 4, 1948.
220. Bayur Y. H. Türk inkilâbı tarihi, c. I, kısım 1, 2. baskı, Ankara, 1963.
221. Berkes N. İlk Türk Matbaası kurucusunun dini ve fikri kimliği,— «Belleten», c. 26, № 104, 1962.
222. Coşkunlar S. N. Ebuuziya Tefik, Hayatı ve eserleri,—TKDB, c. IV, № 4, Ankara, 1957.
223. Çapanoğlu M. S. Basın tarihimizde ilâve, İstanbul, 1960.
224. Çapanoğlu M. S. Basın tarihine dair bilgiler ve hatıralar, İstanbul, 1962.
225. Çapanoğlu M. S. Türkiyede sosyalist hareketleri ve sosyalist Hilmi, İstanbul, 1964.
226. Danişmend I. H. İzahli osmanlı tarihi kronolojisi, c. 4, 2. baskı, İstanbul, 1961.
227. Demirkan S. Türkiyede yayınlanan köye ve ziraate dair gazete ve dergiler,— YGED, 1961, № 2.
228. Dizdaroğlu H. Şinasi. Hayatı, sanatı, eserleri. İstanbul, 1954.
229. Dizdaroğlu H. Abdülhak Hamit Tarhan. Hayatı, sanatı, eserleri, 2. baskı, İstanbul, 1965.
230. Dizdaroğlu H. Namık Kemal. Hayatı, sanatı, eserleri, 7. basılış, İstanbul, 1968.
231. Durukal H. S. Ecnebi postalarının Türkiyede ilgasının 50. yıldönümü,— YGED, 1963, № 3—4.
232. Emin Ali, Türk gazeteciliğimiz 101 yılı ve ilk gazetelerimiz,— YGED, 1961, № 2.
233. Ergin O. Türkiye maarif tarihi, c.1—4, İstanbul, 1939—1942.
234. Ersoy O. Türkiyeye matbaanın girişi ve ilk basılan eserler, Ankara, 1959.
235. Ersoy O. XVIII ve XIX yüzyıllarda Türkiyede kâğıt, Ankara, 1963.
236. Ertuğ H. R. Basın ve yayın tarihi. İlk devirler, İstanbul, 1955.
237. Ertuğ H. R. Basın ve yayın hareketleri tarihi, 2. bası, İstanbul, 1959.
238. Ertuğ H. R. Türk gazeteciliğinin doğuşu,— YGED, 1961, № 2.
239. Fındıkoğlu, Tanzimatta içtimaî hayat,— «Tanzimat», c. I, 1940.
240. Fındıkoğlu, XIX asırda Avrupada türkçe matbuat,— YGED, 1961, № 2.
241. Gerçek S. N., Türk matbaacılığı, c. I, Müteferrika Matbaası, İstanbul, 1939.

242. Gerçek S. N. Türk taş basmacılığı, İstanbul, 1939.
243. Gökşen E. U. Türkiye'de matbuat,— «Türk dili», c. 12, № 144, Ankara, 1963.
244. Gövsa İ. A. Türk meşhurları ansiklopedisi, İstanbul, 1946.
245. Gönyol V., Matbuat,— IA, c. VII, İstanbul, 1957.
246. Hızarcı S. Hüseyin Cahit Yalçın, İstanbul, 1957.
247. Hızarcı S. Ahmet Rasim. Hayatı, sanatı, eserleri, İstanbul, 1965.
248. İskit S. R. Matbuat ve neşriyat rejimlerimizin tahlil ve tarihçeleri, Ankara, 1938.
249. İskit S. R. Türkiye'de neşriyat hareketleri tarihine bir bakış, İstanbul, 1939.
250. İskit S. R. Türkiye'de matbuat idareleri ve politikaları, Ankara, 1943.
251. İskit S. R. Fikir gazeteciliğimiz 100 yaşında: ilk fikir gazetemiz ve sahibi Ağah Efendi,— YGED, 1960, № 1.
252. Kaplan M. Namık Kemal. Hayatı ve eserleri, İstanbul, 1948.
253. Karal E. Z. Osmanlı tarihi, c. V, Ankara, 1961; c. VI, 1954; c. VII, 1956; c. VIII, 1962.
254. Kisakürek N. F. Namık Kemal. Şahsı, eseri ve tesiriyle, İstanbul, 1966.
255. Kuntay M. C. Namık Kemal. Devrinin insanları ve olayları arasında, c. I; c. II, k. 1—2, İstanbul, 1949, 1956.
256. Kuran A. B. İnkilâp tarihimiz ve Jön türkler, İstanbul, 1945.
257. Kuran A. B. İnkilâp tarihimiz ve İttihad ve Terakki, İstanbul, 1948.
258. Kurtkan A. Kitapçılarımız ve neşriyat alemimiz,— YGED, № 3—4, 1963.
259. Levend A. S. Ahmet Rasim, Ankara, 1965.
260. Mardin Ş. Jön türklerin siyâf fikirleri, 1895—1908, Ankara, 1965.
261. Menzel T. Hayrullah,— IA, c. V, 1950.
262. Oktay A. Biografiler ansiklopedisi, Ankara, 1959.
263. Özdem R. Tanzimattanberi yazı dilimiz,— «Tanzimat», c. I, İstanbul, 1940.
264. Parmaksızoğlu A. Hürk gazetecilik ve basın tarihi, İstanbul, 1959.
265. Revnakoğlu C. S. Bölge matbuatı: Erzurum matbuat tarihi,— YGED, 1960, № 1.
266. Selim Nüzhet. Türk gazeteciliği. Yüzüncü yıl dönümü vesilesile, İstanbul, 1931.
267. Sungu İ. Tevhid-i tedrisat,— «Belleten», c. II, № 7/8, Ankara, 1938.
268. Sungu İ. Tanzimat ve Yeni Osmanlılar,— «Tanzimat», c. I, İstanbul, 1940.
269. Sülker K. 100 sorunda Türkiye'de işçi hareketleri, İstanbul, 1958.
270. Şakir Ziya. Büyük türk inkilâbı, I. kitap, İstanbul, 1956.
271. Şakir Ziya. Tanzimat devrinden sonra Osmanlı nizam ordusu tarihi, İstanbul, 1957.
272. Şapolyo E. B. Türk gazeteciliği tarihi ve her yünü ile basın, Ankara, 1959.
273. Şehsuvaroğlu B. N. Basın tarihimizde sihhî mevkuteler,— YGED, 1962, № 2.
274. Tarık Ertel. Tanzimattan Cumhuriyete kadar Türkiye'de kimya tedrisatının geçirdiği safhalara dair notlar,— «Tanzimat», c. I, İstanbul, 1940.
275. Tökin F. Basın ansiklopedisi, İstanbul, 1962.
276. Tunaya T. Z. Türkiye'de siyâsî partiler, 1859—1952, İstanbul, 1952.
277. Tunaya T. Z. Türkiye'nin siyâsî hayatında batılılaşma hareketleri, İstanbul, 1960.
278. Tuncay Mete. Türkiye'de sol akımlar, 1908—1925, 2. basım, Ankara, 1967.
279. Tütengil C. O. Türkiye'de bölge basını: Diyarbakır,— YGED, 1961, № 2.
280. Tütengil C. O. «Yeni Osmanlılar» dan bu yana İngiltere'de türk gazeteciliği, 1867—1967, İstanbul, 1969.

281. Ulaş B. Tarihimizde kitap ve gazete sansürü,—TKDB, 1966, c. 15, № 1.
282. Uludağ O. S. Tanzimat ve hekimlik,—«Tanzimat», c. I, İstanbul, 1940.
283. Uzunçarşılı İ. H. Ali Suavi ve Çıragan Sarayı vak'ası,—«Belleten», c. VIII, № 29, 1944.
284. Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi, c. IV, 2. kısım, Ankara, 1959.
285. Unvar A. S. Osmanlı tababeti,—«Tanzimat», c. I, İstanbul, 1940.
286. Yalman A. E. Türk basın tarihinin başlangıç devrine bir bakış,—YGED, 1960, № 1.
287. Yücel H. A. Türkiyede orta öğretim, İstanbul, 1938.

на европейских языках

288. Adıvar A. La science chez les turcs ottomans, Paris, 1939.
289. Ahmed Emin. The Development of Modern Turkey as measured by its Press, New York, 1914.
290. Akyüz K. La littérature moderne de Turquie,—«Philologiae turcicae fundamenta», t. II, Wiesbaden, 1964.
291. d'Aubignosc L. R. B. La Turquie nouvelle jugée au point où l'ont amenée les réformes du sultan Mahmoud, t. 2, Paris, 1839.
293. Babinger F. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke, Leipzig, 1927.
294. Berkes N. The Development of Secularism in Turkey, Montreal, 1964.
295. Dupont P. Histoire de l'impérialisme, t. I, Paris, 1854.
296. Fesch P. Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid, Paris, [1907].
297. Firmin-Didot A. Typographie,—«Encyclopedie Moderne», Paris, t. XXVI, 1851.
298. Gibb E. J. W. A History of Ottoman Poetry, vol. V, London, 1909.
299. Hammer-Purgstall. Geschichte der Osmanischen Dichtkunst bis auf unsere Zeit, Bd IV, Pesth, 1838.
300. Hammer J. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd VII—X, Pesth, 1831—1835.
301. Heyworth-Dunne J. Printing and Translations under Muhammad Ali of Egypt,—«The Journal of the Royal Asiatic Society», July, 1940.
302. Lagarde L. Note sur les journaux français de Constantinople à l'époque révolutionnaire,—JA, t. 236, f. 2, 1947.
303. Lagarde L. Note sur les journaux français de Constantinople à l'époque de Mahmoud II,—JA, t. 238, f. 1, 1950.
304. Mardin S. The Genesis of Young Ottoman Thought. A Study of Modernization of Turkish Political Ideas, Princeton, 1962.
305. Oumont H. Missions archéologiques françaises en Orient aux XVII et XVIII siècles, 2ème partie, Paris, 1902.
306. Ramsaur R. E. The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908, Princeton, 1957.
307. Risal P. La presse turque,—«La Revue», vol. LXI, 1er Dec. 1905, Paris.
308. Rizas G. Abdul Hamid, sa vie politique et intime, 33 ans de tyrannie, Constantinople, 1909.
309. Simonffy A. Ibrahim Müteferrika. Bahnbrecher des Buchdrucks in der Türkei, Budapest, 1944.
310. Шишманов Д. Социалистическият печат в Турция,—«Български журналист», кн. 11, 1967.
311. Ubcini A. Lettres sur la Turquie, I^r partie, Paris, 1851.
312. Zinkeisen J. W. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, VI. Theil, Gotha, 1859.

УКАЗАТЕЛЬ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ*

- «Абдул Хамид» 275
«Айне-и ватан» («Зеркало родины») 143
«Айдын» (по назв. вилайета) 235
«Анадолу» («Анатолия») 7, 275
«Анкара» (по назв. вилайета) 235
«Асыр» («Век») 190, 235
«Ахенк» («Гармония») 235
- «Басирет» («Проницательность») 7, 145, 146, 148, 149, 157, 159, 161, 164, 165, 167, 168
«Басирет уш-Шарк» («Проницательность Востока») 270
«Беберухи» (по имени персонажа турецкого теневого театра) 7, 275
«Бедир» («Полнолуние») 157
«Бизантис» («Византия») 213
«Бюльтен де нувель» («Бюллетень новостей») 56
- «Вака-и мысрие» («Египетские события») 57
«Вака-и тыббие» («Медицинские события») 62, 86, 233
«Вақыт» («Время») 7, 158, 160, 163—165, 167—169, 171, 214, 217, 219—221
«Ватан» («Родина») 83, 93, 143
«Вау д'Орьян» («Голос Востока») 118
- «Газетт де Константинопль» («Константинопольская газета») 148
«Газетт франсез де Константинопль» («Французская константинопольская газета») 56
«Гевезе» («Балагур») 159
«Генджине-и хаяля» («Сокровищница мечты») 241
- «Дагарджик» («Торба») 157
«Девир» («Эпоха») 157
- «Джериде-и аскерие» («Военный вестник») 83, 157, 232
«Джериде-и бахрие» («Морской вестник») 233
«Джериде-и мехаким» («Судебный вестник») 233
«Джериде-и нафие» («Вестник министерства общественных работ») 233
«Джериде-и тыббие-и аскерие» («Военно-медицинский вестник») 86
«Джериде-и хавадис» («Вестник новостей») 7, 60—62, 64, 81, 83, 145, 160
«Джихан» («Вселенная») 190
«Джюрет» («Отвага») 269
«Диарбекир» (по назв. вилайета) 235
«Диожен» («Диоген») 150—152, 156, 157
«Долаб» («Проделки») 7, 275
- «Журналь де Константинопль — Эхо д'Орьян» («Константинопольская газета — Эхо Востока») 62
- «Зевра» (одно из названий Багдада) 157
- «Ибрет» («Наставление») 79, 149, 152—157, 161, 164, 244
«Измир» (по назв. вилайета) 235
«Икдам» («Упорство») 7, 190, 215, 217, 218, 226—228, 236, 264
«Инкиляб» («Революция») 141
«Интибах» («Пробуждение») 275
«Интикам» («Отмщение») 268
«Истанбул» («Стамбул») 143, 213
«Истикбаль» («Будущее») — внутреннее издание 158, 160, 161, 169

*Включены только те из упоминаемых в тексте органов периодики, которые выходили в Турции или издавались турецкими эмигрантами.

- «Истикбаль», эмигрантское издание 241, 243, 249
- «Истикбал-и миллет» («Будущее нации») 141
- «Иттихад» («Единение»), вольная газета младотурок 274
- «Иттихад», вольная газета «новых османов» 140, 141
- «Иттихад», газета Ахмеда Мидхата 161
- «Ичтихад» («Рвение») 282
- «Иштирак» («Участие») 235
- «Йылдыз» («Звезда») 273
- «Йылдыз — Этуаль д'Орьян» («Звезда — Звезда Востока») 242
- «Канун-у эсаси» («Основной закон») 7, 270, 271
- «Кастамону» (по назв. вилайета) 235
- «Какхаха» («Смех») 159
- «Кевкеб-и шарки» («Восточная звезда») 143
- «Кешф ун-никаб» («Открытие покрывала») 243
- «Кония» (по назв. вилайета) 235
- «Курье де Константинопль» («Константинопольский курьер») 58
- «Курье де Смирн» («Измирский курьер») 57
- «Курье д'Орьян» («Восточный курьер») 78, 146
- «Кырк анбар» («Сорок амбаров») 157
- «Левант Геральд» («Левантский вестник») 158, 165, 213, 226, 227
- «Лятифе» («Шутка») 159
- «Ля Тюрки» («Турция») 87, 145, 146, 151, 158, 159, 209, 213
- «Ля Тюрки контанпорэн» («Современная Турция») 241
- «Маариф» («Просвещение») 7, 232
- «Малюмат» («Знания») 7, 231—232
- «Манзара» («Панорама») 7, 232
- «Мебахис-и нильмие» («Научные дискуссии») 85
- «Мевкиб-и шарки» («Восточный кортеж») 147
- «Меддах» («Народный рассказчик») 159
- «Меджмуа-и ибери интибах» («Примеры пробуждения») 85
- «Меджмуа-и инкилабие» («Революционный журнал») 240
- «Меджмуа-и маариф» («Журнал просвещения») 150
- «Меджмуа-и Муаллим» («Журнал Муаллима») 232
- «Меджмуа-и фюнун» («Журнал наук») 84, 214
- «Меджмуа-и Шарк» («Восточный журнал») 217
- «Меджмуа-и Эбуззия» («Журнал Эбуззии») 207, 232
- «Мектеб» («Школа») 7, 232
- «Мешверет» («Обсуждение») 7, 249—257, 259, 261, 268, 276, 282—283, 296
- «Мизан» («Весы»), внутреннее издание 244, 245
- «Мизан», вольная газета младотурок 7, 245—248, 255, 257—259, 261, 263, 271
- «Мират» («Зеркало») 70, 81
- «Монитёр орьянталь» («Восточный наставник») 226
- «Монитёр оттоман» («Османский наставник») 57—58
- «Муваккатен „Улюм“ мюштерилерине» («Временно для читателей „Улюм“») 140
- «Мусаввер джихан» («Мир в иллюстрациях») 213
- «Мусаввер малюмат» («Знания в иллюстрациях») 231
- «Мусаввер теракки» («Прогресс в иллюстрациях») 234
- «Мусаввер фен ве эдеб» («Наука и добрые нравы в иллюстрациях») 234
- «Мухбир» («Корреспондент»), внутреннее издание 10, 81—83, 93, 94, 143
- «Мухбир», вольная газета «новых османов» 6, 10, 96—119, 122, 123, 125, 131, 132, 137, 139, 140, 142, 145, 147, 164, 266, 270, 298
- «Муhib» («Друг») 143
- «Мюмеиз» («Экзаменатор») 150
- «Невруз» («Новый год») 234
- «Орьян» («Восток») 258
- «Османлы» («Османец»), вольная газета различных групп младотурок 7, 260—269, 271, 272, 274, 276, 290, 296
- «Османлы», либеральная турецкая газета в Каире 272—274
- «Революсьон» («Революция») 141
- «Ресимли газете» («Иллюстрированная газета») 7, 232
- «Рузнаме-и джериде-и хавадис» («Ежедневный вестник новостей») 72, 83, 145, 159

«Саадет» («Счастье») 7, 213, 217, 223, 225—226
«Сабах» («Утро») 158, 161—163, 167, 215, 217, 226
«Садакат» («Верность») 158
«Санджак» («Знамя») 274
«Сеямет» («Благополучие»), внутреннее издание 217
«Сеямет», вольная газета младотурок 269
«Сербест Измир» («Свободный Измир») 235
«Сервет» («Богатство») 7, 228—229, 259
«Сервет-и фюнун» («Богатство наук») 190, 202, 217, 229—233, 265, 276
«Сивас» (по назв. вилайета) 235
«Сирадж» («Светильник») 156
«Смирнеэн» («Измирец») 57
«Сосьялист» («Социалист») 242
«Спектатёр орьянталь» («Восточный наблюдатель») 57

«Таквим-и векаи» («Календарь событий») 58—64, 74, 111, 145, 148, 167, 215
«Таквим-и гиджарет» («Торговый календарь») 83
«Тарик» («Путь») 7, 207, 213, 217, 221—223
«Тарик-и неджат» («Путь избавления») 118
«Тарла» («Нива») 243
«Тасвир-и эфкяр» («Изображение идей») 74—83, 85, 93, 94, 143, 148
«Теессюф» («Сожаление») 241
«Теракки» («Прогресс»), внутреннее издание 147—149
«Теракки», вольная газета младотурок 284, 287
«Терджюман-и ахваль» («Толкователь событий») 70—73, 81, 83
«Терджюман-и хакикат» («Толкователь истины») 7, 190, 213, 217, 220, 222—226
«Терджюман-и Шарк» («Толкователь Востока») 217
«Тиятро» («Театр») 146, 159
«Трабзон» (по назв. вилайета) 235
«Туна» («Дунай») 157
«Тюрк» («Турок») 282

«Улюм» («Науки») 140
«Умид» («Надежда») 275
«Умран» («Процветание») 217
«Утарит» («Меркурий») 143

«Фар дю Босфор» («Маяк Босфора») 159

«Ферьяд» («Призыв») 7, 284—285

«Хаватыр» («Воспоминания») 275
«Хадика» («Сад») 160, 156
«Хак» («Право») 7, 271, 272
«Хакаиқ уль-векаи» («Правда о событиях») 148, 149
«Хакикат» («Истина») 269, 273
«Хакк-ы сарих» («Очевидное право») 7, 272
«Хамидие» («Посвященная [султану Абдул] Хамиду») 275
«Ханымлара махсус газете» («Газета для женщин») 233
«Харекет» («Действие») 269
«Хаяль» («Фантазия»), внутреннее издание 157, 159—161, 165, 166, 217
«Хаяль», вольная газета младотурок 243, 275
«Хизмет» («Служение») 234, 242
«Хиляль» («Полумесец») 243
«Хиляфет» («Халифат») 269
«Худавендигяр» (по назв. вилайета) 236
«Хулясат уль-эфкяр» («Сущность идей») 157
«Хюрриет» («Свобода»), вольная газета «новых османов» 6, 76, 79, 119—142, 147, 164, 263, 290, 298
«Хюрриет», газета Селима Фариса 242, 275

«Чанта» («Портфель») 85
«Чингыраклы татар» («Гонец с погремужкой») 157, 160
«Чоджжулара махсус газете» («Газета для детей») 234

«Шарк» («Восток») 148, 158, 159
«Шарк ве Гарб» («Восток и Запад») 269
«Шарк йылдызы» («Восточная звезда») 235
«Шура-и османи» («Османский совет») 282
«Шура-и уммет» («Совет общины») 7, 274, 276—280, 282—288, 296, 297
«Шюкюфезар» («Цветник») 233

«Эзан» («Призыв на молитву») 259
«Эль-джеванб» («Ответы») 242
«Энвар-и шаркие» («Восточные лучи») 235
«Этфаль» («Дети») 159

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абдул Азиз 74, 80, 96, 105, 126,
138, 139, 141, 143, 157, 159, 161,
165—167, 207, 274
- Абдул Меджид 51, 54, 90, 102
- Абдул Хамид I 33, 270
- Абдул Хамид II 11, 12, 85, 146,
148, 162, 165, 166, 168—172, 174,
176—178, 180—184, 186, 188, 189,
193, 202, 211—216, 221, 223, 226,
229, 237—242, 245—248, 250, 255,
258, 259, 261, 263—266, 270—
275, 279—280, 284—287, 295—
296
- Абдуллатиф Субхи 77
- Абдуллах Джевдет 253, 259, 260,
264, 268, 282
- Абдуллах Зюхтю 226
- Абдуллах Хасиб-эфенди 186
- Абдуллах-эфенди Енишехирли 24
- Абдульхак Молла 54, 85
- Абдульхак Хамид 182, 186, 202,
204
- Абдульхалим Мемдух 260
- Абдуррахман Шереф 197
- Абу Наср, Феррахи 201
- Абубекр Бахрам Дымишки 29
- Агафангелос 14
- Агях-эфенди, посол в Лондоне 40
- Агях-эфенди, издатель газеты 70,
72, 73, 89, 96, 120, 142, 147, 187
- Айетуллах 145
- Акиф-паша 60
- Акоп, владелец театра 165
- Акыл Мухтар 259
- Александр II 152
- Александр Македонский 151
- Александр Обренович 216
- Али, зять Мухаммеда 165
- Али, хронист 88
- Али Джевад 198
- Али Кемаль 227, 264
- Али Музаффер 275
- Али Рашид-бей 147
- Али Суави 75, 81—83, 94, 96—
101, 103—104, 108—109, 112, 113,
117—119, 123, 139, 140, 142, 145—
147, 182, 258, 266, 270, 284, 285
- Али Фуад 275
- Али Шефкати 241, 243, 249, 267,
275
- Али Экрем 204
- Али-бей 151
- Али-бей «Ингилиз» 249
- Али-паша 78, 93, 94, 119, 130, 138,
139, 142—144
- Али-эфенди, см. Басиретчи Али
- Алишер Навои см. Навои
- Ансари 51
- Аракел 190, 199, 206, 207
- Аристотель 19
- Ариф 139
- Ариф-ханым 233
- Атыф-эфенди 41
- Ахмед III 18, 19, 20, 24, 25, 27, 31
- Ахмед Васыф 32, 33, 41
- Ахмед Вефик (паша) 70, 77, 88,
172, 182
- Ахмед Джевад 198
- Ахмед Джевдет, издатель 222, 226
- Ахмед Джевдет-эфенди, историк
52, 53, 54, 67, 88, 197
- Ахмед Джелиальеддин-паша 259,
270
- Ахмед ибн Хемдем Сухейли 26
- Ахмед Ихсан 8, 228—231
- Ахмед Лютфи 88, 197
- Ахмед Лютфуллах 264, 265
- Ахмед Мидхат 89, 145, 149, 156,
157, 161, 163, 182, 187, 189, 193,
195, 203, 206, 213, 222—224, 230
- Ахмед Расим 8, 70, 201, 204, 206—
208
- Ахмед Риза 249—257, 262, 264, 266,
271, 274, 276—280, 282, 283,
285—287
- Ахмед Рифат 198
- Ахмед Саиб 170, 274, 282
- Ахмед Фарис Шидьяк 242

* Из упомянутых в тексте авторов (во избежание дублирования библиографии) включены лишь современники событий 1729—1908 гг.

- Ахмед Хумбараджи-паша 20
 Ахмед Шуайб 230
 Ахмед-бей см. Чюрюксулу Ахмед
 Ахмед-хан 21
 Ахмед-эфенди 32
 Ахундов, Мирза Фатали 84
 Ашир-эфенди 150, 156
 Ашкенази, Иона 25
 Ашраф-шах 26
- Баба Тахир 228, 230—232
 Байрон 182, 205
 Баку 53
 Бальзак О. 205
 Басиретчи Али 145, 146
 Баха Тевфик 235
 Бахри-паша 214
 Баязид II 15
 Бедреддин Айни 19
 Бек С. 183, 184
 Белен А. 8, 89
 Беранже 88
 Бергман 216
 Бернардо 16
 Бертран Дж. 97
 Бесим Омер 206
 Бешир Фауд 206, 207, 223
 Биляль 104
 Биргеви 41, 50
 Бисмарк 145, 146
 Блэк А. (Блак-бей) 57, 58
 Блэк Э. 58, 168—170
 Блюнчли 221
 Бонневаль см. Ахмед Хумбарад-
 жи-паша
 Бордеану 158
 Ботта Карло 44
 Брев де 16
 Бузанд Фавстос 14
 Бюффон 78
 Бьянки 8, 44, 48, 49
- Вамбери** 125
 Васибеки 171
 Васыф 58
 Ваттель 77
 Вахид-эфенди 53
 Вейси 88
 Веллингтон 55
 Верди Дж. 49
 Верн, Жюль 205, 229
 Вехби 45
 Вильгельм II 216
 Вобан С. 39
 Вольней 121
 Вольтер 41, 44, 121, 182, 207
- Габорио Э. 206
 Гаджи-Мурад Амиров см. Мизан-
 джи Мурад
- Гайдн 49
 Галиб-бей 247
 Галилей 207
 Гарибальди Дж. 151
 Гаспар (Каспар) 190
 Георгиади Д. 241, 242
 Геродот 112
 Гёте 205
 Гомер 205
 Гутенберг 207
 Гюго В. 83, 88, 182, 205, 206
 Гюльнар-ханым см. Лебедева О. С.
 Гюзельоглу Арам 53
- Давид** (библ.) 16
 Давид, франц. консул в Измире 57
 Дамад Махмуд-паша 264
 Данте 182
 Дарвин Ч. 78, 85, 193
 Декарт 28
 Дефо Д. 88
 Джами 53
 Джаухари 25
 Джевдет см. Ахмед Джевдет-эфен-
 ди
 Джемальеддин Афгани 194
 Джемальеддин Хюсейни 54
 Дженаб Шехабеддин 204
 Дживанпир см. Селим Фарис
 Диоген 151, 207
 Доницетти 49
 Драга, сербская королева 216
 Дюма, отец и сын 88, 151, 205
- Евгений** Савойский 21
 Егише 14
- Жерар** 200
 Жильбер 88
- Захраб** Риза 275
 Зноб Глак 14
 Зеллич А. 47
 Зия-бей (паша) 70, 72, 75, 76, 82,
 83, 94, 96—98, 118—121, 123, 131,
 135—139, 141, 142, 151, 162, 169,
 182, 185, 187, 208
 Золя Э. 182, 205
- Ибн** Арабшах 26
 Ибн Сина 16, 20, 86, 207
 Ибн Халдун 54
 Ибнульхакки Тахир 233
 Ибрагим см. Ибрагим Мутефер-
 рика
 Ибрагим Мутеферрика 5, 9, 20—
 34, 39, 62, 65, 199, 293, 297
 Ибрагим Печеви 88
 Ибрагим Темо 185, 241, 248, 260,
 269
 Ибрагим Хильми 190

Ибрагим Шинаси 70—79, 81, 83, 89,
147, 202, 204, 208, 239
Ибрагим Эдхем 269
Ибрагим-паша Невшехирли 18, 19,
21, 23, 27, 31
Ибрагим-эфенди 32
Игнатъев А. П. 283
Игнатъев Н. П. 117
Иззет Молла 53
Иззи 33, 58
Ильин 283
Исмаил, хедив Египта 80, 138, 142,
152
Исмаил Асым см. Челебизаде Ис-
маил Асым
Исмаил Кемаль 269
Исмаил Сафа 204, 232
Исмаил Хаккы, шейх Бурсы 51
Исмаил Хаккы, журналист 232
Исхак Сюкути 248, 250, 253, 257,
259—260, 264, 266, 271

Казерио 216
Кайоль А. 46, 47
Кайоль Ж. 46
Кайсль Я. 47
Кальвин 23
Канилашазаде Рифат-бей 96, 97,
187
Каралет 199, 232
Карно, президент Франции 216
Касаб Т. 150, 157, 158, 160, 161,
165, 166
Кассини Д. 37
Кастер, историк 44
Кастер (Кастро), издатель 33, 62
Каязаде Решад-бей 96, 97, 120,
141, 142, 152, 153, 187
Киркор 232
Коджа Хюсрев-паша 46
Кок де, Поль 206
Конт О. 223, 249, 251
Коперник 29
Корнель 182
Кохбаци, Езник 14
Кочибей 88, 198
Кромер 248
Крусинский Т. 26
Куттгни И. 20
Кятиб Челеби 26, 29, 30, 67, 198
Кяфи 88

Лависс Э. 197
Лаланд Ж. 37
Ламартин А. 73, 88, 182
Ларусс 185, 200
Лафонтен 73, 88
Лебедева О. С. 224
Ленин В. И. 4, 5, 175, 176, 194,
238, 244, 277, 281, 291, 295, 296

Лист Ф. 49
Луи Бонапарт см. Наполеон III
Людовик XVI 57, 283
Лютфи см. Ахмед Лютфи
Лютфуллах 45

Маджид-бей 172, 173
Мадзини 98
Макарий 13
Мак-Кинли 216
Мало Г. 206
Малумян 286
Маркс К. 5, 115, 129, 131, 149,
230, 292, 294
Махир-бей 152
Махмуд, издатель 199
Махмуд I 19, 27
Махмуд II 38, 42—44, 54, 57, 58,
59, 66, 67, 101
Махмуд Недим-паша 142, 144, 148,
149, 151, 153, 154, 160, 166, 219
Махмуд Раиф 40
Махмуд Экрем см. Реджаизаде
Махмуд Экрем
Мегизер И. 16
Мейербер 49
Менапырзаде Нури-бей 96, 97, 141,
142, 152, 156, 157, 161, 187
Менизаде Юсуф 243
Менинский 16, 27
Меркатор 29
Метакасас Н. 14
Меттерних 55
Мехмед II Фатих 50, 216
Мехмед IV 16
Мехмед V 197
Мехмед Рамиз 232
Мехмед Рауф 204
Мехмед Рашид 30, 58, 88
Мехмед Решид 248, 259, 260
Мехмед Сабахеддин I 1, 260, 264,
265, 267, 269, 279, 281, 285—
287, 291
Мехмед Садык-бей 200
Мехмед Саид-бей 148, 158, 219, 221
Мехмед Саид-паша 148, 214
Мехмед Салих 275
Мехмед Солакзаде 54
Мехмед Сюрейя 198
Мехмед Тахир Мюниф 83, 214
Мехмед Ферид-паша 213
Мехмед Челеби Ёирмисекиз 18, 33
Мехмед Шериф 71
Мехмед Эмин 204
Мехмед Эсад 43, 58
Мехмед-бей (эфенди), журналист,
служащий Бюро переводчиков
83, 96, 97, 140—142
Мехмед-бей, кяхья Мустафы Фа-
зыл-паши 117

Мехмед-эфенди из Вана 25
Мехмед-эфенди, издатель «Саа-
дет» 213
Мидхат-паша 144, 151, 154, 155,
157, 162, 163, 168—170, 183, 186,
241, 244, 248, 270
Мизанджи Мурад 191, 192, 198,
203, 243—248, 255—259, 278
Мирхонд 51
Михран 190, 206, 207, 226
Мишо 8, 44, 45, 62
Мозаффереддин, шах Ирана 284
Монсей (библ.) 13
Мольер 88, 151, 165, 205, 208
Монтепен де, К. 206, 222
Монтескье 81, 88, 121, 182
Муаллим Наджи 195, 204, 208, 222,
223, 228, 232
Мурад см. Мизанджи Мурад
Мурад II 216
Мурад III 16, 26
Мурад V 146, 161, 162, 165, 168,
241, 249, 270
Муса Кязым 188
Мустафа, инженер см. Сеид Му-
стафа
Мустафа III 36, 37
Мустафа Бехчет-эфенди 85
Мустафа Джелальеддин 145
Мустафа Кемаль (Ататюрк) 227,
240
Мустафа Наима 30, 58, 88
Мустафа Нури 198
Мустафа Рагыб 282
Мустафа Рефик-бей 70, 81
Мустафа Решид-паша 73
Мустафа Фазыл-паша 80, 82, 94,
96, 117, 119, 121, 138, 141, 142,
144, 258
Мустафа-ага 27
Мустафа-паша Байрактар 297
Мустье 130
Мутеферрика см. Ибрагим Мутеф-
ферика
Мухаммед 22, 24, 36, 45, 103, 104,
109
Мухаммед Абдо 194
Мухаммед Али 43, 57, 241
Мухаммед Бухари 30
Мухаммед ибн Хасан Месуди 26
Мухаммед Маракешши 266
Мюнир-бей 213
Мюниф-паша см. Мехмед Тахир
Мюниф
Мюнеджимбаши 19
Мютерджим Рюштю-паша 161
Навои 54
Назмизаде Хюсейн Муртеза 26
Наима см. Мустафа Панма

Намык Кемаль 8, 10, 74—81, 83,
85, 88, 94—98, 118—121, 123, 124,
126—129, 131, 133, 136, 138—
142, 144—148, 151—158, 161, 163,
170, 182, 183, 185, 186, 202, 204,
208, 239, 242, 244, 253, 258, 276
Наполеон I 44, 198, 207
Наполеон III 91, 126, 129, 137, 155
Насрэддин, шах Ирана 248
Наум, владелец театра 49
Нафи-эфенди 172
Нахмес Д. 13
Нахмес С. 13
Неврес из Киркука 21
Неджиб Асым 201
Неджиб Мельхаме 264
Недим 19
Нессельроде 55
Нигяр-ханым 233
Николайс Д. 228—229, 259
Николай II 282, 283
Нишанджизаде 88
Нури Ахмед 259
Нури-бей см. Менапырзаде Нури-
бей
Омер Боснави 30
Онэ Ж. 206
Осман I 54
Осман III 32
Осман-бей, издатель 190
Осман Халим 199
Палмерстон 55
Патрона Халиль 26, 27
Петр I 55
Печеви см. Ибрагим Печеви
Питт 40
Понсонби 60
Прево 205
Пушкин А. С. 205
Пьетри 78
Ракоци II, Ференц 21, 23, 30
Рамбо А. 197
Расин 73, 88, 182
Рашид Мехмед 32, 33
Реджазаде Махмуд Экрем 75,
147, 148, 186, 187, 204, 208, 225
Редхауз 52, 200
Реган Ж. Э. 73, 195
Рефик 259
Рефик Невзад 242
Решад-бей см. Каязаде Решад-бей
Решид-бей 271
Риза-паша 216
Рикардо 89
Рифат Манастырлы 202
Рифат-бей см. Канипашазаде Ри-
фат-бей
Рифат-паша 51

Ришбург Э. 206
Россини 49
Рошфор 20
Руссо Ж.-Ж. 41, 88, 121, 124, 182,
208
Рюштю-бей 148
Рьё де 16

Саади 53, 207
Сабахеддин, принц см. Мехмед Са-
бахеддин
Савонаролла 98
Саид-бей 207
Саид Сермеди 78
Саид-эфенди 9, 18, 23, 24, 25, 27
Сами 33
Сами-бей см. Шемседдин Сами-
бей
Самипашазаде Сезаи 202, 204,
275—279, 286
Сарафян А. 152
Свифт Дж. 88
Себастеци, Микаэл 14
Сезаи см. Самипашазаде Сезаи
Сеид Мустафа 41
Селим I 15
Селим III 29, 34, 37—40, 48, 67,
297
Селим Сабит 182
Селим Фарис (Шидьяк) 242, 269
Селяники 88
Селяникли Назым 250
Сервет, Мигель 23
Скальери, Клеанти 241
Смирнов В. Д. 5, 87, 89, 145, 158,
159
Смит А. 89, 133
Солакзаде см. Мехмед Солакзаде
Сосюр де, С. 22
Суави см. Али Суави
Субхи 33, 58
Сулейман, сподвижник Мухамме-
да 104
Сулейман I Кануни 101
Сулейман Вахид 275
Сулейман Назиф 202
Сулейман-бей 172
Сули Ф. 206
Сэй 89
Сю Э. 206

Табари 51
Таксиль Л. 208
Талейран 55
Тамара В. С. 40
Тарбе Э. 206
Тарусизаде Мюниф 269; 273, 274
Тауфик, хедив Египта 241
Тахсин-паша 8, 176, 211, 223, 238
Тахсин Ходжа 154

Тевфик Невзад 234, 242, 260
Тевфик Фикрет 202, 204, 230
Теплов В. 98, 113
Тёкели, Имре 21—23
Тимур 26
Тихо Браге 29
Токатеци, Абгар 14
Толстой Л. Н. 182, 205, 224
Тотт де 36
Трикон Ш. 57
Туналы Хильми 259—260, 264, 268,
271
Тургенев И. С. 205
Тьер 153

Убичини А. 11, 14, 31, 47, 48, 50,
53
Уиллис Ч. 110—111
Успенский Ф. И. 228

Фазлы-бей 287
Фатьма Алие 233
Фёйе О. 206
Фенелон 88, 208
Феш П. 11, 168, 185, 211, 217, 234,
237, 238, 255, 259
Физули 53
Филип-эфенди 81, 82, 147, 148, 158,
213, 219, 221
Флобер Г. 205
Франклин Б. 207
Фридрих II 56
Фуад-бей (паша) 52, 130, 135

Хаджи Ахмед Енишехирли 172
Хаджи Халиль Унджу 47
Хаджи Хальфа см. Кятиб Челеби
Хайруллах-эфенди 54, 85, 88
Халет-эфенди 41
Халид Зия (Ушаклыгиль) 177, 186,
192, 201, 204, 234, 242
Халиль Ганем 243, 250, 251, 253,
254, 256
Халиль Муваффах 259
Халиль Хамид-паша 33
Халиль Шериф-паша 141
Халим-паша 241
Хамид Вехби 206, 207, 221
Хаммер И. 8, 19, 44, 48, 54, 182
Харун ар-Рашид 207
Хасан ибн Саббах 207
Хасан Субхи-эфенди 70
Хасан Фехми 173, 174, 182
Хафиз 53
Хафиз Саид 199
Хашим-паша 189
Хильмы Хаккы 161, 241, 269
Ходжа Исхак-эфенди 45, 46
Ходжа Кадри-эфенди 270
Ходжа Мухиддин-эфенди 270
Холдерман 26

Хондемир 19
Худяков Н. Н. 225
Хюсейн, издатель 190
Хюсейн Васфи-паша 141
Хюсейн Джахид (Ялчин) 226
Хюсейн Рахми (Гюрпынар) 185,
204, 206, 224, 226
Хюсейн Рыфкы 41
Хюсейн Сийрет (Озсевер) 202, 265
Хюсейн Хильми 235
Хюсю-паша 117

Цезарнак см. Сосюр де, С.

Челебизаде Исмаил Асым 19, 30,
33
Черчилль А. 72
Черчилль У. 47, 55, 60, 61, 72, 83,
145
Чихачев П. А. 116
Чофлер 53
Чирюксулу Ахмед 248, 257, 259

Шадле-ханым 233
Шакир 33

Шанизаде Атауллах 42, 85, 86
Шекспир В. 182, 205
Шемседдин Сами-бей 156, 158,
200, 206
Шерифеддин Магмуми 257, 260
Шефик 257, 259
Шиллер 182, 205
Шинаси см. Ибрагим Шинаси
Шлехта-Вшерд О. 8, 44, 54
Штраус И. (отец) 49
Шуури Хасан-эфенди 30

Эбуззия Тевфик 147, 151, 152, 156,
157, 161, 190, 202, 204, 206—208
Эвклид 16
Эвлия Челеби 51, 198
Эдхем Рухи 260, 265, 267, 268
Эзоп 207
Эмир Арслан 243
Эмруллах-эфенди 242
Энгельс Ф. 5, 114, 115, 131, 294
Эсад-эфенди 19

Юар К. 8. 181. 190—191, 201, 205

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Начальный этап книгопечатания в Турции	13
Глава II. Турецкая печать эпохи реформ конца XVIII — середины XIX в.	35
Глава III. Зарождение частной турецкой прессы (60-е годы XIX в.)	68
Глава IV. Вольная пресса «новых османов»	96
Глава V. Турецкая печать в период борьбы за конституцию и деятельности парламента (1870—1878 гг.)	143
Глава VI. Положение печати в «эпоху зулюма» (1878—1908 гг.)	175
Глава VII. Вольная пресса младотурок в борьбе против феодально-деспотического самодержавия (1895—1908 гг.)	239
Заключение	292
Список использованных источников и литературы	300
Указатель газет и журналов	311
Указатель имен	314

Анатолий Дмитриевич Желтяков

ПЕЧАТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТУРЦИИ

(1729—1908 гг.)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *М. И. Штемпель*

Художник *А. Г. Кобрин*

Технический редактор *М. В. Погоскина*

Младший редактор *Ю. М. Сабсай*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Корректор *Л. И. Письман*

Сдано в набор 22/V 1972 г. Подписано к печати 9/VIII 1972 г.
А-10077. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага № 1. Печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 21,8.
Тираж 1500 экз. Изд. № 3008. Зак. № 623. Цена 1 р. 80 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

